

Р.М. Шамионов, А.А. Голованова

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
ЛИЧНОСТИ

Издательство «Перо»

2017

УДК [316.6:159.923] (082)

ББК 88.52 я43

Ш19

Шамяонов Р.М., Голованова А.А.

Ш19 Социальная психология личности: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Издание 2-е, дополненное и переработанное. – М.: Издательство «Перо», 2017. – 300 с.

ISBN 978-5-00122-012-1

Учебное пособие представляет собой системный курс социальной психологии личности и группы, построенный на основании государственного образовательного стандарта и включающий как известные, так и новые оригинальные толкования явлений с позиции социализации личности. Рассматриваются проблемы феноменологии личности, социализации, общения, креативности, субъективного благополучия. Пособие содержит необходимый материал для проведения практических занятий, вопросы и методические материалы, которые имеют непосредственное отношение к практической работе в школе.

Для студентов психологических специальностей и магистрантов, а также практикующих психологов и социальных педагогов в сфере образования.

Рекомендуют к печати:

Кафедра социальной психологии образования и развития
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Доктор психологических наук, профессор *Е.В. Рягузова*

УДК [316.6:159.923] (082)

ББК 88.52 я43

ISBN978-5-00122-012-1

© Шамяонов Р.М., Голованова А.А., 2017

Введение

Социальная психология личности – относительно молодая область психологического знания. Но сегодня столь широкое обращение к ее проблематике, всевозрастающий объем эмпирических данных, получаемых в результате исследований в разных сферах, позволяет судить о ее востребованности как отдельными институтами, так и обществом в целом. Особенно в ней нуждается система образования, практически на всех уровнях которой действуют закономерности и механизмы социального поведения личности, выявляемые и объясняемые в русле социальной психологии личности – будь то учение и обучение, или система педагогического общения – практически все сферы отношений в рамках института образования задействуют личность социально-психологически. Важно не только уважительно относиться к личности ребенка, образовывать его, развивать его способности, но и воспитывать в нем идеалы духовности, гуманизма, высокой нравственности, стремление к самореализации, желание и умение быть конструктивным и эффективным в системах отношений «личность – общество», «личность – группа», «личность – личность», наконец, помочь стать субъектом.

С другой стороны, социальная психология личности в системе образования способствует изменению «философии образования» в целях гуманизации систем отношений и формирования «самоэффективной» личности – личности, не только способной к самоуправлению и саморазвитию, но и обладающей общим стержневым качеством – общественной успешностью (социальной, личностной, деятельностной).

Данное учебное пособие предназначено для студентов психолого-педагогических и педагогических факультетов вузов и учителей. В его основе лежат материалы лекций и практических занятий, проводимых на различных

факультетах Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, а также собственный эмпирический материал авторов.

Мы много внимания уделили общим вопросам психологии личности, рассмотрев понятия, некоторые подходы к структуре личности, социализации, так как они способствуют пониманию тех проблем, с которыми сталкиваются студенты при изучении социальной психологии личности. Это своего рода методология той практической социальной психологии личности, в которую мы «окунаемся» вместе с нашими учениками, каждый раз переживая определенный этап развития (хотелось бы подчеркнуть, что мы и интересны им тем, что «не застряли» на этом этапе, а продолжаем развиваться, осваиваем «так же, как и они» что-то новое, и не только пытаемся их научить, но, и учимся сами). Представленные точки зрения разных ученых большей частью не противоречивы, и мы надеемся, что такой взгляд поможет лучше понять освещенные вопросы.

Социально-психологические феномены личности рассмотрены широко с целью как можно большего охвата явлений, имеющих непосредственное отношение к школьной жизни и ранее не представленные в систематических курсах. Круг традиционной тематики расширяется за счет рассмотрения сравнительно новых и интенсивно развивающихся научных направлений, таких как формы и механизмы социального познания, коммуникативная креативность; анализируются имеющиеся источники, приводятся эмпирические данные, учитываются результаты новых исследований. Поэтому материал, представленный в этом блоке пособия, раскрывает не только характеристики личности, но и ее интегральные образования, во многом обусловленные процессом социализации и сами непосредственно оказывающиеся в сердцевине этого процесса.

Достаточно подробно мы осветили вопросы, касающиеся социализации личности, оперевшись на многочисленные исследования многих отечественных психологов и собственные изыскания.

Личность в общении – один из традиционных разделов социальной психологии личности. В данном пособии она представлена с позиции многочисленных связей, отношений и детерминант. Различные точки зрения теоретической разработки проблемы личности в общении и прикладного характера материалов позволят студентам более полно представить все многообразие возможностей позитивного общения с субъектами образовательного процесса.

Традиционно в социальной психологии личности рассматриваются вопросы взаимоотношений личности и группы, и мы уделили им некоторое место, представив материал о положении личности в группе, возможностей его изменения, самочувствия личности в группе.

Наконец, немало места уделено в пособии проблеме субъективного благополучия личности, поскольку в основе этого феномена лежат социально-психологические явления личности. Несмотря на то, что проблематика субъективного благополучия личности приобрела широкую известность, до сих пор в учебниках она не получила достаточного освещения. Мы исходим из идеи детерминированности субъективного благополучия всей историей социализации личности.

Данное пособие содержит широкий круг теоретических вопросов, изложенных в пяти разделах, в конце каждого раздела приведены контрольные вопросы, литература для самостоятельной работы. Это особенно важно в связи с необходимостью самостоятельной работы над теоретическим материалом. Авторы планируют в ближайшее время издать и учебно-методический комплекс по изложенной в пособии проблематике.

Авторы надеются, что данное пособие окажется востребованным студентами психологических и педагогических специальностей очных и заочных (дистантных) отделений вузов в изучении учебного курса «Социальная психология» и окажет реальную помощь в решении некоторых проблем психолого-педагогической практики.

Профессиональное становление человека всегда связано с со-бытием, со-действием с другими. Усвоение знаний, добытых человечеством, а также само становление личности осуществляется во многом благодаря людям, которых мы называем своими учителями. Авторы данного учебного пособия считают своим приятным долгом выразить искреннюю признательность своим учителям и коллегам.

Учебное пособие подготовлено преподавателями Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского:

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедры социальной психологии образования и развития – разделы 1, 2, 6, 3 (3.1, 3.4, 3.5, 3.6, 3.7, 3.8, 3.9, 3.10, 3.13).

Голованова Анна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития – разделы 4, 5, 3 (3.2, 3.3, 3.11, 3.12).

Введение написано совместно А.А. Головановой и Р.М. Шамионовым.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Изучение любого явления предполагает две основные цели – получение новых знаний и их практическое применение, и, конечно же, развитие и пополнение теории – обобщенного и объективного знания относительно системы изучаемых явлений.

Представление о методологии науки составляет существенную часть познания, поскольку она является исходно базовой сферой построения и реализации системы знания. Это тот базис, на основе которого возможно определение целостности, структурной непротиворечивости науки. Споры о методологическом выборе существенны уже потому, что составляют предмет веры, доверия, истинности научного знания. Мы не претендуем на исчерпывающее заключение и даже обзор, но обозначим те системы отсчета, которым следуем в процессе своих изложений.

Социальная психология личности – часть социально-психологической науки, ее предметная область и методология имеет общую с психологической наукой и свою специфичную составляющие. Эта связь позволяет использовать применительно к специфичному предмету все богатство психологической вообще и социально-психологической науки, в частности. Не исключается и социологическое и педагогическое знание.

Социальная психология возникла на стыке двух наук – психологии и социологии. Поэтому в свою предметную область она закономерно включила проблематику психологии и социологии. Памятуя о том, что проблема предмета остается актуальной до сих пор, определим наиболее общие представления о предметной области социальной психологии личности.

Одна из важнейших проблем современной социальной психологии личности заключается в ее сближении с позитивной психологией (М. Селигман, Э. Динер, М. Чиксентмихайи, Э. Дисси, Р. Райан, Д.А. Леонтьев и др.) – направлением, нацеленным на изучение оптимального функционирования человека и этической психологией (М.И. Воловикова, В.А. Лабунская, Л.М. Попов, Т.В. Бескова и др.). В соответствии с идеями позитивной психологии, многие проблемы психологии повседневности могут быть раскрыты сквозь призму их позитивных ресурсов, даже если они иногда кажутся недо-

статочны приятными. Исследователи в области позитивной психологии фокусируются на ряде близких вопросов – субъективного и психологического благополучия, самодетерминации, творчества и оптимального переживания, счастья и т.д. Не вдаваясь в рассуждения о специфике различных подходов, отметим, что явления, рассматриваемые в русле данного направления концентрируются вокруг того состояния, которое можно отнести к оптимальному функционированию в его (прежде всего) субъективной интерпретации. Не взирая на, казалось бы, индивидуалистичность, субъективность оценок тех или иных переживаний, оценку оптимальности функционирования личностью, они являются производными от социально-психологических процессов, стержневым из которых выступает социализация. Это связано с тем, что, во-первых, в процессе социализации личность усваивает большинство критериев оптимальности, их допустимость, возможность и необходимость; во-вторых, эффектами социализации являются те интегративные образования личности, которые направляют бытие человека в определенные русла – автономия, позитивность, социальность и пр. Наконец, социализация личности выступает основой культурной ориентации личности, из которой следуют особенности адаптации человека в окружающей социальной ситуации.

1.1. Проблема личности в социальной психологии

Социальная психология личности как предметная область социальной психологии оформилась относительно недавно. Однако изначально социальная психология начиналась именно как психология личности. В работе У.Мак-Даугалла поставлена проблема объяснения того, как «...людям, управляемым разнообразными импульсами, удастся поступать так, как они должны, т.е. морально и разумно» (Мак-Даугалл, 1916. С.7); признавая огромную роль социальной среды в формировании «духовного склада человека» (Мак-Даугалл, 1916.1. С.12).

Изучение личности человека как представителя определенных групп, включенного в различные отношения и порождающего их, становится сегодня важнейшей задачей социальной психологии, востребованным как в смежных науках (клинической психологии, социологии, политологии и пр.), так и психологической (и не только) практике. В отечественной и зарубежной психологии накоплен богатый материал по проблематике социальной психологии личности, оформились подходы к исследованию личности. Однако, как замечают многие исследователи, сохраняется дисбаланс эмпирических и теоретических исследований, в результате которого остаются нерешенными ряд важных теоретических проблем. Вместе с тем, для разработки важнейших проблем в современной социальной психологии личности требуется сближение различных подходов, направлений и школ, а также выход на междисци-

плинарный уровень анализа на пересечении, прежде всего, психологического, культурологического и естественнонаучного.

Проблема предмета и объекта социально-психологического изучения личности до сих пор стоит перед психологами достаточно остро, так как от ее разрешения зависит, что и как будет исследовать социальный психолог, и какова ориентация (специфика) получаемых результатов применительно к теории отрасли.

Анализируя проблему исследования личности в социальной психологии, Г.М. Андреева, разделяет одну из основных позиций К.К. Платонова в дискуссии о предмете социальной психологии, и понимает под задачей психологии именно исследование личности. При этом, естественно, акцентируются социально-обусловленные характеристики личности, формирование в ней определенных качеств в результате социального воздействия и, конечно же, социализации. Вместе с тем К.К. Платонов достаточно четко отметил, что личность – это лишь один из объектов социальной психологии. Специфика социально-психологического исследования личности, по К.К. Платонову, может состоять в изучении взаимодействия явления, обозначаемого термином «личность» с другими явлениями, изучаемыми социальной психологией.

Е.С. Кузьмин считал, что специфика социально-психологических явлений, в том числе и личности, может быть понята через социальную детерминацию довольно высокого уровня. Им рассматриваются три уровня социальной детерминации (Кузьмин, 1967). На первом уровне социальное лишь корректирует природное и биологическое; на втором – исторические условия носят общечеловеческий социально-демографический характер; и на третьем – социально-экономические и политические условия становятся решающими причинами социализации личности, формирования ее ближайшего окружения и включения ее в более широкие общности. Существенное место в социально психологических явлениях отводится связанным с личностью диспозиционной структуре, отношениям, ценностным ориентациям, ролям, восприятию и пониманию людьми друг друга.

В основе социально-психологического изучения личности, по Е.В. Шороховой, лежит характеристика социального типа личности как специфического образования, продукта социальных обстоятельств, ее структуры, совокупности ролевых функций личности, их влияния на общественную жизнь. При этом основными задачами являются исследование социальной детерминации психического склада личности; социальная мотивация поведения; классовые, национальные, профессиональные особенности личности, проблемы внутренней противоречивости личности и пути ее преодоления, самовоспитания и т.д.

В настоящее время в социальной психологии отчетливо выделяется идея соединения социологического и общепсихологического подходов к рас-

смотрению личности (Б.Д. Парыгин, В.А. Ядов, С. Московичи и др.), с одной стороны, и имеется попытка определения собственно социально-психологического подхода (Г.М. Андреева, В.А. Лабунская, В.Н. Куницына, Е.В. Шорохова, А.В. Петровский и др.) – с другой.

Вместе с тем разгораются споры относительно понимания как самих этих подходов, так и «удельного веса» их включения в социально-психологический.

Так, по В.А. Ядову, социология исследует личность с позиций ее индивидуализированных, деперсонифицированных свойств в качестве определенного социотипа – то общее, что привязывает личность к социальной группе, а не особенное, то есть как субъекта исторического социально-экономического процесса (Ядов, 1979. С. 79). Это отлично от специфики общепсихологического изучения личности (по Е.В. Шороховой) – как носителя совокупности психологических свойств и качеств, определяющих социально-значимые формы деятельности и поведения.

В.А. Ядов предлагает определить предмет социальной психологии личности как конкретно-историческое исследование особенностей психических свойств и внутренней структуры личности как субъекта социальных отношений, взятого в определенных социально-конкретных обстоятельствах. Конкретизируя внутренние психологические структуры, он говорит о мотивации, ценностных ориентациях, социальной установке и других «диспозиционных» образованиях.

С точки зрения Г.М. Андреевой рассматриваемая специфика заключается в том, что «...социальная психология ... выясняет, каким образом, то есть, прежде всего, в каких конкретных группах, личность, с одной стороны, усваивает социальные влияния (через какую из систем деятельности), а с другой – каким образом, в каких конкретных группах она реализует свою социальную сущность (через какие конкретные виды совместной деятельности)» (Андреева, 2001. С. 110). Отличие от социологического подхода ею видится в том, что она выявляет, каким образом сформировались социально-типические черты, а от общепсихологического – в том, что рассматривает поведение и деятельность «социально-детерминированной личности» в конкретных реальных социальных группах, индивидуальный вклад каждой личности в деятельность группы, причины (которых может быть два рода – коренящихся в характере и уровне развития групп, в которых личность действует, и находящихся в самой личности), от которых зависит величина этого вклада в общую деятельность. Однако не вполне понятным оказывается место отношений в позиции автора, включая и субъективные.

По мнению Б.Д. Парыгина, специфика социально-психологического изучения личности состоит в раскрытии всей структурной сложности личности, которая является одновременно как объектом, так и субъектом обще-

ственных отношений. Такое понимание специфики социально-психологического анализа личности является, на наш взгляд, вполне адекватным и «предусматривающим» достаточно широкое «поле деятельности» для социального психолога. Вместе с тем этот подход обнаруживает немало критики. Так, Г.М. Андреева полагает, что он неправомерен постольку, поскольку эта идея не может быть воплощена только в социально-психологическом подходе к личности. То есть, в процесс такого изучения могут быть включены и общая психология, и другие отрасли. Между тем к изучению проблематики социальной психологии личности требуется комплексный подход.

Специфика социально-психологического изучения личности, по В.В. Новикову, состоит в рассмотрении социально-детерминированной личности, где главным ориентиром является взаимоотношение личности с группой, изучение общественно обусловленной структуры личности, значения общественных ситуаций для проявления ее направленности.

Таким образом, в понимании предмета мнения исследователей заметно расходятся, и вопрос остается открытым. Вместе с тем понятно, что социально-психологическое изучение личности предполагает прежде всего исследование того, как происходит социализация личности, и как она объективирует свою сущность.

Говоря о методологических проблемах социальной психологии, исследователи чаще всего акцентируют внимание на связи с общепсихологической методологией и спецификой социально-психологического исследования. Так, кроме общих принципов и подходов (комплексный, системный, личностный), в нее включаются категории, имеющие методологическое значение (общественные отношения, образ жизни, общение, деятельность) и принципы «общественного движения».

Традиционно в социально-психологическую проблематику личности включают проблемы социализации и ее институтов, то есть посредством каких групп осуществляется влияние общества на личность, проблемы социальной установки, социально-психологических качеств личности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

За последнее столетие в отечественной науке сложился ряд теоретических подходов, имеющих принципиальное значение для разработки проблем социальной психологии личности.

С.Л. Рубинштейном и Б.Г. Ананьевым разработан процессуальный подход к анализу личности. Согласно С.Л. Рубинштейну, личность понимается как основание, интегрирующее все психические процессы, свойства и состояния, позволяет взглянуть на личность как *универсальное* образование, оптимизирующее все психические явления и в то же время само определяющееся ими. Очень важное заключение С.Л. Рубинштейна о «самоценности» психи-

ческого начала в духовной жизни личности и «возвращении» личности её переживания дает возможность рассматривать проблему становления личности в единстве с её, личности, *переживанием и отношением*, которые находят свое воплощение в удовлетворенности собой, жизнью, отношениями, трудом.

С.Л. Рубинштейн особо подчеркивает, что личность проявляется и формируется в деятельности, она и предпосылка, и результат её деятельности, следовательно, различные аспекты поведения не только являются проявлениями личности, но и способствуют её становлению. В деятельности «... основные свойства ... смыкаются в единстве личности» (Рубинштейн, 1989. С. 102), взаимодействуя и взаимопроникая друг в друга. Конкретизируя эти положения С.Л. Рубинштейна можно говорить о становлении в особой целостности-личности, включающей в себя взаимозависимые, пусть даже амбивалентные свойства, обусловленные самим процессом социализации в обществе с его противоречиями и противоположностями. В целом, подход С.Л. Рубинштейна отличается спецификой разнонаправленных обусловливающих личности и отвергает «абсолютизацию» какой-либо одной детерминанты.

Б.Г. Ананьев рассматривает проблему личности с точки зрения жизненного пути в **комплексном подходе** к изучению человека.

Концепция Б.Г. Ананьева предполагает, что характеристики личности раскрываются через общественные отношения и определяемые ими функции. Любые свойства человека как субъекта (носителя активности) и свойства человека как индивида (биологические и психологические) могут быть включены в любые из социальных связей, считает Б.Г. Ананьев. Множество социально-психологических свойств личности определяет то, что личность – современник определенной эпохи, занимающий определенное положение в обществе, субъект общественно-политической деятельности, современник определенного поколения, член семьи. Она характеризуется определенной национальностью и примыкает к её культуре. Иначе говоря, личность как общественный индивид характеризуется мотивами и общественными функциями, которые обусловлены нормами морали и права, эталонами поведения, выполняемыми ролями, индивидуально-типическими особенностями. Однако социальное формирование человека не ограничивается формированием личности, в его процессе происходит становление субъекта познания и деятельности.

Подход к анализу личности как **системы отношений** предложен В.Н. Мясищевым. Он считал, что единство и многообразие личности раскрываются через взаимосвязь и многообразие отношений. Это требует выделения в структуре личности доминирующих отношений, характеризующих её направленность (отношение к людям, себе, к предметам внешнего мира), – считает В.Н. Мясищев. В его понимании, качественная составляющая становления личности заключается в превращении персонального отношения в

принципиальное, при котором происходит переход к самостоятельному действию. Иначе говоря, постепенный переход (развитие) отношения к свойству личности и есть суть её становления.

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского занимает по праву ведущее место в отечественной психологии личности. Личность незримо присутствует в процессе культурного развития человека, – считает Л.С. Выготский (Выготский, 1983). В его работах прослеживается мысль о необходимости изучать человеческую личность в комплексе его высших психических функций.

Воззрения Л.С. Выготского на природу личности стали своего рода идеологией (поскольку они носили общий характер) для многих последующих психологов, которые не только «выступали» в рамках его концепции, но стали продолжателями идей, создали новые теории.

А.Н. Леонтьев, разрабатывая концепцию психологической теории деятельности, особо акцентировал внимание на некоторых проблемах личности. Выражение А.Н. Леонтьева: «личность – это особое качество, которое приобретает индивидом в обществе ...», является отправной точкой для всей теории деятельностного опосредования личности. Считается, что в основании личности лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития. По мнению А.Н. Леонтьева, личность не предшествует деятельности, она порождается ею. Это говорит о том, что личность может выступать и условием, и продуктом деятельности.

Его положения о смысловых образованиях личности впоследствии усилиями группы сотрудников А.Н. Леонтьева были сформулированы в виде концепции, в которой задача психологического изучения личности состояла в «исследовании того, ради чего и как использует человек» из фонда врожденного ему и приобретенного им.

Центральное звено этой концепции, как подчеркивает А.В. Петровский, понятие личностного смысла как индивидуализированного отражения отношения личности к тем объектам, ради которых развертывается ее деятельность. Основная характеристика личностных смыслов – это зависимость от места человека в *системе общественных отношений*, социальной ситуации развития. Считается, что для разработки проблемы личности наиболее существенным является принцип деятельностного опосредования. Исследование и трансформация смысловых образований возможны в том случае, если изменить систему деятельностей, порождающих эти образования. Иначе говоря, речь идет об иерархии деятельностей, осуществляющих жизнь личности в разноразличных системах общественных отношений, в социальных группах.

Практически все крупнейшие отечественные исследователи внесли свой вклад в разработку **«деятельностного» подхода** – теории, рассматривающей психологию как науку о порождении, функционировании и структуре психи-

ческого отражения в процессах деятельности индивида, хотя, как показано выше, и разрабатывали другие направления. Мы активно поддерживаем понимание того, что основанием системы, которое определяет развитие и функционирование личности, является предметная деятельность. Именно анализ системы деятельностей, в которых осуществляется жизнь человека в социуме, может привести к раскрытию личности как многоуровневого системного образования.

«**Личностный подход**», предложенный К.К. Платоновым и Е.В. Шороховой, предполагает введение личности в предмет социальной психологии, изучение того, в каких особенностях психического склада личности проявляется социальность человека, так как, по К.К. Платонову, в любом из явлений изучаемом социальной психологией всегда присутствует и проявляется личность. Конкретизация этого подхода прослеживается и в работах К.А. Абульхановой-Славской и В.В. Новикова. Основной тезис заключается в том, что личность в общественных отношениях выступает во всей своей целостности, неотрывной от своих состояний и психических явлений.

Личность как субъект деятельности рассматривается в работах К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, Л.А. Головей и др. Считается, что личность проявляется и формируется в деятельности и в своем отношении к деятельности. Выступая как субъект жизнедеятельности, личность включается в закономерность причин и следствий общественной роли, развиваясь и изменяя ход общественных событий. Важнейшей особенностью личности как субъекта деятельности К.А. Абульханова-Славская считает возможность изменения позиции личности по ходу осуществления деятельности. Отсюда делается вывод о том, что, учитывая отношение личности к своей деятельности, можно определить не только меру активности личности, но, в первую очередь, то, какие возможности она предоставляет для развития личности. Вместе с тем четко формулируется *методологическая задача*, согласно которой психология, рассматривая внутренние механизмы развития личности, этапы становления, должна основываться и учитывать *социальные условия и цели становления личности*. Методологический анализ заключается в том, чтобы «выявить механизм или способ (или *«персонификацию»* (курсив мой, – Р.Ш.)) воздействия социальных условий на личность» (Абульханова-Славская, 1980. С. 117). Иначе говоря, здесь закладывается, на наш взгляд, один из основных значимых принципов социально-психологического изучения становления личности в процессе ее социализации, а «персонификацией» может служить рассмотрение институтов социализации в их диалектике.

А.А. Бодалев подчеркивает, что личность выступает как выразитель общечеловеческих ценностей, реализуя которые, человек усиливает свою «личностность». «Самотворение» личности человеком осуществляется через интенсивную работу его внутреннего мира, в результате чего принимаются

решения, претворяющиеся в поступках, приумножающих основные ценности жизни.

Таким образом, специфика социально-психологического изучения личности заключается не только в исследовании личности, включенной во все многообразие социальных связей и отношений, но и ее субъективной картины мира, многообразии субъективных отношений, включая репрезентацию объективных отношений, конструирование объективной и субъективной реальности, совокупности переживаний и отношения к явлениям жизни, объективному миру и себе.

За последние десятилетия активизация социальных психологов способствовала увеличению основных направлений в социально-психологической теории личности. В первую очередь, это разработка концептуальных основ теории личности и ее методологии. Это позволило усилить научную базу социально-психологических исследований.

Работы по социальной психологии личности в образовании, особенно актуальные в последнее время, позволяют привлечь социальную психологию с ее аппаратом, классической теорией и современными концептуальными разработками к «контролируемой» социализации – воспитанию и обучению, а также, что в не меньшей степени важно, осуществлению социально-психологической поддержки управленческих, образовательных и персонифицированных систем в сфере ученик-ученик, ученик-учитель, ученик-родитель и т.п.

Психология общественной сферы, менталитета и этноса явились предметом изучения целой плеяды социальных психологов, убедительно показавших значимость общественных институтов социализации в поведении и деятельности личности, его самоощущении и идентификации. Одна из важных проблем здесь является изучение взаимовлияния этнических и образовательных потребностей личности.

Социально-психологическая теория личности руководителя, теория групп и соответствующие связи личность-группа, исследования социально-психологических процессов в трудовой и профессиональной деятельности, теория развития и саморазвития, самодеятельности в процессе социализации и многие другие разрабатывались в последние десятилетия XX века.

Разработка теоретических проблем социальной психологии личности связана и с решением практических задач в русле образования, управления, политики и т.д. Изучение проблем личности требует учета всей совокупности факторов влияния и взаимовлияния социальных феноменов. Следовательно, особому детальному изучению подлежит и социальная культура, «профессиональная культура», этническая культура, институты социализации и т.д. В силу того, что личность проявляется в поведении и деятельности, возникает

необходимость в изучении соответствующих составляющих жизнедеятельности.

Иначе говоря, возникает необходимость изучать не отдельное проявление личности, но комплекс этих проявлений, особенностей различных систем влияний и взаимовлияний. Основой такого изучения должна стать целостная социально-психологическая теория личности, включающая методологию исследования, принципы, на основе которых были бы возможны анализ, интерпретация и обобщение конкретных эмпирических данных. В этом случае теоретическая концепция выступает своего рода системой отсчета, системой счисления, говоря образно, для любого конкретного изучения личности или группы.

1.2. Личность и ее детерминанты

ПОНЯТИЕ Разнообразие употребления понятия «личность» не только в обыденном сознании, но и в науке стала уже настолько очевидной, что, прежде чем употреблять, в различных текстах часто прибегают к его определению. Порой действительно сложно понять, о чем же на самом деле идет речь – то ли о человеке (антропологический подход), то ли об индивидуальности, социальной сущности, биосоциальном феномене, субъекте, выдающемся человеке (обыденное сознание) и пр.

За недлительную историю существования это понятие претерпело разного рода изменения, обозначая то маску, то человека низшего сословия, то индивидуальность. До сих пор нет и единого его научного толкования. И хотя философы, психологи, социологи, историки всегда ставили личность на центральную позицию в своих многочисленных исследованиях, её понимание заметно отличается в связи с различиями в предмете изучения. Сложность и широта круга проблем, охватывающих личность, приводят ко многим дискуссиям вокруг этого понятия и его содержания. Рассмотрение его в связи с другими образованиями человека с использованием данных смежных наук является также перспективным: Б.Г. Ананьев призывал выходить за пределы психологической науки для решения проблемы человека и личности.

В различных подходах психологов доминантой в определении личности становятся различные основания, которые во всей своей совокупности и способствуют наиболее адекватному его пониманию. Так, в одних концепциях понятие «личность» подразумевает конкретного человека как члена общества, имеющего определенные права и обязанности (что ближе к социологическому пониманию), наделенного сознанием – у А.Г. Ковалева или, достигшего определенного уровня развития – у Л.И. Божович или «как субъект преобразования мира на основе его познания, переживания и отношения к нему» – у

К.К. Платонова. В других – основной акцент уделяется идеальным качествам или явлениям, как, например, у Г. Олпорта – это явление, производное от той широкой системы объективных связей, в которой она (личность) формируется. У А.В. Петровского – это качество индивида, определяемое включенностью в общественные отношения и формирующееся в совместной деятельности и общении. В третьих – личность рассматривается в единстве индивидуальных и социальных характеристик, как, например, у Б.Г. Ананьева и А.Н. Леонтьева, к чьим взглядам мы обратимся позднее. Наконец, личность рассматривается через систему ее черт, как это было у Р. Кеттелла и Г. Айзенка, представивших двуполярные описания разных черт. Общим сходством подавляющего большинства концепций является социальное происхождение и обусловленность личности, и в этом смысле вопрос стоит лишь в том, считать ли её только «социально-биологическим» или «биосоциальным» явлением, хотя и эти разногласия могут быть преодолены в рамках той или иной методологии.

Таким образом, если принять во внимание факт социального происхождения и соответствующей детерминации личности, то можно сделать вывод о том, что её становление – суть преломления социальных воздействий. Так или иначе, человек – есть биосоциальное существо, в котором биологическое и социальное взаимодействуют при ведущей роли последнего, психические процессы и свойства связаны опосредованными диалектическими отношениями, она характеризуется целостностью и определенным эмоционально-ценностным отношением к своей активности, социуму и самому себе. Становление личности *непрерывно* осуществляется не на основе только психофизиологических или только индивидуальных свойств, но в их взаимодействии, причем предпочтения в детерминировании могут меняться в зависимости от уровня «насыщения» различных факторов. Личность и становится таковой (воздействующей на окружающую действительность,.. управляющей своим поведением и деятельностью,.. способной к саморазвитию), не столько в результате «впитания» социальных воздействий, сколько в результате их преломления и многих опосредований через индивидуальную сферу и, в общем-то, «личностную» одновременно.

Само понятие личности включает категорию «общего», которая проявляется в том, что в результате социализации индивид приобретает «человеческий» унифицированный опыт. Это позволяет *понимать* других, делает его немного «похожим» на других, но, понятно, ни в коем случае, не сводится к ним. Оно включает и категорию «частного», поскольку все «общее» так или иначе становится достоянием конкретного человека и используется в конкретных ситуациях межличностных и внутриличностных отношений.

ДЕТЕРМИНАНТЫ

Что же лежит в основе приобретения человеком своего социального содержания, того, что позволяет называть его личностью? Естественно, социальное взаимодействие, в результате которого различные детерминанты актуализируются и создают соответствующие предпосылки. Детерминанты¹ личности имеют системное строение, они «включают не только причины, но также внешние и внутренние факторы, общие и специальные предпосылки, опосредующие звенья» (Ломов, 1976). Каждая *детерминанта* находится в определенных отношениях другими и составляет в своей совокупности общую ее структуру. Например, биологические детерминанты занимают в этой иерархии основание (биологическая подструктура, по К.К. Платонову), детерминанты индивидуально-личностных свойств – следующую ступень, детерминанты социального опыта – следующую и т.д. Соотношения между детерминантами личности складываются по-разному в зависимости от этапа, уровня и степени социализации.

Таким образом, детерминантами могут быть разные образования личности. Обычно их рассматривают с точки зрения категорий «внешние» и «внутренние», но с учетом определенной специфики их содержания. Проблема соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии долгое время занимала одно из центральных мест. В первую очередь эта проблема встает в связи с приматом «биологического» (внутреннего) или «социального» (внешнего) в детерминации развития. Целые направления в психологии отдавали предпочтение тому или иному определению личности. Так, теории научения (Д.Б. Уотсон, Б.Ф. Скиннер, А. Бандура и др.) подчеркивают, что развитие личности следует законам научения и определяется в основном событиями внешней среды. Фрейдизм придает особое значение детерминизму внутренних влечений, хотя у неопрейдистов это положение существенно изменено (например, у Э. Эриксона наряду с удовлетворением инстинктов как движущей силы развития большое значение придается интегрированию опыта). Необходимо признать, что во многих направлениях психологии второй половины XX в. обнаруживается плюрализм в оценке этого соотношения. В последнее время наблюдается некоторое снижение интереса психологов к проблеме соотношения «внутреннее – внешнее». Западные психологи все больше отдают на откуп эту проблему философам. В России наблюдаются те же тенденции. Кроме К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, В.Э. Чудновского и др. этой проблемой практически не занимаются.

Сегодня, пожалуй, уже не найдется психолога, который настаивал бы на доминировании (приоритете) какого-либо одного фактора в качестве главного элемента, лежащего в основе развития личности (поведения). Однако в рас-

¹Детерминанты личности – это совокупность условий, факторов, предпосылок, свойств, определяющих средств ее становления и функционирования.

смотреии соотношения влияния этих факторов до сих пор имеются серьезные расхождения.

Существование фундаментальной связи между внешним и внутренним, бытием в мире и индивидом во всей его неповторимости объясняется, по мнению К. Ясперса, несколькими позициями с точки зрения уровневоего и качественного анализа. Так, на физиологическом уровне – это связь стимула и реакции, феноменологическом – интенциональная связь «Я» и предметного мира (субъекта и объекта). Жизнь, в его представлении, проявляет себя ни как иначе как обмен между внутренним и окружающим миром. К. Ясперс полагал, что врожденные потенции могут стимулироваться *средой и принимать под его воздействием ту или иную форму*, либо сохраняться в латентном состоянии вплоть до полного угасания. Факторы среды формируют бытие индивида и сами, в свою очередь, испытывают воздействие с его стороны.

Исследуя проблему соотношения «внешнего и внутреннего», В.Э. Чудновский делает вывод о двойственности в понимании этого соотношения: «... с одной стороны, подчеркивается значимость внутренней детерминации деятельности субъекта, с другой – имеет место отношение к субъекту как, в основном, к результату интериоризации общественного опыта».

Представляется важным и конструктивным отказ психологов от понимания становления личности как лишь «присвоения» общественного опыта (посредством интериоризации или какого-либо другого механизма), и, в первую очередь, отказ от тезиса: «Внешнее определяет внутреннее». Это было оговорено еще С.Л. Рубинштейном, в понимании которого *только* внешняя детерминация влечет за собой внутреннюю пустоту.

В.Э. Чудновский подчеркивает, что внешнее зависит от внутреннего не только в том смысле, что всякое внешнее воздействие реализуется лишь через внутреннее, но и более непосредственно – внутреннее имеет и свой, непосредственный, источник активности и развития. Активность «внутреннего» проявляется в субъектности личности. В работах В.Э. Чудновского предлагается оригинальный подход к соотношению «внешнего» и «внутреннего» посредством определения «ядра субъективности», становление которого выражается, по его мнению, в изменении соотношения между «внешним» и «внутренним»: от преимущественной направленности «внешнее через внутреннее» к все большему доминированию тенденции «внутреннее через внешнее». Иначе говоря, в процессе развития личность все более ориентируется на свой внутренний мир, функционирующий на основе самоорганизации: возникают механизмы, позволяющие менять структуру психологической организации индивида, придавать ей не только «гибкость», но и «упругость». Результатом взаимодействия «внешнего» и «внутреннего» являются такие свойства, которые не предопределены однозначно ни внешними воздействиями, ни внутренними природными данными, а представляют собой их сплав (напри-

мер, «жизненно важные убеждения»), и сами затем становятся детерминантами.

Однако имеет место неопределенность содержания «внутреннего» и «внешнего», и большинство проблем в их соотношении связано именно с этим. Для человеческого индивида внешнее и внутреннее не обособлены, они настолько переплетены, что даже когда, казалось бы, налицо внешнее воздействие, нельзя сказать, что оно не предопределено чем-либо внутренним. Например, «социальное» соотношение «внешнее» – «внутреннее», состоящее в реакции других на физическое «Я» субъекта и представление о своем физическом «Я» и их влияние на поведение. В.Н. Куницына на материале анализа экспериментальных работ раскрывает роль внешнего вида человека в его поведении: «...представление о собственном физическом облике, его соответствие принятым стандартам может приводить к формированию определенного склада личности и в определенной степени мотивировать как поступки человека, так и его отношения к окружающим людям и к себе» (Куницына, 1974). Очень показательны и то, что существует корреляция между внешним видом и свойствами личности, между самооценкой внешности и самооценкой личности.

Кроме всего вышесказанного, стоит упомянуть и о такой связке, как индивидуальная организация человека и категория «внешнего». «Внешнее» отношение к субъекту тесно связано с индивидуальной организацией, так, например, внешнее отношение к мальчику и девочке, холерику и флегматику, эмоционально стабильному и неустойчивому и т.д. значительно дифференцировано. Иначе говоря, «внутреннее индивидуальное» специфическим образом определяет особенность «внешнего».

Таким образом, понимание внутреннего и внешнего ни в коем случае не сводится ни к теории двух факторов («биологическое – социальное»), ни к ее пониманию в русле юнгианской модели (телесное (внешнее) – духовное (внутреннее)), хотя в этом смысле и есть предположение о необходимости рассмотрения соотношения материального «Я», включающего телесное, биологическое, физическое, и социального «Я», включающего духовное, собственно социальное и рациональное.

Примечательно то, что становление личности связано не только с воздействием внешней среды, но и детерминацией «внутренних компонентов его психики, которые одновременно являются элементами социального опыта». Вместе с тем элементы биологической подструктуры личности выступают как условия, под влиянием которых или на фоне которых осуществляется социальная детерминация. Иначе говоря, под внутренней детерминацией можно понимать и биологическую подструктуру, и подструктуру социального опыта.

В понимании С.Л. Рубинштейна становление личности есть результат взаимного опосредования социального и биологического друг через друга, внешнее социальное, воздействуя на личность, неоднократно преломляется через призму внутреннего мира личности.

Очевидно, биологическое опосредование наиболее мощно в самом начале процесса социализации, поскольку собственно социального содержания в индивиде еще слишком мало.

В концепции К. Ясперса выделяются три уровня (или три типа социальности) человеческого «Я»: 1) эмпирическое «Я» – природный индивид, стремящийся к удовлетворению своих потребностей, обладающий инстинктами, вхождение в социум которого, обусловлено необходимостью выживания; 2) предметное сознание – «сознание вообще», тождественное содержанию любого другого «Я»; 3) разум или дух – целостность мышления, деятельности, чувства, где индивид выступает как часть целого – народа, нации, государства.

Таким образом, внутренние детерминанты личности – это не столько биологические основания, это и результаты изменений, происходящих в ней в процессе социализации (социальная информация, ставшая «частью» личности). Это, как показал Б.Д. Парыгин, те внутренние компоненты психики, которые одновременно являются элементами социального опыта. Внутренние основания составляют компоненты внутренних социализированных условий поведения, деятельности, развития и саморазвития.

Внешние детерминанты составляет социальная информация в виде эталонов ценностей, свойств личности и т.д., транслируемая институтами социализации, которая субъективно отражается личностью и имеет определенное значение для нее. Локальные ситуации, а также социальная ситуация развития, включая широкий набор факторов этнического, политического, экономического и прочих обстоятельств, отражаемы личностью и составляют («разворачиваясь» в течение жизни) внешние детерминанты. Иначе говоря, содержание внешних детерминант не локализовано вне личности, оно субъективировано.

Основу внутренних детерминант составляют индивидуальные свойства, «вес» которых меняется в зависимости от адекватности внешних воздействий, «степени» социализированности и индивидуализированности личности, ее развития. Следующий уровень образуют внутренние основания личности, включающие индивидуально-личностные особенности, социально-личностные особенности и социальный опыт и т.д.

Внешние детерминанты включают отражение социальных воздействий и условий (в том числе и внешняя оценка личности и физического «Я») и широкий набор социальных установок и ценностей, предписываемых ролей, а также объективные показатели среды в виде обобщенных (общих) и частных

элементов человеческого опыта и актуальной ситуации общественного развития. Внешний мир и тот мир, который отражен субъектом, различны хотя бы в том, что первый объективен, а второй субъективен. Нечто подобное мы встречаем и у К. Ясперса: «... каждый человек имеет собственный мир, но кроме него существует и объективный мир – мир, общий для всех» (Ясперс, 1997).

Каждый уровень вносит свой вклад в становление личности, усиливающийся в зависимости от темпоральных характеристик социализации. Механизмы *взаимодействия* этих уровней очевидны и составляют механизмы социализации.

1.3. Структура личности

Для описания «общего», стержневого компонента теоретической концепции в психологии существует понятие структуры личности. Её понимание способствует определению всеобщего, единичного и особенного в данной личности. Через понимание личности, изучение её структуры мы приближаемся к пониманию того, что объединяет и отличает одного человека от другого, его социотипического и социально-психологического базиса.

Изучение структуры личности в современной социальной психологии относится к числу наиболее важных проблем и занимает в ней центральное место. Системно-структурный подход в психологии вообще и в изучении личности, в частности, позволяет рассматривать личность в целостности и единстве различных характеристик и свойств, их отношений и взаимодействий. Мы говорим не только о «технической» модели, формальной структуре, но большей частью о том, что личность рассматривается как структурно развитая, целостная, как продукт длительного культурно-исторического развития, как уникальная система взаимодействующих социальных, биологических, политических и других направлений.

Понятие структуры личности постоянно пополняется новым содержанием, и неслучайно в настоящее время имеется много достаточно обоснованных концепций. Описание структур личности у отечественных и западных ученых заметно отличается по многим основаниям, преимущественно методологического плана. Наиболее прогрессивными и перспективными являются экспериментальные, структурно-динамические концепции, которые рассмотрим более подробно, но для полноты картины обратим внимание и на другие, неэкспериментальные (описательные) концепции.

В структуре личности У. Джеймса обнаруживаются три класса элементов: физическое «Я», социальное «Я» и духовное «Я». Физическое «Я» включает телесную организацию и все материальное, чем обладает человек, а также ближайших родственников. Потеря или «порча» какой-либо части физиче-

ского «Я» ведет к потере «части личности». Структуру социального «Я» составляют роли, нормы и стремление человека к обществу. Духовное «Я» – это полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств. Такое описание структуры личности привлекательно уже потому, что в ней четко очерчивается круг социально-материальных носителей личности – того, что позволяет рассматривать ее с точки зрения «реального» существа. Однако анализ содержания ее деталей позволяет заметить существенный недостаток, заключающийся в распространении личности на широкий круг объектов, мало или совсем не относящихся к ней самой.

В отечественной психологии в эту модель внесены существенные поправки, и она получила развитие благодаря работам В.В. Козлова. Вместе с тем главное остается неизменным. Это сила связи между различным ипостасями человеческого «Я», с одной стороны, и «качество индивидуальности за счет неповторимой мозаики «Я»-идентификаций» – с другой.

Структура личности, по З. Фрейду, включает три составляющие:

– «Оно» – исходный компонент в структуре личности, который является продуктом унаследованного человеком от животных биологического опыта, связано с физиологическими процессами, включает глубинные влечения и потребности. Основной принцип «Оно» – разрядить напряжение и вернуть организм в удобное состояние низкого энергетического уровня (релаксация) – принцип удовольствия;

– «Я» – сознание, которое «контролирует» когнитивные процессы, «формирует» ответные реакции поведения. Это восприятие и оценка собственной личности. «Я» «должно» удовлетворять требованиям «Оно» и окружающей среды;

– «Сверх-Я» – внутреннее сосредоточение традиционных общественных ценностей и идеалов в виде интерпретаций родителей, учителей и других лиц в детском возрасте (через систему поощрений и наказаний). «Сверх-Я» – внутренний нравственный арбитр; с его образованием «родительский» контроль сменяется самоконтролем. Основными функциями этой составляющей личности является сдерживание импульсов «Оно», «принуждение» «Я» к изменению реальных целей, замене их высоконравственными целями, стремлением к совершенству, самореализации.

Концепция личности З. Фрейда подвергалась обширной критике в силу, во-первых, излишнего увлечения инстинктами человека, во-вторых, того, что основаниями для построения структуры личности явились клинические наблюдения, имевшие массу недостатков (отсутствие записей, объективных проверок и повторов). Как достоинство отмечаются определенные успехи в разработке общепсихологической теории личности.

Р. Кеттелл и Г. Олпорт начали разработку структуры личности, используя эмпирические методы исследования: первый – с использованием статистики (факторный и корреляционный анализы), второй – путем сокращения слов-понятий, описывающих стороны личности.

Структура личности, по Р. Кеттеллу, состоит из подструктуры поверхностных черт (характеристик, выступающих в единстве) и подструктуры исходных черт (определяющих постоянство поведения человека). В последнюю подструктуру входят способности, темпераменторные особенности и мотивационные (активирующие и направляющие субъекта) элементы. В целом структуру личности образует система черт личности, состоящая из шестнадцати биполярных факторов.

Широкое распространение получил разработанный Р. Кеттеллом опросник, составленный на основе таким образом понимаемой структуры личности, однако отсутствие теоретической концепции не позволяет на результатах только выявленных черт обобщать и предсказывать поведение человека.

Развитием теории черт личности стало выделение «Большой Пятерки» факторов личности (Норман, 1963; Голуберг, 1981). Она включает невротизм, экстраверсию, открытость, доброжелательность, сознательность. Психологи полагают, что индивидуальные оценки личности по параметрам Большой Пятерки остаются стабильными примерно после 30 лет, поскольку изменения оценок до этого периода обусловлены ростом, ведущим к приобретению большей зрелости; принятие на себя и использование взрослых ролей в различных видах деятельности, включая профессиональную и «родительскую», дает большую уверенность и эмоциональное равновесие и приводит к формированию эффектов социализации. Однако теория черт не дает какого-либо адекватного ответа на вопрос о том, как изменяются черты личности. Вместе с тем «базовая структура личности», представленная психологами черт, может сыграть серьезную роль в решении многих теоретических и прикладных вопросов психологии, в частности, в разработке проблемы личностной зрелости.

Структура личности, по Дж. Миду, включает три компонента: «Я» – импульсивное, активное, творческое, движущее начало личности; «нормативное Я» – внутренний социальный контроль, основанный на учете ожиданий – требований значимых других людей; «самость» – взаимодействие импульсивного и «нормативного Я». Дж. Мид и другие интеракционисты (в частности, Г. Блумер, М. Кун) в активном творческом начале личности, во взаимодействии компонентов структуры видят основу ее развития.

Более обобщенный и комплексный характер обнаруживается в разработках структуры личности отечественных психологов. Однако большинство

моделей отличается лишь количеством свойств личности, посредством которых она описывается.

Так, в основании структуры личности, по А.Г. Ковалеву, лежат психофизиологические функции и элементарные мотивы поведения. Над этим уровнем возвышаются психические процессы, которые являются генетической основой психических состояний и свойств. Иначе говоря, структура личности образуется путем соотношения психических процессов, состояний и свойств личности. Именно их синтез составляет общую систему, характеризующую личность, хотя различаются они как относительно автономные. А.Г. Ковалев считает, что образование структур обеспечивает относительную независимость поведения от случайных воздействий и изменений в ситуации, в этом можно усмотреть признаки зрелости и определенности человеческой личности.

К.К. Платонов попытался реализовать идею динамической структуры личности. По его мнению, все свойства личности могут быть объединены в четыре основные подструктуры (уровня):

1) исключительно социально обусловленные свойства личности. Сюда входят интересы, стремления, идеалы личности, отношение к себе и другим людям. Эта подструктура включает индивидуальное мировоззрение личности, ее нравственные и политические взгляды и убеждения;

2) индивидуально приобретенный опыт. Включает знания, навыки и развивающиеся на их основе умения и привычки. Данная подструктура определяет обученность личности, ее когнитивную карту;

3) индивидуальные особенности психических процессов. На основе индивидуальных особенностей психических процессов как форм отражения реального мира (эмоции, ощущения, мышление, восприятие, чувства, воля) формируются свойства личности;

4) биологически обусловленные свойства личности. Это темперамент, прежде всего. В нем проявляются особенности силы, уравновешенности и подвижности основных нервных процессов.

Структуру личности образует взаимосвязь между названными группами особенностей при ведущей роли социально обусловленных свойств. Она является наиболее высоким уровнем интеграции в сфере явлений личности.

Рассматривая социально-психологическую модель личности, В.В. Новиков предлагает схему, в которой предполагается соотношение динамической и статической моделей и аналитического и интегрального подходов. В нем социально-психологический статус личности характеризуется сочетанием социально-психологических свойств личности, которые образуют несколько подгрупп: 1) свойства личности, обеспечивающие развитие и использование социальных способностей, перцепции, воображения, интеллекта, а также определяющие характер межличностного оценивания и формы обще-

ния; 2) свойства, формирующиеся в процессе взаимодействия и социального влияния; 3) общие свойства, связанные с социальным поведением и позицией личности; 4) социальные свойства личности, связанные с ее общепсихологическими и социально-психологическими свойствами. В связи с этим развитие личности предполагает, по мнению В.В. Новикова, формирование способностей и свойств, обеспечивающих ее *социальную адекватность*; «лишь в ходе формирования *личного* социального опыта человек может достичь *социальной зрелости*, которая характеризуется, .. сбалансированными отношениями личности и группы, общности ближайшего социального окружения» (Новиков, 1998).

Одной из наиболее полных, общепсихологических является концепция Б.Г. Ананьева, который в структуре личности выделяет *интериндивидуальную* структуру социального окружения, того социального целого, к которому принадлежит личность, и *интраиндивидуальную* структуру самой личности (Ананьев, 1977). Интраиндивидуальную структуру личности определяет многообразие связей личности с обществом в целом, социальными различными группами и институтами (социализации преимущественно). В то же время структура личности регулирует объём и меру активности социальных контактов, оказывает влияние на образование *собственной среды развития*, то есть саморазвития. Изменения интериндивидуальных структур (социальных объединений и общества в целом) влечет изменение интраиндивидуальной структуры личности. Иначе говоря, социальные перипетии, прогресс/регресс определенных условий обитания, смена «доминирующих» поколений (и, возможно, направленное, осознаваемое изменение микро/макросоциального окружения) ведет к перестройке структуры личности, так как, говоря словами Б.Г. Ананьева, переход взаимоотношений, интериндивидуальных связей, функционирующих в определенных обстоятельствах жизни, в интраиндивидуальные связи является обязательным условием образования структуры личности и ее характера.

Индивидуальное развитие происходит во взаимодействии системы групп свойств человека как *индивида, субъекта деятельности, личности*, которые в совокупности образуют структуру человека. Характеристики личности – статус, социальные функции (воля, мотивация поведения и т.д.) определяют мировоззрение и жизненную направленность личности, а рефлексивные свойства характера (отношения к себе – в плане становления *сознания* объектом в самосознании) завершают ее структуру и обеспечивают ее целостность.

Нельзя сказать, что структура личности состоит лишь из «интериоризованных» социальных «посылов» и не содержит других психических явлений. Как отмечает Б.Г. Ананьев, далеко не все психофизиологические функции, психические процессы и состояния входят в структуру личности, вместе с тем в нее могут войти свойства индивида, многократно *опосредованные социаль-*

ными свойствами личности, но сами относящиеся к биофизиологическим характеристикам организма (например, подвижность или инертность нервной системы и т.д.). Значит, структура личности включает структуру индивида в виде наиболее общих и актуальных для жизнедеятельности и социального поведения комплексов органических свойств.

В дальнейшем было показано, что особую роль в структуре личности играют сенсорно-перцептивные процессы и интеллект.

По мнению Б.Г. Ананьева, структура личности строится по двум принципам одновременно: 1) иерархическому, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняет себе более элементарные и частные *социальные* и *психофизиологические* свойства; 2) координационному, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых (связанных в плане изменения в одном или противоположном направлениях, – Р.Ш.) свойств, то есть относительную автономию каждого из них.

Как видим, концепция Б.Г. Ананьева объединяет формальную и практическую стороны обращений психологов к структуре личности и экспериментальный компонент, несомненно, занимает в ней достойное место.

Структура личности, представленная А.В. Петровским, являясь социально-психологической, учитывает одно из важнейших явлений – персонализацию. В самой структуре выделяются три составляющие:

- системная организация индивидуальности личности – внутрииндивидуальная (интраиндивидуальная подсистема, представленная в темпераменте, характере, способностях);
- интериндивидуальная, где личностное выступает как проявление групповых взаимоотношений, обнаруживается в них;
- метаиндивидуальная (надиндивидуальная) – продолжение себя в другом, результат запечатления субъекта в других людях. Эта подструктура выражает потребность быть личностью, то есть своей деятельностью производить значимые для других людей изменения их интеллектуальной и эмоциональной сферы. Важность выделения этой подструктуры обусловлена тем, что она дает возможность определения механизма трансляции социальной информации.

Обоснованность такого построения структуры личности доказывают многочисленные экспериментальные исследования, проведенные под руководством А.В. Петровского, которые имеют большое и теоретическое, и практическое значение для социальной психологии личности. Однако остается проблема учета мотивационной составляющей структуры личности и связей между составляющими этой структуры.

Таким образом, структура личности может рассматриваться и как базовая модель характеристик личности в ее целостности, и как содержание динамической структурно-развивающейся системы. С одной стороны, это осно-

вание, с другой – суть явления. Вполне понятна попытка создания «определенности», своего рода идеологической базы для последующих теоретических концепций и практических уточнений, которые способствовали бы наиболее «общему охвату» как феномена, так и связанных с ней проблем. Вместе с тем описание содержания структуры личности является практически значимым, и уже потому имеется вполне адекватная необходимость в продолжении разработки предложенных идей. Кроме того, разработка структуры личности в отечественной и зарубежной психологии отличны, но это есть попытка «охвата» различных ипостасей одной и той же сущности. Это направление в теории личности является не только ее существенным атрибутом, но и существенно-необходимым базисом.

В заключение данного раздела, заметим, что рассмотренные нами подходы к теории личности не исчерпывают всех направлений, оформившихся к данному этапу развития психологии. Мы обратили пристальное внимание лишь на концепции, позволяющие дать общее представление о личности, ее структуре и строении, не имея намерения на полный охват как в феноменологическом, методологическом, так и в эмпирическом планах.

1.4 Личность как субъект отношений

Личность, выстраивая свои отношения сокружающим миром, неминуемо задействуете свои инстанции, которые имеют социально-психологическую природу. Эти инстанции формируются с помощью процессов социализации и развития; они обладают сложной организацией, благодаря чему выстраиваются сложные комплексы поведения, реализуемого личностью в системе различных отношений. Между тем, средством и «реализатором» этого сложного процесса выступает субъектность личности, ее активное и управляющее начало, регулирующее различные потоки желаний (намерений) и необходимостей.

Система отношений выводит личность на уровень ее связей с многообразием внешних по отношению к человеку явлений. Как считает З.И. Рябикина, «личность не замкнута во внутреннем, не ограничена психическим, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемых ею, в соответствии со структурой своих смыслов» (Рябикина, 2005). Эти пространства явлений – бытийные – есть та реальность, в которой личность и становится таковой, и реализует свою сущность, и привносит, и преобразует действительность.

Среди различных бытийных пространств личности пространство отношений и взаимоотношений с другими имеет особое значение; оно связано с удовлетворением базовых потребностей индивида, а также реализацией своего

предназначения. Поэтому особое внимание психологов сегодня обращено к проблеме выстраивания этого сегмента бытия, определения его механизмов, условий, факторов, оснований и возможных перспектив.

Важной характеристикой личности как субъекта отношений является ее способность разбираться в сложной системе социальных отношений. Н.Е. Харламенкова, раскрывая грани проявления субъектности, характеризует человека как субъекта деятельности с стороны умения брать на себя ответственность, способность принимать самостоятельные решения и со стороны его социальной компетентности (Харламенкова, 2008). Иначе говоря, социальная компетентность является неотъемлемой частью субъектного проявления личности; она выводит личность на уровень осознанного и активного бытия в системе социальных связей и отношений и в то же время характеризует личность с точки зрения ее социальной зрелости (как способной активно и эффективно взаимодействовать со своим окружением).

Итак, личность нами изучается как системное образование, субъектность которой призвана обеспечить удовлетворительные (а стало быть, актуализирующиеся, творчески насыщенные и потенциально продуктивные для роста) отношения и взаимоотношения с другими. На этих позициях мы стоим при проведении ряда исследований, включая и отношения к миру, к другим, взаимоотношения, межпоколенные отношения и т.п.

Как субъект личность способна избирательно относиться к миру и другим и усваивать социальный опыт в том виде, в котором он соответствует ее индивидуальным особенностям и пристрастиям. Общественные ценности прежде чем стать личными должны быть не только поняты, но и эмоционально приняты в результате соотнесения со своими предпочтениями. Как отмечает В.В. Знаков, для познания, понимания, переживания, созерцания мира человеку недостаточно наблюдения, необходимо участие (Знаков, 2008); с другой стороны, «познание и понимание, основанные на ценностных суждениях, невозможны без изменения субъекта» (Знаков, 2008. С.34). Таким образом, «участное существование», активное действие в мире, со-действие с другими ведет к изменению системы отношений и тем самым – к изменению себя. В связи со сказанным особое значение приобретает понимание человеком как конкретных ситуаций взаимодействия с другими, так и их места в системе жизнедеятельности. Отношение основано на понимании, соответствие которого действительному (объективному) положению (ситуации) может быть не единожды пересмотрено субъектом.

Однако как субъект личность не только способна усваивать социальную информацию, но и организовывать ее; она формирует отношение к внешним объектам (и самой себе) исходя из имеющейся организации и опыта, который образуется в результате взаимодействия с миром и другими людьми. Обладая субъектностью, она оказывается способной формировать собственное (и в чем-

то уникальное) отношение, в котором переплетаются различные сферы знаний и эмоциональной ткани переживания мира.

Иначе говоря, отношение всегда содержит не только когнитивную, но и эмоциональную и конативную составляющие (по В.Н. Мясищеву). Благодаря этой сложной структуре отношение выполняет еще и регулятивную функцию, благодаря которой реализуемое поведение становится сбалансированным и соответствующим личностным особенностям в какой-то степени – ситуации.

Личность как субъект отношений к внешнему миру, социальным объектам и субъектам становится предметом изучения многих социальных психологов, это – К.А. Абульханова-Славская, А.А. Бодалев, Т.П. Емельянова, А.А. Лузаков, В.Н. Мясищев, В.В. Новиков, Е.В. Шорохова и др. Ряд исследований, проведенный нами и нашими аспирантами, позволил утверждать, что как субъект личность может по-разному организовывать когнитивную составляющую отношения, в результате чего эмоционально-оценочное отношение к объектам внешнего мира претерпевает весьма существенные изменения. Так, в исследовании, проведенном П.Д. Никитенко, показано, что отношение к миру, военной службе у курсантов военного вуза меняется в весьма своеобразном направлении. Вначале оно резко контрастирует с транслируемыми картинками, а затем приобретает жесткую милитаристскую направленность (это происходит не сразу, а в течение пяти лет службы) (Никитенко, 2008). Примечательно и то, что эмоционально-оценочное отношение меняется с насыщенно-положительных на крайне негативные формы. Вполне очевидны реалии условий развития военных в современных вузах, в которых обнаруживается контраст между транслируемыми представлениями и формирующимися у личности курсанта под влиянием растущей её субъектности.

Отношение к миру как средству достижений, удовлетворения потребностей обнаружено нами у студентов и провинциальной молодежи. Выявлены «потребительские» установки в отношении к другим людям (лицам ближайшего окружения) и социальным институтам как инстанциям, «обязанным» оказывать помощь (что соотносится и с определением российской культуры как коллективистской, однако такое не обнаруживается в центральных регионах)6. Иначе говоря, отношение к социальным институтам регулирует усвоение социальной информации, транслируемой ими, и последовательное поведение по отношению к ним как инстанциям, имеющим актуальную или потенциальную связь с личностью. Эти отношения весьма сложны, так как, с одной стороны, они задаются разными агентами, в том числе и собственным опытом личности, с другой – эти инстанции находятся в разной степени соответствия личностным предпочтениям и тем самым – психологической близости в отношении её бытийных пространств.

Субъектность личности проявляется в различных характеристиках отношения. Особое значение здесь имеет соотношение социотипичного и

индивидуализированного отношения: они могут совпадать, могут иметь точки соприкосновения либо вообще быть противоположностью друг другу. Такие соотношения связаны со степенью «выхода» личности из социально обусловленных представлений – от полной вовлеченности в массовую культуру до полного разрыва с ней.

Личность с высокой субъектной позицией – та, которая строит свое бытие в соответствии с общественными императивами, но определяя его сферы в соответствии с собственными представлениями. По мнению Е.А. Сергиенко, зрелые формы поведения связаны с согласованностью в развитии континуума «субъект–личность» (Сергиенко, 2008). Высшей степенью его проявления является, безусловно, творчество как в отношении окружающей действительности, так и в отношении самой себя. Это значит, что личность как субъект своих отношений конструирует их на основе имеющихся в реальности значений (носителем которых среди прочих она сама и является) и присваивает воспринимаемым явлениям свое (личное) значение, тем самым реализуя свою социально-психологическую сущность. Можно представить следующую психологическую картину этого явления: на основе отражения окружающей действительности личность формирует представление, которое становится собственным именно благодаря субъектной позиции и впоследствии еще имеющим определенную валентность «для меня».

Необходимо подчеркнуть и то, что отношения личности динамичны. Это связано с тем, что восприятие событий, ситуаций, себя, людей зависит от субъективных интерпретаций, значений, приписываемых ситуации в permanently изменяющихся обстоятельствах (Лузаков, 2008). Преобразующая роль личности как субъекта отношений заключается и в конструировании таких значений, которые выходят за пределы непосредственного данного, их уровень выходит за пределы предметного мира, тем самым создавая обобщенные и абстрагированные целостные значения. Эти явления образуют высшие инстанции личности, регуляторные характеристики которых относятся к более широким явлениям, чем конкретные ситуации. На их основе возможно целенаправленное и созидательное поведение личности. По мнению И.Б. Дермановой, «субъект, характеризующий высший уровень активности, проявится как субъект жизнедеятельности, который должен описываться через обобщенные стратегии жизнедеятельности <...> или стратегии самоосуществления» (Дерманова, 2008), т.е. имеющие в своей основе (и привязанные не к конкретной ситуации) ценностно-смысловые отношения. Они «задают» направленность и придают качественную содержательность самоосуществлению; в то же время эффекты самоосуществления отражаются на отношениях, которые выполняют контрольно-корректирующую функцию.

Отметим и то, что своеобразие субъектной позиции личности связано со многими переменными, детерминирующими ее, – и внешними, и внутрен-

ними. Нельзя сказать, что она формируется лишь благодаря какой-то инстанции, и тем более нельзя говорить лишь о социокультурной ее обусловленности (вспомним о ранних проявлениях субъектности на доличностном уровне, отмеченных З.И. Рябикиной). Однако в случае достижения определенного уровня развития «взаимодействие» различных инстанций, их организация связаны с личностной направленностью, с тем, что актуализируется ею в данный момент времени.

Особую роль в формировании субъектной позиции личности играет сфера переживаний, имеющая, несомненно, сильную связь с внешними инстанциями, так как вполне очевидно то, что с каждым последующим шагом в развитии человека (личности) его переживания все в большей степени определяются ими. Одним из значимых переживаний является субъективное благополучие. Наш взгляд, именно через систему субъективного благополучия осуществляется регуляция поведения и деятельности, а стало быть, и бытийные пространства обретают определенную валентность, становятся наиболее актуальными в соответствии со «сферами благополучия». Иначе говоря, отношение к окружающей действительности, объектам социального мира, другим, себе и т.д. в значительной степени формируется исходя из наличествующих состояний и переживаний. Поэтому для психологической практики особенно важно определить те сферы состояний, которые являются наиболее чувствительными к изменению психической экологии и опосредованно влияющими на отношение личности. Между тем именно социализация с её усваиваемыми устойчивыми паттернами поведения, нарративами во многом обуславливает характеристики субъективного благополучия, так как в них представлены критерии, с которыми личность все время соотносится.

В то же время личность как субъект своих отношений способна регулировать (находить нужные и отбрасывать неэффективные) критерии для определения (оценки) своего бытия, его коррекции с точки зрения соответствия или несоответствия субъективным критериям благополучности существования, ощущению (переживанию) счастья и комфорта. Кроме того, она способна находить механизмы регуляции, фиксируя полученные опытным путем способы достижения комфортных отношений (к слову сказать, возможны и иные варианты, например, достижение комфорта за счет негативных установок, за счет установления иных способов соотнесения – вспомним механизмы психологической защиты и установку «все плохое – я хороший» и др.). В соответствии с этим субъект, реализуя разные формы поведения, оказывается в ситуации необходимости их реализации таким образом, чтобы они не шли вразрез с имеющимися отношениями; этим достигается динамическое равновесие в системе отношений, что и позволяет сохранять субъективное благополучие. Конечно, имеются и другие варианты поведения, когда идет «подстройка» под него системы отношений, например, в случае с каузальной атрибуцией, кото-

рый лежит в основе изменения отношения к другому уже в результате произошедшего (вынужденного) действия.

Отношение к окружающей действительности может быть дифференцировано в зависимости от объекта – социальные институты, политические события, климат, информационное поле, другие люди и группы, естественно, сам индивид. Субъект выделяет эти объекты в зависимости от большей их личностной значимости и, соответственно, формирует ценностное отношение к ним. В наших исследованиях было показано, что в большей степени фиксируются те объекты, которые несут в себе значимость с точки зрения актуальных (нереализованных) потребностей соответственно этапу социализации. При этом даже однородные объекты могут иметь разное значение. Так, например, категория семьи по-разному оценивается на разных этапах и в отношении к ней фиксируются разные значения в зависимости от характера потребностей, реализуемых в рамках этого института: на одних – защита и принятие, на других – эмоциональная вовлеченность, продолжение рода, персонализация и т.п.

Конечно же, отношение к людям, в сравнении, например, с событиями или институтами, имеет свою специфику. Это связано с большей значимостью Другого – Другого как партнера, Другого как некоего подобия «Я», Другого как способного дать обратную связь, Другого как «лица» (по Л.А. Ухтомскому).

Поэтому к Другому можно относиться по-разному (принимать, не принимать, любить, ненавидеть и т.п.), но его нельзя игнорировать (хотя внешне это может так восприниматься), так как в этом случае всегда имеется определенная интеракция. Эта эмоциональная вовлеченность в со-действие становится основным фактором отношения к Другому. Одним из значимых видов отношений (которые квалифицируются традиционно как социально-психологические) являются межличностные отношения. В данном случае субъект оказывается в ситуации «столкновения» с другими субъектами и соотношения с ними своего последовательного поведения.

Субъективное отношение, объективируясь в поведении и деятельности, становится существенным фактором взаимоотношений с другими. Роль субъекта в межличностных отношениях резко возрастает. Необходимость «столкновения» и взаимодействия с другим (другими, группой) предполагает усложнение «работы» всей системы отношений личности. В какой степени личность заинтересована в сохранении межличностных отношений, в той же степени она вынуждена оперировать своими отношениями. Организация взаимоотношений предполагает, прежде всего, «пользование» системой своих отношений, поэтому отношение и взаимоотношение имеют тесную связь, порой переходящую в причинно-следственную. Так, А.А. Бодалев подчеркивает, что отношение отражается на взаимоотношениях и в то же время

отношение проявляется и формируется в общении (Бодалев, 2002). В.Н. Мясищев считал, что отношение одготипа может быть «встречено» взаимным отношением либо другим отношением и т.д. (Мясищев, 2003). Это предполагает необходимость не только активности, но и реакции на реакцию другого и его отношение, т.е. постоянное соотнесение с меняющейся реакцией другого. Кроме того, В.Н. Мясищев подчеркивал, что обращение (способ воздействия) формирует отношение другого (Мясищев, 2003). В этом смысле личность выступает той инстанцией, которая направляет субъекта к оперированию своими отношениями, в том числе и их сокрытию, изменению, усилению и т.п. в зависимости от результатов отражения партнера. Здесь роль субъекта заключается еще и в нивелировании не только внешних барьеров, но и внутренних – в виде свойств личности, а порой даже темпераментных свойств. Организация взаимоотношений требует от субъекта не только активного соотнесения с явными формами отношения (в том числе и к самой личности – симпатией, антипатией, безразличием и т.д.), но и системой ценностно-смысловых ориентаций своих и партнера, мотивов, целей (скрытых и явных), того более широкого окружения, в которое они включены, в целом ситуации, в которой разворачивается процесс взаимодействия. Отсюда важными характеристиками субъекта организации взаимоотношений выступают саморегуляция, произвольность, внеситуативная активность, самоопределение.

Таким образом, субъектная позиция, формирующаяся в процессе социализации личности и ее развития, предопределяет качественные характеристики отношений личности к объектам окружающего мира и другим субъектам. Личность как субъект организации своих отношений способна не только управлять имеющимися отношениями, но и формировать их на основе бытийного опыта, духовных поисков и ценностно-смысловых предпочтений. Безусловно, высшим уровнем такой организации является тот, который основан на самоактуализирующемся развитии, способности выйти за пределы непосредственного данного, сознания единства личности с Другими и природой в целом. Проблема выстраивания личности своих отношений с другими поднималась многократно в психологии.

Вопросы для самопроверки

1. В чем заключается специфика социально-психологического изучения личности?
2. Какие методологические (общенаучные) подходы используются в исследованиях социальной психологии личности?
3. Возможно ли «законченное» определение личности?
4. Какие компоненты вкладываются в структуру личности представителями различных психологических школ?

5. Можно ли выделить «социально-психологическую» структуру личности и «социально-психологическую» подструктуру?

Список рекомендуемой литературы

- Акопов Г.В.* Социальная психология образования. М., 2000.
Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1998.
Андрюченко Е.В. Социальная психология. М., 2000.
Бекешкина И.Э. Структура личности. Киев, 1986.
Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.
Ждан А.Н. История психологии. М., 1990.
Мудрик А.В. Социальная педагогика. М., 1999.
Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука. М., 1998.
Платонов К.К. Личность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 72-88.
Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д., 1998.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

2.1. Понятие, содержание и факторы социализации

Очертив круг проблем, относящихся к понятию «личность», рассмотрев подходы к строению, структуре личности, неминуемо возникает вопрос о том, как человек становится тем, что мы называем личностью, когда этот процесс завершается, и на сколько институты общества формируют социотипическое и автономно-индивидуальное, необходимое для реализации субъектности.

Еще в начале XX в. У. Мак-Дауголл в книге «Основные проблемы социальной психологии» рассмотрел вопросы о том, «каким образом общество формирует отдельного индивидуума, родившегося в его среде» (Мак-Дауголл, 1916), как личность развивается и приобретает способность участвовать в социальной жизни, как научается нравственному поведению. Имелась и попытка объяснения этих достижений через «сущность социального процесса». Становление личности в социуме зависит от сложных взаимоотношений между индивидом и обществом. Сегодня мы называем этот процесс социализацией.

Проблема социализации личности на протяжении длительного времени остается центральной для ряда областей психологии. Изучение включения человека в различные группы и усвоения им специфичного для каждой в отдельности и общего для всех социально-психологического содержания важно с точки зрения понимания того, каким образом и в какой степени личность обретает свою социальность и как она регулирует ее (личности) поведение. В последние десятилетия в социальной психологии наметились тенденции расщепления исследований процесса и результата социализации с точки зрения фиксации определенных ее областей. Так, изучается политическая, экономическая, профессиональная и т.п. социализации личности. Совершенно ясно, что каждая из них представляет весомую проблему, решение которой предопределено современной общественной ситуацией, изменением всей системы норм и ценностей. Между тем, разные аспекты социализации весьма тесно

взаимосвязаны, т.к. разные ее институты и агенты транслируют не только специфичные нормы, но и нормы, относящиеся к разным социальным сферам и сферам жизнедеятельности человека. Вполне очевидно то, что значимость этой проблемы заключается в высшей степени устойчивости эффектов социализации в их влиянии на последовательное социальное (и не только) поведение личности. Кроме того, необходимо понимать, что «отказ от норм» вовсе не означает и выведение из поведенческого арсенала соответствующих паттернов. Это значит, что новые нормы могут укреплять существующие, противоречить им (при этом сосуществуя с прежними), блокировать и замещать их, но они не могут полностью заменить их. Поэтому процесс социализации в связи с социальной активностью личности, включением ее в разнообразные сообщества усложняется. Мак-Даугалл считал, что человек, живя в обществе с разнообразными мнениями, оказывается способен к обретению нравственных норм и высшим типам поведения, благодаря влиянию которых возможен прогресс нравственных традиций.

Как отмечает Г.М. Андреева (Андреева, 1998), главным ориентиром в социально-психологическом исследовании личности является не просто взаимоотношение личности с группой, а результат этого взаимодействия. В результате включения личности в разнообразные группы, взаимодействия с ними она и формируется как субъект отношений и взаимоотношений. Поэтому одной из главных социально-психологических проблем является проблема социализации и ресоциализации личности. Именно в понятии «социализация», как образно заметили Е.П. Белинская и О.А. Тихомандрицкая (Белинская, Тихомандрицкая, 2001), «читается» его социально-психологическая принадлежность. Эффекты социализации личности выступают главными инстанциями, регулирующими характер социальной активности и поведения человека. Поэтому анализ социализации личности предполагает разноплановость его аспектов. Это, прежде всего, динамический аспект, предполагающий изучение изменений, происходящих в личности на разных этапах ее социализации. Предложенный нами системно-диахронический подход к анализу социализации (Шамянов, 2013) и направлен, прежде всего, на отслеживание этих изменений, благодаря которым происходят сдвиги в системе личности и формируются эффекты – явления, свидетельствующие о глубине социализации (по Б.Г.Ананьеву). Сегодня требуется более тонко и подробно определить важные вехи социализации личности, те периоды, когда диахрония различных составляющих личности достигает своего максимума и минимума, активизируя механизмы социализации, диахронию внешних и внутренних инстанций личности, а также внутри- и межфункциональную диахронию личности. Это знание необходимо для разработки программ, направленных на расширение возможностей личности, формирование ее субъектной позиции (как эффекта социализации), способность ориентироваться в сложных соци-

альных процессах и разновекторности социальных воздействий в условиях изменяющегося общества.

Социализация – процесс, детерминированный множеством явлений, в значительной степени меняющихся с объективными изменениями в человеческом обществе. Каждое поколение обладает рядом специфичных социально-психологических характеристик, сформированных на основе социализации в определенную эпоху с соответствующими лишь ей конфигурациями ценностно-нормативного содержания институтов и условий. В этом отношении социализация каждого поколения является уникальной и неповторимой. Личность, будучи «современником определенного поколения» вбирает эти специфичные черты через включение в современные ей сообщества (Б.Г. Ананьев, В.А. Кольцова и др.). Поэтому невозможно и полностью предсказать содержательные особенности социализации каждого последующего поколения. Однако ее эффекты имеют однородную и медленно изменяющуюся структуру. Это значит, что компоненты этой структуры могут меняться в значительной степени, но сама структура – в незначительной. Иначе говоря, существуют стойкие структуры эффектов социализации, более или менее обеспечивающие устойчивость личности в системе социальных отношений и соответственно социального поведения.

Исходя из результатов множества сравнительных исследований, проведенных в последние десятилетия, можно утверждать, что процесс социализации детерминирован не только институциональными образованиями (традиционно понимаемыми как таковые), но и меняющимися условиями бытия: возможностями мобильности (пространственной и социальной), бытием в виртуальном пространстве, отсутствием жизненной необходимости длительное время пребывать в определенном сообществе, возможностью легко менять группы поддержки и т.п. В частности, возрастные психологи отмечают снижение длительности дружеских связей современных подростков и юношей, демографическая статистика свидетельствует в пользу чрезвычайной неустойчивости браков и т.п. Таким образом, изменяющиеся обстоятельства жизни накладывают существенный отпечаток на процесс социализации, и видоизменяют ее эффекты как по времени, так и по содержанию.

В современном мире социализация личности характеризуется интенсивной сменой детерминант. Социальная неопределенность не только обуславливает изменения во включении личности в сообщества, но и становится нормой, регулирующей поведение субъекта. Исходя из этого, в исследованиях психологов и специалистов-смежников все больше проходит линия изучения ценностно-смысловой основы рискованного поведения и способности (готовности) личности к инновационному поведению.

В последние десятилетия проблема социализации личности все более активно изучается сквозь призму теоретических воззрений когнитивизма и

конструкционизма. С.Московичи считает определенным результатом социализации сформированность социальных представлений (свойственных определенным группам). Представления личности о тех или иных явлениях в немалой степени детерминированы включенностью в группы, вырабатывающие собственный взгляд на те или иные социальные явления. Упорядоченная система этих представлений, в которых нормы вплетены в смысловые блоки, очевидно, предопределяет некую последовательность поведения личности. С точки зрения П.Бергера, Т.Лукмана, важным в социализации личности выступают конструируемые значения, основанные на представлениях (чувстве) неизбежности, однозначности, определенности в процессе первичной и рациональной и эмоциональной контролируемости, - в процессе вторичной социализации. Эти воззрения весьма близки нашему подходу в исследованиях социализации, в котором основной единицей анализа выступает инстанция личности (как элемент соподчиненной системы) – динамичное образование на разных уровнях организации которой (личности), обладающее рядом специфических свойств, благодаря чему осуществляется не только регуляция поведения, но и реализуется сам процесс становления личности. В процессе социализации личности ее инстанции приобретают свою определенность и некоторую устойчивость.

Обращаясь к проблеме социализации с учетом категории изменений необходимо остановиться на некоторых частных вопросах, имеющих принципиальное значение для решения данной проблемы. Прежде всего речь идет о различиях социализации детей и взрослых. В последние десятилетия заметно снизилось количество исследований социализации личности в период дошкольного и школьного детства.

Изменившиеся условия социализации детей в современном мире требуют изучения и новой реальности социализации. В условиях российской действительности особую роль играют ключевые институты детской социализации – семья, школа и в немалой степени территориальное сообщество. Если в отношении первых двух имеется какая-то определенность в их типологии, прозрачных условиях, то территориальное сообщество практически всегда остается за рамками исследований. Между тем, в исследованиях зарубежных психологов имеются некоторые попытки анализа этих условий с точки зрения их социализирующей роли. Однако зарубежный опыт не может с легкостью быть переложен на российскую действительность по ряду обстоятельств, среди которых, пожалуй, наиболее значимое – уникальная общественная психология. Памятуя о комплексности институциональных влияний, тем не менее, следует обратить наиболее пристальное внимание этому институту. Это становится особенно важно в связи с расслоением и компактным поселением групп с определенным статусом (этническим, экономическим, правовым и т.п.). Так, исследования социальных психологов показали тен-

денциозность социализации в условиях компактных поселений (например, исследования Л.М.Попова о группировочном движении молодежи; В.В.Константинова об адаптации вынужденных переселенцев, Т.В.Семеновой о психологии горожан и ряд других). Эти исследования имеют важнейшее прикладное значение, заключающееся в определении направлений молодежной, миграционной, экономической, правовой, образовательной политики.

Изменения, происходящие в образовании настолько существенны, что возникает необходимость в определении особенностей социализации личности ребенка и определении условий нормативной социализации уже в новой изменяющейся образовательной реальности. Существующее положение дел в этой области требует разработки программ нормативной ресоциализации личности с целью присвоения норм-регуляторов ее просоциального поведения. Важным их компонентом является критическое мышление, основанное на субъектной позиции, что, пожалуй, представляется самым сложным для трансляции и присвоения личностью.

Изучение социализации личности в период школьного детства связано не только с объективными изменениями содержания этого процесса в последние десятилетия, но и тем, что происходят изменения в сфере институтов социализации. Социализирующие функции приобретают одни и утрачивают другие институты. В этих условиях необходимо изучение функции таких институтов, как интернет, субкультура и др., а также их соотношений с традиционными институтами. Вместе с тем, необходимо понимать, что каждый институт, кроме универсальной, имеет и специфичное, регулирующее определенные сферы отношений, содержание. В этом смысле приобретают особую актуальность исследования, направленные на выяснение вопроса об их согласованности и соотношении социальных и личностных ценностей, норм, представлений. Исследования, проводимые в области конструирования представлений, позволяют выявлять общее и специфичное, но не дают достаточных оснований для того, чтобы говорить о соотношении социальных представлений групп и личностей. Это соотношение проявляется в их объективации на уровне поведения и конкретных поступков человека. Так, выбор профессионального пути, тенденциозность бытовых решений, семейные стратегии и т.п. определяются в немалой степени этими представлениями. Благодаря достаточно весомому их эмоциональному компоненту и низкой личностной зрелости юношей, с другой стороны, эта тенденциозность проявляется в выборе определенных внешне привлекательных специальностей в процессе профессионального самоопределения, групповой конформности в социальных решениях и т.д.

Изучение процесса социализации сегодня предполагает определение его этапов (стадий), поскольку выделенные ранее (дотрудовая, трудовая и после трудовая) совершенно не удовлетворяют запросам науки и практики, т.к.

не отражают ключевых характеристик социально-возрастных изменений личности. На наш взгляд, стадии социализации должны рассматриваться не применительно к трудовой деятельности, а в более широком контексте смены социального статуса, позиции личности, соотношений внутренних и внешних инстанций как регуляторов социального поведения: определенным соотношением социальной и личностной конгруэнтности.

Особую область исследований составляет изучение «взрослой» социализации, к которой психологи обращаются лишь эпизодично. Б.Г.Ананьев ставил задачу изучения взрослой социализации как важнейшую в комплексном изучении психологии человека.

Взрослая социализация отличается от детской, главным образом тем, что она во многом сообразна социальной ситуации, в которой пребывает личность, имеется опыт и навык усвоения социальной информации, привычные механизмы (которые до определенной степени не нарушаются), наконец, субъектная позиция, сформированная на протяжении определенного времени; кроме того, она имеет отличные механизмы и институты. В этом отношении, «взрослая социализация» инструментальна: автономный уровень регуляции личности предполагает включение в сообщества и усвоение определенных норм произвольно, а также без реального включения в сообщества на уровне самоизменений (самодетерминации), т.к. внутренние инстанции личности обладают достаточным потенциалом для «запуска» этого процесса (личность соотносится с субъектностью как инструментом самореализации). Самодетерминация личности в процессе ее социализации представляет проблемную область современной социальной психологии и психологии личности. Исследования самодетерминации личности сегодня приобретают особое значение в связи с усложнением общественных отношений, изменениями, происходящими на уровне институтов социализации и из значения, усиливающимся разнообразием.

Одним из значимых эффектов социализации личности является обретение идентичности. Сформированная идентичность выполняет защитную функцию в отношении социализации, закрепляя ценности, нормы, представления и т.п. соответствующего института или агента. Тем самым от ее характеристик во многом зависит и устойчивость приобретенных норм и иных характеристик внутренних инстанций личности. Вместе с тем, это не значит наличия взаимно однозначной связи между ними; они весьма сложны и структурированы. Например, наличие негативной идентичности не значит обязательного неприятия ценностей соответствующих групп (как, например, показано в исследованиях И.М. Юсупова). Тем не менее, изменения, происходящие в жизни субъекта, включение в новые общности и идентификация с различными группами запускают процесс социализации, и неминуемо отражаются на внутренних инстанциях личности. В этом отношении изменениям,

на наш взгляд, подвержена в большей степени социальная идентичность и соответствующие ей инстанции, в отличие, например, от личностной идентичности. Однако это возможно лишь в том случае, если группа, в деятельность которой включается субъект, становится референтной. В противном случае, ее нормы могут служить лишь для временной адаптации и оставаться ситуативными (в том виде, в котором описывал социализацию взрослых О.Г. Брим). Таким образом, в результате включения в сообщества (группы) социализация личности может обретать тотальный, либо избирательный характер и в зависимости от чего изменения могут происходить на глубинном или поверхностном уровне внутренних инстанций. Отсюда следует необходимость изучения идентичности личности с позиции ее функции для процесса и эффектов социализации. В этом отношении представляется важным не только определение типа или уровня идентификации личности, но и соответствия внешних инстанций (групповых, например) и внутренних. Особенно это становится важно с точки зрения эффективности в различных видах деятельности и успешности личности в соответствующих им ситуациях межличностного взаимодействия.

Латентные эффекты социализации определяют степень адаптационной готовности личности, поскольку актуализация ситуации, требующей приспособления, актуализирует и эти эффекты, тем самым экономя социально-психологические ресурсы личности. Вместе с тем, на плоскости социально-психологической адаптации (в отличие от других ее видов) имеется множество явлений, которые выступают естественными барьерами. Так, условия, к которым нет готовой адаптации могут быть опасны для интегрированности личности, субъективного благополучия, субъектной позиции в виду их несоответствия правовым нормам, неприятия социальной среды, физических характеристик и т.п. Это ставит принципиальный вопрос о соотношении необходимости и полезности адаптации с точки зрения внутренней (психической) и социальной экологии. Его решение может быть только в субъектной плоскости. Поэтому вновь возникает вопрос о механизмах становления социальной (личностной) субъектности как основания ее социально-психологической адаптации в процессе социализации в изменяющемся мире.

Наконец, социализации - не только процесс усвоения социальных норм, ролей, установок путем включения в социальные связи, но и процесс их встраивания в целостную систему (структуру) личности, благодаря чему и происходит ее становление (Шамянов, 2000). Между тем, социализация – это и процесс объективации личности (включая и трансляцию другим субъектам своего «личностного содержания»), поскольку включение в систему социальных связей неминуемо требует от нее своего рода презентации социального опыта. М.Г. Андреева отмечает особую важность при анализе социализации акцентирования внимания еще на одной ее сущности – активного вос-

производства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду (Андреева, 2001). Иначе говоря, социально-психологический ракурс проблемы социализации предполагает понимание социализации как процесса усвоения социального опыта, его обобщения и преобразования с включением (интеграцией) в существующие подсистемы личности и объективацию ее (трансляцию) в системе социальных связей. Социализация личности интересна тем, что усвоенный социальный опыт становится регулятором социального поведения личности. В отечественной и зарубежной психологии накоплен богатый материал, свидетельствующий о личностной детерминации поведения. Однако эта установка в ряде случаев подвергается жесткой критике с позиций ситуационного подхода. Вместе с тем, нельзя противопоставлять «личностное» и ситуативное поведение, поскольку в любой ситуации задействованы те подструктуры личности, которые в наибольшей степени «способны» ее решить. Здесь важно упомянуть и о том, что социализация может быть и ситуативной, а, следовательно, и менее устойчивой. Однако, важным обстоятельством является то, что в ней субъект выступает как личность, обладающая и прежним социальным опытом, и приобретенным ситуативно. Конечно, в меньшей степени это относится к нестандартным ситуациям, экстремальным ситуациям с элементами опасности (и, порой, сверхдинамичным ситуациям взаимодействия), где основными регуляторами становятся либо ранние генетически обусловленные явления, либо автоматизированные действия.

Понятие социализации за короткую историю своего существования потерпело немало коллизий. Расщепление социальных наук привело к тому, что ею занимаются с различных позиций, сообразно предмету изучения в психологии, педагогике, социологии.

Например, в социологии понимают социализацию как процесс включения человека в социальную практику, приобретения социальных качеств, черт, усвоения общественного опыта и реализация собственной сущности, посредством выполнения определенной роли в практической деятельности.

В социальной педагогике – это «развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, что происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах» (Мудрик, 1999). И в то же время «это ее (личности) язык и поведение в быту, способность к творчеству, восприятие культуры своего народа».

В отечественной социальной психологии имеются существенные расхождения в понимании социализации, которые свидетельствуют не только о позиции авторов и различии школ, но и о постоянном «движении» этого понятия, о его развитии, модификации.

С точки зрения Б.Д. Парыгина, социализация – не простой процесс автоматического принятия индивидом требований, функций и ролей социальной среды, способов социального общения и взаимодействия. Степень принятия или непринятия индивидом традиций и стандартов зависит от уровня развития общества и самосознания личности.

Исследования В.Е. Семенова позволяют сделать вывод о том, что социализация имеет существенные связи с менталитетом общества, а вернее, с «синтетическим характером менталитета, что проявляется в типичном характере народа, а также с социально-нравственной системой государства» (Семенов, 2001). Однако российская современность в этом смысле «рождает» разные уровни и «парадигмы» социализации в связи с неоднозначностью как самой государственной идеологии, так и ее принятием или непринятием и непониманием.

Социализация – это не традиционная гоминизация (очеловечивание) Л.С. Выготского, – считает Г.М. Андреева. Это двусторонний процесс, включающий в себя усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; процесс активного воспроизводства индивидом систем социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду.

Резюмируя рассмотрение понятий и понимания процесса социализации разными исследователями, почерпнутыми из разных источников психологического, социально-психологического, социологического плана, В.В. Новиков делает вывод, что социализацию личности можно рассматривать как сложное социально-психологическое явление, которое представляет собою одновременно и процесс, и отношение, и способ, и результат *становления личности* в общении и деятельности.

Для зарубежных психологов характерно также чрезвычайное многообразие теоретических подходов при рассмотрении процесса социализации.

Так, например, Т. Шибутани обращает особое внимание на формирование «конвенциональных значений»: человек в процессе социализации усваивает конвенциональные значения и символы, так как окружение в значительной степени концептуализировано и потому может участвовать в различных коллективных мероприятиях ..., научается проводить более тонкие различия, и, что очень важно, каждый коммуникационный канал, который ему (человеку, – Р.Ш.) становится доступным, вводит его в несколько иное символическое окружение.

При всей привлекательности рассуждений Т. Шибутани настораживает тот факт, что процесс социализации понимается им (и многими когнитивистами) подобно приспособительным тенденциям, присущим живым организмам. Сама постановка вопроса о приобретении конвенциональных значений, их употреблении и переработке является весьма ценной, поскольку в этом

проявляется попытка «определения» социально-индивидуальных и социально-типичных паттернов поведения.

Г. Крайг представляет социализацию как процесс, в ходе которого человек учится быть членом определенной социальной группы (семья, община, племя), важной составной частью которого является приспособление к меняющимся обстоятельствам. Однако такой подход представляется слишком узким, так как практически смыкается лишь с адаптацией, но игнорирует процесс *становления* личности, даже если иметь в виду позицию некоторых психологов, представляющих его (становление) как «накопление» опыта членства разных групп.

Иные аспекты рассматриваются в развернутой Т. Парсонсом социологической теории функционирования общества. Он определяет социализацию как «интернализацию культуры общества, в которой ребенок родился», как «освоение реквизита ориентаций для удовлетворительного функционирования в роли». В основе процесса социализации лежит «генетически данная пластичность человеческого организма и его способность к обучению».

Наконец, социализацию можно рассматривать и как явление, состоящее из ряда «частных» социализаций – когнитивная социализация, половая социализация, политическая, организационная, потребительская, профессиональная (Ж. Пиаже, Л.М. Митина, Р.Л. Кричевский, И.С. Кон, В.И. Страхов и др.) и т.д.

Не вдаваясь в подробности специфики каждого из приведенных определений, можно вычленив общее понимание сущности процесса социализации – это воспроизводство общества, человеческих отношений, опыта, «общественно обусловленных» свойств. Различия взглядов исследователей касаются большей частью не содержания понятия, а механизмов приобретения человеком социального содержания.

Обращение к психологической традиции и анализу различных подходов к пониманию изучаемого явления позволяет предложить следующее определение (Шамионов, 2013). Социализация – это усвоение, накопление и воспроизведение социального и индивидуального опыта, репрезентированного в виде всевозможных значений (знаково-символических форм, смыслов, артефактов культуры), социально обуславливающих внутренние инстанции личности в процессе ее включения в общественные связи и отношения с Другими и продуктами социального и индивидуального творчества в различных пространствах со-бытия.

В настоящее время в науке сложилось, по крайней мере, три подхода к пониманию процесса социализации с точки зрения включенности самой личности в него. Согласно первому подходу социализация рассматривается как процесс адаптации к обществу, которое и формирует личность в соответствии со своей идеологией, культурой.

Второй подход более демократичен, его представители считают, что человек не только адаптируется, но и сам оказывает влияние на себя и свою жизнь. Здесь человек характеризуется своей активностью в процессе социализации.

По мнению А.В. Мудрика, первый подход может быть определен как субъект-объектный, а второй – как субъект-субъектный. Однако современное состояние проблемы требует включения еще, по крайней мере, одного, третьего, подхода – интегрального, в котором человек выступает и объектом, и субъектом социализации (такова, например, позиция Г.М. Андреевой, В.В. Новикова, Б.Д. Парыгина, Л.М. Попова, А.Л. Свенцицкого и многих других психологов, в том числе и наша).

Человек может квалифицироваться и как объект, и как субъект социализации. Общество вообще и институты социализации, в частности, «запрограммированы» всей своей историей существования на то, чтобы человек, во-первых, сам овладел выработанными в процессе истории, развития общества ценностями, ролями, элементами законности, недекларированными и формальными основами человеческого общежития и т.д., во-вторых, сам стал транслятором этой субинформации и как бы включился в определенные институциональные структуры в качестве активного субъекта, т.н. агента социализации.

Кроме того, субъектность социализирующейся личности может состоять уже в том, что ребенок с самого начала выступает как активное существо, обладающее способностью *своеобразно* относиться к тому, что происходит вокруг него, – считает Л.И. Анцыферова, и с этим нельзя не согласиться. Индивид является субъектом психической деятельности (можно понимать, в том числе и как своей личностной составляющей) он благодаря психике изменяет объективные *условия* своей деятельности (К.А. Абульханова-Славская). В этом смысле даже процесс социальной адаптации личности следует рассматривать как активно-развивающий (А.А. Реан). Еще Л.С. Выготский подчеркивал, что в человеке происходит соединение в одном лице пассивной и активной роли. Иначе говоря, социализация есть единство двух процессов: активного приспособления к существующим социальным условиям, реализации полученного социального опыта, а также его передачи другим социализирующимся субъектам.

Итак, можно говорить о личности как субъекте социализации уже постольку, поскольку изначально человек обладает способностью реагировать определенным образом на оказываемые извне воздействия; параллельно и совместно с этим процессом происходит становление субъектности человека, более того, именно в результате социализации человек приобретает способность быть полноправным субъектом социальных отношений.

Тем не менее, объективно воздействие институтов социализации на индивида и, в особенности, на ранних ступенях созревания личности, очевидно. Поэтому вполне логично принять точку зрения Т. Парсонса, что человек «вбирает» в себя общие ценности в процессе общения со значимыми другими, но с учетом ограниченности такого понимания. Например, в процессе воспитания в узком смысле, по образному замечанию Г.М. Андреевой, в процессе целенаправленного воздействия на человека со стороны субъектов воспитательного влияния, то есть, на ранних стадиях становления личности, социализация и воспитание «синкретичны». Воздейственность социальных институтов проявляется и в принуждении. Оно существует везде, где только человек взаимодействует с другими, поскольку личность «чувствует груз необходимости, которой она подчиняется в каждое мгновение своей жизни» (Московичи, 1998). Однако принуждение существует лишь в той мере, в какой индивид сопротивляется долгу, навязанному группой. Иначе говоря, если есть внутреннее сопротивление, следовательно, есть и принуждение.

Наконец, социализация – это непрерывный процесс. Под «непрерывностью» социализации имеют в виду последовательную смену доминирующих институтов, вхождение индивида в новые группы, в которых он может использовать некоторую часть ранней социализации, и продолжить этот процесс в новых для него условиях. Имеются различия в социализации детей и взрослых. Так, согласно Р. Гоулду, социализация взрослых представляет собой процесс преодоления психологических тенденций, сложившихся в детстве, – преодоление «детской уверенности во всемогуществе авторитетных лиц и в том, что другие обязаны заботиться о твоих нуждах», избавившись от которых, «люди становятся терпимее, щедрее, добрее».

О.Г. Бримм различает социализацию детей и взрослых по следующим позициям:

- 1) социализация взрослых выражается главным образом в изменении их внешнего поведения, в то время как детская социализация корректирует базовые ценностные ориентации;
- 2) взрослые могут оценивать нормы; дети способны только усваивать их;
- 3) социализация взрослых часто предполагает понимание того, что между черным и белым существует «множество оттенков серого цвета»;
- 4) социализация взрослых направлена на то, чтобы помочь человеку овладеть определенными навыками; социализация детей формирует главным образом мотивацию их поведения.

Таким образом, различия в социализации детей и взрослых касаются прежде всего динамики усвоения норм, гибкости и «веса» усвоенных норм во взрослости, а также механизмов и критериев.

2.2. Соотношение понятий социализации, воспитания, развития, становления, ресоциализации

В свете рассмотрения понятия «социализация» очень часто употребляются термины «воспитание», «формирование», «развитие» личности, а также «ресоциализация» и «десоциализация». Соотношение этих понятий – вопрос принципиальный, поскольку различные отрасли человекознания включают в них собственный смысл, часто упрощая понимание явления. Споры ученых заключаются в большей мере в дефинициях социализация – развитие, социализация – воспитание и т.п.

В некоторых случаях просматривается тождество между этими понятиями, связанное опять-таки с определением субъектности-объектности личности в этих процессах, в других они резко дифференцируются, наконец, в третьих «взаимопроникают» друг в друга.

В этом смысле важно понимать, что так или иначе рассмотрение вопроса о социализации предполагает становление личности в обществе, в котором как это становление, так и побуждение к нему детерминировано самой социальной средой и природой человека.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ВОСПИТАНИЕ

В дефинициях социализация – воспитание возможно как тождество, так и различие. С одной стороны, воспитание может определяться с точки зрения разных смыслов (например, «в широком и узком», как у самих педагогов), и с этих позиций переменной выступает воспитание (Г.М. Андреева); с другой стороны, имеется попытка фиксирования понятия «воспитания», в этом случае *иногда* воспитание выступает как часть социализации (А.В. Мудрик).

Процесс социализации может пониматься как процесс «воспитания, образования и самовоспитания, где человек самостоятельно определяет для себя цели и достигает их, когда, осознав чувство собственного достоинства, он уверен в своем положении в обществе».

Целенаправленное воспитание, обучение и случайные воздействия в деятельности и общении являются условиями-факторами, через которые, по мнению Н.И. Шевандрина, осуществляется социализация. Однако в таком представлении имеется существенный нюанс, связанный с присвоением «объектности» личности в этом процессе, она понимается как пассивное существо – с одной стороны, и ограничивает этот процесс определенными возрастными рамками – с другой.

В связи с этим становится очевидным необходимость определения места каждого из них в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, по мнению В.В. Новикова, если во взаимоотношениях личности – объекта и субъек-

та социализации последним выступает конкретный человек, – речь должна идти о воспитании, если же социальный институт, – то о социализации. По-видимому, в данном случае необходимо все же иметь в виду, что трансляторами субинформации институтов могут являться и конкретные люди, но выступают в этом качестве без какого бы то ни было целевого содержания по отношению к конкретной личности. Тем не менее, в истории отечественной психологии имеется не мало примеров так называемой «управляемой» социализации, где создание благоприятных условий для нормативной социализации становится существенным фактором становления социально-благоприятной личности. Естественно, социализация в этом случае – процесс стихийный, но условия для нее созданы преднамеренно. Технологии организации подобных условий представлены в работах А.С. Макаренко, А.С. Чернышева и др.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

В дефинициях социализация – развитие личности сходства, видимо, больше, чем различий. Дело в том, что в определении социализации практически всякий раз речь идет о становлении целостности личности и по существу, действительно овладевая социальным опытом, информацией, свойствами, личность обогащается качественно и, собственно, становится таковой, человек постепенно поднимается на более высокий уровень «личностности».

В дефинициях социализация – становление также много общего. Становление предполагает широкий круг явлений, характеризующих изменения личности, в том числе с точки зрения «позитивного-негативного», «просоциального-асоциального», «формирования-саморазвития». Именно поэтому необходимо говорить о социализации как о «становлении личности в процессе».

В силу условий (жизнь человека в социуме), объединяющих названные понятия, в процессе формирования, воспитания, развития постоянно встает необходимость рассмотрения в том или ином контексте и понятия «социализация». Поэтому не случайно в науках, ориентированных на рассмотрение человека как социального существа в единстве его социальных связей и детерминант, существенное место занимают вопросы, связанные с попыткой объяснить, как процесс, так и механизмы социализации.

К сожалению, это происходит часто либо через механическое наложение (или даже подмену) понятий, либо «подведение» под соответствующий предмет. Однако в последнее время наблюдается попытка интеграции усилий в решении проблем, связанных с социализацией со стороны представителей различных наук.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ

Если социализация – это «обретение» социальных норм, качеств, ценностей, то казалось бы ресоциализация – «потеря» соответствующего содержания, способствующего полноценному функционированию личности в группе (социализация с противоположным знаком). Имеется и иное мнение, в частности, Э. Гидденса, согласно которому ресоциализация – это разрушение ранее принятых ценностей и моделей поведения личности с последующим усвоением ценностей, *радикально* отличающихся от предыдущих. Однако ни с тем, ни с другим нельзя полностью согласиться, так как обретенное содержание лишь в самых крайних случаях (например, тяжелых расстройствах психики) может быть потеряно. Совершенно другое дело – ее частичное нивелирование, в результате дезадаптации личности в какой-либо сфере. Иначе говоря, следует понимать под ресоциализацией не вполне регрессивное движение личности как достаточно редкое в одни и частое в другие периоды жизни человека явление.

Вполне ясно, что социализация осуществляется в конкретных группах, но что происходит после прекращения связи личности с этими группами? Так как субинформация институтов не становится «полностью» частью личности (мы уже оговаривали, что лишь наиболее обобщенные формы этой субинформации способны закрепляться, и более того, с возрастом они «сворачиваются» и становятся более стойкими), большая ее часть ввиду не востребоваемости при вхождении личности в другие группы в процессе продолжающейся социализации вытесняется, то есть, наступает частичная ресоциализация. Иначе говоря, социализация и ресоциализация могут быть представлены как элементы «двустороннего» движения. Кроме того, переход на уровень бессознательного той части социального опыта, которая по тем или иным причинам не востребована, тоже может быть описана понятием ресоциализация. Таким образом, говорить о ресоциализации лишь как о явлении, присущем человеку, уходящему в социальное небытие (что само по себе не является достаточным основанием для этого), не правомерно.

Ресоциализация означает лишь смену внешних детерминант личности или частичное их нивелирование при сохранении внутренних. Тем самым снижается конфликтность отношений между внешними и внутренними детерминантами на этом конкретном уровне, хотя на других, новых уровнях (например, внешних оснований в процессе адаптации к новым условиям) такого не происходит: могут быть серьезные изменения – возникает новая доминанта.

При «обратном» движении, например, в случае необходимости взаимодействия со «старой» группой возникает ситуация «вынужденной» социализации, которая требует не меньшей от субъекта энергии, так как человек вынужден заново приобретать или актуализировать прежний опыт.

Таким образом, можно считать, что на фоне социализации наблюдается и ресоциализация, но в разных плоскостях личности, в разных сферах ее актуальных, потенциальных и прежних отношений.

2.3. Институты социализации

Итак, социализация осуществляется через её сферы и институты. Основными сферами принято считать деятельность, общение и самосознание; единство изменений этих сфер – есть процесс социализации. Общей характеристикой всех трех сфер является процесс расширения, умножения социальных связей с внешним миром. Но где именно происходит это изменение? В каких структурах общественного бытия? В конкретных группах, в которых личность приобщается к системам норм и ценностей и общностях – институтах социализации. С одной стороны, институты социализации – «система специально созданных или естественно сложившихся учреждений и органов, функционирование которых направлено на развитие индивидов, прежде всего путем образования и воспитания» (Проблемы .., 1971. С. 75). С другой, «институт» – это сложившаяся в ходе развития общества *форма отношений между людьми*» (курсив мой, – Р.Ш.). Значит, институтами социализации, вопреки некоторому устоявшемуся мнению, могут являться не только «официальные» структуры общества, но и широкий круг явлений, называемых «формой отношения». В последней работе Г.М. Андреевой, например, уже прямо говорится о СМИ, религии как институтах социализации.

Институты социализации, очевидно, обладают устойчивостью, определенной целостностью и динамизмом. Однако в связке «личность – институт социализации» обнаруживается достаточно проблем различного характера, прежде всего, в оказании «определяющего» влияния на личность, с одной стороны, и доверия личности, и, следовательно, «отклика», с другой. Поэтому и сложно «рассчитать» их удельный вес, значимость для всего последующего и актуального становления личности, что необходимо уже постольку, поскольку влияние институтов не может быть абсолютизировано.

На каждом возрастном этапе, на каждом этапе социализации доминируют те институты, которые оказывают определяющее влияние на это развитие, они могут сменяться соответственно становлению личности или сосуществовать (на уровне конкретной личности). Прежде чем квалифицировать эти институты с разных точек зрения, определимся в некоторых общих положениях. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что институты социализации не выступают обычно автономно, то есть они могут «перекрывать» друг друга, каким-либо образом противоречиво выступая или дополняя «общественную информацию». Существует и нечто общее, присущее всем институтам социализации, например, абсолютные ценности, функции институтов социализа-

ции: они призваны содействовать становлению личности, её адаптации в обществе (обществах) и «транслированию» субинформации следующим «социализирующимся» индивидам. Во-вторых, институты социализации являются не только субъектами, но и объектами. Они образуются (стихийно или целенаправленно) в процессе историко-культурного развития общества и уже постольку являются модифицируемыми. Но в силу своей консервативности модификация не динамична, так как общественная безопасность требует стабильности институтов (как «официальных», так и «неофициальных»). Также необходимо упомянуть и о том, что результат социализации «оценивается» обществом в целом через определенные, «писанные и неписанные» модели Личности и Человека, нормы и отклонения.

В модели У. Бронфенбреннера представлены три уровня институтов: 1) микроуровень (семья, школьный класс, группа сверстников); 2) промежуточный уровень – те взрослые, через посредство которых оказывается влияние (мы бы назвали этот уровень опосредующим – в смысле влияния одних институтов через субъектов других институтов); 3) макросоциальные структуры (законы, социальная политика, нормы, ценности общества, традиции и обычаи). Ограничение такого рассмотрения заключается в зауживании процесса социализации периодом детства, а также в «смешивании» институционального и персонального (агентов социализации) влияния.

В модели институциональной детерминации социализации представлены четыре уровня: первичный, вторичный, средовый и массовый (Р.М. Шамионов, 2001). Сообразно этапам социализации они приобретают особое значение в одни периоды и, оставаясь основой, сменяются в другие. Первичная социализация осуществляется во взаимодействии с ближайшим окружением. Вторичная – с институтами общества и различными организациями. Средовая – в процессе вхождения и функционирования в различных средах. Наконец, «массовая» предполагает «обретение» образцов поведения и «субинформации» институтов в «столкновении» с «массовыми институтами». Необходимо учесть и то, что в процессе становления личности количество доминирующих институтов, несущих внешнюю информацию, прогрессивно увеличивается. Усиливаются и межинституциональные связи. Однако следует подчеркнуть, что институты социализации не рядоположны как по определяющему влиянию, так и по степени доверия к их субинформации. Так, результаты исследований позволяют утверждать, что вершину этой иерархии занимают семья и профессия, второй уровень образуют учреждения образования, социально-демографический, социально-географический институты и друзья, третий уровень принадлежит этносу, литературе и религии, наконец, нижний уровень образуют политика и средства массовой информации. Однако, несмотря на такое «недоверие» институтам политики и СМИ, они как институты, находящиеся на более высоких позициях обобщенности и влияния,

воздействуют на личность опосредованно, через значимые для респондентов сферы. Кроме того, мы предлагаем различать их с точки зрения включенности в деятельность и отношения в рамках институтов (как, например, в предлагаемой модели) и «сопутствующего фонового» влияния.

Семья, общество близких людей составляют один из базовых уровней, они отличаются колоссальным доверием субъекта социализации на разных уровнях и этапах его развития. Однако даже здесь субъект «волен» по-разному реагировать на социализирующее воздействие, принимая или «принимая с точностью до наоборот» ценности и установки. Последнее характеризует субъекта относительно поздних периодов социализации. Социум вполне активно принимает это в случае негативных установок (например, родительских) и нетерпим в противном случае. То, что впоследствии может вызывать чувство вины при отступлении от «благородных» и ценимых норм, как раз, возможно, и является механизмом «борьбы за выживание» базальных институтов социализации. Оно, вероятно, откладывается на неосознаваемом уровне или занимает достаточно высокий уровень в ценностной иерархии, но в дальнейшем, при реализации в поведении, не соответствующем ценности, выступает как то, против чего возводится психологическая защита.

Обычно определяют две основные задачи системы образования как института социализации: 1) усвоение нормативного поведения; 2) построение своей собственной позиции, своего отношения к усваиваемым нормам и ценностям. Иначе говоря, у человека должна быть возможность включения в существующие социальные связи и в то же время – сравнения существующих нормативных систем и выстраивания своей собственной жизненной позиции. Однако эти институты менее всего динамичны, и их «собственное» социализирующее воздействие во многом определяется уровнем доверия к личности «транслятора» и потому может по-разному выражаться, начиная с явного принятия и заканчивая явным отторжением субинформации. Вместе с тем в наших исследованиях удалось установить тесную взаимосвязь фактора образования и демографического фактора, а также выявить определенные различия в динамике социализации в зависимости от типа учебного заведения. Так, «сельская» выборка отражает низкую динамику становления личностной зрелости по ряду параметров, что связано, вероятно, с низким уровнем социальных контактов (их числа, разнообразия и пр.), а также «размеренностью» и, возможно, наличием индивидуалистических тенденций. Условия социализации в гимназии оказываются достаточно благоприятными, поскольку учащиеся, имеющие достаточно низкий (в сравнении и с городской, и сельской выборками) уровень личностной зрелости, за время обучения здесь «улучшают» свои показатели, социализируясь в достаточно высоком темпе. Однако наиболее благоприятными для становления параметров зрелости оказываются

условия обычных городских школ, что, вероятно, связано с оптимальным соотношением «овзросляющих» факторов.

Вполне очевидна социализирующая роль института профессии и трудового коллектива. Здесь встречаются «фиксированные» ценности, поставленные и требуемые самой профессиональной сферой (стоит упомянуть, что профессиональная социализация начинается задолго до начала профессиональной деятельности), с одной стороны, и сложившиеся (и временные) нормы и ценности группы – с другой. Требования, предъявляемые к человеку как субъекту той или иной профессиональной деятельности, как показывают Э.С. Чугунова, С.М. Михеева, В.А. Чикер, носят чрезвычайно широкий характер и касаются не только специальных знаний, но затрагивают личность в целом; они существуют в виде представлений об идеальном представителе своей профессии. Такое представление является социальным продуктом и одной из основных составляющих внешних инстанций личности в процессе профессиональной социализации.

Не редко человек, «принимающий» социализирующее воздействие профессии, «не проявляет готовность» на таковое определенной корпоративной группы (или в нем не согласуются прежде принятые профессиональные установки), вследствие чего меняются (или искажаются) представления в целом о всей профессиональной сфере. Возможно и обратное: возникает ситуация «конкуренции» институтов социализации. Этот эффект слишком распространен, чтобы о нем не говорить отдельно, и является общим для большинства институтов. Но как личность адаптируется к такому противоречию и не испытывает при этом длительного дискомфорта? Вероятно, складывается уже в раннем возрасте, на ранних этапах социогенеза некий возможный диапазон норм и ценностей, которые могут образовать единство или «свободу снятия, замены», некое целое, способное обеспечить их сосуществование. Здесь речь идет лишь о сосуществовании ранних и возможных поздних установок без изменения первых (что также вполне закономерное явление), и мы не говорим о «терпимом» отношении к противоречащим ценностям, ибо это есть свойство личности, но о принятии или непринятии таковых.

Друзья, знакомые (особенно в определенные моменты жизни, например, в подростковом возрасте – группа сверстников) – все, кто входит в состав референтных групп, создают институт, выполняющий среди всего прочего и некоторые психотерапевтические функции.

Средства массовой информации, литература, искусство являются институтами-трансляторами ценностей, переработанных («прожитых») другими людьми, признанных обществом и способствующих «культурно-политической» социализации индивида. Степень доверия к ним зависит от социальной конформности, уровня зрелости личности и от объективных условий развития самого общества; с точки зрения субъективного, по данным

В.Н. Куницыной, большинство людей доверяют тем сообщениям, которые соответствуют имеющимся установкам, интересам, ценностям. В.Н. Куницыной было показано, что решающее влияние на реальное поведение человека в сфере СМИ может оказывать факт принадлежности к референтной группе, его социальный и личный статус в ней, ориентация на «лидера мнения» (Куницына, 1974).

Этнос как транслятор норм и ценностей этнической группы, включая родовые поведенческие аспекты и, как показано многими исследованиями, свойства личности, представляет следующий подуровень социализации. Этнос является одним из мощнейших институтов по оказываемому влиянию и востребованности субъектом. Однако степень доверия, согласно нашим данным, зависит на ранних стадиях развития личности от родственно-семейных установок в оценках этноса, а на более поздних стадиях – от численности представителей, стойкости ранних представлений, позитивности отношения к своему этносу со стороны представителей других этносов, если имеется общая тенденция к интеграции с другими, и независима от этого, если этнос «стремится» к «автономизации» (к замыканию), и высок уровень этнической мобилизации. Иначе говоря, это связано со становлением этнического самосознания и этнической идентификации и, следовательно, признанием себя как представителя этноса. Многие исследования последних десятилетий убедительно доказывают сильную зависимость поведения человека от качеств этнической идентичности, где существенную роль играют позитивность и негативность, амбивалентность, измененная идентичность (В.В. Гриценко, Л.М. Дробижина, Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец и др.).

Религия и культовые институты, политика создают еще один подуровень. Доверие или недоверие к этим институтам, чаще всего, обуславливается либо результатами первичной социализации, либо «сознательно принятым решением» личности в силу совершенно разных причин (социальных, личностных (смысловых), культурных и т.п.).

Наконец, геодемографические институты социализации составляют еще один подуровень (социально-географическая, социально-демографическая среда). Это особенности норм, ценностей и традиций сообщества сельчан, горожан, столичных и т.п. жителей, что определяется многими условными функциями, зависящими от расположения субъектов социализации в географическом, культурно-экономическом, социально-психологическом и других планах от условно-центральных (например, «периферия» в географическом, социальном и психологическом понимании) или воспринимаемых большинством проживающих в них как таковые. Широко известны стойкие эффекты подобной социализации, касаясь не только ценностей и установок, но и «особой неповторимой личности» (одесситы, москвичи, петербуржцы). Все это может быть как предметом гордости человека, так и уничижительного само-

отношения, – что также зависит от многих «внутрикультурных» самоотношений и «внекультурных» установок.

Социальные институты оказывают комплексное воздействие на личность индивида – когнитивную, эмоциональную, поведенческую и собственно личностную подструктуры. В отношении *когнитивной* подструктуры осуществляется передача информации, включающей «послания» общества к личности, какой она должна быть, информация о самой личности, её актуальном содержании, что большей частью основано на «экстраполировании» свойств личности и соответствующего поведения в зависимости от общей направленности института, и она достаточно представлена в самосознании самой личности. Воздействие на *эмоциональную* подструктуру выражается в чувственном отражении как самой личности, так и общей психологической атмосферы, в которой она существует; *поведенческую* – это те реальные изменения поведения сообщества, которые происходят в ответ на формы существования личности, её субъектное положение в группе и соответствующее поведение самой личности; собственно, *личностную подструктуру* характеризуется ценностным отношением к ней социума, соответствием отношения личности к группе и обратного процесса и в итоге – самоотношением.

2.4. Становление личности и механизмы и стадии социализации

Проблема механизмов социализации, оставаясь до сих пор актуальной, имеет свою историю в системе психологического знания. Накоплен обширный материал по вопросам законов, механизмов развития, ее «движущих сил», механизмов формирования и социализации личности. Однако по сей день остается много проблем как в плане теоретического описания механизмов, так и в технологических разработках, что обусловлено, в первую очередь, идеологическими рамками отдельных психологических школ. Каждая теоретическая концепция, представленная той или иной научной школой, имеет свои ориентиры в решении этих проблем.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время приобрели силу интеграционные тенденции к рассмотрению проблемы становления личности. Поэтому для понимания этого вопроса целесообразно обращение (хотя бы поверхностное) к основным положениям, выдвинутым некоторыми психологическими школами. Здесь мы не будем рассматривать вопросы становления личностных феноменов, коснемся лишь общих механизмов этого становления.

Согласно психоанализу З. Фрейда, личность формируется почти полностью к концу пятого года жизни ребенка (с этим согласны почти все последователи Фрейда). Она развивается, «отвечая» на четыре основных источника

напряжения: физиологические процессы роста, «несбывшиеся надежды», конфликты и «угрозы». Движущей силой личности является непосредственное или опосредованное влияние инстинктов. Сутью формирования принято считать научение методам уменьшения напряжения – отождествлению и вытеснению (первое относится к моделированию своего поведения по образцу, с которого перенимаются те качества, что приводят к успеху, второе – к замещению недоступного объекта; в результате многочисленных вытеснении создается «запас» напряжения, который служит постоянной мотивирующей силой личности). По З. Фрейду, социализация – процесс «развертывания» врожденных свойств человека, в результате которого происходит становление всех трех элементов личности. Главными критериями зрелости, согласно Фрейду, являются стремление работать, создавая нечто полезное и ценное, и способность любить другого человека ради него самого. Для объяснения процесса развития личности Фрейдом предложены так называемые психосексуальные стадии, продвижение по которым возможно как в прямом, так и в обратном направлении.

Взгляды К.Г. Юнга по проблемам развития личности заметно отличаются. Они сочетают в себе и причинность, и теологию. Личность для Юнга – это продукт, носитель всей родовой истории, и формирование её происходит под влиянием совокупного опыта прошлых поколений. Он рассматривает становление личности как эволюцию на протяжении всей жизни. Поскольку личность не является полностью замкнутой энергетической системой, она не может достичь состояния полной стабильности. Энергия, необходимая для продолжающегося личностного роста, высвобождается благодаря уравниванию архетипа (опыта, повторяющегося во многих поколениях как некой предрасположенности) *самости* (ядро личности), который объединяет многие противоположные качества личности. Однако, не разделяя взглядов З. Фрейда о том, что для поведения человека определяющим является только прошлый опыт, Юнг практически не рассматривает проблемы социализации в детстве. С точки зрения Юнга, постоянному личностному росту индивида способствует творческая жизненная энергия (либидо), что объясняется врожденным бессознательным.

Э. Эриксон – представитель эго-психологии, считает, что становление личности представляет собой последовательную смену этапов, на каждом из которых происходят качественные изменения, появляются личностные новообразования, возникновение которых подготовлено всем процессом предшествующего развития личности. Особенно важно отметить мысль, согласно которой новое в личности может возникнуть и утвердиться лишь тогда, когда в прошлом для него уже были созданы соответствующие психологические и поведенческие условия. Однако, по убеждению Эриксона, стадии развития личности предопределены и являются результатом «эпигенетически развер-

тывающегося плана личности», который наследуется генетически. Механизмами социализации личности понимаются «*личный и социальный кризисы*», представляющие собой вызов, который приводит к личностному росту. Основная заслуга Э. Эриксона состоит в том, что он представил целостную концепцию становления личности, охватывающую все жизненное пространство индивида и учитывающую кризисы возрастного развития, варианты становления качеств личности на различных этапах онтогенеза; впервые им придается равное значение в формировании личности и социуму, и самому человеку.

Приверженцы теории черт личности (Г. Олпорт, Р. Кеттелл, Г. Айзенк) рассматривают становление личности как прижизненное формирование её черт в процессе социализации. Имеются также попытки определить сравнительный «вклад» наследственности и окружающей среды в развитие черт личности. Например, по оценке Р. Кеттелла, около двух третей характеристик личности определяется влияниями окружающей среды, и одна треть – наследственностью.

Г. Олпорт выделяет семь функций в развитии личности, в результате консолидации которых формируется «Я»: телесная самость как опора для самосознания, ощущение самоидентичности, чувство самоуважения, расширение самости (возникновение материального «Я»), образ себя, управление своим поведением, стремление к самосовершенствованию. Развитие каждой функции происходит на определенном этапе жизни ребенка. Г. Олпорт подчеркивает, что генетические факторы и окружающая среда *равнозначны* в своем влиянии на поведение человека. Общим недостатком этих теоретических концепций является то, что в них неполно определены рассмотрены аспекты механизмов социализации.

С точки зрения Скиннера, личность формируют не внутренние психические явления, а окружающая среда. Становление личности происходит в процессе поэтапного, планомерного социального научения, в результате наблюдений над различными социальными «моделями» (родители, учителя, киногерои, старшие товарищи и т.п.). Скиннером разработаны принципы и стратегии, с помощью которых можно эффективно изменять и управлять поведением человека. Иначе говоря, во главу угла здесь ставится формирование социально желательных реакций, механизмом которого становится оперантное научение. Ограниченность подхода Скиннера очевидна уже в плане соотношения «социального» и «социально-психологического». Высшая значимость внешней среды для процесса социализации как его неотъемлемая характеристика также ограничивает этот подход.

Психологи гуманистического направления (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Шостром и др.) считают, что человек от природы способен к самосовершенствованию, сама сущность человека постоянно движет его в направлении

личностного роста, творчества и самодостаточности. Центральная роль в становлении личности отводится мотивам, которые обеспечивают рост конструктивного начала человеческого «Я». Например, у К. Роджерса – это мотив достижения мастерства, в который включены все мотивы человека: его врожденное стремление актуализировать, сохранять и идентифицировать себя, «максимально выявить лучшие качества своей личности, *заложенные в ней от природы*». А. Маслоу считает, что подлинная жизнь возможна только при условии, что человек как свободное существо, будет ответственен за реализацию как можно большего числа возможностей. Движущей силой личности являются метапотребности или мотивация роста, которая связана со стремлением актуализировать её потенциал. Иначе говоря, поведение личности и её развитие регулируются иерархией потребностей.

Таким образом, в данной группе теорий отсутствует обусловленность становления личности социально-историческими факторами. Субъектность в конструировании личности объясняется не объективными детерминантами, а внутренней системой отсчета человека, говоря словами А. Маслоу, «каждый из нас ответственен за то, кто мы и чем становимся».

МЕХАНИЗМЫ

Ряд психологов – приверженцев фрейдизма – выделяет среди механизмов социализации, по крайней мере, четыре – *имитация* (стремление копировать модель поведения), *идентификация* (усвоение установок и ценностей, принимаемых как свои собственные), *стыд* (как переживание разоблачения и позора, связанных с реакциями других людей), *чувство вины* (переживание, связанное с наказанием себя вне зависимости от других).

У западных социологов имеется свое объяснение механизмов социализации. Так, Ч.Х. Кули считает, что в процессе личностного развития (в процессе «интеракций») человек создает свое «зеркальное я», состоящее из трех элементов (что, кстати, несколько соотносится с теорией Мак-Даугалла): 1) того, как, по мнению личности, его воспринимают другие; 2) того, как, по его мнению, они реагируют на то, что видят; 3) того, как он отвечает на воспринятую им же реакцию других. Личность здесь есть субъект интерпретации мысли и чувств других людей. Г. Тард основным механизмом считает *подражание*, которое возводит как к психологическим, так и социальным факторам. У. Бронфенбреннер – прогрессивную *взаимную аккомодацию* (приспособляемость) между активным растущим человеческим существом и изменяющимися условиями, в которых он живет.

В отечественной психологии побудительным механизмом социализации принято считать возникающие в жизни человека внутренние противоречия. Внешние противоречия, по мнению Г.С. Костюка, интериоризируясь, вызывая в самом индивиде противоположные тенденции, вступающие между

собой в борьбу, становятся источником его активности, направленной на разрешение внутреннего противоречия. Это разрешение происходит посредством деятельности, приводящей к образованию новых свойств и качеств личности. Однако такое понимание механизмов социализации личности не является универсальным на всем пути онтопсихологического развития.

А.Н. Леонтьев предлагает следующую «цепочку» для объяснения механизма социализации: «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет .., в качестве преобразованного субъекта, он и выступает как преломляющий в своих текущих состояниях внешние воздействия» (Леонтьев, 1977). Механизмы социализации, по мнению А.Н. Леонтьева, оказываются в плоскости «двойственности связей субъекта с миром, в их двойной опосредованности – предметной деятельностью и общением». Формирование личности, по его мнению, и предполагает развитие процесса целеобразования и, соответственно, развития действий субъекта.

Как бы «продолжая» воззрения А.Н. Леонтьева, общую схему механизмов «присвоения и воспроизводства» социального опыта предлагает А.Г. Асмолов: 1) социальная система, образ жизни в ней; 2) процесс совместной деятельности как основа социализации; 3) формирование личности (интериоризация); 4) проявление личности как субъекта деятельности (экстериоризация); 5) преобразование совместной деятельности социальной группы; 6) преобразование образа жизни в данной социальной системе.

Механизм *сдвига мотива на цель* предполагает следующую схему. На первых порах (в раннем детстве) ребенок выполняет требуемое действие (цель) ради общения с матерью (мотив). Затем на это действие проецируется все большее количество положительных переживаний, посредством которых правильное действие приобретает самостоятельную побудительную силу или становится мотивом. Иначе говоря, «цель приобретает статус мотива» через её насыщение положительными эмоциями. Особо подчеркивается, что этот механизм действует на всех этапах развития личности, лишь меняются основные мотивы общения.

Механизм *идентификации* заключается в подражательных действиях человека. В дошкольном детстве происходит идентификация с родителями: перенимаются манеры, интонации, отношения, особенности поведения. Особенностью этого процесса является его неосознаваемость. В дальнейшем круг лиц – объектов идентификации расширяется, что облегчает вхождение человека в новые социальные позиции и способствует образованию качественно новых личностных структур.

Механизм *принятия и освоения социальных ролей* отличен от идентификации более высокой степенью обобщенности и отсутствием персонализации эталона. Набор социальных позиций и ролей достаточно разнообразен. Процессы вхождения и освоения ролей связаны со значимыми моментами в

жизни индивида, причем каждый человек может «проигрывать» и быть задействованным в нескольких ролях. В социальной психологии считается, что чем выше статус человека, тем больше ролей им освоено. В ходе освоения и выполнения ролей появляются новые мотивы, происходит их соподчинение, видоизменяются системы взглядов, ценностей, этических норм и отношений. Наконец, механизмы социализации личности действуют совместно, в своем единстве, как считает Ю.Б. Гиппенрейтер, тесно переплетаясь и усиливая друг друга.

Еще более конкретизирует проблему становления личности при рассмотрении ее механизмов А.В. Петровский, который считает, что это есть становление особой формы целостности, включающей в себя четыре формы субъектности: витального отношения к миру, предметного отношения, общения и самосознания. В этой же традиции А.В. Петровский выделяет два типа закономерностей развития личности, характеризующих его механизмы. Это, во-первых, *противоречие* между потребностью в персонализации (высшая в иерархии, по А.В. Петровскому) и тенденцией референтных для него общностей принимать лишь те проявления индивидуальности, которые соответствуют ценностям этих общностей, и, во-вторых, – *развитие* в результате вхождения в новые группы, выступающие в качестве институтов социализации индивида, которые становятся для него референтными и вследствие изменения его социальной позиции внутри стабильной группы. Основная гипотеза сформулирована им следующим образом: «... личность формируется в группах, иерархически расположенных на ступенях онтогенеза, характер развития личности задается уровнем развития группы, в которую она включена и в которой она интегрирована».

Важнейшей закономерностью процесса социального становления личности является наличие в нем двух противоположных тенденций (механизмов) – *типизации и индивидуализации*. В первом случае – это виды стереотипизации, формирование заданных группой и общих для ее членов *социально-психологических свойств* и т.п. Во втором — накопление человеком индивидуального опыта социального поведения, выработка своего отношения к предписываемым ему ролям, ценностям, установкам и т.д.

При всем многообразии выделенных когда-либо механизмов социализации необходимо обратить внимание на недостаточную разработанность этого вопроса. Требуется различение операциональных и побудительных механизмов.

В результате интеграции взглядов исследователей на социально-психологическую специфику механизмов становления личности, в дополнение уже описанным, представим несколько операциональных социально-психологических механизмов:

1) *идентификация* – отождествление индивида с некоторыми людьми или группами, позволяющее усваивать разнообразные нормы, отношения и формы поведения, которые свойственны окружающим;

2) *подражание* как сознательное или бессознательное воспроизведение индивидом модели поведения, опыта других людей, манер, движений, поступков;

3) *внушение* – процесс неосознанного воспроизведения индивидом внутреннего опыта, мыслей, чувств, состояний тех людей, с которыми он взаимодействует;

4) социальная *фасилитация* – социализирующее влияние поведения одних людей на деятельность других, в результате которого их деятельность протекает свободнее и интенсивнее;

5) *конформность* – осознание расхождения во мнениях с окружающими людьми и внешнее согласие с ними, реализуемое в поведении и др.

СТАДИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В отечественной психологии имеются, по крайней мере, два подхода к квалификации стадий социализации. Так, Я.И. Глинским выделяются четыре стадии социализации: 1) ранняя – от рождения до поступления в школу; 2) обучение (с момента поступления в школу до окончания очных форм общего и профессионального обучения); 3) социальная зрелость; 4) завершение жизненного цикла (с момента прекращения постоянной трудовой деятельности в рамках официальной организации). Практически в этой же традиции, увязывая социализацию с трудовой деятельностью, выделяются три этапа социализации: дотрудовая, трудовая и послетрудовая стадии. Второй подход связывает этапы социализации с установившимися в науке этапами развития (формирования) личности.

В связи с этим рассмотрим этапы формирования личности, выделенные А.Н. Леонтьевым, по выражению которого личность рождается дважды. Это, собственно, две критические точки личностного развития. Первая часть этого становления относится к дошкольному возрасту, когда «проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий», подчинение побуждений требованиям социальной среды. Это этап-стадия стихийного складывания личности. Второй этап-стадия («рождение») связан с возникновением «сознательной личности» – способностью к самосознанию, саморучководству. На этом этапе происходит соотнесение мотивов друг с другом: подчинение и переподчинение – становление этого движения и выражает собой становление связанной системы личностных смыслов – становление личности.

При всем вышесказанном не следует понимать, что становление личности представлено дискретно, напротив, это непрерывный, стадийный про-

цесс, и критические точки являются событиями, «изменяющими ход всего психического развития».

Выступая как субъект и объект общественных отношений, в процессе социализации личность проходит через три стадии: *адаптации* (усвоение социальных норм, овладение формами и средствами деятельности), *индивидуализации и интеграции* (сохранение тех индивидуальных черт, которые отвечают необходимости и потребностям группы), с одноименными механизмами (А.В. Петровский).

Стадия адаптации (период детства) характеризуется тем, что здесь происходит вхождение в мир людей, усвоение действующих ценностей и норм, овладение соответствующими средствами и формами деятельности, в результате чего происходит в определенной степени уподобление индивида другим членам общности.

На стадии индивидуализации происходит обособление индивида, порожденное обостряющимися противоречиями между необходимостью «быть как все» и стремлением к персонализации. На данной стадии наиболее важным является воспроизводство социальной информации в индивидуальных формах.

Стадия интеграции предполагает достижение некоторого баланса между человеком и обществом. На данной стадии складываются социально-типические свойства личности. Интеграция детерминируется противоречиями между стремлением индивида быть идеально представленным своими особенностями и отличиями в общности и потребностью общности принять лишь те его индивидуальные особенности, которые способствуют ее развитию и тем самым развитию его самого как личности в группе. В случае, если противоречие не устранено, наступает дезинтеграция и, как следствие, либо изоляция личности, либо ее вытеснение, либо деградация (см. темпоральные факторы социализации).

Между тем, адаптация, индивидуализация и интеграция – процессы, пронизывающие весь период социализации, активизация которых возможна в любое время при возникновении соответствующих условий (смена групп, изменения в индивидуальной судьбе и пр.).

Как уже не раз отмечалось, исторический опыт человека личность присваивает в активной форме посредством деятельности. Однако остаются не до конца выясненными закономерности становления личности в период взрослости, когда кардинально меняется социальная ситуация (экономическая независимость, смена статуса личности, видов деятельности и др.). Начало работы по изучению закономерностей становления личности (в рамках интегрального исследования индивидуальности) в условиях трудовой деятельности было положено представителями Ленинградской психологической школы

под руководством Б.Г. Ананьева. В настоящее время такого рода исследования ведутся применительно к субъектам различных видов деятельности.

В период взрослости все большую роль в становлении личности начинают играть «активность самой личности, её зрелость, направленность и рефлексия». Говоря словами Б.Г. Ананьева, создание собственной среды, благоприятной для *развития*, требует многих лет напряженной деятельности человека во многих социальных ситуациях (экономических, правовых, социально-психологических). И здесь следует говорить о критериях социализированности, социальных взаимозависимостях как основы становления личности, о субъектности человека в отношении становления своей личности и т.п.

2.5. Критерии и эффекты социализации

Критерии социализации охватывают широкий круг психологических, социально-психологических, политических, морально-этических и др. явлений и составляют интегральные системные образования.

В результате анализа различных составляющих социализации выделены следующие критерии, по которым определяются различные уровни социального развития:

- 1) степень включенности индивида в трудовую деятельность (степень усвоения определенных профессиональных знаний, навыков, социальных ролей, выполняемые социальные роли);
- 2) характеристики институтов социализации, оказывающих доминирующее влияние на индивида на данной стадии социального развития;
- 3) основные способы социализации, т.е. опосредованные ведущей деятельностью взаимоотношения с окружающими, определяющие социально-психологическое развитие личности на данном этапе;
- 4) социально-психологические механизмы социализации, оказывающиеся преобладающими на данной стадии социального развития;
- 5) уровень развития самосознания личности и степень проявления ее субъектно-активного начала как по отношению к своему ближайшему окружению, так и по отношению к себе как объекту и субъекту.

Наиболее общим критерием «личностной» социализации является социальная зрелость личности (в широком общественном ее понимании), соответствующая каждой стадии ее становления. Поэтому среди «собственно личностных» выделяют такие критериальные образования, как личностная (социальная) зрелость, эффекты самоопределения (личностного и профессионального), саморазвития, социальная успешность, самоактуализация и др. Вместе с тем нельзя сказать, что качественная составляющая критериев и эффектов социализации неизменна. Здесь имеется несколько базовых категорий (мало изменяющихся норм), категорий второго порядка – изменяющихся со

сменной эпох, развитием общества, третьего порядка – «поколенного» и, вероятно, четвертого порядка – «местных», ситуативных изменений. Однако функция и, следовательно, назначение и «собственно критерии» более или менее постоянны. Иначе говоря, могут меняться средства социализации, удельный вес и соотношение социализации и воспитания. Вероятно, наиболее удачная система воспитания та, в которой субъект «незаметно» приобретает полезные для общества и своего статуса социализации качества, установки, свойства и т.п., а система воспитания создает лишь определенные условия для этого. При этом сохраняется то основание, которое требует этого процесса: личность человека, его субъектность и объектность одновременно в отношениях, взаимодействии, самосознании и т.п., прогрессивное движение личности и общества в целом.

Критерии – это те ориентиры, которые явно или неявно представлены и в личности (отражаемы ею). Именно поэтому согласование с ними как внешними детерминантами выступает фактором удовлетворенности. Совершенно естественно полагать, что понимаемые или интуитивные (не вполне осознаваемые) критерии и общественные критерии могут существенно расходиться в зависимости от степени социализированности, доверия человека к институтам и агентам социализации и их направленности, количества и «отношений» значимых институтов, уровня познавательного (особенно важен социальный интеллект) развития, адекватности отражения объективных параметров среды и т.п. Чем «ближе» эти позиции, тем больше ожидания просоциального поведения субъекта. В противном случае возникает ситуация «нестандартной» социализации с огромной массой оттенков и полюсов в различных измерениях, что само по себе вполне естественно.

Примерами негативной социализации могут стать принятие антисоциальных установок, норм и свойств личности, что мы часто наблюдаем в «закрытых» системах. Это выражается не только в адаптации к ним, но и в принятии этих норм, противоречащих ранее усвоенным просоциальным. Нам представляется, что такая ситуация возникает в случае адаптивного поведения субъекта, социальной незрелости и невыраженности критического мышления в структуре личности, а также это есть показатель наличия «нормы» на автоматическую адаптацию к *любой* субкультуре, независимо от её направленности (что, однако, отлично от конформности). К примеру, в подростковом возрасте негативная социализация, по данным Л.М. Попова, может реализовываться на уровне группообъединения личностей с антисоциальным складом (или, по крайней мере, ядром из таковых) на основе (и в сопровождении) элементов подростковой субкультуры, отвечающих их нереализованным потребностям (Попов, 1992).

Позитивность социализации – очень сложное со всех точек зрения качество. Оно незримо присутствует практически во всех исследованиях, но не

обнаруживает своего определения, видимо потому, что до сих пор человечество так и не решило, «что же хорошо и что плохо». Одна метафора К.Г. Юнга, до сих пор не оцененная по достоинству: «... освобождение от противоположностей предполагает их функциональную равноценность; ... *кооперация* моральных противоположностей является естественной истиной» (Юнг, 1991) (курсив мой, – Р.Ш.), может помочь в определении смысла противоположностей, объединит их в целое, не разрушая сущности. Однако и здесь К.Г. Юнг признает, что такая позиция связана с исторически сложившимися представлениями, сконцентрированными в традиционных религиях – институтах социализации (что вполне естественно для даосизма, не является таковой, например, для христианства). Видимо, большая «релятивность» оценок в этом вопросе – дело времени и развития институтов социализации. По крайней мере, история преподносит примеры эволюционного, все более терпимого отношения общества к некоторым моральным противоположностям.

Вся логика социализации состоит в том, что в ее процессе, как подчеркивал Л.С. Выготский, осуществляется переход от социального воздействия вне личности к социальному воздействию внутри личности, в том числе и в отношении собственного развития. Временные рамки такого «перехода» часто непредсказуемы, так как зависят от объективных показателей личностного становления человека, способности к рефлексии, соотнесению внешних и внутренних инстанций.

Понятие «эффекты социализации» было введено Б.Г. Ананьевым. Оно подразумевает наличие психологических явлений, свидетельствующих о мере и глубине социализации. Конкретизируя эти явления, Б.Г. Ананьев называл сложные явления мотивации, формирование черт характера, образование социальных установок и т.п.

Основной задачей социализации личности является формирование социальной конгруэнтности, предполагающей ее способность ориентироваться в социальных условиях, включаться в совместную с другими деятельность и адекватно реагировать на отношения других. Однако другой стороной этой задачи является личностная конгруэнтность. Невзирая на условное разделение этих явлений многими психологами как противоположных и даже подчиняющихся двум противопоставляемым процессам – социализации и индивидуализации, они предполагают взаимную согласованность (одно предполагает другое!); соотношения между социальной и личностной конгруэнтностью весьма сложны. Не вдаваясь в рассуждения об их соотношениях, лишь отметим, что вне социальной конгруэнтности не может быть и личностной. В связи с этим важно заметить, что одним из важнейших показателей личностной (социальной) зрелости человека и одновременно его психологического благополучия признается автономность. Вполне очевидно, что автономность вовсе не означает оторванность личности от социального контекста. Это, скорее,

тот уровень социализированности, который характеризует достаточную степень социальности личности, наличие внутреннего сконцентрированного социального контроля, способного не только регулировать поведение, но и порождать идеи, соотнесенные с широким социальным контекстом, опытом многих поколений.

Эффекты социализации могут быть рассмотрены и с точки зрения категории времени. Так, эффектом социализации является так называемая «опережающая», своего рода «нетипичная» социализация, при которой субъект выходит за рамки своего социального отражения (социум «не принимает»), но в силу своей самодостаточности личность не стремится к адаптации. Она привносит нечто новое и конструктивное, что позволит изменить ситуацию для последующих поколений (примерами могут служить хотя бы «диссиденты» в России с отличными от общепринятых своими нормами, установками и ценностями). Тем самым такая личность становится субъектом социализации, пройдя тернистый путь социального непонимания, неприятия или даже осуждения. Общество впоследствии выражает благодарность (и в чем-то даже покаяние за свою нетерпимость) или боготворит (например, Иисус, пророки) такую личность, поскольку она привносит позитивную динамику в него и способствует социализации следующих поколений. Однако как бы общество не нуждалось в обновлении, такие личности им не принимались до определенного времени и, вероятно, в будущем оно не будет терпимее. Такого рода противоречия типичны для всех культур на протяжении всей истории человечества. Причиной может являться постоянное действие закона самосохранения социума, его стремление к консолидации индивидов, например, для тех же социализирующих воздействий, и противоречия между институтами. Более того, как подчеркивает В.В. Козлов, структурные изменения личности затруднены уже постольку, поскольку любая подструктура личности закреплена еще и в обществе, а общество ригидно. «Здоровый» консерватизм общества является механизмом его выживания и залогом его выживаемости, в противном случае (история постоянно преподносит примеры исчезнувших «цивилизаций») оно приходит к упадку, который выражается не в развале культуры, а в «раздрае» социальных институтов, благодаря чему они перестают удовлетворять требованиям современности и эволюционного развития самого общества; время жизни человека неимоверно мало, чтобы в его пределах общество смогло провести своего рода «экспертизу» на полезность или вредность предлагаемых ценностей. Следовательно, и здесь существует некая борьба за выживание социальных смыслов, норм и ценностей, которая предопределена самим смыслом существования социального сообщества и является её закономерностью, стало быть, опережающая социализация и её эффект – социально-опережающее саморазвитие – с определенной циклическостью (в каждом последующем поколении) будет повторяться.

Институты социализации функционируют в постоянном режиме субъективизации личности, того самого «социального воздействия внутри личности». Это относится и к её собственному развитию, становлению, на основе базисных влияний и их принятия личностью, своими силами, технологию которой как раз и формируют эти институты с опорой на познавательную сферу человека. Временные рамки могут быть недостаточными. Это зависит от личностного развития индивида, способности усматривать в своей системе ценностей и установок несогласованность с эталонами, способности «увидеть» проблемы социальных отношений и себя в единстве (например, вплоть до среднего или, даже, старшего возраста). Данный эффект можно было бы назвать *эффектом «отсроченной социализации»*. В то время, когда институт уже не способен активно влиять на становление личности индивида и «нести за это ответственность», вступают в силу эти отсроченные механизмы. Они «изнутри» активизируют субъекта при вхождении того в «пусковые» и соответствующие ситуации сначала в размытом, а затем все более отчетливо определенном направлении. Личность, казалось бы, оказывается вне сферы непосредственного влияния института социализации, однако в действительности она подчинена её установкам и побудителям. С одной стороны, рассматриваемое явление способствует становлению личности при условии созревания структур самосознания, с другой, – может оказаться и серьёзным препятствием к этому. Все зависит от меры позитивности и уровня «возможной субъектности» индивида в эффектах социализации; иначе говоря, от определенной для личности меры свободы в своем становлении. Это не означает, что «чем больше свободы, тем лучше», так как такого рода свободой личность должна суметь распорядиться, то есть, она должна иметь элементарные, свойственные для человеческого общества нормы, установки, свойства. «Абсолютная свобода» не дает такой возможности – возможности к развитию и становлению (человек *вынужден* пожертвовать частью своей свободы и независимости, дабы стать Человеком и Личностью).

Примерами такого отсроченного действия могут служить всякого рода «чувство долга» или «чувство вины», стремление «быть как все» (в противовес некоторой «непохожести») или, напротив, «быть индивидуальностью» (последнее, как это ни покажется парадоксальным, также может иметь свой предмет). Известен и доминирующий институт социализации.

Отсроченная социализация как явление возможна и при временно стабильных состояниях в становлении личности, а также при вовлеченности индивида в новые условия социализации с принципиально новыми предметными содержаниями этих процессов. В этом случае возможна, как мы уже указывали ранее, «борьба» институтов, которая вероятнее всего будет «терзать» личность противоречивыми тенденциями (разные тенденции создают диссонансные отношения) до тех пор, пока одно из доминирующих направлений не

окажется наиболее приемлемым, и механизмы психологической защиты не доведут его до уровня, «ранга» единственно правильного и соответствующего концепту личности. Часто это оказывается действительно прогрессивным движением для индивида, что не обязательно сводится к саморазвитию в чистом виде.

В целом, рассматриваемое явление связано не только с саморазвитием, но и существованием личности в социуме вообще. Не является ли «проигрывание» жизненного сценария выросшими детьми или тенденциозное его построение примерами того? Это говорит о том, что до определенного момента ценности и установки могут находиться на латентном уровне воспроизводства, а «отсроченная социализация» – являться механизмом активизации всех факторов социализации в едином направлении.

Для психологической практики очень важно определение названных и других эффектов социализации с целью выявления возможностей субъекта в социализации на разных возрастных этапах и использования их в качестве теоретической базы деятельности, а также в качестве опосредованного инструмента психологической помощи и поддержки, исходя из «внутренних» (интериоризованных субъектом), потенциальных и внешних предпосылок поведения.

В результате исследований, проведенных в 2000-2001 гг. (Р.М. Шамионов, 2001), было показано, что различные интегральные социально-психологические образования выступают в виде динамичных, но наиболее актуализирующихся на определенных этапах становления личности. На разных ступенях развития (социализации) личность не только «количественно» отличается от своего предшествующего содержания, но, в первую очередь, качественно. Поэтому предлагается рассматривать не один критерий в развитии, но последовательную смену «интегральных» критериев. Это согласуется с общенаучным положением о системах со сменными основаниями теории иерархических многоуровневых систем.

Так, в подростковый период социализации *интегральным* критерием является сформированность системы общения подростка, социальная адаптированность, его интеграция в группы сверстников, в юношеском возрасте – личностная (социальная) зрелость, в старшем юношеском и первой трети молодости – эффекты самоопределения личности (профессионального и смыслового), в зрелости – самоактуализация личности. *Линейные* критерии – ценностно-мотивационная структура, убеждения, социальные установки, структура социальных ролей, отдельные свойства личности могут быть рассмотрены как явления, пронизывающие процесс социализации на всех этапах и стадиях.

2.6. Нормативность и издержки социализации

Социальные нормы появились, очевидно, с появлением обществ в полном смысле этого слова. Были попытки формализовать их через религиозные каноны; с усложнением жизнедеятельности и политическими изменениями стали возникать своды законов, но всегда параллельно этому выявлялись неписанные правила, те нормы, о которых имело представление большинство людей соответствующей эпохи соответствующей местности. Они были включены в традиции, мифологию и прочие продукты культуры. Сегодня количество и качество норм в связи с дифференциацией общества существенно изменилось, и так называемые общечеловеческие ценности вовсе не кажутся столь незыблемыми.

Как известно, усложнение отношений между различными социальными субъектами, вхождение индивида в различные социальные группы и подверженность его различным институциональным влияниям, которые обнаруживаются на протяжении достаточно долгого времени, создают условия для противоречивости самих усваиваемых норм. С одной стороны можно констатировать, что стандартизация жизни и наличие различных норм способствует высвобождению творческих и иных ресурсов для жизнедеятельности, а с другой – как раз становится своего рода тормозящим фактором этого высвобождения.

Научно-психологическое изучение этого феномена связывается с началом исследований, определивших в немалой степени интерес психологов к явлению массовой культуры, и «норм масс», в которых обнаруживается унификация, упрощение императивов. В силу этого естественно обращение исследователей к вопросу о том, что есть норма и «не норма» в социально-психологическом облике современного человека. Возникает необходимость управления процессом социализации на основе его изучения в различных условиях.

С точки зрения анализа эффектов социализации, существенное внимание необходимо уделить обобщенному его показателю – социальной зрелости. Очевидно, социальная зрелость и является тем феноменом, который характеризует определенную нормативность с точки зрения поведения, деятельности, и в целом, социального существования. Наиболее общими ее личностными показателями являются ответственность, терпимость, позитивное мышление, самостоятельность, социально-интеллектуальные особенности, иерархичность ценностей и др. (Реан, 1995; Шамионов, 1997), степень выраженности которых различается в зависимости от стадии социализации. Нормативность социализации операционализируется в ее критериях, которые могут быть представлены в несколько уровней: интегральные – социальная адаптированность, личностная зрелость, эффекты самоопределения, субъек-

тивный контроль, самоактуализация, частные – социальные потребности, установки, убеждения, стереотипы, ролевые композиции, ценности, мотивы, личностные смыслы, «темпоральные» – отсроченная, адекватная и опережающая, «по детерминации» – включенность в деятельность, способы и механизмы социализации, доминирующие институты, степень субъектности.

Автономность управления (и контроля) в соответствии с усвоенными нормативными представлениями (социальный контроль внутри личности) определяет способность личности «отъединиться» от частной культуры, проявляя высокую степень субъектности в отношении собственной жизни и той группы, к которой она себя относит. Диалектика адаптации и индивидуализации очень сложна; поэтому в процессе социализации необходимы как усилия, направленные на усвоение норм, так и их оценку и селекцию. Очевидно, ориентация лишь на «обобщенные», не привязанные к конкретным группам нормы (собственно институциональные) или, напротив, лишь на частные групповые ведет к издержкам социализации.

Так, несмотря на эти, казалось бы, очевидные выходы социализации, стремление институтов к стандартизации «среднестатистического» человека приводят к издержкам, заключающимся, прежде всего, в избыточном определении и чрезвычайной устойчивости некоторых установок и нормативных паттернов обобщенного характера, приводящих как раз к социальной дезадаптации. Это связано с односторонностью самого процесса социализации, при которой не усваиваются, не учитываются иные аспекты явления или ситуации, что и характеризуется понятием «социальная ригидность». Иначе говоря, при условии усвоения норм, ценностей и установок отдельных институтов, обнаруживается недостаточное развитие социального интеллекта. Это требует определения процесса социализации относительно не только норм и другой социальной информации, но и способности индивида ориентироваться в социальном пространстве, пользоваться различными наборами когний и оперировать ими в создании многозначного контекста относительно широкого круга ситуаций, требующих принятия решений. С точки зрения общественной морали, такого рода эффекты социализации вполне приемлемы, но с точки зрения психологической практики, когда обнаруживается дезадаптация личности, они требуют определенных изменений.

К примеру, в исследованиях субъективного контроля (Шамянов, 2004), было показано, что в случае его избыточности (высокий уровень интернальности) в сфере неудач, например, ярко выражена неудовлетворенность собой. Это значит, что социум в ряде случаев в качестве нормы транслирует установку на неудовлетворенность при принятии *ответственности на себя* за свои ошибки и неудачи, в противном случае (экстернальность), напротив, выявляется удовлетворенность собой. В этом проявляется навязывание ответственности за неуспех, неудачи самому субъекту, а за достижения

– внешним факторам («все достижения – дело случая или помощи других, а неудачи – это твои проблемы»). Социальный «сверхконтроль» внутри личности влияет на всю ее психологическую структуру, делает личность ригидной и тревожной, о чем не раз свидетельствовали исследования в области функциональных расстройств, семейного воспитания и пр.

Другой аспект издержек социализации заключается в недостаточности формирования отдельных обобщенных ценностей, норм, реализации деструктивных стратегий поведения. Исследователи чаще уделяют внимание этим проявлениям издержек, называя их «виктимными». Речь, прежде всего, идет о высокой степени агрессивности, поведении, идущем вразрез с обобществленными социальными нормами.

В выполненном Л.В. Шориковой под нашим руководством исследовании взаимосвязи агрессивности и ценностных ориентаций позволило определить значимую отрицательную связь между агрессивностью и значимостью ряда ценностей, традиционно относимых к «нормативной» жизни в обществе (семья, мудрость, природа и пр.). Анализ структур ценностных ориентаций также позволил выявить значимые различия, заключающиеся в факторе устойчивости системы. Так, у агрессивных выявлена крайне неустойчивая система ценностей, определяющая и неустойчивость поведения и формирования нравственных императивов.

Речь идет о той степени агрессивности, которая не приветствуется обществом, поскольку определенная ее «доза» включена в социальную норму.

Для психолога в вопросе о нормативности социализации принципиальным является вопрос о репрезентации норм, т.е. представлении личности о круге явлений, через который нельзя переступить.

Однако в имплицитных концепциях нормативного поведения оказывается затруднительным выделение самих норм, но отчетливо выделяются определенные критерии нормативного поведения. Это соответствие социальным нормам, ожиданиям, этикет, «жизнь по правилам, не мешающим жить остальным», активная деятельность и прочие. В соотнесении норм общечеловеческих, общественных и групповых прослеживается четкая динамика от общечеловеческих к узкогрупповым, что означает наличие стремления субъектов общественных отношений соответствовать групповым нормам лишь в соотнесении с общечеловеческими.

В результате исследований (Шамянов, 2004) также показано, что стремление соответствовать социальным нормам связано с субъективным благополучием и особенно с такими его показателями, как значимость социального окружения, напряженность и чувствительность. Такие стратегии социального поведения, как независимость от групповых стандартов и ценностей, принятие борьбы (активное стремление личности участвовать в групповой жизни, добиваться более высокого статуса в системе межличностных

взаимоотношений) связаны с неблагополучием. Очевидно, социальная установка на просоциальность, интеграцию с группой является существенным фактором душевного благополучия.

Не случайно, внутреннее стремление индивида к принятию групповых стандартов связано с такими ценностями, как «наличие хороших друзей» и «признание». Интересно и то, что установка «принятие борьбы» в значительной степени связано с такими ценностями, как «красота природы и искусства», «материально обеспеченная жизнь», «познание», «развитие», «творчество». Исходя из этих данных, можно предположить, что принятие борьбы как стратегия поведения является большей частью стратегией социального успеха в современных условиях в том его понимании, в котором ценности самоактуализации не столь значимы, как материальные ценности; стремление к высокому статусу в системе межличностных взаимоотношений оказывается не подкрепленным ценностями роста, развития, очевидно, в связи с преобладающими в обществе установками относительно социального статуса.

Необходимо остановиться и на вопросе о самих качественных характеристиках социальных норм, которые связаны с уровнем общественного развития. Эта связь становится основанием того, что сами нормы порой идут вразрез с психологическим благополучием индивида, так что бывают небезопасны для него. Как считает А.А. Понукалин, в настоящее время большинство находится в состоянии субъективной неопределенности. Эта неопределенность есть норма для данной эпохи данной страны. Иначе говоря, те нормы, которые приняты в определенных кругах, регионах не всегда соотносятся с общественными нормами, что становится существенным фактором виктимизации личности. Из этого следует и то, что на уровне общества должны быть разработаны программы, с помощью которых можно было бы оценить степень нормативности тех или иных групп и предпринять шаги на основе этого, позволяющие скорректировать их. Речь идет об операционализации нормативной социализации.

Однако необходимо учесть и тот факт, что за стремлением к нормативности институты социализации не определяют границы нормативности. С одной стороны, это связано с необходимостью автономной регуляции поведения человека, с другой – творческой самореализации личности, где опять-таки существует огромный диапазон возможностей.

Очевидным представляется и то, что важно «разграничить» нормативность общественную и корпоративную и говорить об издержках социализации лишь в том случае, если имеется противоречие между ними. В иных случаях (что не запрещено, то разрешено) – о социально приемлемой нормативности социализации.

2.7 Системный анализ и диахронический подход к социализации личности

Социализации не поддается какому-либо линейному описанию. Это сложная, многоуровневая и нелинейная система. Важным положением теории нелинейных иерархических систем является положение о движении оснований, сменность детерминант в процессе становления человека. В нашем исследовании мы конкретизировали это положение до уровня социализации личности, и предложили системное понимание социализации как процесса и результата усвоения и трансляции социальной информации, утверждающее приоритетность детерминантных отношений, разворачивающихся на уровне субъектов социализации (Шамионов, 2000). Вместе с тем, анализ процесса социализации неминуемо требует включения принципа диахронии, поскольку необходимо понять не только характер временных изменений, но и противоречивую согласованность становления различных (разноуровневых) инстанций личности, те внутренние (и латентные) изменения, которые создают основу для прогресса всей системы.

Действительно, личность в процессе социализации представляет собой динамическую систему со множеством взаимосвязанных подсистем (например, внутренних и внешних инстанций личности, детерминант, критериальных образований социализации, оснований, факторов и т.п.), образующих иерархию (иерархия подсистем определяется не только их значимостью, важностью с точки зрения «вклада» в структуру личности и определения последовательного социального поведения на разных стадиях и уровнях социализации, но и ситуативной (одномоментной) значимостью каждой). Однако, исследования социализации личности чаще ограничены либо отслеживанием обретения норм отдельных областей социального опыта (в сфере экономической, политической, этнической, профессиональной и т.п. социализации), либо некоторых ценностно-установочных образований, реже интегральных характеристик. Между тем отдаленные цели подобных исследований столь же далеки от изучаемых образований, поскольку запрос заключается чаще в определении сформированности ее эффектов (тех результатов, социализации, которые ожидаемы со стороны общественных институтов). Речь идет об эффектах именно в том понимании, которое культивировалось Б.Г.Ананьевым – феноменах, свидетельствующих о глубине и качестве социализации. Социализованность личности означает не просто обладание определенным социальным опытом, но ее способность быть субъектом социальных отношений с соответствующей (ожидаемой) конгруэнтностью личности нормам социальных институтов и, соответственно, адекватность последовательного поведения личности этим нормам. Ранее в нашей работе было сделано следующее заключение: «...различные интегральные социально-психологические обра-

зования выступают в виде динамичных, но наиболее актуализирующихся на определенных этапах становления личности. На разных ступенях социализации личность не только «количественно» отличается от своего предшествующего содержания, но, в первую очередь, качественно. Поэтому предлагается рассматривать не один критерий в развитии, но последовательную смену «интегральных» критериев. Это согласуется с общенаучным положением о системах со сменными основаниями теории иерархических многоуровневых систем» (Шамяонов, 2002).

Для правильного понимания сложной системы продуктивен иерархический подход, предполагающий анализ системы сверху вниз или снизу вверх: анализируя какой-либо слой системы можно либо детализировать знания, двигаясь вниз по иерархии, либо добиться более глубокого понимания системы, двигаясь вверх по иерархии (Цит. по: Месарович, Мако, Такахара, 1973, С.62). Это связано с тем, что каждая подсистема рассматривается как составная часть вышестоящей. При этом, она подчинена ей в своих проявлениях и сама определяет свойства вышестоящей системы на основе собственных свойств (Шадриков, 2007). Из этих положений следует, что изучение социализации личности предполагает анализ ее (личности) инстанционных образований различных уровней как в динамике, так и во взаимосвязи, взаимоотношениях друг с другом и другими системами, включая и динамику самих взаимосвязей. Системное понимание социализации личности предполагает изучение ее многоуровневой внешней и внутренней инстанционной детерминации. Безусловно, это сложная задача, требующая детальных эмпирических исследований с привлечением всего многообразия существующих методов, а также разработки новых.

Различные инстанции личности и интегральные инстанционные образования не только связаны друг с другом, но и составляют определенную соподчиняющуюся иерархию. Вместе с тем, в процессе социализации происходит смена основных, доминирующих инстанций, играющих определяющую роль как на уровне включения личности в социальные связи, на уровне накопления, так и на уровне объективации социального опыта, на уровне последовательного поведения. В соответствии с теорией многоуровневых систем, интеграция элементов системы достигается за счет координации. Благодаря межуровневой координации в системе происходит также ее развитие, пополнение новыми свойствами. Применительно к процессу социализации это означает выявление признаков межуровневой координации различных инстанций (включая их согласование и рассогласование), диахронию и синхронию.

Обратимся к динамическому аспекту проблемы инстанционной организации личности в процессе ее социализации. Исходя из результатов наших предшествующих исследований следует, что инстанции личности обладают

свойствами не только гетерохронности, но и диахронии, и взаимопроникновения. Так, и однопорядковые, и разнопорядковые инстанции обнаруживают качественно различную динамику, включая как прогресс, так и регресс и их смену. Невзирая на казалось бы некоторую хаотичность (диффузность), диахрония связана с изменениями на разных уровнях инстанций личности. Введение принципа диахронии в социально-психологический анализ процесса социализации позволяет также использовать достижения психологии развития, в которой исследование диахронической организации фаз, стадий, уровней развития выводится на высшую степень значимости. Психическое развитие, подчеркивает Л.И. Анцыферова, есть всегда единство прогрессивных и регрессивных преобразований (два основных типа диахронической структуры) (Анцыферова, 1978). В наших исследованиях, а также в исследованиях наших аспирантов убедительно доказывается, что в переломные моменты социализации личности усиливается и внутрифункциональная, и разнофункциональная диахрония. Так, нами показано (Шамионов, 2000), что различные характеристики личности, свидетельствующие о степени ее социализированности в юности, имеют разную динамику даже на протяжении очень небольшого временного отрезка. Например, самоконтроль поведения у девушек с 14 до 15 лет имеет отрицательную динамику, а с 15 до 17 – положительную; у юношей более высокая положительная динамика этого показателя обнаружена в период с 15 до 16 лет и спад – с 16 до 17. Внутрифункциональная диахрония нами обнаружена у учителей на разных этапах их профессиональной социализации, например, на начальном этапе – исключительно положительная динамика интернальности во всех областях, а на следующих она обнаруживает разнонаправленную динамику в разных областях [Шамионов, 2010]. В исследованиях наших аспирантов также выявлялась внутрифункциональная диахрония. В частности, в работе П.Д. Никитенко выявлена диахрония различных категорий представлений о мире (Никитенко, 2008), А.В. Созонника – терминальных и инструментальных ценностей (Созонник, 2012) курсантов военного вуза. Особый интерес представляют проявления разнофункциональной диахронии, что было нами обнаружено и на молодежной (например, положительная динамика эмоциональной зрелости и отрицательная – самоконтроля поведения; разнонаправленная динамика характеристик экономической и политической социализации), и на взрослой выборке (интеграция ценностной и дезинтеграция смысловой сферы на отдельных этапах) и т.п. Диахронность различных составляющих личности в процессе социализации в зависимости от половой принадлежности, условий, стадий социализации отражается, прежде всего, на интегральных характеристиках личности - критериальных образованиях социализации. Поэтому в ряде случаев, например, социальная или профессиональная неопределенность юноши не дестабилизируют

его (и порой не снижают субъективное благополучие), поскольку в этот период возможен рост других интегральных образований.

Динамика системных изменений связана с несогласованностью различных (как правило, однопорядковых) инстанций, что приводит к неудовлетворенности (собой, своими социальными взаимоотношениями, деятельностью и т.п.). Этот очаг напряженности выступает побудительным механизмом, равно как и любое противоречие между разнопорядковыми инстанциями, как, например, в случае «столкновения» навыка и задачи, которую он не решает, известного способа поведения и нового условия, к которому необходим другой способ (в том числе и связанный с внутренним/внешним сопротивлением, внешним побуждением) и т.п. Однако, как отмечает В.Г. Асеев, «...выявление противоречия ведет с начала лишь к формированию эпизодических, узко ситуативных средств, способов его разрешения; ... продолжающее действовать исходное противоречие, составляя относительно неизменную потенциальную сферу детерминации развития, указывает общее его направление и определяет уровень обобщенности формирующихся личностных свойств, а выявление, актуализация этого противоречия происходит тогда, когда сфера противоречия и сфера деятельности хотя бы частично совмещаются» (Цит. по: Асеев, 1978. С.32-34). Иначе говоря, актуализация (в том числе и латентного накопления) противоречия, столкновения различных инстанций личности в процессе включения в какие-либо социальные связи приводит к острой необходимости в усвоении необходимых для функционирования в этой социальной системе (общности), включая и парное взаимодействие, норм, представлений, моделей поведения. Однако стойкость и обобщенность этих явлений зависит от многих факторов – значимости включения в общность, ее притягательность или актуальность удовлетворяемой в ней потребности, интенсивность и постоянство необходимости такого включения и т.п. Между тем, изучение межуровневой диахронии крайне сложно в виду необходимости комплексного исследования с использованием широкого набора переменных. Поэтому более глубокий анализ механизмов социализации с определением критических зон противоречий инстанций достаточно затруднителен.

Необходимо особо отметить, что любое «обретение» в процессе социализации личности проходит проверку на валидность (пригодность) с точки зрения выполнения определенных задач, включая и задачи взаимодействия с Другими и группами. Иначе говоря, принципиальным для изучения социализации выступает анализ взаимодействия системы личности с другими системами, в результате чего происходят соответствующие (порой необратимые) изменения в ней.

Как отмечают авторы известной монографии об иерархических системах, элементы более высокого уровня обладают меньшим количеством элементов (но «имеют дело с более крупными подсистемами»), чем элементы

более низкого уровня и, соответственно, являются «командными» по отношению к рядовым элементам (Месарович, Мако, Такахара, 1973). Для процесса социализации таковыми являются сменяющиеся критериальные образования – интегральные инстанции личности, составляющие основную задачу социализации на определенном ее этапе (как, например, система общения в подростковом возрасте или ценностно-смысловая система в юности и т.п.); с переходом на новый этап эти образования становятся основаниями, а их место занимают другие интегральные образования. Между тем, элементы более низкого уровня являются наиболее подвижными и «детальными», потому пронизывают весь процесс социализации. В нашем случае, таковыми являются отдельные ценности, установки и т.п. Отметим, что наиболее сильные изменения (диахрония) обнаруживается на уровне этих образований личности. Нами были обнаружены рост и спад на определенных этапах социализации ряда ценностей, социально-психологических установок и других образований.

Реализация системно-диахронического подхода в исследованиях социализации личности предполагает анализ не только содержания усвоенного социального опыта, но и характера этого усвоения, формирующихся на основе этого инстанций и многоуровневых внутри- и межфункциональных характеристик и их взаимосвязей, разнонаправленной динамики через выявление прогрессивных и регрессивных изменений характеристик личности на различных этапах и, конечно, множественных детерминант и их соотношений, включая и самодетерминацию. Это позволит раскрыть сложные соотношения различных составляющих социализации и ресоциализации личности в условиях динамических общественных изменений.

Вопросы для самопроверки

1. Каково понимание социализации в психологии и смежных науках?
2. Является ли содержание процесса социализации неизменным во времени?
3. В чем состоит субъектность личности в процессе ее социализации?
4. Какова, на ваш взгляд, роль современных институтов в процессе социализации личности?
5. Чем отличается социализация в детстве и взрослости?
6. Посредством каких механизмов осуществляется социализация?
7. В чем проявляется специфика периодизации социализации?
8. Каково соотношение потребностей и содержания социализации?

Список рекомендуемой литературы

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1998.
Андриенко Е.В. Социальная психология. М., 2000.

- Бронфенбреннер У.* Два мира детства: дети в США и СССР. М., 1976.
- Вопросы социальной психологии личности / Под ред. Р.М. Шамионова. Вып. 1-5. Саратов, 1999-2003.
- Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. М., 1999.
- Мид М.* Культура и мир детства. М., 1980.
- Проблемы социальной психологии личности / Под ред. Р.М. Шамионова. Вып. 1-2. Саратов, 2004-2005.
- Смелзер Н.* Социализация: основные проблемы и направления исследований // Социальная психология. Хрестоматия. М., 1999.
- Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов н/Д., 1998.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ ЛИЧНОСТИ

3.1. Социальная (личностная) зрелость

ПОНЯТИЕ Социальная зрелость – есть индикатор качества социального становления личности. Она предполагает такой уровень ее развития, при котором личность способна взаимодействовать с социумом и с собой на активно-действенном уровне, для чего должны быть сформированы ее основные компоненты.

Работы по данной проблематике преимущественно посвящены теоретическому описанию зрелой личности. Так, сторонник диспозиционного направления Г. Олпорт естественным способом существования зрелой личности считает непрерывное становление и активное отношение к миру. Он указывает, что личность – открытая система, она существует, лишь непрерывно взаимодействуя со своим окружением. Зрелая личность определяется как та, которая стремится выйти за пределы своего социального окружения, активно воздействовать на мир.

Г. Олпорт предложил шесть черт, которыми характеризуется зрелая личность: 1) имеет широкие границы «Я» (человек может посмотреть на себя со стороны); 2) способна к теплым, сердечным социальным отношениям; 3) демонстрирует эмоциональную неозабоченность и самопрятие; 4) демонстрирует реалистическое восприятие, опыт и притязания; 5) способна к самопознанию и чувству юмора; 6) обладает цельной жизненной философией (набором ценностей, которые служат объединяющей основой жизни человека). Личность, обладающая этими характеристиками, является «здоровой личностью». Поведение зрелого субъекта осознано, незрелого – направляется неосознанными мотивами.

К. Роджерс описывает зрелую личность, рассматривая характеристики «полноценно функционирующего человека». Личностно зрелому человеку свойственны: 1) открытость опыту: открытость переживаниям, способность слушать себя, постоянное «дотраивание» себя; 2) жизнь в настоящий момент времени: гибкость, адаптивность, терпимость и непосредственность;

3) доверие собственным побуждениям и интуитивным суждениям (на основе этого доверия вырабатывается способность принимать решения); 4) эмпирическая свобода: жизнь без ограничений и запретов, которая относится к «внутреннему чувству ответственности»; 5) креативность: «конструктивная и адаптивная в своей культуре жизнь». В этой же традиции выступает и А. Маслоу, у которого личностная зрелость является, своего рода, показателем самоактуализации человека – «стремления человека к самосовершенствованию, к актуализации заложенных в нем потенций (человек обязан быть тем, кем он может быть)». В то же время стремление к более высоким целям указывает на психологическое здоровье, если следовать этой логике, самоактуализация в «положительном» направлении – есть единственно правильное движение здорового человека. Однако воззрения К. Роджерса и А. Маслоу имеют и отличительные признаки по этому вопросу. Взять хотя бы «адаптивность» К. Роджерса и «индивидуалистичность» А. Маслоу.

Общим, кроме явных и очевидных условий личностной зрелости, в данных концепциях является то, что во главу угла ставится (и зачастую, принимается тождественным) состояние «оптимального здоровья». Это способность человека к адекватному самосознанию, самоутверждению, самостоятельности, самоконтролю и, в конечном счете, – контролю над своей жизнью и судьбой, его самоактуализации и социальной активности, а с другой стороны – терпимость к себе и другим, эмоциональная стабильность, и, наконец, «состояние любви» как в отношении себя, так и других.

Кроме динамических характеристик личностной зрелости можно выделить и уровневые. При самом элементарном анализе выделяются три основных уровня созревания, проявления личностной зрелости, её представленности в системе жизнедеятельности человека:

1) высокий уровень личностной зрелости (как глобальное образование, влияющее на все сферы жизни и представленное в них);

2) «избирательный уровень» личностной зрелости (избирательно проявляется в разных сферах жизнедеятельности, характеризуя её неустойчивость);

3) низкий уровень (недостаточная представленность личностной зрелости во всех видах жизнедеятельности: неумение справляться со своими жизненными проблемами, это недостаточная представленность в структуре «Я» особенностей, обобщенных в эго-состоянии (по Э. Берну) «взрослого»).

Личность человека в разные моменты становления оказывается представленной на каждом из выделенных уровней (третьем, втором и, наконец, первом). С другой стороны, целому пласту личностей оказывается недостижимым первый уровень, человек как бы застревает на каком-то этапе развития своей личности.

Личностную зрелость следует рассматривать как динамичную систему. Более того, динамичность отдельных её параметров (особенно благодаря усилиям самого субъекта), естественно, в определенном континууме, может быть критерием и условием социальной зрелости в обобщенном смысле.

Личностная зрелость оказывает влияние на образ жизни индивида и, более того, его определяет. В этом смысле личностная зрелость и образ жизни образуют единство.

Б.Г. Ананьев подчеркивал, что зрелость человека как индивида (физическая, половозрастная), как личности (моральная, социальная, семейная, эстетическая), как субъекта деятельности, труда, познания, общения не совпадают во времени. Степень зрелости личности выражается, по его мнению, в способности принимать собственные решения и сознательно осуществлять выбор в сложных ситуациях.

Стремление к общетеоретическому описанию процесса становления личностной зрелости можно обнаружить и у Д.И. Фельдштейна. Им выделены уровни социальной зрелости, содержание которых характеризуется через особенности позиций «Я» по отношению к обществу, которые развертываются наиболее активно в дошкольном (3-6 лет) и подростковом (10-15 лет) возрастах. Считается, что чередование позиций «Я в обществе» и «Я и общество» в разные периоды онтогенеза и дает эффект личностной зрелости.

Теоретическую концепцию социально-психологического понимания личностной зрелости в системе различных отношений разрабатывали И.М. Палей и В.С. Магун. Они рассматривают личностную зрелость с точки зрения социальных потенциалов личности, полагая, что она вносит существенный вклад в развитие личности других людей, социальных групп и общества в целом. Вместе с тем социальные детерминанты личностной зрелости имеют общественно-исторический характер, обусловленный развитием самого общества.

Выделены две группы характеристик (иерархий) личности. С одной стороны (в группе субъектно-объектных характеристик), иерархия выражается в феномене «самостоятельности-зависимости от существенного»: цикл активности, начинающийся с убеждения и завершающийся практическим преобразованием конкретного объекта, вкладом в его развитие; с другой (категория внутрисубъектных характеристик) – в феномене самобытности, цельности, выступающем в трех формах: содержательной (единство цели), инструментальной (стиль жизни) и уровневой (общая одаренность).

СТРУКТУРА ЗРЕЛОСТИ

Итак, личностная зрелость – это сложное структурное образование, характеризующее степень сформированности свойств личности, имеющих первостепенное значение для полноценного функционирования человека в обществе. Личностная зрелость включает в себя «рядовые» и инте-

гральные компоненты. В качестве последних, присутствующих в каждом из структурных компонентов и являющихся одними из них, являются самонаправленное внимание, творческое и позитивное мышление.

Компонентный состав личностной зрелости представил А.А. Реан. Он выделил четыре базовых компонента, вокруг которых группируется множество других. Это ответственность, терпимость («диспозиционная», при которой человек является терпимым, оставаясь чувствительным и эмпатийным), саморазвитие, и четвертый, интегративный компонент, «который охватывает все предыдущие и одновременно присутствует в каждом из них» – позитивное мышление.

Ответственность – это качество, характеризующее социальную типичность личности; ее существенными признаками являются точность, пунктуальность, верность личности в исполнении обязанностей и готовность отвечать за последствия своих действий (К. Муздыбаев). В процессе становления личности происходит «перенос инстанции, перед которой субъект держит отчет с внешнего уровня на внутренний». Ответственность, в зависимости от выраженности субъективного контроля, может приписываться либо внешним обстоятельствам (экстернальность), либо собственным способностям, собственной личности (интернальность). Интернальность и экстернальность локуса контроля являются устойчивыми свойствами личности, сформированными в процессе социализации (Д. Роттер).

Творческое мышление интегрирует такие свойства личности, как гибкость, конструктивность в решении жизненных и личностных проблем, чувствительность к ним. Благодаря его развитию человек воздействует на себя и свое окружение, используя нестандартные решения, отличающиеся новизной и оригинальностью. Но в совокупности с другими характеристиками (ответственность, моральная зрелость и т.д.) этот подход используется на позитивном уровне – на созидание, конструктивно.

Творческое мышление является феноменом не столько внутриличностным, сколько социальным и политическим, так как, желает он того или нет, человек постоянно совершенствует свои отношения, изменяется и тем самым изменяет свой микросоциум.

Каждый человек в процессе своей жизни вынужден воссоздавать некий реальный или идеальный продукт прошлого, вынужден «открывать Америку» для себя и приходить к человеческим ценностям и социальным способам существования не только через интериоризацию готовых схем поведения и деятельности, но и через свои ошибки, сталкиваясь *с жизненными* проблемами и преодолевая их. Творческое мышление – не природная данность и не побочный результат онтогенетического развития, но «продукт» социализации человека. В наших исследованиях было показано, что творческое мышление обнаруживает положительные связи с ответственностью, самостоятельностью,

адекватностью самоотражения и находится в обратной зависимости с терпимостью и эмоциональной стабильностью. Это значит, что оно неоднозначно включено в структуру личностной зрелости, что существуют сложные, диалектические отношения между составляющими зрелости.

Самонаправленное внимание представлено в структуре личностной зрелости двояко. С одной стороны, как один из структурных компонентов в смысле адекватности отражения своего «Я», самовидения, самоотражения своего поведения, ролевых позиций и т.п. (Страхов, 1992). С другой стороны, представленность в таких ее компонентах, как самоконтроль поведения (соответствие целей субъекта своим реальным возможностям «требует» постоянного сосредоточения на соотношении реальных и идеальных жизненных целей), эмоциональная зрелость (в смысле сосредоточения на своих эмоциональных проявлениях, чувствах, не только в качестве саморегуляции, но и в качестве самопознания, рефлексии) и т.д. Немаловажную роль в личностной зрелости играет произвольность самонаправленного внимания и его позитивность для самой личности в первую очередь.

Среди «рядовых» компонентов выделяются ответственность, самостоятельность, саморазвитие, эмоциональная зрелость, терпимость, адекватность самооценки и уровня притязаний, самореализация. Это далеко не полный список всех компонентов, но они являются базовыми, «интегрирующими», на основе которых возможно группирование множества других.

Личностная зрелость как критериальное образование социализации может претерпевать изменения своего локуса на континууме типичность-нетипичность, то есть в процессе социализации могут происходить микро- и макропереходы от нетипичности к типичности личности и наоборот. Иначе говоря, для того чтобы личностная зрелость стала полноправным регулятором социальных взаимоотношений, необходимо совпадение личностных предпосылок и социальных ожиданий в сфере «типичность-нетипичность», которое способствует вхождению в группу данного субъекта и во многом определяет условность этих взаимоотношений. Ясно, что в случае установления нетипичности личность отвергается обществом, а проявление «абсолютной типичности» выводит её на уровень «массы».

Наконец, на формирование самой личностной зрелости оказывают значительное влияние условия социализации человека, вхождение его в референтные группы (особенно, отличающиеся просоциальной направленностью). Например, для личностей одного типа эти условия могут быть вполне благоприятными и в системах школьного обучения, а для другого – в системах профессионального обучения и включения в общественно полезную деятельность и т.п.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

В становлении личностной зрелости и частных ее компонентов сменяются сензитивные периоды и периоды стабилизации. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные в 90-х годах (Шамянов, 1997, 2000). В результате исследования особенностей становления личностной зрелости в подростковом и юношеском возрасте было показано, что сензитивным для становления основных ее компонентов является возраст 15-16 лет у юношей и 14-15 лет у девушек, относительная стабилизация обнаружена у юношей в возрасте 16-17 лет, а у девушек в 15-16 лет. Более того, установлено, что становление личностной зрелости подчиняется общим законам онтогенетического развития и характеризуется гетерохронностью (становление различных параметров происходит в основном неравномерно и разновременно). Также исследования выявили влияние личностной зрелости на успешность учебной деятельности и профессиональное самоопределение. В частности, учащиеся, характеризующиеся высоким уровнем зрелости имеют более высокие показатели учебной деятельности, для них характерно более раннее профессиональное самоопределение, его адекватность. Очевидно, что данная категория учащихся имеет и более высокую социальную успешность. В структуре личности рассматриваемой категории учащихся доминируют такие качества личности, как общительность, эмоциональная устойчивость, смелость в установлении социальных контактов, доверчивость, уверенность в себе, высокий самоконтроль поведения, сдержанность.

Соотнесение личностной зрелости с интеллектом показало, что с компонентами личностной зрелости связаны показатели вербального и практического интеллекта. Отсутствие связей с невербальным интеллектом подтверждает вывод о его независимости от уровня социального развития.

Анализ имеющихся связей позволил выделить такую особенность: с самостоятельностью и эмоциональной зрелостью связаны практические компоненты интеллекта, а с ориентацией во времени (способность субъекта жить настоящим) – вербальные компоненты (прямой связью) и компоненты теоретического мышления (абстрагирование, конструктивные способности, теоретическое математическое мышление – обратной связью). Иначе говоря, развитие социальных умений и навыков больше предполагает развитие вербального интеллекта и его практических компонентов, и меньше всего, теоретического мышления.

Изучение связей интеллекта и личностной зрелости с темпераментом показало, что с **экстраверсией** во все периоды связана нетерпимость, с **нейротизмом** – эмоциональная нестабильность, низкий уровень интегративного показателя личностной зрелости, способность к объемно-геометрическому анализу в школьный период (что вполне понятно и объяснимо с точки зрения соотношения мыслительной деятельности и индивидуальной

сферы); низкая самостоятельность, высокая способность субъекта жить настоящим (характеристики личности, «заикленной» на переживании), высокая степень теоретического мышления – в 19 лет. Данные факты говорят о том, что эмоциональная неустойчивость способствует понижению самостоятельности, но не оказывает решающего влияния на личностную зрелость в целом в постшкольный период юности.

Другими словами, с возрастом происходит снижение роли индивидуальных свойств в становлении личностной зрелости и повышение роли социального развития в становлении вербальных, теоретических и практических компонентов интеллекта.

Динамика структуры интеллекта в целом положительна у всех изучаемых групп, что соответствует возрастным закономерностям, но, как можно заметить, по некоторым его компонентам у лиц с высоким уровнем зрелости в старшем юношеском возрасте обнаруживается, своего рода, скачок, чего нельзя сказать о тех, чье социальное развитие, оцениваемое по названным параметрам, ниже.

Таким образом, выявленные различия в становлении интеллектуальных показателей имеют устойчивый характер и с возрастом обуславливаются личностными факторами. Становление личностной зрелости предполагает «интеллектуализацию» ее основных составляющих, при этом важным фактором является развитие социального интеллекта, лежащего в основе социализации «по требованию» института.

Становление личностной (социальной) зрелости в широком смысле «требует» формирования социально-нравственных установок, оценочных умений, просоциальных мотивов поведения и определенных поведенческих эталонов и свойств, входящих в структуру личностной зрелости. Механизмы этого становления обусловлены взаимодействием различных факторов и компонентов зрелости человека (различных её составляющих: гражданской, половой, политической и др.).

Необходимо подчеркнуть, что личностная зрелость является динамичным образованием, она поддается развитию под влиянием воспитательных воздействий. Стоит ли говорить, что основная задача воспитания – развитие компонентов личностной зрелости, что, кроме всего прочего, предполагает развитие его эмоциональной и когнитивной основы.

3.2. Социальный интеллект

ПОНЯТИЕ

Э. Торндайк наряду с абстрактным и конкретным интеллектом упоминает о социальном интеллекте, впервые вводя это понятие и подразумевая под ним способность понимать людей и взаимодействовать с ними, мудро и дальновидно по-

ступать в межличностных отношениях. Как способность верно судить о людях, прогнозировать их поведение и обеспечивать адекватное приспособление в межличностных взаимодействиях описывает социальный интеллект Г. Оллпорт. Н. Кэнтор, стоя на позициях когнитивной психологии, трактует этот феномен как репертуар знаний, относящихся к социальной сфере бытия; выражается социальный интеллект в способности человека решать практические задачи, его вербальных способностях и социальной компетентности и позволяет индивиду приспособиться к окружению, а также воспринимать события социальной жизни с минимумом неожиданностей и максимальной личной пользой.

Н.А. Кудрявцева понимает социальный интеллект как способность к рациональным, мыслительным операциям, объектом которых являются процессы межличностного взаимодействия – умение решать задачи на субъект-субъектном уровне. Причём эта способность позволяет психологически автономному и независимому субъекту противостоять давлению людей и обстоятельств и преодолевать эмоциональное заражение.

По мнению В.Н. Куницыной, социальный интеллект является собой глобальную способность, которая возникает «на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих черт» и обуславливает «прогнозирование развития межличностных ситуаций, интерпретацию информации и поведения, готовность к социальному взаимодействию и принятию решений» (Куницына с соавт., 2001).

Исследователи данного феномена едины во мнении, что структура социального интеллекта многомерна и сложна. Так, В.Н. Куницына полагает, что она включает в себя:

1) *коммуникативно-личностный потенциал* – стержневой элемент структуры – комплекс свойств, облегчающих или затрудняющих общение, определяющий психологическую контактность и коммуникативную совместимость;

2) *характеристики самосознания* – чувство самоуважения, свободы от комплексов, предрассудков, подавленных импульсов, открытость новым идеям; самосознание социально интеллектуального человека не должно быть «зашоренным», отягощённым психологическими комплексами и защитными барьерами;

3) *энергетические характеристики* – психическая и физическая выносливость, активность, слабая истощаемость;

4) *особенности социальной перцепции* – способность к объяснению и моделированию социальных явлений, пониманию людей и каузальной интерпретации их поведения, социальное мышление и воображение.

Общий и социальный интеллект, несомненно, тесно взаимосвязаны. И тем не менее, Э. Торндайк утверждал, что в психологической структуре индивида они существуют отдельно друг от друга. Опросы обычных людей обнаружили, что, описывая «академический интеллект», люди указывают черты, отличающиеся от характеристик, составляющих социальный (практический) интеллект. Часто отождествляя его с человеческой мудростью, люди вкладывают в понятие социального интеллекта следующее:

1) *способность к решению практических задач*: человек рассуждает логически и здраво, видит все аспекты проблемы, принимает хорошие решения, обращается к оригинальным источникам важной информации, выслушивает все аргументы;

2) *вербальная способность*: говорит ясно и с чёткой артикуляцией, хорошо понимает прочитанное, имеет хороший словарный запас, не испытывает трудностей в письменной речи, эффективно общается с людьми;

3) *социальная компетентность*: принимает других такими, какие они есть, выносит справедливые решения, чуток к нуждам и желаниям других людей, пунктуален в договорённостях, любознателен, имеет широкие интересы.

Позже другие ученые также были склонны противопоставлять социальный интеллект, описывая его как самостоятельную группу ментальных способностей, интеллекту формальному, «академическому». Многими исследователями (Дж. Гилфордом, М. Салливаном, Д. Китингом, М. Фордом, М. Тисаком) в этой связи разрабатывался и предлагался к использованию специальный методический инструментарий, позволяющий изучать и диагностировать эту группу интеллектуальных способностей.

ФУНКЦИИ

Интегральной функцией социального интеллекта является формирование долгосрочных, осознанных взаимоотношений с перспективой их развития и положительного взаимовлияния.

Социальный интеллект помогает человеку прогнозировать развитие событий, обостряет интуицию, обеспечивает психологическую выносливость и, в конечном счёте, позволяет достичь гармонии с собой и окружающей средой. Среди основных функций социального интеллекта выделяют следующие:

- *приспособительная* – адекватность и успешность социального взаимодействия, адаптивность в изменяющихся, зачастую, экстремальных, условиях;
- *мобилизационная* – помогающая преодолевать внезапные кризисы, длительные стрессы, ситуации, угрожающие самоуважению личности;

- *мотивационная* – актуализация аффилиативных потребностей, стимуляция общения, инициативность в контактах;
- *операциональная* – решение текущих задач, построение интерактивных программ, стратегия и тактика успешного взаимодействия;
- *когнитивная* – повышение социальной компетентности;
- *прогностическая* – планирование межличностных событий, предвидение возможных направлений их развития;
- *формирующая* – в плане самопознания, саморазвития, а также построения перспективных, позитивно влияющих межличностных отношений.

По своей природе социальный интеллект, скорее всего, – это индивидуальные задатки, свойства, способности, облегчающие выработку в личном опыте умений и навыков социальных действий и контактов. Он определяет наличный для данного отрезка времени, нервно-психического состояния человека и социально-средовых факторов уровень адекватности и успешности социального взаимодействия.

В отличие от интеллекта общего, в структуре социального интеллекта большую роль играют личностные характеристики, способности и ограничения; следовательно, типов социального интеллекта может быть очень много. Исследование, направленное на создание концепции социального интеллекта и разработку методов его изучения, выявило наличие положительных корреляционных связей уровня социального интеллекта с полной удовлетворенностью общением, самоуважением, гибкостью, креативностью (причём креативность (оригинальность, по методике Е. Торренса) изначально не входила ни в методику, ни в формулу социального интеллекта), отличной саморегуляцией и адаптивностью.

Носителем социального интеллекта высшего уровня развития является хорошо адаптированная, компетентная, социально зрелая личность, обладающая адекватной самооценкой, развитым чувством собственного достоинства и высоким социальным потенциалом, который проявляется в способности устанавливать и поддерживать эффективные отношения и позитивно влиять на других людей.

3.3. Социальная компетентность

ПОНЯТИЕ К этому явлению, лежащему в русле новых направлений в исследованиях межличностного общения, проблеме его определения, структуры и функций в современной науке наблюдается несколько подходов. Однозначной и общепринятой дефиниции социальной компетентности до настоящего времени не существует. Есть попытка определить ее как «эффективность, или адекватность, с которой

индивид способен отвечать на разнообразные проблемные ситуации, с которыми он сталкивается» (К. Рубин). Упор делается на работу с информацией, где центральная роль принадлежит социальным сценариям – определенным шаблонам, согласованным действиям в хорошо знакомых ситуациях. М. Аргайл понятием социальной компетентности объединяет профессиональную и коммуникативную компетентность. У. Пффингстен и Р. Хинтч делают акцент не на социальных знаниях, целях, результативности взаимодействия, а на способах поведения. Тогда социальная компетентность – это владение «когнитивными, эмоциональными и моторными способами поведения, которые в определенных социальных ситуациях ведут к долгосрочному благоприятному соотношению положительных и отрицательных следствий». Л.А. Петровская определяет компетентность в общении как развитие адекватной ориентации человека в себе самом (собственном психологическом потенциале), потенциале партнера, в ситуации и задаче. Компетентность в общении предполагает готовность и умение строить контакты на разной психологической дистанции и обычно связана с овладением не какой-либо одной позицией в качестве наилучшей, а с адекватным приобщением к их спектру. Многие авторы подчеркивают мотивационную и операциональную стороны социальной компетентности, ее поведенческие проявления; но главное, к чему приходят практически все, – это эффективность, результативность межличностного взаимодействия.

Ю.Н. Емельянов под коммуникативной компетентностью понимает основанную на знаниях и чувственном опыте ориентированность в ситуациях общения, которая предполагает ситуативную адаптивность, свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения, социально-психологическую обучаемость, то есть дальнейшую возможность приобретения умений и навыков общения. Он дополняет это понятие элементами, относящимися к осознанию деятельностной (социальной и физической) среды, окружающей человека; осознанию: а) собственных потребностей и ценностных ориентаций, техники личной работы, б) своих перцептивных умений, то есть способности воспринимать окружающее без субъективных искажений, в) готовности воспринимать новое в окружающей среде, г) своих возможностей в понимании норм и ценностей других социальных групп и культур, д) своих чувств и психических состояний в связи с воздействием факторов внешней среды, е) способов персонализации окружающей среды, ж) уровня своей экономической культуры (отношение к среде обитания – жилищу, земле, родному краю и т.п.). Таким образом, Ю.Н. Емельянов рассматривает коммуникативную компетентность как идейно-нравственную категорию, регулирующую всю систему отношений человека к природному и социальному миру, а также к самому себе как синтезу обоих этих миров.

Социально-психологическую компетентность личности иногда определяют как специальные знания об обществе, о политике, об экономике, культуре и т.д. Она позволяет личности ориентироваться в любой социальной ситуации, принимать верные решения и достигать поставленных целей. Антиподом социально-психологической компетентности являются невежество, неграмотность, суеверие, мистика, некомпетентность, оторванная от жизни фантазия (Сухов, 2001). Предлагается делить социально-психологическую компетентность на два вида: житейскую и профессиональную.

Житейская социально-психологическая компетентность – результат социализации, адаптации личности к конкретным условиям. В её основе лежат бытовые картины мира, стереотипы, художественные образы, многолетние наблюдения, народный опыт, знания в той или иной области, накопленные поколениями людей. Вся эта народная мудрость получает своё выражение в менталитете народа – в мифологии, фольклоре, пословицах и поговорках, традициях, обычаях, приметах, общем укладе жизни. Житейская компетентность проявляется в различных сферах: семейной, сфере услуг, сфере межнациональных отношений, в общественных местах и т.д.

Профессиональная социально-психологическая компетентность складывается из научных картин мира и знаний в области общения. Она имеет особое значение для представителей властных структур (им необходима система знаний, позволяющая учитывать последствия принимаемых решений и воздействовать на ход событий с позиций соблюдения прав человека и обеспечения национальных интересов), работников сценического жанра, социальных работников, дипломатов, сотрудников спецслужб и правоохранительных органов (особую важность приобретают этические проблемы, связанные с техниками владения «ролевыми масками», позволяющими человеку скрывать своё истинное лицо, уходить от прямолинейности, вести хитроумную игру, двойной образ жизни и т.д.), педагогов, психологов, врачей, работников сферы услуг, управленцев. Отдельно можно говорить о кастовой и профессионально-преступной компетентности. Первая представляет собой знания специфической системы этикетного общения в замкнутых общностях: политическая элита, аристократия, масонские ложи и т.п. Здесь приняты свой язык и особые нормы, понятные лишь узкому кругу посвящённых лиц. Вторая предполагает знания (например, технология вхождения в доверие к людям), используемые для совершения противоправных действий. Проявляться социально-психологическая компетентность может на разных уровнях: макроуровне (политика, деятельность властных структур, государственное управление), среднем уровне (социальные институты, общности, малые группы), микроуровне (межличностное общение).

Наиболее обобщённое, комплексное определение социальной компетентности даёт В.Н. Куницына. Согласно этой позиции, *социальная компе-*

ментность – система знаний о социальной действительности и о себе, система сложных социальных умений и навыков взаимодействия, сценариев поведения в типичных социальных ситуациях, позволяющих быстро и адекватно адаптироваться, принимать решения, учитывая сложившуюся конъюнктуру; действуя по принципу «здесь, сейчас и наилучшим образом», извлекать максимум возможного из сложившихся обстоятельств.

СТРУКТУРА

Большинство составляющих социальной компетентности характеризуют умственную интеллектуальную деятельность и специфические личностные свойства, проявляющиеся в социальных ситуациях межличностного общения и взаимодействия. М. Аргайл усматривает в её составе следующие компоненты:

- 1) социальная сенситивность как точность социальной перцепции;
- 2) основные навыки взаимодействия, репертуар умений;
- 3) навыки одобрения и вознаграждения, которые существенны для всех социальных ситуаций;
- 4) равновесие, спокойствие как антитеза социальной тревожности.

Спивак и Шур трактуют данный феномен как набор связанных между собой умений в решении межличностных проблем, куда входят:

- сензитивность к межличностным проблемам, их распознавание;
- способность генерировать альтернативные варианты решения проблем;
- способность определять необходимые для достижения целей средства;
- способность определять и понимать мотивы поступков других людей;
- способность предвидеть последствия, продумывать взаимоисключающие конечные результаты.

По мнению других исследователей (Петровская, 1989), социально-психологическая компетентность складывается из коммуникативной, перцептивной компетентности и знаний в области взаимодействий. *Коммуникативная компетентность* имеет двойкий смысл – это и эмпатическое свойство, и знания о способах ориентации в различных ситуациях, свободное владение вербальными и невербальными средствами общения. *Перцептивная компетентность* означает степень соответствия сформировавшихся образов мира, стереотипов научной картине мира. *Компетентность в области взаимодействия* сводится к знаниям о природе и способах социальных влияний.

Социально-психологическая компетентность определяется следующими факторами (Сухов, 2002):

- 1) индивидуальными особенностями (направленность личности (интро-, экстраверсия), аутичность или её отсутствие, интеллектуальный статус);
- 2) психическими состояниями (астеническое и стеническое) и типичными настроениями;

3) эффективностью социализации (в отличие от последствий нарушений социализации – эмоциональной глухоты, агрессивности, комплексов);

4) когнитивной сложностью личности – восприятием мира во всём его многообразии (в отличие от когнитивной простоты – одномерного восприятия мира без полутонов и оттенков);

5) влиянием культурных различий;

6) специальной социально-психологической подготовкой.

В.Н. Куницына в структуру социальной компетентности включает социально-психологическую, коммуникативную, вербальную, оперативную компетентность и эго-компетентность.

Социально-психологическая компетентность – межличностная ориентация, представление о разнообразии социальных ролей и способов взаимодействия, умение решать межличностные проблемы, выработанные сценарии поведения в сложных, конфликтных ситуациях.

Коммуникативная компетентность – владение сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование их в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, знание традиций, обычаев, этикета в сфере общения, воспитанность, соблюдение приличий, хорошая ориентация в коммуникативных средствах, присущих национальному, сословному менталитету, освоение ролевого репертуара в рамках профессии.

Вербальная компетентность – учет контекста и подтекста высказываний, вариативность интерпретации информации, хорошая ориентация в сфере оценочных стереотипов и шаблонов, множественность смыслов употребляемых понятий, метафоричность речи, отсутствие трудностей в письменной речи.

Эго-компетентность – практические психологические знания о себе, приобретенные в жизненном опыте: осознание своей национальной, половой, сословной, групповой принадлежности, знание своих сильных и слабых сторон, возможностей и ресурсов, понимание причин своих ошибок и промахов, знание о механизмах саморегуляции и умение ими пользоваться.

ФУНКЦИИ

Как можно видеть, в большинстве своем и зарубежные, и отечественные исследователи данной проблемы склонны выделять основные функции социальной компетентности:

тентности:

– ориентация;

– адаптация;

– интеграция общесоциального и личного опыта.

Социально компетентный человек умеет:

- ✓ принимать решение относительно себя самого и стремиться к пониманию собственных чувств и требований;
- ✓ забывать блокирующие неприятные чувства и собственную неуверенность;
- ✓ правильно понимать желания, ожидания и требования других людей, взвешивать и учитывать их права;
- ✓ представлять, как следует достигать цели наиболее эффективным образом;
- ✓ отдавать себе отчет, что социальная компетентность не имеет ничего общего с агрессивностью и предполагает уважение прав и обязанностей других людей;
- ✓ анализировать область, определяемую социальными структурами и учреждениями, роль их представителей и включать эти знания в собственное поведение;
- ✓ представлять, как с учетом конкретных обстоятельств и времени вести себя, принимая во внимание других людей, ограничения социальных структур и собственные требования.

Социально-психологическая компетентность связана с «Я-концепцией» личности и в этой связи является регулятором поведения и деятельности человека. Социально-психологическая компетентность предотвращает деформирование «Я» и поэтому положительно воздействует на адекватность картины мира, самооценку, процесс познания и взаимодействия личности, регуляцию профессиональной деятельности личности (Сухов, 2002).

Критерием социальной компетентности служит результативность взаимодействия, достижение значимых социальных целей в определенных социальных контекстах с использованием соответствующих средств и получением положительного результата (Жуков, 1988; Жуков с соавт., 1990). Успешность ее функционирования – в выработке адекватных действительности, ожидаемых партнерами по взаимодействию поведенческих сценариев.

3.4. Личностное самоопределение

ПОНЯТИЕ Личностное самоопределение – процесс и результат содержательного конструирования человеком своего жизненного поля, включающего в себя совокупность жизненных смыслов, профессиональных планов и пространство реального действия. Личностное самоопределение можно представить как субъективные устремления формирования жизненного (событийного, смыслового и т.п.) сценария человеком, находящемся на определенном уровне своего личностного развития. Оно не является единовременным («одноразовым») актом, и возможна корректировка уже созданного сценария или попытка создания нового вслед-

ствие перехода личности на новый уровень становления. Это значит, что, равно как и становление личности, личностное самоопределение является творческим процессом. Однако личность не получает такую возможность изначально, к этому она приходит в результате своего становления и многих преобразований детерминант интрапсихического и интерпсихического компонентов.

Личностное самоопределение человека является результатом его социализации и включает смысловое определение своего будущего и определение своего места в системе производственных (профессиональных), семейных, дружеско-приятельских и других отношений. М.Р. Гинзбург определяет его как содержательное конструирование человеком своего жизненного поля, включающего в себя как совокупность индивидуальных жизненных смыслов, так и пространство реального действия (актуального и потенциального).

Обычно личностное самоопределение является индикатором возникновения нового уровня становления человека (включая не только личностные компоненты, но и становление познавательной сферы, в том числе креативного и социального интеллекта). Этот новый уровень может сопровождаться и определенным рода разочарованиями в смысловых событиях, тех надеждах, которым присваивался особый смысл – смысл жизни, но которые «почему-то» расстроились, не сбылись или сбылись, но их эффект стал менее значим или оказался «слишком малым», соответственно – снижение удовлетворенности. Отсюда стремление пересмотреть, начать «заново» и самоопределиться с учетом всего опыта.

Кроме того, нельзя ответить утвердительно на вопрос, является ли жизненный путь человека, по крайней мере, в его субъективном восприятии, чем-то непредопределенным (Богом, природой, личным опытом, системой устойчивых тенденций или социумом). То есть, личность не так уж и свободна, как принято считать, в своем самоопределении, имеется много «стационарных» явлений в её социальном «происхождении» и становлении, причем *воплне объективных*, социализация является определяющим началом; вместе с тем субъектность личности и проявляется в том, что она способна «своеобразно» относиться ко всем этим «стационарным» явлениям и определять то, что наиболее для неё в данный момент необходимо, важно или, по крайней мере, способствует внутренней или внешней согласованности.

Иначе говоря, лишь с определенного момента своего существования (социализации) человек становится способным и готовым к самоопределению. При этом нельзя сказать, что и сам процесс конструирования является безболезненным для личности, поскольку он сопровождается чаще диссонансными отношениями со многими уже «созревшими», собственно личностными компонентами, которые могут препятствовать успешному самоопределению. Например, выраженность экстерналистского типа самоконтроля,

при котором субъект избегает самостоятельных решений, может тормозить личностное самоопределение и даже блокировать определение некоторых его составляющих или привести к ущербному самоопределению.

С другой стороны, личностное самоопределение может быть связано с созревшим конфликтом личности как следствие неудовлетворенности человека собой, своим внутренним и внешним (публичным) «Я», своими социальными отношениями. В этом случае самоопределение выступает, своего рода, «способом» разрешения внутренних противоречий, разрешения личностного кризиса, приводящим личность к новому «состоянию» – состоянию определенной стабилизации и структурирования, при котором определяется смысловое ядро, а связи между стабильными компонентами все более согласуются между собой.

М.Р. Гинзбургом было показано, что личностное самоопределение как психологическое явление возникает на границе старшего подросткового и младшего юношеского возраста. Это бесспорно, но возникает вопрос, являются ли поиски смысла жизни, построения смысловой системы непременно связанными с самоопределением? Не может ли оно включать лишь «технические» особенности реальных действий (материальных и духовных), в том числе и «манипуляции» со своей личностью. Человеческое существо не терпит неопределенности и, следовательно, постоянно стремится к последовательному разрешению всяких неопределенностей и «заполнению пустот» или вытеснению их за пределы непосредственного осознания, отказу от рефлексии.

ЛИЧНОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЗРЕЛОСТЬ

Поскольку у человека, социально зрелого, прошлое, настоящее и будущее представляются единым целым, личностное самоопределение, хоть и есть характеристика и процесс проектирования *себя* в будущее, направленность в будущее, охватывает также все три временных промежутка («без прошлого нет настоящего и будущего»), следовательно, к проявлению такой «активности» человек должен быть готовым через свое актуальное личностное развитие. Поэтому оно находится в определенных отношениях с социальной зрелостью индивида. Для *начала* процесса личностного самоопределения оказывается вполне достаточным тот уровень созревания личности, которым обладает большинство юношей и девушек. Однако, поскольку личностная структура еще слишком динамична, направленность может быть «слишком узкой». Поэтому можно говорить и о разноразличности «программ» личностного самоопределения, об адекватности выстраиваемого сценария внутренним возможностям личности и индивида в зависимости от уровня зрелости.

Так, личность с минимальным уровнем социальной зрелости может прибегнуть к репродуктивному «воспроизводству» и проектированию себя в будущее (этот механизм свойственен не только данному уровню, но является доминирующим именно в этом случае) по образцу (и подобию) некоторых своих предшественников (например, родителей, положительных для индивида субъектов индивидуального опыта и т.п.) или популярных в его микросоциуме лиц, что, скорее всего, в будущем приведет в связи с личностным развитием к противоречиям с социальным и личным опытом. Эту стратегию можно условно назвать незрелой стратегией самоопределения.

Следующий уровень личностной зрелости с дифференцированной системой показателей (противоречивое сочетание «зрелых» и «незрелых» компонентов личности) может способствовать использованию относительно творческой стратегии самоопределения, при которой креативность личности будет касаться лишь «удобных» составляющих самоопределения и в непротиворечивом направлении. Это может быть, своего рода, катализатором постановки серьёзных задач самоопределения (как профессионального, так и смыслового). Описанная стратегия является «не вполне зрелой».

Наконец, лица с высоким уровнем социальной зрелости имеют возможность к творческому самоконструированию и личностному самоопределению, охватывающему все уровни, причем при построении сценария исходят из собственных потребностей и системы личностных приоритетов. Самоопределение является стабильным, но не ригидным, решения будут обновляться соответственно промежуточным результатам.

В то же время ни одна из стратегий не является «подвешенной» и имеет своим основанием социальные приоритеты, приоритеты социализации, их условий и тенденций, – независимо от того, являются ли эти институты добровольно «выбираемыми» или нет. Поэтому процесс «внешнего сопровождения» личностного самоопределения может быть изначально основан на интеграции институтов социализации. Касаемо практических вопросов, выявление стратегий и выработка критического мышления, развитие социальной зрелости и будут служить механизмом, способствующим успешному личностному самоопределению человека, что особенно важно для подросткового и юношеского возраста – периодов *начала*.

Подтверждением этому могут служить результаты исследований многих современных психологов, в том числе и Саратовских. В частности, было показано (Шамионов, 2000), что адекватность профессионального самоопределения, смысловая насыщенность и глубина событийного самоопределения, широта «жизненного поля» имеют зависимости от социальной зрелости индивида, равно как и убежденность в субъектности и возможности творческого конструирования, проектирования своего настоящего и будущего.

Личностное самоопределение, будучи критериальным образованием социализации, в конечном итоге, реализуется на уровне конкретной личности (и в этом смысле, с определенного момента существующей как бы автономно: «ядро к ядру», по отношению к социуму) и её возможностей к конструктивному и динамичному становлению, включающему множество компонентов: эмоциональных, когнитивных и, конечно же, креативных. Даже в периоды «типового» самоопределения личности (имеется в виду политическая ситуация), люди находили «свои ниши» для утверждения себя и «своего» видения смысла существования, стремились критически осмысливать себя в «пространстве мира» (им удавалось не вступать в противоречие и с социумом). В этом смысле личность, действительно являясь современником определенной эпохи, детерминирующей её социальное существование, социальные функции, установки и т.п., существует как бы и независимо от неё, по крайней мере, в механизмах своего самоопределения.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Неотъемлемой частью личностного самоопределения является определение профессионального настоящего и будущего, более того, по мнению В. Франкла, «дело» способствует определению смысла; оно таит в себе «заораживающие» человека «возможности» для *определенности будущего и настоящего*, ненапрасности прошлого. Адекватность профессионального самоопределения, в том числе и уже созданным сценариям личностного самоопределения, является детерминированной актуальным личностным развитием, социальной зрелостью индивида. Позитивное, адекватное направленности, профессиональное самоопределение способствует и соответствующему смысловому наполнению будущего и уже этим – удовлетворенности жизнью. В связи с этим, было бы естественно полагать, что личностное самоопределение является плюралистичным в этом отношении с удовлетворенностью, поскольку она может достигаться и за счет других составляющих самоопределения (например, семейного, статусного и т.д.). Более того, каждая конкретная личность сама «решает» в силу своих приоритетов, какой путь ей выбрать, в том числе, и оптимальное (для личности, естественно) сочетание тех или иных компонентов. Понимание этих приоритетов позволит прогнозировать личностное будущее, что важно как для самой личности, её саморазвития, так и для лиц, осуществляющих практику психологической помощи населению. Существенным является и постановка задачи экспериментального изучения типов самоопределения, их социальной значимости в зависимости от детерминирующих её условий социализации.

Таким образом, становится очевидным, что личностное самоопределение находится в зависимости от социальной зрелости индивида, от его спо-

способности проявлять активность в отношении своего «Я», своей личности и при этом, – понимания социальной значимости принимаемых решений («осуществление смысла всегда включает в себя принятие решения» (Франкл, 1990. С. 63) и способности ставить достигаемые цели и задачи жизнедеятельности и личностного развития – таков итог ранней социализации. Социальная зрелость позволяет наполнить «идеальную» программу конкретными технологиями достижения целей и решения задач самоопределения и саморазвития, так что они не остаются лишь несбыточными представлениями о том, как «должно было бы быть», то есть так, как усвоено в процессе принятия норм и ценностей социума.

По данным наших исследований (Шамянов, 1999), в раннем юношеском возрасте смыслом наполнены события *будущего*, включающие вполне рефлекслируемые цели личностного развития. Со старшего юношеского возраста события и деятельность имеют смыслообразующую значимую характеристику большей частью касаясь *прошлого*, оно несравненно богаче, а *будущее* намного тенденциознее и связано с общечеловеческими смыслообразующими событиями (дом, семья, дети, работа и т.п.). На следующем этапе (примерно с конца юношеского периода) *настоящее* все более наполняется смыслом, возможно, в силу «разворачивания» программ личностного развития, определенных на предыдущих этапах как потенциальной *возможности*, и успехов самоопределения.

Вместе с тем нельзя исключать особую важность процесса самоопределения в плане субъективного выбора. Осуществляется построение *своего* сценария, по которому «предстоит» жить и взаимодействовать со средой. Поэтому отношение к самоопределению и его результатам, характеризующее наличие смысла и удовлетворенности или неудовлетворенности в связи с этим, является субъективным показателем успешности. Имеется зависимость от того, как личность «способна» выходить из ситуаций затруднения в самоидентификации, либо мотивируясь к саморазвитию и повторному самоопределению или его коррекции, либо уходя от принятия смысловых решений, либо «включая» защитные механизмы, дабы не «потревожить» «Я» вообще, даже если оно видится в негативном свете.

В этом смысле весьма интересна и позиция итальянского психолога А. Менегетти (1992), согласно которой человек часто «капитулирует» перед социальными требованиями в угоду институтам социализации в ущерб своему «Я». Для социального развития немаловажно творческое конструирование, но вопреки распространенному мнению не всякое развитие, не всякая коррекция самоопределения и, уж тем более, не всякое новое построение сценария жизни человеком может стать позитивным шагом в плане его социального, личностного, смыслового и поведенческого развития.

В исследованиях, проведенных в 2000 году (Шамяонов, 2000), выявлены зависимости между степенью смысловой значимости определяемых событий жизни и профессиональной направленностью. Иначе говоря, смысловая и профессиональная составляющая самоопределения некоторым образом взаимосвязаны.

В упомянутом исследовании приняли участие школьники старших классов из сельских, городских школ и гимназий. Изучались особенности профессионального самоопределения, включая мотивацию, ценностные предпочтения, становление профессиональной направленности.

Мотивация профессионального выбора наиболее стабильна в городской школе. Здесь мотивационные тенденции в основном сохраняются на протяжении всего раннего юношеского периода, исключения составляют лишь снижение мотивации на общественные нужды и снижения мотивов, связанных с учебными проблемами (в 11 классе). Дифференциация достаточна, чтобы различать тенденции.

Наиболее низка степень дифференциации различных мотивов в сельской школе, что свидетельствует об одновременном побуждении самоопределения с различных инстанций одновременно (как внешних, так и внутренних), практически соподчинение мотивов затруднено.

Максимально высока дифференциация мотивов в гимназии, где с 9 по 11 класс идет бурное и часто противоречивое ее становление (например, в период с 9 по 11 класс мотивы «стремление к самостоятельности», «доступность поступления на работу» достигают высшей значимости, хотя в 9 классе они были наименее значимыми). Это может свидетельствовать в пользу того, что данная образовательная система в связи со своей спецификой, ориентирующей учащихся на разрешение широкого спектра интеллектуально-личностных, но в то же время теоретических задач, способствует более динамичному изменению мотивационных структур. Видимо, направленное обучение в старших классах гимназии приводит к коренному изменению мотивов профессионального выбора.

Общими значимыми мотивами профессионального выбора для всех типов школ являются «стремление к самостоятельности», «мотивация на себя» и «соответствие профессии способностям». В гимназии высока мотивация, связанная с доступностью поступления на работу, а в общеобразовательной городской школе – «творчество в работе» и «легкость в овладении профессией».

Сельские учащиеся, в отличие от городских сверстников, ориентируются на ту или иную профессию в связи с трудностями учебы и с тем, что эту профессию имеет авторитетный для юношей человек. Вместе с тем возможность творческой самореализации в профессиональной деятельности наименее значима, а потому и выбираемые профессии более «приземлены» и соот-

ветствуют как реальным возможностям освоения, так и «простоте» деятельности.

Рассматривая мотивационные структуры, можно сделать вывод о том, что центральными звеньями в них выступают взаимосвязанные мотивы. Так, в гимназической выборке таковыми являются творческая направленность профессии, материальная обеспеченность и конформные тенденции (по совету), но, в целом, максимальное количество связей обнаруживают мотивы, входящие в общую мотивационную направленность на профессию. В городской общеобразовательной школе четко прослеживается наличие ядра плеяды, им является мотив «доступность поступления на работу», вокруг которого образуется кольцо из последовательно связанных между собой мотивов, входящих в направленность «на профессию» и «на себя». Более расплывчата структура мотивов учащихся сельской школы, в которой практически четыре мотива, входящие в направленность «на профессию» и «на общественные нужды», имеют одинаковое количество связей; они также образуют кольцо.

Таким образом, общей закономерностью для всех изучаемых выборок является то, что центральными в корреляционных структурах оказываются те мотивы, которые имеют меньшую значимость (и соответственно, ранг) для выбора профессии, т.е. прямо не определяют выбор, но количество «охватываемых» ими мотивов и теснота взаимосвязей означает их «скрытую активизирующую силу». Иначе говоря, выбор профессии полимотивирован. В дальнейшем можно прогнозировать изменение мотивационных структур в пользу интеграции одних по сравнению с другими и выделение единого ядра, который и будет служить, вероятно, наиболее высокой мотивирующей силой. Различия состоят в том, что «активизаторами» в разных условиях социализации все же являются разные мотивы.

Рассмотрение динамики мотивов показало, что в городских учебных заведениях усиливается общая мотивация на профессию и снижается «внешняя» мотивация; в сельских – снижается мотивация на профессию и усиливается степень «мотивов неуспешности» (трудности в учебе и т.п.).

В ходе исследований обнаружены некоторые особенности и в построении профессионального сценария. Так, можно констатировать факт относительной стабильности возраста конкретных этапов профессионального развития в городских условиях. Это значит, что сценарные установки, складывающиеся в процессе социализации, достаточно устойчивы в период самоопределения. В условиях сельской школы построение сценария более динамично и подвержено «не вполне логичным» изменениям. Например, полный выбор профессии ожидается учащимися сельских школ в 22 года, городских – в 19, а гимназий – в 18 лет. Это говорит о том, что «гимназисты» самоопределяются раньше в силу объективных причин специализации в конкретных областях знаний; профессиональная социализация начинается значительно раньше, чем

в иных условиях. Учащиеся сельских школ, вопреки устоявшемуся мнению, проявляют неопределенность, откладывая окончательный выбор на более поздний срок. В целом, сельские школьники оказываются в средней позиции между общеобразовательной городской школой и гимназией в построении сценария.

На построение профессионального сценария влияют также образование родителей и институт семьи в целом. Так, сходство выявлено по таким ключевым моментам, как первый профессиональный успех и полный выбор профессии. В остальных случаях – карьерный рост, профессиональная зрелость, переподготовка, возможная смена профессии, оценка времени наступления ключевых моментов у лиц с высшим образованием родителей выше.

Кроме этого, на построение профессионального сценария оказывают влияние лица, включенные в референтные группы. По данным корреляционного анализа, максимальное количество связей с последними обнаружено в группе «гимназистов», минимальное – в группе сельских школьников. Примечательно то, что в разных условиях социализации ключевые моменты сценария определяются в тесной связи с разными референтными лицами. В гимназической выборке каждый этап определяется значимостью родственников, наибольшее число референтных лиц оказывают влияние на срок овладения профессией и возможной её смены. В выборках учащихся городской и сельской школ такой однозначности не обнаружено, напротив, решения принимаются в меньшей степени зависимости от референтных лиц. Чем более значимо мнение друзей, компании и других, тем раньше вероятность наступления этапов профессионального развития; зависимость от мнения референтных лиц в городской выборке обнаружено касаясь карьерного роста, а в сельской – овладения профессией. Интересен и тот факт, что только в сельской выборке профессиональная успешность и овладение профессией могут определяться мнением родителей, что говорит о более устойчивом сохранении традиционных подходов к «управлению» сценарными построениями детей со стороны родителей в данных условиях социализации. Тем не менее, наиболее согласованы этапы профессионального развития учащихся общеобразовательной городской школы (22 высокозначимые связи) и менее всего – сельской школы (6 связей). Это говорит о том, что условия социализации городской школы оказывают наибольшее влияние на рациональность и согласованность в подходе к построению сценария.

Данные корреляционного анализа позволили выявить связи профессиональной направленности с ценностными ориентациями в трудовой деятельности. По количеству этих связей можно сделать вывод о том, что в условиях сельской школы профессиональная направленность более всего ценностно неустойчива (общее количество – 31). Наименьшее количество связей выявлено в выборке городских школьников (10), что свидетельствует о более вы-

сокой определяющей роли ценностей в образовании мотивов. Следовательно, в условиях сельской школы профессиональная направленность предполагает многозначность, соответствующую ее незрелости, в городских условиях – определенную наполненность значением. Интересен также и факт разнообразия ценностей, являющихся детерминантами профессиональной направленности в разных условиях социализации. Обратим более пристальное внимание этому факту.

Таким образом, в разных условиях социализации *по-разному закладывается сама профессиональная направленность*, её «идеология» и сущность – *разные ценности*, которые не переплетаются и не противоречат (они различны!). Отсюда становится ясно, почему возникает рассогласованность в понимании особенностей профессиональной среды: хоть профессии и одинаковы, но каждый представитель той или иной системы закрепляет за ними свою, транслируемую институтом социализации ценность. Это можно было бы сравнить разве что с различиями, вызванными культурными противоречиями.

Самоопределение также подвержено некоторым изменениям *закономерно* возрастного и личностного характера, а не только обусловлено вышеописанными детерминантами. Здесь вступает в силу еще один тезис о том, что личность не только связана с социумом в плане своей социализации, но и *взаимосвязана*. Личность через свое самоопределение воздействует на свое окружение, свой микросоциум. Поэтому вопрос о личностном самоопределении является общественно важным и общественно значимым.

Личностное самоопределение непосредственно связано и с саморазвитием, поскольку определение жизненных смыслов требует приложения усилий для их реализации. Способность субъекта сознательно направлять свою активность в сторону самоизменений является критерием определенного уровня социализированности.

3.5. Саморазвитие личности

ПОНЯТИЕ

Личность – сложноорганизованная и саморегулирующаяся система, однако, для её становления оказывается весьма важным влияние общества и общественных институтов как нацеленных на социализацию индивида (и даже на «стандартизацию», которая позволяет интегрироваться личности в социум и понимать других и себя, представленность «в индивидуальной психологии социально-типического» (Мудрик, 1999)), так и на субъективизацию личности. Для того чтобы личность стала субъектом своего развития, она должна пройти непростой путь от элементарных форм поведения до высших форм саморегулирующейся системы. Этот путь она вынуждена проходить в социуме, перенимая формы поведения, нормы и ценности, свойства личности. Именно социализа-

ция с её мощнейшими инструментами и механизмами воздействия способствует «очеловечиванию» (обеспечивая этот процесс выработанными обществом технологиями). Было бы наивно полагать, что институты социализации абсолютно и полно определяют личность. Существуют в ней и те стабильные характеристики, как было показано выше, которые не позволяют личности лишь копировать или впитывать и осуществлять «предназначенные» формы поведения и свойства в качестве «функционирующей» системы. Это значит, что общество всегда будет относительно «недовольно» эффектами социализации конкретных индивидов. Но то же самое можно сказать и о самой личности. Эти два направления (исходящее стремление из самой личности гармонизировать себя и исходящее из институтов социализации) заставляют личность искать в себе то, что необходимо «доработать», «изменить» или «исправить», привести в соответствие с намеченным с определенного момента самой личностью эталоном, создавая определенную «доминанту» (по идеям самосовершенствования А.А. Ухтомского). Иначе говоря, в любом случае уже в процессе социализации в личность закладываются ценности саморазвития, и она к этому готова. С другой стороны, социум корректирует «свое отношение» к ней с позиции общественного давления и тем самым способствует началу саморазвития.

По мнению Л.М. Попова, саморазвитие может быть представлено как высшая степень самодеятельности, проявляющаяся во взаимодействии с самим собой, объектами окружающего мира. В ответ на внешнее воздействие субъектом производятся действия по направленному постижению самого себя (первый порядок) и в самопроизвольном взаимодействии «с самим собой и объектами окружающего мира, возникающее как стихийный протест *против сложившихся отношений (ролей)*» (курсив мой, – Р.Ш.) (Попов, 1992. С. 19). Иначе говоря, саморазвитие личности состоит во взаимодействии с внешними и внутренними инстанциями, что становится возможным в том случае, если внешние инстанции изменяются под воздействием объективных показателей среды или отношения инстанций создают условия для созревания пусковых элементов всего процесса саморазвития.

Объективно ничто не в силах сформировать «абсолютную» личность. Она формирует себя сама, что и является эффектом социализации. Стало быть, общество несет на себе ответственность за *подготовку* человека к самореализации, саморазвитию и самовоспитанию на основе *развития* социального интеллекта (умения разбираться в людях, в себе, социальных ситуациях и использовать эти знания для функционирования в качестве субъекта) и, как показано выше, личностного развития.

Между тем часто в системе образования бытует мнение о том, что только в том случае, если сильно дестабилизировать представление человека о себе и его возможностях, можно ждать каких-то позитивных изменений в его

поведении, в желании измениться, развиваться и пр. Однако это не верно, поскольку у каждого человека есть определенный порог чувствительности к внешним воздействиям, проходя через который они становятся тормозом в развитии. В исследовании, проведенном в 2002 году (Шамянов, 2002) было показано, что лица с крайними вариантами удовлетворенности-неудовлетворенности собой обнаруживают разные типы самоотношения, способность самоуправления и разные стратегии поведения. Наиболее позитивным вариантом для саморазвития личности является тот, в котором сочетаются достаточно позитивное самоотношение, относительная неудовлетворенность собой и умения саморегуляции, т.е. средние позиции всех названных показателей. В этом случае активность личности направляется не на снятие напряжения от глубокого несоответствия внешних и внутренних инстанций (неудовлетворенность) и не на «подтягивание» внешних инстанций под личные приоритеты (удовлетворенность), а на реальные и вполне доступные личности самоизменения и, вероятно, успешную адаптацию к изменяющимся внешним условиям.

ПРОБЛЕМЫ

Люди по-разному используют свои силы и социализирующие ресурсы по своему становлению (не одинаково ставятся цели саморазвития и их валентность, с точки зрения социальной желательности – нежелательности; при этом стоит подчеркнуть, что последнее далеко не всегда совпадает с целями и намерениями некоторых агентов социализации), следовательно, проблема может состоять в: 1) противоречиях институтов социализации и их направленности; 2) специфике психологических и социально-психологических структур самого человека, его субъектности; 3) успешности личности в сферах жизнедеятельности, при вхождении в разные группы, её социальной успешности, особенно на ранних этапах своего становления, 4) выраженности (относительной завершенности) критериальных образований.

Особую значимость для системы образования имеет третий фактор в силу его податливости социальной коррекции. Личность должна быть *успешной*. Это бесспорно. Однако успешность её должна достигаться за счет «удачных» преодолений, но не за счет «харизмы»; за счет внутренней установки на достижение, своеобразного сочетания «хочу», «могу» и «надо», что достигается посредством позитивной социализации: воспитания соответствующей установки, положительного самоотношения и уверенности в своих силах, наконец, субъектности не только в смысле своей жизни, но и в смысле «работы» со своей личностью. Искренне приходится сожалеть, что «официальные» институты социализации далеко не всегда способствуют такому воспитанию. Между тем перед обществом стоит именно эта задача – задача *формирования* установки на успех, *возможность* изменения, совершенствования себя, равно

как и на решение всех социальных, политических, экономических, учебных и т.п. задач, но не фатальность своего личностного существования. Эти же выводы прослеживаются и во многих верованиях («Богу угодно, чтобы человек сам шел к праведности»). Социальная практика показывает, что в случае успешного решения этой задачи становятся актуальными и возможными самокоррекция и саморазвитие.

3.6. Ценностные ориентации и установки личности

Качественную составляющую направленности личности, её содержательную сторону образуют ценностные ориентации. Именно они составляют основу её отношений к окружающему миру, основу мировоззрения и жизненной концепции, поскольку «в ходе освоения и преобразования окружающей действительности человек вступает в ценностно-нормативное отношение к ней, характер которого, содержание ценностей для разных людей различны» (Донцов, 1975). Ценностные отношения, основная функция которых – направлять и корректировать процесс целеполагания человека, являются основой его активности, – считает А.И. Донцов.

Формирование системы ценностных ориентаций у человека происходит на протяжении многих лет, и изменяются они постепенно. Ценностные ориентации определяются как фиксированная в психике индивида и социально обусловленная общая направленность на цели и средства деятельности.

Ориентация человека на определенные ценности возникает в результате их предварительной положительной оценки. Субъект проектирует в своем сознании или подсознании овладение ценностью, учитывая свои потребности и возможности. Считается, что для отдельных индивидов путь формирования ценностных ориентаций может быть противоположным (не от потребности к ценности): перенимая от окружающих людей взгляд на нечто как на ценность, достойную того, чтобы на нее ориентироваться в своем поведении и деятельности, человек может тем самым закладывать в себе основы новой потребности, которой раньше у него не было (Додонов, 1978).

Вместе с тем, по У. Томасу и Ф. Знанецкому, ценности – есть объективная сторона установки. Следовательно, установка есть индивидуальная (субъективная) сторона социальной ценности.

Не вдаваясь в споры по поводу определения установки и аттитюда, отметим, что, по заключению В.А. Ядова, ценностные ориентации, направленность личности, аттитюды (социальные установки) являются разновидностями установочных готовностей.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Понятие «установка» в отечественной психологии связывают с именем Д.Н. Узнадзе, однако его по-

нимание этого явления – «предшествующая любым, в том числе психическим, актам субъекта, готовность осуществлять именно те акты, которые адекватны данной ситуации», несколько отличается от понятия социальной установки (аттитюда), поскольку оно, по заключению В.В. Новикова, не связано с анализом социальных факторов, детерминирующих поведение личности, с усвоением индивидом социального опыта. Ниже мы коснемся рассмотрения этого вопроса. В истории западной психологии разработку проблемы социальной установки связывают с такими именами, как Г. Спенсер, У. Томас, Ф. Знанецки, М. Смит, У. Мак Гайр, Ф. Хайдер, Л. Фестингер, Ч. Осгуд и др.

Термин «социальная установка» (или аттитюд) был введен в социальную психологию Томасом и Знанецким в 1918 году для описания различий в поведении фермеров Польши и США и первоначально предполагал психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта.

Компонентами социальной установки являются аффективный, когнитивный и поведенческий. Когнитивный предполагает осознание объекта установки, аффективный – чувство симпатии или антипатии к объекту установки; поведенческий – устойчивую последовательность реального поведения относительно объекта установки. Исходя из трехкомпонентной модели установки Игли и Чейкен дали следующее определение: «Установка – это психологическая тенденция, которая выражается через оценивание заслуживающих внимание объектов с определенной степенью расположения или неприязни. Оценки эти касаются всех категорий оцениваемых реакций, являются ли они открытыми или скрытыми, когнитивными, аффективными или поведенческими».

В концепции В.Н. Мясищева, в основании аттитюдов – «субъективно-личностных отношений» находятся общественные отношения. Параметрами социально личностных отношений являются:

- 1) доминантность;
- 2) уровни активности (выраженность отношений);
- 3) модальность (положительная, отрицательная амбивалентная);
- 4) степень устойчивости;
- 5) принципиальность;
- 6) цельность (внутренняя связность отношений);
- 7) широта (богатство или узость отношений);
- 8) уровень сознательности.

Специфическое сочетание этих параметров определяет особенности психологического склада конкретной личности и меру ее общественной активности.

А.Г. Асмолов и М.А. Ковальчук подчеркивают, что социальная установка, возникающая в каком-либо виде деятельности, рассматривается как фактор формирования социального поведения личности, выступающая в форме отношения личности к условиям ее деятельности, к другим, и мы бы добавили, – к самому себе.

ФУНКЦИИ Функции установки раскрываются через понимание мотивационных корней установок. Выделены функции эго-защиты, ценностно-экспрессивная и самореализации, инструментальная (адаптивная), познания (знания).

Защитная функция предполагает разрешение внутренних конфликтов личности посредством установления защиты на основе механизмов рационализации, проекции и др.

Ценностно-экспрессивная функция заключается в том, что аттитюд выступает как средство освобождения от внутреннего напряжения, может быть направлен на утверждение (подтверждение) собственных мнений, позиций, самопонимания.

Инструментальная выражается в том, что аттитюд направляет субъекта к тем объектам, которые служат достижению его целей; кроме того, поскольку сходство (мнений, суждений, личности) часто вызывает симпатию, люди склонны перенимать функциональные и инструментальные установки других.

Установка позволяет распределять по категориям входящую информацию. Функция познания (знания) заключается в том, что аттитюд дает упрощенное знание, указание относительно способа поведения по отношению к конкретному объекту.

Исследования функций установок позволили выявить две наиболее типичные формы их доминирования: люди, социальное поведение которых в большей степени зависит от внутреннего состояния, характера более приспособлены для обслуживания ценностно-экспрессивной функции, а для тех, чье поведение ориентировано на ситуационные сигналы, – для обслуживания социального приспособления.

Многочисленными эмпирическими исследованиями было доказано, что установка играет существенную роль в переработке информации. Например, в теориях когнитивной согласованности показано, что люди стремятся организовать свои когниции без напряжения. В случае противоречивости установок они испытывают состояние диссонанса, что становится причиной стремления к установлению согласованности между когнициями, изменив некоторые из них. Согласно другим теориям (например, теории социального суждения), установки должны руководить восприятием и оценкой установочно-релевантной информации, то есть, собственная установка является базовой в отношении остальных возможных установочных положений.

О соотношении установки и поведения в психологии также нет однозначного толкования. В начале 30-х годов XX века Лапьер (США) провел исследование, относительно установочно-поведенческих отношений. Путешествуя по США с китайской супружеской парой, он обращался в разные отели или рестораны и, невзирая на распространенные антиазиатские предрассудки, получил отказ в обслуживании только в одной из более чем ста ситуаций. Спустя полгода, Лапьер написал письма во все отели и рестораны, которые он посетил во время своего путешествия с вопросом о том, допускаются ли у них представители китайской расы в качестве гостей, на что в 92% получил отказ. В результате последующих исследований было показано, что необходимо устанавливать не прямую глобальную корреляцию, а попытаться ответить на вопрос о том, при каких условиях корреляция возможна, какие факторы влияют на нее и т.д.

ДИСПОЗИЦИИ

Исходя из ряда социально-психологических исследований ценностных ориентаций и установок, В.А. Ядов выдвинул концепцию об иерархической структуре диспозиций личности. Диспозиция, по В.А. Ядову, – предрасположенность личности к оценке и определенному способу поведения, являющаяся психологическим выражением взаимоотношения потребностей и условий деятельности: это «некий продукт столкновения потребностей и ситуаций (условий), в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены» (Ядов, 1979).

Диспозиционные образования формируются в иерархию (уровни), которая и предопределяет иерархию уровней социального поведения личности.

Так, низший уровень составляют элементарные фиксированные установки, которые формируются на основе витальных потребностей. Они лишены модальности (переживание «за» или «против») и неосознаваемы за отсутствием когнитивных компонентов.

Второй уровень – социально фиксированные установки. Это аттитюд, или отношение, по В.Н. Мясищеву. Социальные установки образуются на основе оперирования с отдельными социальными объектами и в разных конкретных ситуациях.

Высший уровень образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей. Система ценностных ориентаций формируется на основе высших социальных потребностей личности. В ней «можно выделить особую ось – общую жизненную позицию личности, баланс направленности ее интересов в сферы производства (труд) и потребления (быт, досуг, семья). Доминирование направленности интересов или равномерная идентификация с деятельностью в разных сферах отделяют наиболее значимые черты социального качества индивида в *соотнесении* с

главными особенностями образа жизни его социальной среды» (курсив мой, – Р.Ш.) Эти диспозиционные образования характеризуются как свойство *наиболее распространенного субъектотипа* – наиболее полно соответствующего данному этапу общественного развития.

Особый вопрос встает в связи с несовпадением реального поведения социальной установке. Это может быть обусловлено, по признанию В.А. Ядова, тем, что ведущая роль в регуляции поведения принадлежит диспозиции иного уровня, которая включается в регуляцию в зависимости от места соответствующего ей мотива (предмета деятельности) в иерархии мотивов личности.

В диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности определены разного рода отношения мотивов и ценностных ориентации. Мотив может соответствовать общей направленности личности, но не соответствовать ценностной ориентации, связанной с актом поведения. Мотив может исходить из ценностной ориентации, которая выступает в виде фиксированной установки, но в то же время систематически повторяющаяся однородная мотивация поступков может послужить основой для формирования соответствующей ценностной ориентации. Мотивированность может наступать и после импульсивного осуществления действия.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Основная функция ценностных ориентаций заключается в регулировании поведения как осознанного действия в социальных условиях. Решения, принимаемые субъектом, большей частью имеют своим основанием те ценности, которые для него являются наиболее важными и занимают вершинные позиции в иерархии.

Однако существуют более или менее устойчивые элементы системы ценностей и мотивов, есть те, «которые в значительной мере являются ситуативными» (Рогов, 1999). Они, по мнению М.Г. Рогова, и определяют специфику ценностно-мотивационной сферы личности на разных этапах ее социализации.

Подчеркнем, что, рассматривая ценностные ориентации как составляющую направленности, следует понимать, что ценностные ориентации и мотивы – понятия не тождественные, хотя осознанность мотивов поведения делает их неотъемлемой частью процесса целеобразования.

Ценности, по С.Л. Рубинштейну, являются производными от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире значимо для него, включая и то, что создает человек в процессе истории. В этом смысле, характеристики нравственности ценностных ориентаций образуют определенные отношения и даже единство, в случае просоциальной направленности личности.

Известно, что нравственность как психологический феномен характеризуется тремя аспектами: 1) знания; 2) отношение к этим знаниям (стали ли они потребностями и мотивами личности); 3) нравственное поведение (каковы конкретные поступки и действия).

В психологии принято выделять три уровня развития морального сознания: 1) доморальный уровень (расплывчатое представление о нравственных нормах); 2) уровень конвенциональной морали (знание нравственных норм, но эти нормы не являются мотивами поведения личности, отношение к ним либо отрицательное, либо неопределенное); 3) уровень автономной морали (четкое и правильное представление о нравственных нормах, активно-положительное отношение к ним, устойчивое проявление в поведении).

Эволюция морального сознания ребенка идет параллельно его умственному развитию, но никак не сводится к нему. Так, для подросткового возраста типична ориентация на мнение значимых других или на соблюдение формальных правил. В юности начинается постепенный переход к автономной морали, однако он несколько отстает от развития абстрактного мышления, которое позволяло бы дифференцировать ценности, выбирая для своей активности общечеловеческие, но не узкие ценности той или иной группы (пусть и высоко референтной). Мы полагаем, что дифференциация ценностей свидетельствует о социальной зрелости индивида, и сама она становится возможной в случае зрелости. Автономная мораль обеспечивается совестью и оптимальным чувством вины, с одной стороны, и ответственностью, принимаемой на себя – с другой. Поведенческим механизмом морального сознания может быть признан феномен внимательности, получивший свою разработку в исследованиях Б.Г. Ананьева и И.В. Страхова. В частности, И.В. Страховым было показано, что она выражается в восприятии и адекватной оценке состояния другого человека. При этом выделены и уровни внимательности: 1) констатирующий (пассивная фиксация фактов), 2) продленный (вербальное проявление), 3) активно-действенный (тактичное оказание непосредственной помощи) (Страхов, 1970).

Нельзя не отметить того факта, что для некоторых молодых людей обрывается «своя» мораль, во многом отличная от просоциальной, которая способствует становлению антисоциальной направленности. Поэтому во многих классификациях ценностных ориентации предусматривается и возможность «присутствия» и такого рода ценностей.

Рассмотрим основные комплексы ценностных ориентации, широко известные в психологической литературе. На основе типологии людей Э. Шпрангера были выделены шесть комплексов (Г. Олпорт и др., 1951):

1) теоретический – интерес к поиску истины, критический, рациональный, «интеллектуальный» подход;

2) экономический – полезные и практические ценности «делового человека»;

3) эстетический – ценности стиля, гармонии, формы, изящества, симметрии и соответствия ситуации, стремление к оформленному выражению своих впечатлений;

4) социальный – ценность любви к людям, альтруизм и филантропия (говоря словами Э. Шпрангера, «любовь» это то, что открывает в другом человеке потенциального исследователя определенных ценностей);

5) политический – ценность личной власти, влияния, известности или, на другом полюсе – ценность «подвластности»;

б) религиозный – направленность на достижение высшего переживания ценностей (позитивных, негативных или смешанных), мистический настрой, стремление осознать единство мира и космоса.

На основании эмпирических исследований Р.Л. Сизых выделены ценностно ориентационные комплексы: 1) витально-мотивационный (деньги, жилье, питание, домашнее хозяйство, транспорт и др.); 2) учебно-производственный (работа, учеба, карьера и др.); 3) семейно-родственный (семья, воспитание и здоровье членов семьи, распад отношений и др.); 4) нравственно-мотивационный (честность, справедливость, отношения в социуме и др.); 5) личностно-мотивационный (самообразование, самопознание, самореализация, нравственное самосовершенствование и др.); 6) межличностный (друзья, любовь и др.); 7) внутриличностный (счастье, свобода, независимость и др.); 8) изолированность (одиночество, скука и др.); 9) комплекс неприязни к людям. Недостатком такого подхода является неразличение целей и средств и, возможно, глубинных (чаще невыносимых на уровне деятельности) ценностей, «декларированных» в структуре личности.

Наиболее полная классификация типов ценностных ориентации предлагается С.С. Бубновой. Представим ее с некоторыми изменениями.

Выделяются три уровня проявлений ценностных ориентаций:

1) наиболее обобщенные, абстрактные ценности: духовные, социальные, материальные;

2) ценности, закрепляющиеся в жизнедеятельности и проявляющиеся как свойства личности: общительность, любознательность, активность, доминантность и т.д.;

3) наиболее характерные способы поведения личности как средства реализации и закрепления ценностей – свойств.

В результате анализа теоретических подходов к ценностным ориентациям возникает вполне закономерный вопрос: являются ли классификации и вообще ценностные ориентации универсальными для разных культур и этносов? Здесь не может быть однозначного ответа. Да, существуют универсальные для всего человечества ценности, такие как, например, мир, здоровье и

т.п., но в каждой культуре имеются свои, самобытные ценности, которые не могут быть подменены другими, инокультурными. В России, например, по мнению К. Касьяновой (1992), выдвигаются на передний план ценности «успокоение сердца», «душевное устройство», а попытки насадить чуждые, несоответствующие национальному архетипу ценности, являются разрушительными. По нашим данным, даже в одной стране (России) разные этнокультуры выявляют разные иерархии ценностей...

ФОРМИРОВАНИЕ

Ценностные ориентации как личностнообразующая система на стыке разных этапов вступают в противоречие со сложившейся системой мотивов и потребностей, приводя к их качественной перестройке. Предпосылки к формированию ценностных ориентации закладываются еще в дошкольном возрасте, но само формирование происходит в подростковый период с определением позиции ребенка в сфере социальных отношений. При переходе к подростковому возрасту ценностные ориентации начинают складываться в сложную и устойчивую систему. Однако лишь у 53 % старшеклассников, по нашим данным, дифференциация ценностей достаточно высока. Это значит, что у подростков достаточно велика вероятность «использования» совершенно различных ценностей в одних и тех же ситуациях морального выбора (у взрослых, для сравнения, этот показатель достигает порядка 93 %).

В результате исследований Н.А. Волковой были выделены периоды становления и перестройки структуры ценностных ориентации у школьников. Первый период (младший школьный возраст) характеризуется постепенным формированием высокоинтегрированной структуры, центральным компонентом которой является показатель ориентации на нравственные характеристики. Становление структуры ценностных ориентаций у подростков начинается с её распада, затем происходит усиление связанности показателей, в конце подросткового возраста образуется высокоинтегрированная структура, в центре которой находится интеллектуально-волевой блок: формируется структура ценностных ориентаций личности, адекватная учебной деятельности. В юношеском возрасте происходит усиление тесноты связей показателей ценностных ориентаций в структуре и перемещение в её центр показателя ориентации на людей и общество, что является следствием процесса социализации.

Также была определена динамика взаимосвязей ценностных ориентаций, характера и самосознания. Так, формирование самосознания под влиянием ценностных ориентаций происходит преимущественно в подростковом возрасте. А на последующих этапах происходит формирование характера под влиянием ценностных ориентации и на основе связей последних с различными сторонами самосознания. С успешностью учебной деятельности также выявлены связи ценностных ориентаций у младших школьников и подрост-

ков, что свидетельствует о влиянии последних на эту успешность, хотя в дальнейшем оно ослабляется в силу усиления интегрального влияния личностных характеристик на успешность учебной деятельности.

С позиций выявления особенностей ценностных ориентаций учащихся как показателя определенного уровня развития личности, одним из наиболее важных факторов является сформированность иерархической структуры ценностных ориентаций, а также её содержание (конкретные ценности).

Наши исследования ценностных ориентаций учащихся девятых и десятых классов показывают, что основные различия касаются «оснований» иерархических структур. Так, вершину структуры в 9 классе образуют ценности «наличие друзей», «здоровье», «семья», «общественное признание», «свобода», а в 10 классе – «работа», «друзья», «здоровье», «семья», «любовь»; основание структуры образуют в 9 классе ценности «активная деятельная жизнь», «продуктивная жизнь» и «творчество» (все эти ценности в 10 классе поднимаются на более высокую ступень в иерархии), а в 10 классе – «удовольствие». Как видим, ценности наличия друзей, семьи и здоровья оказываются незыблемыми, а легкомысленное отношение к творчеству и активности в 9 классе нивелируется при переходе в следующую возрастную ступень в связи с личностным развитием.

Аналогично меняется и установка на образ действий, являющийся предпочтительным в любой ситуации, это те ценности-средства, которые используются субъектом для достижения целей. В старшем школьном возрасте наиболее предпочтительными оказываются такие ценности-средства, как жизнерадостность, независимость и ответственность, наименее важными – высокие запросы и нетерпимость к недостаткам в себе и в других. Стоит обратить внимание на то, что исследований ценностных ориентаций в периоды взрослости очень мало, равно как и сравнительного изучения ценностей с учетом различных детерминант.

Система ценностей личности, её оформленность является условием возникновения зрелых жизненных планов, личностного и профессионального самоопределения, не говоря уже о такой «прагматичной» составляющей, как поведение субъекта в разных социальных системах, а также самоактуализации. И, конечно же, существует связь между поведенческой составляющей ценностных систем и удовлетворенностью личности. Внутренняя структура ценностного отношения, согласно А.И. Донцову, может содержать два компонента: 1) собственно ценностная, содержательная сторона – личные эталоны как основа «полагания», ориентация поведения; 2) динамическая, активационная сторона – формы, степень и область активности субъекта, опосредованной этими эталонами. Наиболее сложная форма ценностных отношений – система «стержневых» ценностных эталонов личности, которая опосредует процесс социальной жизнедеятельности человека в целом; эти эталоны актуа-

лизируются в связи с основными сферами деятельности человека, составляя «цель и смысл его жизни» (Донцов, 1975). Именно такое понимание ценностных отношений и связывает ценности и удовлетворенность личности с их реализацией в жизнедеятельности. В этом смысле весьма оправдано выделение О.И. Зотовой и М.И. Бобневой условных групп, отличающихся определенным отношением ценностных ориентаций и оценкой реальной жизненной ситуации.

Так, I группу составляют личности, ценностные ориентации которых и уровень притязаний не соответствуют их возможностям и способностям и не получают удовлетворения.

II группу составляют те, которые столкнулись с конфликтом ценностей и смирились с этим: произошло снижение уровня ценностных ориентаций, за счет этого установилась удовлетворенность.

III группу составляют те, кто, столкнувшись с конфликтной ситуацией и не сумев осуществить свои жизненные притязания, перестраивают свои ценностные ориентации, подводя их под сложившуюся ситуацию и тем самым способствуют усилению удовлетворенности (трудом, положением и т.п.).

IV группу составляют те, кто, не сумев осуществить жизненные планы, находят удовлетворение в пассивном отношении к жизни (своеобразные установки типа «мне ничего не нужно», «с судьбой не надо спорить» и т.п., – Р.Ш.).

V группу составляют те, кто, не осуществив свои жизненные планы, разочаровавшись, не хотят заниматься определенной деятельностью (и, вероятно, проблема удовлетворенности актуализируется время от времени, но находятся защитные приспособления, которые позволяют продолжать такой образ жизни, – Р.Ш.).

Несмотря на то, что работа, о которой идет речь, была опубликована более 25 лет назад, ее значимость и актуальность и сегодня не вызывают сомнений, за каждой выделяемой группой просматриваются конкретные социальные категории людей.

На основе соотношения систем ценностных ориентаций и оценки достижений в тех или иных сферах жизнедеятельности, что дает эффект того или иного отношения к этим сферам, к себе как личности и своим ценностям, ролям, установкам формируется представление и чувство благополучия личности.

3.7. Ролевая структура личности

ПОНЯТИЕ В обществе существуют определенные эталоны социального поведения человека в разных ситуациях. Они

сформировались в результате обобщения социального опыта многих поколений людей. Эти эталоны активно транслируются через культуру, и каждый человек, еще не выполняя какой-то социальной функции, имеет о ней определенное субъективное представление. Понимание, принятие социальной функции осуществляется на когнитивно-эмоциональном уровне (понимание и отношение), практическое воплощение – на поведенческом.

В течение всего времени существования человечества объективно необходимо распределение ролей в системе совместной жизнедеятельности. Эта необходимость связана с установлением «равновесных» отношений, соответствующих всей логике существования в природе, наиболее удачным, в известном смысле, приспособлением к среде. Если на более ранних этапах существования цивилизации количество ролей, приписываемых (проигрываемых) человеку было ограничено определенными рамками, то современность расширила эти границы и, соответственно, развитая «культура» предполагает возможности для выбора конкретным человеком тех социальных ролей, которые для него являются наиболее приемлемыми, дают возможности для самореализации.

Развитие социума неизбежно приводит к расширению самого набора различных ролей, но в то же время некоторые «фиксированные» роли уходят в небытие. Благодаря более или менее «фиксированному» набору социальных ролей сохраняется культура и основы социальной жизни и новые поколения людей вновь повторяют (привнося нечто новое) те функции, которые были выработаны задолго до них. Это, видимо, является одной из основ устойчивости общества и предсказуемости личности.

Роль – социальная функция личности, соответствующий принятым нормам способ поведения человека в зависимости от его статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений, то есть в зависимости от объективного положения внутри определенной социальной системы (семьи, производства, учебной группы и т.п.). Но это не означает жесткой привязанности к социальной роли, так как человек является субъектом, он всегда остается самоуправляющимся существом и действует исходя из собственных представлений о ситуации, о наилучшем для него способе поведения и способе «проигрывания» ролей, в том числе. В данном случае, роль, принимаемая осознанно может быть «единственно приемлемой» для конкретной ситуации, так как за ней закрепляется определенная форма поведения предшественников или современников, их опыт поведенческий и «жизненный», которые, возможно, подразумеваются в обобщенном виде, и имеется возможность при «разворачивании» ее привнести нечто новое, оригинальное и необходимое.

С другой стороны, исследованиями Ф. Зимбардо (в 1970 году) было показано, что человек редко задумывается о том, что ему подходит чувство-

вать в данной роли, что это «чувствование» приходит само, даже иногда вопреки воле «игрока», как, например, в «Тюремном эксперименте», где драматические события разворачивались в импровизированной «тюрьме» с участием обычных студентов, не имеющих подобного «опыта». Роли «заключенных» и «тюремщиков» были приняты до такой степени, что поведение и тех и других мало чем отличалось от «настоящих»; за пять суток вполне благополучные юноши превратились во взаимоважных тюремщиков.

Кроме всего сказанного, существует так называемый феномен социального ожидания, то есть ожидания группой исполнения определенной роли, определенного поведения личности. Если такового не происходит, поведение человека не укладывается в рамки ожиданий, окружающие (группа) проявляют комплекс негативных эмоций, выражаемых явно или неявно. Это касается негативных проявлений, кроме которых существуют и позитивные, в случае исполнения роли в «возможном» русле (возможном для группы и ее атмосферы), укладывающемся в «возможные» рамки («выше ожиданий»). Таким образом, группа ориентирует индивида в принятии и исполнении ролей через свои ожидания; но верно и обратное, – управление личностью ожиданиями окружающих, для чего необходимо достаточное развитие «социального интеллекта». И позитивные «санкции», и управление ожиданиями не являются «рядовыми» явлениями социальной жизни, так как имеют определенные ограничения к «доступу». Чаще социальный контроль осуществляется в негативном ключе, хотя, говоря словами бихевиористов, прогресс общества связан со снижением отрицательных подкреплений, отрицательного управления. Считается, что человек рано или поздно обретает возможность самоконтроля как оборотной стороны социального контроля. В этом смысле самоконтроль является своего рода «зрелым» способом существования, хотя и определяется преимущественно интериоризацией внешнего социального контроля. Иначе говоря, в процессе социализации складывается социально приемлемая и в чем-то «стандартизированная» структура поведения, которая позволяет человеку быть «благополучным» в общепринятом смысле, гибко входить в разные социальные группы, адаптироваться в них с наименьшим ущербом для своей личности и самочувствия, а с другой стороны, обеспечивается определенная предсказуемость группы и её самосохранение.

Необходимо заметить, что социальные ожидания учителей часто оказываются негативными для учащихся. Например, учитель, ожидающий от данного ученика или группы определенного негативного поведения (снижения успеваемости, неаккуратности и т.п.) рано или поздно «добивается» его, здесь кроме ожидания вступает в силу и закон социальной установки, столь красноречиво описанный и Милгремом, А.В. Петровским, Г.М. Андреевой, И.С. Коном и др. Аналогично, позитивные ожидания могут спровоцировать конструктивное поведение. Подробнее об этом мы остановимся ниже.

Социальная роль – это выработанная обществом и усвоенная индивидом система мыслей и чувств, намерений и действий, подходящих в данной ситуации человеку, занимающему определенное социальное положение. Различают «предписанную роль», заданную данным социальным сообществом, «субъективную роль», как она воспринята субъектом, и «исполняемую роль», выраженную в явном поведении (Ольшанский, 1994). Естественно полагать, что такие позиции совпадают не всегда, вспомним хотя бы роль ученика, которому предписано быть «субъектом познания», выполнять требования и т.п., или роль учителя, которому предписано «помочь ребенку овладеть определенными знаниями, умениями, навыками». Фактически, и те, и другие в своем большинстве делают, по образному выражению В.Б. Ольшанского, «что получится».

ХАРАКТЕРИСТИКИ Основные характеристики социальной роли выделены Т. Парсонсом.

Масштаб роли зависит от диапазона межличностных отношений; чем он шире, тем больше масштаб (роли супругов, родителей).

Способ получения зависит от того, насколько роль запрограммирована: одни роли определены возрастом, полом и не требуют усилий их приобретения (например, роль мужчины, женщины, старика), другие роли достигаются в процессе целенаправленной деятельности (агроном, директор и пр.).

Уровень эмоциональности. Разные роли требуют различных эмоциональных затрат и предписаний (например, роль прокурора предписывает сдержанность, роль актера, педагога – напротив, активное использование эмоциональной сферы). Известно также, что уровень эмоциональности может меняться со временем (например, «плачущий воин» в средневековье – норма).

Формализация предполагает степень формализации отношений со стороны носителя роли (например, одни роли предполагают установление только формальных отношений (следователь), другие – только неформальных (супруги), третьи сочетают в себе и то, и другое). Однако очень часто формальные отношения сопровождаются неформальными, поскольку взаимодействие предполагает оценочные отношения и возникновение симпатии или антипатии к другому.

Мотивация зависит от потребностей человека. Разные роли могут быть обусловлены разными мотивами.

Освоение социальных ролей происходит в течение всей жизни. Меняется статус человека – возникает необходимость усвоения роли. Многие социальные роли усваиваются легко, но есть и такие, которые требуют особых усилий. Та или иная роль должна прежде понравиться человеку, затем она

может быть усвоена и принята. Например, если роль не является привлекательной, человек может демонстрировать пренебрежение к роли, выполнять ее плохо. Если же роль престижна в обществе и оказывается средством достижения цели, личность будет стремиться к ее освоению даже через трудности.

Различают также роли социальные, то есть обусловленные местом индивида в системе социальных отношений (учитель, предприниматель, пенсионер, бабушка и т.п.), и роли межличностные, определяемые местом индивида в системе межличностных отношений (социометрический статус: лидер, отверженный и т.п., или «знаток», «генератор идей» и т.п.).

Наконец, чем выше статус (позиция индивида в социальной системе, характеризующаяся совокупностью прав и обязанностей) человека, тем больше количество ролей, проигрываемых им. Публичность «требует» постоянного обновления имеющегося набора ролей и «функциональных» изменений имеющихся «любимых».

Исполнение ролей может способствовать и изменению в позитивном направлении личностных характеристик (например, ответственности, самостоятельности, лидерских качеств и т.п.), повышению успешности в трудовой и учебной деятельности. Широко распространена и технология коррекции на основе классической психодрамы Я.Л. Морено.

РОЛЕВОЙ КОНФЛИКТ

Поскольку человек одновременно выполняет несколько социальных ролей и разные роли различного поведения, иногда взаимоисключающего, возникают ролевые конфликты.

Обычно под ролевым конфликтом подразумевают ситуацию несовместимых ожиданий, которым подвергается личность, выполняющая ту или иную роль.

Для возникновения ролевого конфликта необходимо наличие двух условий: 1) индивид должен одновременно занимать две или более роли; 2) эти роли должны предъявлять противоречивые требования к его поведенческим образцам (конкурирующие требования). Например, студент обнаруживает, что не может быть и хорошим студентом, и отличным общественником («КВНщиком»).

Различают три типа ролевого конфликта: 1) межролевой, возникает в том случае, когда индивид является одновременно носителем таких ролей, которые предъявляют к нему несовместимые ожидания (например, педагог-психолог; директор школы – учитель, муж, отец, управленец); 2) внутриролевой конфликт возникает в ситуации, когда другие имеют различные ожидания к индивиду как исполнителю единственной роли (например, члены семьи учителя ожидают, что свободное время он посвятит своей семье, детям, а

ученики и руководители ожидают того, что учитель посвятит это время работе с «трудными», классом); 3) личностно-ролевой возникает, когда ценности, представления, потребности индивида не соответствуют социальной роли, т.е. субъективное «Я» вступает в конфликт с социальной ролью (например, когда личность со своими императивами не может выполнить предписанную ролью поведенческий акт).

Роловой конфликт квалифицируется как негативное явление по отношению к личности и оказывается фактором, дезинтегрирующим общество в целом.

Облегчение ролевого напряжения (состояние в ситуации межролевого конфликта) достигается посредством его перераспределения. Согласно теории У. Гуда, основная задача индивида – не снять конфликт, а сделать суммарную ролевою систему (общий ролевой набор) управляемой. Выделяют следующие приемы: 1) разделение – способность индивида игнорировать проблему согласованности (каждому свое); 2) распределение – способность распределять свои обязанности; 3) сокращение ролевых связей – если ролевой набор представляется индивиду слишком чрезмерным для реализации, он может сменить работу; 4) расширение ролевых связей – суть в том, чтобы сослаться на большое количество ролевых обязанностей, что снижает уровень внешних требований и снижает внутреннее напряжение; 5) уклонение от навязывания ролевых связей, например, уезжая в отпуск, бюллетень.

Выделяют и два основных механизма разрешения РК: иерархизация (присвоение приоритетности ролей) и сегрегация – изоляция индивида от несовместимых ожиданий, вернее, от санкций со стороны других. Примеры последнего: 1) отказ от роли в одной из групп (такое решение часто навлекает санкции от группы, которой отказываются повиноваться); 2) натравливание одной группы на другую (указание каждой группе, что они предъявляют несовместимые требования); 3) введение в заблуждение (успокаивание, обещание, угроза, в то время как конкурирующие обязательства не выполняются); 4) ведение двойной жизни (играет одобряемую роль в каждой группе, игнорируя одни ожидания в пользу других); 5) уход в болезнь (своеобразный выход из ситуации, означающий отсутствие возможности приспособиться к ролевым ожиданиям).

Во многих исследованиях было показано, что есть такие виды статусов, занимая которые, люди вынуждены исполнять роли, содержащие противоречивые права и обязанности в силу того, что имеют двойное членство; таких лиц называют маргинальными. Маргинальный человек не просто живет в двух различных, но антагонистических культурах и как бы разрывается между привязанностями и к той и другой. Проблема маргинальности тесно связана с проблемами самосознания.

3.8. Я-концепция

ПОНЯТИЕ

Я-концепция является одной из важнейших составляющих личности. Обычно её определяют как совокупность всех представлений человека о себе, на основе которых он строит свои взаимоотношения с другими и относится к себе.

Зрелость Я-концепции означает: 1) дифференцированность и многокомпонентность образов Я; 2) обобщенность - переход от фиксации случайных, внешних признаков к более широким поведенческим характеристикам и внутренним диспозициям; 3) индивидуальность и психологичность; 4) субъективное ощущение устойчивости внутреннего Я; 5) разграничение и противопоставление наличного и идеального Я.

Становление Я-концепции как целостного образа себя происходит в процессе включения человека в социальное сообщество, в процессе восприятия других людей, их поведения, качеств, оценочных суждений о них со стороны других и оценочных суждений (на этой основе) самой личности о себе и о других. Социальное влияние на установившееся самосознание, Я-концепцию не всегда позитивно. Очевидно, негативное «реагирование» среды ведет к изменениям компонентов Я-концепции, однако глубинные изменения не только не способствуют личностному росту, но напротив, могут «сломать» личность, её образ «Я» и, следовательно, повлиять негативным образом на внешнее поведение индивида. Вместе с тем такое случается достаточно редко, так как человек склонен «держаться» за привычное мнение о себе во взрослом состоянии. Касаемо становления Я-концепции, её пластичность, позитивность/негативность большей частью зависят от уровней личностных качеств, с одной стороны, и, естественно, разнообразных влияний субъектов социализации – с другой.

Поэтому среди составляющих элементов Я-концепции можно выделить представление о себе в настоящем, «здесь и сейчас» – реальное Я, «программное» представление о себе, в котором сконцентрированы «необходимые» составляющие, то, каким я должен стать, каким должен быть - идеальное Я, представление о том, каким хотелось бы быть при удачном стечении обстоятельств, ориентированное большей частью на преломление «идеализированных», «романтизированных» для личности образцов-объектов – фантастическое Я, наконец, представление о себе как публичном существе, отличном от реального и идеального, но вместе с тем связанное с ними – публичное Я и т.п.

Субъект стремится к согласованности разных составляющих Я-концепции; оторванность или слишком большая степень «разброса» между ними ведет к дезинтеграции личности и повышению нервно-психического напряжения. В этом смысле Я-концепция действует как внутренний фильтр

двойного рода: защита от нового опыта, не вписывающегося в существующий образ, противоречащего ему и вносящего раскогласование его составляющих.

Однако, как показывает опыт, жесткость, неизменность Я-концепции, её негибкость в изменяющихся социальных условиях не способствуют «само-сохранению» личности, затрудняют её адаптацию и часто приводят к противопоставлению человека социальному сообществу, не зависимо от того, положительный или отрицательный внутренний образ Я, так как самосознание постоянно работает путем сравнения реального поведения с Я-концепцией и, соответственно, осуществляет регуляцию поведения.

СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ

Целостный образ собственного Я включает когнитивный компонент – представление индивида о самом себе (множество качеств, внешних и внутренних, личностных и физических и т. п.), эмоциональный компонент – собственно, самоуважение или самоуничижение и оценочно-волевой – стремления субъекта к действиям, способным усилить самооценку и самоуважение.

Когнитивный компонент Я-концепции связан с эмоциональным и оценочно-волевым через конкретные проявления самооценки и уровня притязаний, которые носят субъективный характер.

Самооценка – это оценка личностью самой себя, отношение к своим способностям, возможностям, личностным качествам, внешнему облику. Это своеобразная когнитивная схема, которая обобщает прошлый опыт личности и организует, структурирует новую информацию относительно данного аспекта Я. Она выражает познавательный акт и определенный уровень притязаний.

Основными механизмами конструирования самооценки являются: 1) интериоризация, усвоение оценок других людей, 2) социальное сравнение, 3) самоатрибуция (приписывание себе определенных свойств), 4) смысловая интеграция жизненных переживаний (иерархизация отдельных аспектов Я, компенсирование осознаваемых слабостей достоинствами и пр.) (Кон И.С.).

В отечественной психологии изучение самооценки велось по двум основным направлениям: 1) исследование самооценки в рамках проблем самосознания (Ананьев Б.Г., Рубинштейн С.Л., Столин В.В.) и 2) изучение самооценки с точки зрения её роли и функции в структуре личности (Выготский Л.С., Божович Л.И., Мерлин В.С. и др.).

Феномены самосознания могут касаться того, как в процессе развития активности субъекта возникает и в дальнейшем развивается самосознание, как структурируется феноменальное Я, как самосознание используется в активности субъекта и влияет на неё. В.В. Столин выделяет следующие группы феноменов:

- 1) феномены субъективного уподобления и дифференциации;

- 2) феномены самопознания;
- 3) феномены, в которых проявляются функции самосознания в деятельности, общении и развитии индивида.

Последняя группа феноменов оказывается особенно важной в том плане, что принятие точки зрения другого относится не к прямому её усвоению, но к возникновению способности оценить себя, сформировать отношение к себе, опираясь на отношение других людей.

САМООЦЕНКА И ПРИТЯЗАНИЯ

Как личностное образование самооценка играет центральную роль в личности касаясь направленности, активности, общественной значимости. Ей отводится регулятивная роль в структуре личности.

Существенным в понимании самооценки являются следующие её особенности, обозначенные Р. Бернсом. Во-первых, важную роль в формировании самооценки играет сопоставление образа реального Я и образа идеального Я. Тот, кто достигает в реальности характеристик, определяющих для него идеальный образ Я, должен иметь высокую самооценку. Во-вторых, человек стремится оценивать себя так, как по его мнению, его оценивают другие, в чем проявляется склонность субъекта «принимать» социальные реакции. В-третьих, индивид оценивает успешность своих действий через призму своей идентичности, то есть через успешность вхождения в социальное общество в плане его индивидуальности.

Самооценка существует не изолированно от представления о самих оцениваемых качествах, поэтому её рассматривают в аспекте общего представления о себе. Согласно имеющимся в науке данным, в состав содержательных представлений субъекта о том, каков он, не входят ценностно нейтральные качества, лишённые для него личностного смысла. Эти качества наделяются субъектом высокой позитивной или негативной ценностью. В этом выражается единство и соотнесенность в структуре самооценки её основных компонентов: когнитивных – отражение знаний человека о себе разной степени оформленности и обобщенности: от конкретных элементарных представлений до концептуально-понятийных; эмоциональных – так называемый «аффект на себя», отношение к себе и поведенческих. Знания о себе, которые приобретает человек, неизбежно обрастают эмоциями, сила и напряженность которых зависят от значимости оцениваемого содержания, а восприятие любых своих свойств происходит на фоне представления о «должных» качествах.

Динамика соотношения когнитивного и эмоционального компонентов самооценки такова. В дошкольном возрасте преобладает эмоциональная составляющая, связанная с общим позитивным отношением ребенка к себе. К началу младшего школьного возраста соотношение данных компонентов не-

сколько уравнивается. В младшем школьном возрасте преобладающим является когнитивный компонент, так как в эмоциональном плане этот период характеризуется относительным спокойствием. Снижается зависимость самооценки ребенка от отношения взрослых, и на первый план в развитии самооценки выходит знание о себе. Вся жизнь подростка имеет эмоциональную окраску, что выражается и в темпе развития эмоционального компонента самооценки. Обостряется восприятие высших оценок. Юношеский период характеризуется совместным развитием когнитивного и эмоционального компонентов. Все большую роль начинает играть поведенческий компонент.

Активность личности в значительной степени определяется самооценкой, которая, как было показано выше, развивается в процессе активной деятельности на основе взаимоотношений с окружающими. Самооценка не является статичным образованием, она изменяется в зависимости от обстоятельств. Стоит ли говорить о том, что заниженная, равно как и неадекватно завышенная самооценки, способствуют усилению тревожности и напряженности; заниженная или отрицательная самооценка ведет к неадекватному поведению, восприятию препятствий и задач как непреодолимых, к дезадаптации в социуме и негативно влияет на различные сферы деятельности. Поэтому необходимо изначально формировать у ребенка положительное представление о себе. Об этом много писал Б.Г. Ананьев, считавший, что воспитатели, руководя деятельностью детей, должны не только учитывать самооценку и притязания своих воспитанников, но и активизировать эту самооценку и поднимать уровень притязаний (степень трудностей целей, которые они ставят перед собой).

В значительной степени этому способствует педагогически целесообразная самооценка самого ребенка, которая может «содействовать» формированию личности в благоприятном направлении, поддерживать веру в собственные возможности и стимулировать активность. Характер целесообразности самооценки определяется с учетом возрастных и индивидуальных особенностей, возможностей ученика и в настоящий момент, и в зоне ближайшего развития. В этом смысле необходима целенаправленная работа по **формированию** (или коррекции) самооценки окружающими взрослыми и, особенно, учителями, воспитателями, от уровня мастерства которых и зависит эффективность этой работы. В качестве общих компонентов формирования следует выделить стремление поднять общую самооценку через оптимизацию деятельности ребенка, её успешности и межличностных отношений для создания благоприятного психологического климата, имеющим низкий социометрический статус среди сверстников. Осуществление этой цели предполагает особый учет возрастных особенностей, так как деятельность, например, в разные периоды меняет свою значимую направленность, а излишнее акцентирование минимизированных успехов в деятельности (например, в

учебной) может вызвать негативную интерпретацию у самого повзрослевшего в умственном плане ученика, возможности осознания которого достаточно велики. В этом смысле имеется необходимость придерживаться кодекса педагогического такта субъектами оговоренных воздействий, использовать, говоря словами И.В. Страхова, *оптимальную* для каждого случая *меру* воспитательного воздействия, что регулируется путем наблюдения, экспериментального изучения и осмысливания учителем реакций учащихся на эти воздействия.

Новейшие исследования психологов (Б.В. Зейгарник, А.М. Прихожан и др.) показывают наличие многообразия индивидуальных вариантов самооценки старших школьников, лишь у трети которых она благоприятна с точки зрения задач личностного самоопределения: сбалансированность дифференциации в оценках разных сторон личности, средняя самооценка, достаточное, но не чрезмерное расхождение между уровнями желаемого и ожидаемого успеха. Варианты с низкой самооценкой, высокой, но не дифференцированной, со средней и высокой дифференцированностью отрицательно сказываются на формировании личности и являются неблагоприятными, следовательно, категории учащихся с этими вариантами самооценок нуждаются в более внимательном отношении со стороны учителей.

Следующий, не менее важный феномен Я-концепции, рассматриваемый нами, – уровень притязаний. Формирование умения правильно реагировать на успех и неудачу, конструктивно относиться к собственному неудачу рассматривается как существенный момент не только становления личности, но и профилактики и преодоления кризисов.

В поведении человека *адекватный уровень притязаний* проявляется в том, что он ставит перед собой те цели, которые реально может достичь, которые соответствуют его способностям и возможностям, соответствуют самооценке; *неадекватный уровень притязаний* проявляется в выборе слишком трудных или слишком легких целей, в повышенной тревожности, неуверенности в своих силах.

Результаты исследований многих психологов показали, что цели и намерения человека функционируют подобно потребностям и выступают в качестве движущих сил поведения, которое связано со специфической мотивацией. Так, притязания велики при сильном стремлении к успеху. В этом случае даже недостижение намеченного ведет к новым попыткам и настойчивой работе ради достижения цели. Если поведение мотивировано стремлением избегать неудачи (например, чтобы не получить «двойку»), притязания оказываются низкими. Более того, неуверенность в себе и *ожидание* неудачи приводит к установлению нереального уровня притязаний (Москвичев, 1975). С другой стороны, неуверенность в себе и означает неадекватность само-

оценки и наличие тенденции избегать ситуаций прогнозирования, соревнования.

Зрелость притязаний означает их относительную высоту (по сравнению с самооценкой), реалистичность, гибкость, адекватность реакций на успех и неуспех. В этом смысле, оптимальным можно считать такое соотношение самооценки и уровня притязаний, когда последние, несколько опережая наличные возможности, создают зону ближайшего развития и становятся побудительной силой для прогрессивного становления личности (А.М. Прихожан). Наши исследования показывают, что к моменту окончания общеобразовательной школы притязания большей части юношества определяются самооценкой, что говорит о реалистичности притязаний. Касаясь профессионального самоопределения, столь важного для данного возраста, особую значимость приобретают самооценки и притязания профессиональной направленности. В соответствии с ними выбор профессии осуществляет порядка 44% учащихся. Такой выбор и самоопределение можно считать адекватным и необходимым, так как обратное (несоответствие) приводит к низкой успешности в учёбе и деятельности.

3.9. Самопрезентация личности

ПОНЯТИЕ

Самопрезентация – это представление человека другим, «Я для других». Обычно предполагает процесс представления себя в отношении социально и культурно принятых способов действия и поведения. Стоит ли говорить о том, что в каждой конкретной ситуации личность является не только «чем-то для себя», но в не меньшей степени, а, может быть, и в большей «чем-то для других».

Самопрезентация связана с имиджем, но ни в коем случае не сводится к нему. Дело в том, имидж создается не только самим человеком, но не в меньшей степени его окружением, средствами массовой информации, профессионалами (имиджмейкерами). Кроме того, имидж – нечто более постоянное для разных ситуаций, он может быть скорректирован при необходимости, оставаясь более или менее устойчивым конструктом. Самопрезентация – неустойчивое явление, и в различных ситуациях может служить различным целям и содержать разные паттерны поведения.

Ни для кого не секрет, что «личность для других» может приобретать разные формы в соотношении с самосознанием личности, а также с ситуациями столкновения с другими.

СТРУКТУРА И ВИДЫ

Самопрезентация связана и с феноменом социальной конгруэнтности. Образ самого себя, представляемый

для других, соотнесен с их ожиданиями и ситуацией. Иначе говоря, самопрезентация находится на стыке между определяющей роли внешних (групповых, персональных) концептов, и внутренних, чаще, социальных мотивов деятельности и отношений с другими. Когнитивные конструкты «необходимой» презентации строятся на основе того, что может наилучшим образом способствовать достижению личных или (и) деятельностных целей.

Можно выделить две стратегии самопрезентации: 1) стратегическая, направленная на создание перспективного образа (в этом случае, понятие «самопрезентация» практически совпадает с понятием «имидж»); 2) ситуативная, локальная самопрезентация, направленная на создание определенного впечатления в данный момент времени в данной ситуации. Такое разведение самопрезентации личности является условным, поскольку в реальной социальной ситуации они могут объединяться.

Самопрезентация направлена на возбуждение в объекте воздействия определенных эмоций с расчетом на то, что эти эмоции вызовут желаемую реакцию. Однако в не меньшей степени она формирует образ человека, включающий различные аспекты интерпретации воспринимаемого поведения, которые объединяются в единое целое, исходя из привычных стратегий социального познания объекта самопрезентации.

Имеется два принципиальных различия между сознательной и неосознанной самопрезентацией. Первая предполагает специально поставленную цель произвести определенное впечатление, вторая независимо от целей личности направлена на решение задачи.

Кроме того, имеются и различия в стратегии представления себя другим: либо это стремление быть таким, каким хотят меня видеть другие, либо таким, каким хочу себя видеть я сам. В первом случае имеет место «подстраивание» под ситуацию, во втором – стремление соответствовать своему идеалу.

СПОСОБЫ И ЦЕЛИ

Обычно выделяют несколько основных групп способов самопредъявления:

- 1) демонстрация собственных сил, возможностей, позитивных, социально одобряемых свойств;
- 2) демонстрация слабостей, негативных качеств и свойств;
- 3) стремление «держаться в тени», привлекать как можно меньше внимания;
- 4) стремление привлекать как можно больше внимания, стремление к наиболее полному предъявлению другим своих черт, потребностей, целей;
- 5) проверка или подтверждение Я-концепции (Минигалиева, 2002).

Э. Джонс и Т. Питтман (Jones E., Pittman Th., 1982) выделяют пять стратегических целей самопрезентации:

- желание понравиться (включает такие стратегии, как лесть, оказание любезностей, демонстрация согласия с мнением другого и чрезмерная вежливость с целью заслужить одобрение других людей);
- самопродвижение заключается в том, что эти люди могут позволять себе слабости, о которых окружающие уже знают, или обнаруживать мелкие недостатки, чтобы заявить о своих достоинствах в других областях, которые они считают более важными;
- служение примером используется для того, чтобы вызвать восхищение и иногда – чувство вины у других людей;
- стремление вызвать сочувствие (включает стратегию использования слабости, чтобы вызвать жалость и тем самым завоевать сочувствие других людей);
- стремление запугать (в некоторых ситуациях люди подают себя в манере, рассчитанной на то, чтобы запугать окружающих; это обычно происходит невольно, тогда, когда все остальные стратегии самопрезентации не приводят к успеху).

Самопрезентация личности есть продукт активного взаимодействия многообразных субъективных и объективных факторов, взаимовлияний участников общения и среды (Шевченко, 2002). Соответственно, самопрезентация может изменяться при изменении содержания общения, коммуникативной ситуации или особенностей воспринимающего и при актуализации внутренних детерминант личности. Среди основных детерминант вариативности самопрезентации И.С. Шевченко выделяют социально-культурная ситуация, экстраверсия, пластичность и идентичность. На примере интернет-общения были обнаружены связи самопрезентации с такими факторами, как «ригидность-лабильность», «агрессивность-тревожность», «лидерство-зависимость», «социальная идентичность-личностная идентичность», «индивидуализм-коммуникативность», аутосимпатия.

Есть мнение, что самопрезентация служит механизмом социального становления личности. Так, к примеру, исследования ролевого поведения личности утверждают, что не только человек проигрывает роль, но и роль в некоторой степени определяет поведение человека. Известно, что через «Я для других» личность в определенной мере сама усваивает ценности, установки, роли и в целом социальную информацию.

Необходимо также иметь в виду, что формирование стремления к самопрезентации начинается достаточно рано, и это понятие вполне может быть отнесено и к школьникам, которые в той или иной степени обладают навыками и желанием «подать себя» определенным образом. Вместе с тем педагогу также необходимо продумать свой стиль самопрезентации, поскольку от него зависит то, как будут его воспринимать воспитанники. На разных возрастных этапах школьники предъявляют разные требования к личности педагога, у

них имеются вполне определенные ожидания и прогнозируемые поведенческие «выходы» в соответствии с ними.

Так, к примеру, в исследованиях А.П. Краковского было показано, что младшие подростки ждут от учителя всезнайства, умения держать класс на взводе, сочетания предъявления строгих требований с настойчивостью и пр. Поэтому оказывается очень важным, особенно при первых встречах, соответствовать этому ожиданию. И даже если учитель отступит в последствии от принятой им в начале взаимодействия линии поведения, в дальнейшем он вполне может рассчитывать на их поддержку.

Из сказанного следует, что самопрезентации учителя является важным инструментом педагогического взаимодействия. В этом ключе в настоящее время разрабатывается целое направление исследований, названное педагогической имиджелогией (А.А. Калюжный, И.А. Зязюн, Ю.Л. Львова, В.Ф. Моргун и др.).

В частности, А.А. Калюжным предложена следующая модель формирования имиджа педагога:

- 1) определение требований аудитории;
- 2) определение сильных и слабых сторон объекта;
- 3) конструирование образа и подведение характеристик объекта;
- 4) перевод требуемых характеристик объекта в вербальную, визуальную и событийную формы.

По мнению А.А. Калюжного, принципиальным в самопрезентации личности учителя является строгое соотношение образа реального, идеального и созданного (Калюжный, 2002).

Таким образом, самопрезентация личности является не только желаемым представлением «Я для других», но и действенным инструментом в межличностных отношениях, включая и понимание реципиентом стремления другого в области самопредъявления.

3.10 Самоопределение личности в процессе взаимодействия со средой

Анализируя самоопределение как личностный феномен, исследователи часто ограничиваются рассмотрением его с точки зрения отдельно взятой личности, с ее структурой, смысловыми и ценностными образованиями, наконец, системой ее переживаний, т.е. через обращение к внутреннему миру человека. Однако не менее важен другой аспект – широкие связи личности с другими, группами, социальными институтами в процессе ее самоопределения. Необходимо отметить, что эти связи никак не являются однонаправленными, и реализация личности происходит в условиях ее собственных действий, отношений, а также подвергнуто действиям и отношениям других лю-

дей. Диалогичность социальных отношений составляет суть взаимодействия личности со средой. Для обозначения совокупности значимых для личности объектов или явлений, имеющих социальную природу, часто используется понятие «социально-психологическое пространство». Связи, существующие между субъектом и элементами этого пространства, а также между отдельными его элементами, как считают А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко, должны рассматриваться как взаимные (взаимоотношения) (Журавлев, Купрейченко, 2008). Отсюда следует фундаментальная проблема современной социальной психологии, заключающаяся в том, что множественность инстанций личности придает определенную стабильность системе за счет динамического равновесия в *отношениях* между ее элементами. При этом ни один элемент не может стать главным фактором изменений в ней; лишь изменения совокупности элементов (инстанций) до известного критического значения могут привести систему в некое новое состояние и тем самым повлиять на поведение субъекта. В этом смысле самоопределение представляет собой упорядочивание инстанций личности в определенную логическую (иерархическую) систему в которой «закладывается» переменная отношений с внешним миром. При этом среда может быть «зафиксирована» в том состоянии, которое для субъекта является актуальным, либо изменчивым неопределенным, либо управляемым и т.п. Поскольку здесь возможны разные с позиции личности отношения (субъект-субъектные, объект-субъектные, субъект-объектные), изменения среды могут по-разному отразиться на процессе самоопределения. В любом случае как внутриличностные, так и внешние изменения влекут за собой изменения в самоопределении личности; при этом отношения со средой становятся, своего рода, катализатором этих изменений. Все это требует изучения изменяющегося содержания и особенностей/закономерностей этого изменения социально-психологического пространства личности, тех ее инстанций, которые являются базовыми на каждом этапе социального становления.

Взаимодействие личности со средой связано с процессами приспособления, в основе которых лежит актуализация потребностей индивида и поиск источников их удовлетворения. В последние десятилетия этот аспект взаимодействия не раз становился предметом детального обсуждения в среде исследователей. Начало этим исследованиям было положено еще в трудах биологов, физиологов и других специалистов, направленных на анализ приспособления как свойства живого организма и источника развития. Однако сегодня эта проблема вышла далеко за пределы этих изысканий и оказалось, что не так мало вопросов, не получивших должного разрешения, остается в науке относительно проблем взаимодействия личности со средой не только как источника ее становления, но и формирования высших функций, субъектной организации. В частности, одной из злободневных проблем остается пробле-

ма социального и личностного самоопределения и их обусловленность социально-средовыми факторами.

ПОНЯТИЕ

Самоопределение личности понимается как процесс и результат поиска и выстраивания своего жизненного поля, смыслового гештальта, выработку своего отношения к себе, другим, объектам материального мира, социальным институтам и происходящим событиям.

Ряд вопросов, касающихся самоопределения нами был поднят ранее в научных публикациях (Шамионов, 2008; Образ..., 2008). В данном сообщении мы коснемся вопроса о характере самоопределения личности в процессе взаимодействия со средой, обратив пристальное внимание адаптации личности. Прежде всего отметим, что самоопределение имеет культурную обусловленность. Это значит, что в процессе социализации личность усваивает ценностные установки относительно значимости самоопределения как такового. Это требование-ценность становится для личности вторичной потребностью, благодаря чему и запускается механизм самоопределения, когда возникает необходимость включения в систему общественных отношений в качестве полноправного, полноценного субъекта этих отношений. Однако характер этого процесса всецело обусловлен теми связями, отношениями, оппозициями, которые возникают постоянно на пути включения человека в общественные связи. Вместе с тем, он имеет двойственную природу: с одной стороны, происходит постоянная актуализация приспособления к сложившейся системе общественных отношений (в широком смысле), с другой – способности личности сохранять (приумножать) личный опыт жизнедеятельности, становиться субъектом собственной жизнедеятельности, отношений и всецело бытия. Эти характеристики личности как субъекта не только способствуют разворачиванию процесса самоопределения, но и детерминируют ряд его характерных особенностей (например, его автономность, глубину, разносторонность, степень осознанности, долгосрочность, реалистичность и т.п.). Приспособление к социальной действительности предполагает не овладение субъекта объектом, а взаимодействие с ней. Это значит, что в процессе приспособления имеется равная активность и самой личности, и той среды, в систему которой она включается. Поэтому особенно необходимо обратить внимание на ряд характеристик системы приспособления, от которых зависят способы и направления самоопределения. Имеются различия в соотношении направленностей этой активности: они могут совпадать, тогда самоопределение характеризуется средовой согласованностью, либо не совпадать, в случае чего самоопределение будет иметь разные степени рассогласования со средовыми характеристиками, в зависимости от рефлексии противоречий (их можно вообще не замечать!). Вполне очевидно то, что неприспособленность мо-

жет стать дополнительным условием, движителем самоопределения личности, либо фактором (например, в ряде случаев какие-то характеристики взаимоотношений со средой могут игнорироваться, либо учитываться, либо на них может быть направлено основное звено самоопределения). Система адаптации является той инстанцией личности, которая сигнализирует о том, что в самоопределении имеются какие-либо изъяны, либо напротив, оно согласуется с системой отношений. Это требует детального эмпирического изучения.

В каждый возрастной период этот процесс организуется по-разному. Например, в подростковом возрасте он в большей степени обусловлен теми насущными потребностями подростка, которые для него являются наиболее актуальными и значимыми (сквозь призму этих насущных для жизнедеятельности явлений оценивается и реализуется самоопределение), в юности они меняются и прежние решения пересматриваются с точки зрения именно наступивших обстоятельств (прежде всего имеющих отношение к внутренним инстанциям личности) и т.д.

Имеется и связь, направление которой идет от самоопределения к адаптации. Так, личностное самоопределение как внутренний фактор школьной адаптации рассматривает М.В. Григорьева (Григорьева, 2008). Ею установлено, что личностное самоопределение и сопровождающее его субъективное благополучие зависит от условий социализации; доказывается, что степень самоопределения оказывает влияние на ряд характеристик адаптации.

Сформированность системы самоопределения дает личности опору в ситуативном поведении. Определенность жизненных смыслов, планов и представление об их последовательной реализации, ориентация в социальных отношениях неминуемо отражается на всей системе социально-психологической адаптации личности как существенное обстоятельство.

Связь «самоопределение – социально-психологическая адаптация» выражается в том, что содержательные аспекты самоопределения могут экстраполировать результат, предопределять успешность социально-психологических отношений личности в настоящем и будущем и тем самым создавать комфортные или иные условия для адаптации. При этом, речь может идти о разных сферах самоопределения, но их эффекты будут касаться социально-психологической адаптации. Это связано с тем, что любая система ценностно-смысловых значений, событий, способов жизнедеятельности, позиций неминуемо включают характеристики отношений к другим, с другими, социальным миром в целом. Это во многом и обуславливает характер взаимоотношений. Поэтому система социально-психологической адаптации может служить *индикатором успешности самоопределения*.

По мнению А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко критерием успешности самоопределения служит и степень удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности и жизнью в целом, а также субъективное благополучие

(Журавлев, Купрейченко, 2007. С.44). Однако, как мы полагаем, критерием успешного самоопределения может являться не всякое субъективное благополучие, а лишь то, которое основано на осмысленности бытия, соотнесенности ценностной структуры внешних и внутренних инстанций личности; этот уровень благополучия можно было бы назвать диспозиционным благополучием.

Необходимо отметить, что адаптация и субъективное благополучие могут и не совпадать (Шамянов, 2008). Отдаленные последствия принимаемых субъектом решений в самоопределении могут определять субъективное благополучие настоящего, если предполагаемое ранее, надежды, мечты имеют адекватную реализацию в настоящем. Например, в нашем совместном с П.Д. Никитенко исследовании показано, что представления о будущем зависят от удовлетворенности сделанным в юношестве профессиональным выбором и оказывают влияние на психологическую регуляцию личностной активности курсанта в настоящем. Так, первокурсники, *удовлетворенные своим профессиональным выбором*, более оптимистично представляют свое будущее и характеризуются более высокими оценками субъективного контроля. На третьем курсе существенно повышается неудовлетворенность избранной профессией и это накладывает свой отпечаток на представляемые перспективы; выпускники характеризуются достаточно высоким уровнем удовлетворенности и целостным самоопределением (Никитенко, Шамянов, 2008).

Насыщение инстанции опыта взаимодействия с другими, несомненно, является внутренним детерминирующим обстоятельством процесса самоопределения личности. Этот опыт может быть как позитивным, так и негативным, но в любом случае он детерминирует направленность самоопределения. При этом необходимо иметь в виду не взаимнооднозначную связь между валентностью опыта и самоопределения; имеются сложные отношения между этими инстанциями. В ряде исследований последних десятилетий показано, что отношения с другими могут становиться существенным обстоятельством в профессиональном самоопределении (его тенденциозности, ориентированности на ряд специальностей и т.п.), в личностном самоопределении (совершенно естественна опора на авторитеты, идеалы в юности, например), в социальном, где пересекаются различные системы отношений, наконец, в экономическом и др. Так, в исследовании А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко отмечено, что социальные связи с другими являются важным (ключевым) феноменом и фактором самоопределения в социально-экономической среде (Журавлев, Купрейченко, 2007. С. 114–120), а также в целостном самоопределении личности (Журавлев, Купрейченко, 2007а).

В исследовании П.Д. Никитенко, проведенном в военном институте МВД, показано, что представление о будущем курсантов содержит в себе жизненные планы, ожидаемые события, ценностные ориентации, установки,

что детерминирует личностное развитие и социальное поведение курсанта (Образ..., 2008). Эти связи – характеристик самоопределения и социального поведения личности – являются типичными; они свидетельствуют о том, что самоопределение и реальное поведение находятся в одной плоскости. Самоопределение объективируется в социальном поведении личности и тем самым служит его (поведения) ориентиром, программой, картой. Это говорит о том, что необходим анализ характеристик личности и поведения, которые являются и факторами, и в определенной степени индикаторами самоопределения. Сегодня особенно важно выявить средства, которые используются для реализации сценарных решений и в не меньшей степени важно исследовать то, как отражается в поведении личности столкновение ее инстанции самоопределения с инстанцией ситуации.

Вместе с тем, речь должна идти не только об анализе факторов социальной среды в самоопределении личности, но и о том, что различного рода отношения (взаимоотношения) с другими, группами, социальными институтами становятся частью самоопределения; иначе говоря, это понятие столь же применимо к системе социальных отношений личности (взаимоотношений) как самоопределение в отношениях. Поэтому возникает ряд сложностей в выделении отношений как фактора, т.к. отношения выступают и как фактор, и процесс, где разворачивается самоопределение и, наконец, сфера – то, в чём самоопределяются. Самоопределение в отношениях является частью социального самоопределения и предполагает формирование собственной позиции относительно различных отношений – к объектам окружающей действительности, социальным объектам, к другим и, конечно же, системе взаимоотношений с другими. Иначе говоря, все три вида отношений (психические, психологические и социально-психологические) проявляются и сами получают определенность в результате этого процесса. Необходимо подчеркнуть роль когнитивных и рефлексивных механизмов, придающих процессу самоопределения известную степень осознанности, самоконтроля и отслеживания его этапов, вплоть до соотнесения полученных результатов с изначально представляемым (прогнозируемым) качеством.

Весьма продуктивен взгляд на самоопределение как процесс, состоящий из совокупности психологических процессов разных уровней. В частности, одним из таких вариантов является особый класс процессов – познания, преобразования, творения окружающего мира (Журавлев, Купрейченко, 2007а. С.183), что представляет собой не что иное как социально-психологический процесс, с помощью которого выстраивается свой «способ, путь, направление собственной жизни». Деятельность по выстраиванию собственного социально-психологического пространства, творения пространства самореализации на основе самоопределения и есть элемент социально-психологической деятельности.

Конечно же, самоопределение субъекта социальных отношений становится прямым фактором социально-психологической адаптации; основой такого самоопределения служат личные ценности, нормы, которыми личность руководствуется в жизни и, выбирая для себя сообщества, в деятельность которых она включается, она обуславливает свое будущее место не только в этих сообществах, но и в обществе в целом. Имеется множество индикаторов (явно заданных или не совсем, на основе которых личность достаточно отчетливо дифференцирует сообщества по разным категориальным единицам не только с точки зрения удовлетворения собственных потребностей, но и с точки зрения места, статуса, их приемлемости с точки зрения норм в обществе, а также той роли, которую они играют (могут сыграть) в её самореализации. Однако это не значит, что личность рационально (расчетливо) поступает, прибегая к включению в такие сообщества; этот процесс весьма сложен, а порой драматичен. Тем не менее, решения принимаются на основе этих когнитивных конструктов, что вынуждает психологов к изучению когнитивных процессов, лежащих в основе самоопределения.

От уровня познавательного развития личности зависит качество самоопределения. Способность к отвлеченному мышлению, необходимая для уяснения смысла понятий, ценностей, нравственных норм и т.п., решать задачи повседневной деятельности, включая и просчитывание последовательных шагов в конструировании сценария, социально-перцептивные процессы личности, их адекватность меняющимся обстоятельствам и многое другое являются необходимыми психическими основаниями самоопределения личности. Применительно к социальному самоопределению особенно важным является социальный интеллект, способность разбираться в людях, в их сложных отношениях, прогнозировать их поведение, чувствовать их состояния и переживания и т.п.

Важной инстанцией самоопределения выступает регион проживания. Например, в наших исследованиях было выявлено, что в столицах самоопределение включает больше субъектных характеристик, чем в регионе, а «внешняя сила» как существенный фактор благополучия будущего выделяется в провинции, равно как и более отчетливое сознание конечности бытия. Иначе говоря, ряд характеристик самоопределения обуславливаются особыми культурными условиями, представленными на уровне столицы и провинции. Особенно важно это понимание для разработки мер по адаптации мигрантов и понимания того, что часто не этнические факторы становятся определяющими в эффектах социализации (что отражается в частности на самоопределении), а та культура (ее усвоение), которая обусловлена особым регионально-демографическим и психо-географическим расположением. Это весьма важная характеристика с точки зрения самоопределения человека. Она становится инстанцией личности, поскольку в ней отражается *личное и груп-*

повое отношение не только к месту проживания, жизнедеятельности, а, прежде всего к возможности реализации смысловых характеристик будущего и настоящего. Например, Т.В. Семеновой показано, что ментальность города включает групповое сознание и провинциальность; провинциальность определяется темпоритмом городских процессов, а также качественными и количественными характеристиками городской ментальности (размер «психологического ядра» (количественное и качественное разнообразие наиболее значимых для большинства горожан объектов), высотность (средняя субъективно ощущаемая жителями этажность города), динамичность (темпоритм как особый тип ощущений городского ритма жизни)) (Семенова, 2007, С. 7–8). Иначе говоря, среда обитания обладает рядом социально-психологических характеристик, которые являются весьма важными с точки зрения самоопределения.

Таким образом, взаимодействие со средой является важной инстанцией самоопределения личности. Раскрывая характер взаимодействия необходимо учесть ряд эффектов самоопределения, которые выступают в качестве его существенных оснований и, напротив, анализируя самоопределение необходимо определить характер отношений и взаимоотношений личности.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Среди личностных детерминант самоопределения – свойства личности, характеристики мотивации, ценностные и смысловые ориентации, социально-психологические состояния, социальные установки и представления, наконец, способности и другие психические образования. Однако ведущая роль принадлежит, прежде всего, субъектным характеристикам личности. Они, порождая активность, направленную на поиск наилучшего способа самореализации личности запускают в действие механизмы самоопределения, которые последовательно выполняют функции поиска, планирования, коррекции, рефлексии, реализации и т.п., в результате чего происходит качественное движение личности на пути к самореализации. Субъектность личности выступает важным средством её самоуправления, саморегуляции. Детерминирующая роль различных характеристик личности в самоопределении различна. Сегодня не представляется возможным получение полной картины такой детерминации, тем более определение «вклада» отдельных детерминант. Однако выявление связей, отношений и соотношений, зависимостей необходимо для развития представлений о динамике и содержании, закономерностях протекания самоопределения на данном этапе развития психологии.

Поиск личностных детерминант обусловлен и тем фактом, что характеристики личности – относительно стабильные образования. Это делает в большей степени возможным прогнозирование хода самоопределения и его отдаленных последствий в зависимости от личностных соотношений. Кроме того, личност-

ные характеристики, будучи явлением более высокого порядка, способствуют преодолению многих слабо выраженных (отдельных) способностей за счет тренировки или компенсации, что опять же отражается на самоопределении.

Необходимо также оговорить и то, что личностные детерминанты выступают не обособленно, а совместно с внешними детерминантами, которые отражаются личностью. Благодаря внешним условиям возможно направленное формирование многих психических образований, от которых зависит самоопределение личности. Однако это не всегда может быть конструктивно для личности – общественные институты «не заботит» наилучшая самореализация личности.

Кроме того, как считает Р.А. Ахмеров, возможна ситуация, при которой личность, имея цели (и даже планы) не проявляет активности по их достижению, что, по его мнению, связано с рассогласованием между линиями адаптации и самореализации, которые могут не совпадать: успешная жизнь в обществе не всегда способствует самореализации (Ахмеров, 2003).

Исследования, проведенные А.Р. Тугушевой, убедительно доказывают и зависимость качественных характеристик самоопределения от характера представлений личности о социальной успешности, объективной и субъективной успешности (Тугушева, 2007). Очевидно то, что личность, обладая рядом субъективных свойств (включая саморегуляцию), в большей степени способна к успешному самоопределению.

Могут по-разному соотноситься и направления самоопределения – социального, профессионального, житейского, личностного и т.п. Возможны разные стратегии, согласующие эти направления или, напротив, их конфронтацию. Однако этот вопрос остается еще открытым: необходимо детальное исследование, раскрывающее не только время актуализации или отслеживающее их последовательность, взаимосогласованность, но и механизмы разных видов самоопределения. Очевидно, личностные факторы выступают элементом стабилизации направлений самоопределения за счет своей относительной стабильности. Между тем, начало разных видов самоопределения, как правило, «падает» на этап интенсивного личностного становления, которое, как известно, весьма противоречиво. Поэтому в самоопределении имеются также не только динамические, но и содержательные изменения. Переоценка ценностей, формирование новых представлений, изменения значений, придаваемых (казалось бы) одним и тем же явлениям приводит и к изменениям в сфере самоопределения.

Важным фактором самоопределения является не только наличие или отсутствие какой-то личностной характеристики, но и его выраженность. Так, ранее нами было показано, что личностная (социальная) зрелость выступает существенным основанием успешного профессионального самоопределения личности в подростковом и юношеском возрасте (Шамионов, 2000). Соответственно можно предположить и о детерминирующей роли степени саморегуляции и самоуправления личности, поскольку излишне высокая степень и того, и другого

могут стать, напротив, дестабилизирующим фактором самоопределения, его тенденциозности и ограниченности. Недостаточная степень представленности также является показателем незрелости и соответствующего незрелого самоопределения, что значит отсутствие соотнесения его с реальностью и неспособность к самореализации.

В результате исследований (Шамянов, 2009) было показано, что сформированность системы самоуправления играет важную роль в самоопределении личности. Смысловые категории и категории планирования будущего взаимосвязаны с его этапами в разной степени, что обуславливает различные эффекты самоопределения. При условии достаточного развития всех этапов самоуправления самоопределение характеризуется более сложным и разнообразным, включающим более широкий спектр направленностей.

Самоуправление личности в немалой степени обусловлено особенностями строения структуры личности. В этой детерминации наиболее определяющую роль играют социально-коммуникативные характеристики личности.

Личностная детерминация таких категорий самоопределения как «вера в перспективы» и «непредсказуемость будущего» характеризует выраженность разных его стратегий и отношений личности к будущему, определяя его успешность.

3.11 Коммуникативная креативность

ПОНЯТИЕ

Это ничто иное как «творчество» в общении. Творческий потенциал человека реализуется в новых стратегиях и тактиках общения, взаимном духовном обогащении людей.

Основываясь на системном методологическом принципе психологической науки, ища место данного социально-психологического явления в системе родственных понятий, пытаюсь синтезировать психометрический и интегральный подходы к пониманию креативности, возможно определить креативность в общении следующим образом. **Коммуникативная креативность** – это способность субъекта к созидательному началу в процессе межличностного общения при решении когнитивно-поведенческих проблем; способность к общению, в процессе и в результате которого происходит открытие принципиально нового или усовершенствованного решения той или иной коммуникативной задачи.

В попытке определить локализацию данного феномена в структуре родственных явлений, с учетом воззрений С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Ломова, В.Н. Дружинина, Л.М. Попова, полагаем, что коммуникативная креативность, наряду с интеллектуальной, составной частью включается в систему общих способностей человека (рис. 1).

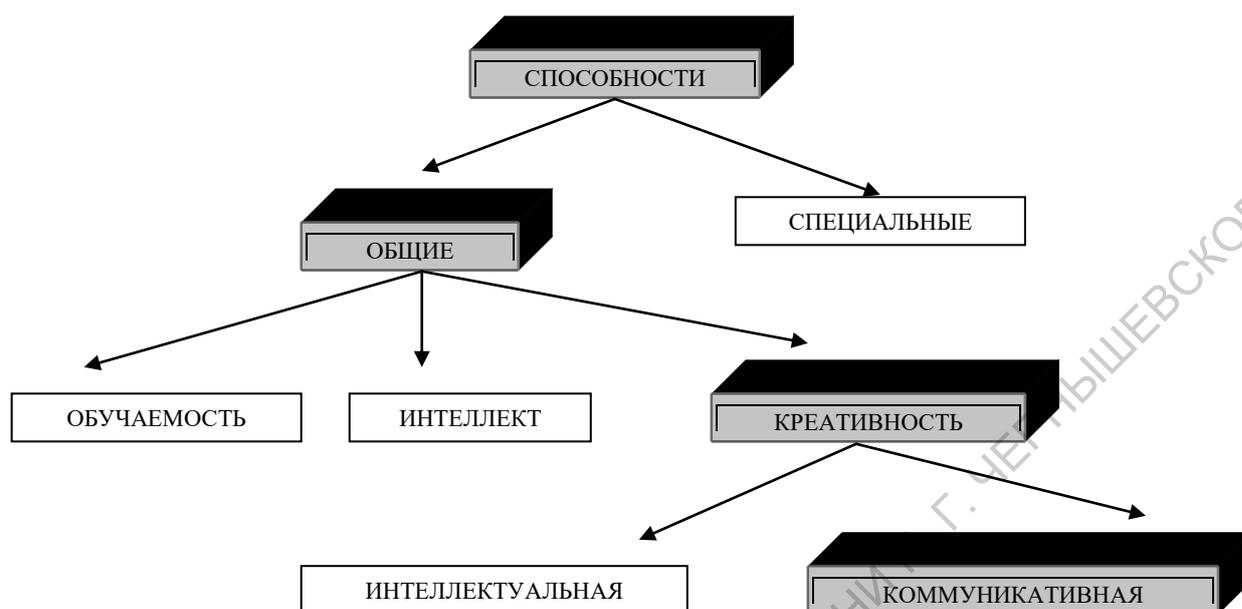

Рис. 1. Системная организация способностей

На креативном уровне может быть реализована не только когнитивная, но и коммуникативная функция психики. Как интегральное личностное свойство креативность должна отражаться не только в мыслительной активности, но и в общении людей.

СТРУКТУРА

Структурные компоненты коммуникативной творческой (вытекающие из общего взгляда на явление креативности – К. Урбан, 1999) усматривают в следующем.

Дивергентные действия. В сфере социального творчества не менее важно, чем в интеллектуальной деятельности для результата уметь отойти от стремления к единственному «правильному» варианту поведения, уметь видеть «веер» возможных реакций и способов воздействия. Часто отмечается, что исходной посылкой, начальной точкой креативных процессов является сензитивность к проблеме, способность ее обнаружить. Вполне естественный людской (и особенно детский) интерес к области человеческих взаимоотношений, наблюдение за разными вариантами поведения очень полезны для выработки чувствительности к нестандартным, неоднозначным ситуациям общения.

Общая информационная и мыслительная база. Чаще всего подразумевается способность к широкому восприятию, способность к переформулировке, переопределению, реконструкции проблемы. Здесь же необходимо отметить, что, поскольку в сфере межличностного общения и взаимодействия

трудно, а иногда невозможно уйти от эмоциональности, мы очень часто допускаем критические и оценочные суждения уже на начальной стадии вхождения в коммуникативную проблему, где и критика, и оценка только мешают, блокируют творческий подход, сужают наше сознание, заставляя поступать стереотипно (хотя, может быть, и вполне адекватно) – в этом случае имеет смысл говорить уже о социальном интеллекте и социальной компетентности.

Открытость и толерантность к неопределенности. Имеется в виду способность сопротивляться групповому давлению, демонстрировать и сохранять нонконформистское поведение, обладать определенной личностной автономностью, иметь склонность к игре, экспериментированию, может быть – азартность, готовность к риску, может быть – достаточное чувство юмора, восприятие коммуникативной ситуации с установкой на приключение и удивление, может быть – фантазия и воображение, и, конечно же, отсутствие стрессовой реакции на ситуацию неопределенности.

В дополнение к этому:

Мотивация и мотивы. Соответствующая мотивация, желательна внутренней природы, является необходимым условием творчества. В нашем случае – это ярко выраженная аффилиативная потребность, высокая значимость контактов с людьми, мотивация самоактуализации.

Специальные знания и специфические умения. Поскольку речь идет о творческом общении, под данной формулировкой может подразумеваться владение конкретными разнообразными способами, техниками, уровнями, стилями, приемами, каналами и т.п. общения; знание основных механизмов социальной перцепции, интеракции и коммуникации. Подготовка, работа над собой, пополнение арсенала средств и мастерское владение ими также необходимы для создания действительно творческого продукта.

Сосредоточенность на выполнении задачи. По аналогии с мыслительной креативностью для проявлений социальной творческой активности также необходимо, чтобы человек был увлечен задачей и сосредоточен на ней, чтобы рассматриваемая проблема и тематически связанная с ней область сохранялись в центре внимания субъекта в течение длительного времени.

В качестве психодиагностических показателей коммуникативной креативности, по аналогии с креативностью в интеллектуальной деятельности, выделяется комплекс из трех когнитивных и поведенческих характеристик: легкости, гибкости и оригинальности.

- *Легкость* понимается как способность к продуцированию большого количества разнообразных вариантов реагирования и поведения в решении проблем межличностного взаимодействия.

- *Гибкость* – как способность к своевременному изменению тактик реагирования и использованию разных приемов поведения.

- *Оригинальность* – как способность к новым, необычным формам, к нестандартности в отношении к коммуникативным ситуациям и в их разрешении.

ФУНКЦИИ

Несмотря на существование взаимосвязи и схожесть в объекте направленности, понятия социального интеллекта и креативности общения не идентичны и не сводимы друг к другу. Социальный интеллект определяет наличный для данного отрезка времени, нервно-психического состояния и социально-средовых факторов уровень адаптивности, адекватности и успешности социального взаимодействия. Креативность направлена на трансформацию, преобразование, развитие социальной информации, выработку новых навыков общения и форм поведения.

Несмотря на некоторую близость понятий социальной компетентности и коммуникативной креативности, в областях применения, функциях, содержательных характеристиках между этими феноменами – компетентностью и креативностью – существуют различия. Чем выше компетентность, то есть чем больше стереотипов использует и хранит в своем сознании человек, тем легче он вписывается в разнообразные типичные социальные ситуации, в большей мере способен манипулировать другими людьми, более адаптивен в межличностном взаимодействии (Куницына с соавт., 2001). Креативность же, напротив, провоцируется нестандартными, проблемными социальными ситуациями и проявляется в умении уйти от стереотипных, привычных форм общения.

Важным является и вопрос об условиях креативной коммуникации, а также о возможностях развития творческих способностей вообще и коммуникативной креативности, в частности. Предпринимались исследования (Голованова, 2000), в которых изучалась взаимосвязь коммуникативной креативности личности и продуктивности совместной деятельности малой группы. Центральными вопросами были следующие. Можно ли говорить о явлении креативности группового общения? И если да, то когда группа может считаться коммуникативно креативной? Креативность общения в масштабах одной личности (аналогично мыслительной креативности) определялась по трем критериям: лёгкости, гибкости, оригинальности. Если человек не получает высоких показателей по какому-либо одному из этих критериев, он не может в полной мере считаться креативным. Но если рассматривать это явление в масштабах группы, то наблюдается иная картина. Допустим, у одного члена группы высокий показатель лёгкости: он способен генерировать большое количество разнообразных идей, форм общения, поведенческих реакций, хотя все они в одном ключе. Но второй участник группы, обладающий выраженной гибкостью общения или мышления, используя идеи партнёра, нахо-

дит им новые сферы приложения, пробует на них другие тактики. Наконец, третий партнёр, характеризующийся высокой чувствительностью к неординарному, уникальному, улавливает оригинальные идеи или сам продуцирует таковые, отталкиваясь от уже существующих. Информация может циркулировать, неоднократно корректируясь и обогащаясь новыми деталями.

Одним из важных показателей эффективности совместной деятельности выступал процесс принятия группой совместного решения. Реализовывалась эта задача на примере деловой игры, которая позволяет количественно выразить и оценить результативность групповой работы. Исследовательские результаты показали следующее. Во-первых, имеет значение процентное соотношение креативов к общему количеству членов группы. В высокорезультативных группах, где креативные личности превалировали (их более половины), именно они и «делают погоду»: у них больше шансов быть услышанными, больше возможностей «навязать» всей группе свой стиль, ритм, формат общения, что в итоге сказывается на групповом результате. Во-вторых, наибольшее значение для эффективности совместной деятельности имеет лёгкость группового общения. Другими словами, чем интенсивнее и многочисленнее в группе контакты, тем продуктивнее общение, то есть успешнее коллективная работа. Корреляционный анализ показал, что результат определяется именно командной работой (совокупным вкладом характеристик всех членов группы), а не влиянием наиболее креативного носителя лёгкости. Этот наиболее реактивный член группы может являться и, скорее всего, является, «первотолчком», инициатором интенсивного общения внутри коллектива. Далее, возможно, сознательно включается соревновательный элемент, возможно, срабатывает иррациональный механизм психологического заражения, и в новый режим включается вся учебная группа. Этим фактически подтверждается наличие сверхаддитивного эффекта, когда группа как целое способна добиваться в совместной деятельности более высоких результатов, нежели такое же количество людей, не объединённых системой описанных отношений и работающих независимо друг от друга. Наконец, полученные результаты подтвердили выдвинутую нами центральную гипотезу: при целенаправленном формировании учебных групп таким образом, чтобы в каждой присутствовали креативы (носители высоких показателей по лёгкости, по гибкости и по оригинальности общения), эффективность совместной деятельности выше по сравнению с группами, сформированными произвольным образом.

Помимо создания и поддержания условий для креативной коммуникации, большое значение имеет формирование творческой направленности ребёнка с самых первых лет его жизни. В задачу взрослых входит выработка креативной установки, стимулирование соответствующих интересов и способностей. Творческая установка закладывается с раннего возраста, когда родители и воспитатели не только не пресекают, но активно приветствуют и по-

ощряют любые проявления яркой фантазии, воображения ребёнка; когда всячески поддерживается мотивация достижения успехов и по возможности нивелируется мотивация избегания неудач; когда малышу не навязывают взрослых оценок и рамок. Наш стиль общения с ребёнком также оказывает влияние на его творческий подход к жизни. Креативность и императивное общение несовместимы. Специалисты советуют: даже если вы решаете дисциплинарные вопросы, выбирайте инструктивный стиль вместо императивного. Первый более информативный и содержит обоснование вашего мнения как одного из возможных; вы можете услышать и другую точку зрения, выдвигаемую ребёнком. Таким образом, данный подход развивает в детях инициативу, твёрдость, независимость и творчество. Равенство коммуникативных позиций, истинное уважение к вопросам, суждениям, интересам человека создают условия для педагогического сотрудничества и взаимного личностного роста.

ИСТОЧНИКИ РАЗВИТИЯ

В настоящее время среди учёных остаётся актуальным вопрос о том, что же является основой, тем главным фактором развития креативности. На сегодняшний момент обозначилось несколько основных аспектов исследования креативности в психологии и психогенетике:

1. *генетический*, отводящий главную роль в детерминации психических свойств наследственности;
2. *средовый*, представители которого считают решающим фактором развития психических способностей внешние условия;
3. *генотип-средового взаимодействия*, сторонники которого выделяют разные типы адаптации индивида к среде в зависимости от наследственных черт.

Многие исследователи отводят решающую роль влиянию семейных отношений на развитие творческих способностей личности. В исследованиях Д. Манфилда, Р. Альберта и М. Рунко были обнаружены связи между негармоничными отношениями в семье, психотичностью родителей и высокой креативностью детей. Однако ряд других исследователей (например, Е.В. Алфеева) указывают на необходимость гармоничных семейных отношений для развития креативности. Согласно исследованиям Е.П. Торренса, наследственный потенциал не является важнейшим показателем будущей творческой продуктивности. Степень реализации творческих импульсов ребенка во многом зависит от влияния родителей и других взрослых дома и в детском саду, школе. Дж. Гетцельс и Ф. Джексон сопоставили условия, которые сопутствовали развитию высокой креативности и высокого интеллекта у детей. В ходе исследования было обнаружено, что уровень материального положения семьи не играет роли. Более существенное влияние оказывает профессия родителей, их социальный статус и позиции по отношению к детям. Родители креативных детей находили в своих детях меньше недостатков, чем родители интел-

лектуалов. Они показывали свое благоприятное расположение к индивидуальности ребенка и уверенность в его способности делать все правильно. Если родители интеллектуалов основное внимание обращали на внешние факторы, способствующие карьере, то родители креативов главное внимание уделяли внутренним качествам ребенка.

Большинство исследователей выявляют при анализе семейных отношений следующие параметры:

- 1) гармоничность – негармоничность отношений между родителями, а также между родителями и детьми;
- 2) творческая – нетворческая личность родителя как образец подражания и субъект идентификации;
- 3) общность интеллектуальных интересов членов семьи либо ее отсутствие;
- 4) установки родителей: их ожидания по отношению к ребенку – ожидание достижений или независимости.

Итак, семейная среда, где, с одной стороны, есть внимание к ребенку, а, с другой стороны, где к нему предъявляются различные, несогласованные требования, где мал внешний контроль за поведением, где есть творческие члены семьи и поощряется нестереотипное поведение, – приводит к развитию креативности у ребенка.

В одном из наших исследований, где изучались параметры семейной среды, связанные и несвязанные с креативностью человека, выборка была разделена на две группы. Первую группу составили люди молодого возраста, которые реализовывались и были успешны в творческих видах деятельности или обучались на творческих специальностях. Во вторую группу вошли идентичные по возрасту, составу семьи и другим побочным параметрам люди, не имеющие отношения к творческим профессиям и не обучавшиеся по творчески ориентированным специальностям. Психодиагностическими процедурами были охвачены как сами молодые люди из обеих групп, так и их родители. Результаты данного исследования показали значимые различия представителей этих двух групп по уровню общей креативности. Кроме того, анализ данных позволил прийти к следующим выводам. Чем выше авторитарный контроль и ограничение детской индивидуальности и самостоятельности, тем ниже общий показатель креативности и творческих характеристик, а в частности показатель развития воображения. Чем больше родители навязывают детям свою точку зрения, ограничивают их деятельность и стараются решить все проблемы за них, тем ниже общий показатель креативности, творческого мышления и воображения. Чем максимальнее и «безоговорочнее» выполняются абсолютно все прихоти и желания ребенка, чем выше опека родителей и потворствование его желаниям, тем ниже общий показатель креативности личности. Ребенок перестает к чему-либо стремиться, развиваться, ставить

перед собой цели и их достигать, так как родители не создают соответствующие условия для самореализации ребенка. Чем выше уровень применения родителями «санкций» и строгости наказаний даже за незначительные нарушения со стороны ребенка, тем общий показатель креативности ниже. И наоборот, чем меньше запретов, ограничений и указаний со стороны родителей по отношению к ребенку, тем его общий показатель креативности, воображения и любознательности выше, так как ребенок сам проявляет свою самостоятельность и индивидуальность, не ограничиваясь рамками запретов родителей. Чем меньше родители ограждают ребенка от жизненных трудностей, предоставляют ему свободу действий, учитывают его интересы, мнения, считаются с ним как с состоявшейся и зрелой личностью, принимают его действия как разумные и правильные, но не указывают и не контролируют его, тем выше общий показатель креативности и воображения. То есть общий вывод таков: уровень креативности взаимосвязан с определенными характеристиками семейной среды. Особенностью семейной среды творчески ориентированной выборки является то, что в таких семьях ребенку предоставляется свобода действий, он сам определяет способы решения поставленных задач, проявляет инициативность, целеустремленность, раскрывает свой внутренний потенциал; в таких семьях родители не навязывают ребенку свои мнения, взгляды, не ограничивают его чрезмерностью запретов, требований, санкций и не применяют строгие и не заслуженные наказания. Семьи, где дети профессионально занимаются творческой деятельностью, отличаются доброжелательной обстановкой, доверительными, теплыми детско-родительскими отношениями, родители создают условия и помогают детям раскрыть свой творческий потенциал, главными ценностями и отличительными особенностями таких семей являются любовь, принятие, уважение, забота, свобода детей и их инициативность, самостоятельность.

Конечно, коммуникативная креативность далеко не всегда является эффективной в решении проблем взаимодействия. Иногда простейший, избитый, стереотипный путь, экономя психологические ресурсы, приводит к наилучшему результату. Ценность творческого общения – в другом: в уникальности такого общения, оригинальности, преодолении скуки, шаблонов, придании контактам необходимого импульса и глубины, привнесении в них удивления, радости и юмора, выведении межличностных отношений на новые высоты за счет ощущения неисчерпанности и свободы.

3.12. Самоэффективность личности

ПОНЯТИЕ

Термин «самоэффективность» тесно связан с именем известного американского учёного Альберта Бандуры. В рамках созданной социально-когнитивной психологии он

выдвинул и подтвердил многочисленными исследовательскими данными некую научную трактовку мудрости, содержащейся в позитивном мышлении, названную *концепцией самоэффективности*. С точки зрения А.Бандуры, *самоэффективность – осознанная способность справляться со специфическими ситуациями*. Концепция самоэффективности относится к умению людей осознавать свои способности выстраивать поведение, соответствующее специфической задаче или ситуации. Под самоэффективностью понимают чувство собственной компетентности и эффективности.

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

В качестве неких компонентов самоэффективности можно предположить следующие.

Во-первых, *локус контроля*. Это понятие обосновал и ввёл в психологию Джулиан Роттер. Под локусом контроля понимается внутренняя установка личности на источник происходящих с человеком событий – внешний либо внутренний. Это степень, в какой люди воспринимают свою жизнь как контролируруемую изнутри посредством собственных усилий и действий или контролируемую извне случаем, конкретными людьми или другими внешними силами. Интерналы убеждены, что человек – «кузнец своей судьбы»; экстерналы – что он «жертва обстоятельств». Исследования говорят, что люди с внутренним локусом контроля, с большей вероятностью, хорошо учатся в школе, успешно бросают курить, пользуются ремнями безопасности, применяют контрацепцию, сами решают свои семейные проблемы, достаточно зарабатывают и отказываются от минутных удовольствий ради достижения стратегических целей. Но выяснилось, что специально организованная деятельность, направленная на изменение изначальной установки, может вносить коррективы в локус контроля. Так, если со студентами, которые были склонны всегда возлагать вину на вещи и обстоятельства, не зависящие от их контроля, дополнительно занимались, чтобы они усвоили более прогрессивную установку – поверили, что усилия, самодисциплина и тренированные учебные навыки могут изменить положение; в итоге их академическая успеваемость повышалась.

Во-вторых, когнитивный компонент – *самовосприятие*, его адекватность. Насколько полно и разнообразно мы «отражаем» себя с помощью различных людей и сообществ, насколько объективно оцениваем свои достоинства и недостатки, какая схема причинности в объяснении наших достижений и неудач доминирует, часто ли мы ошибаемся, прогнозируя своё собственное поведение. Срабатывают различные социально-психологические феномены: предрасположение в пользу своего Я (тенденция воспринимать себя в целом благосклонно), эффект ложного консенсуса (когда мы находим поддержку наших позиций, мы считаем, что с нами согласно большинство; когда мы неправильно ведём себя или не справляемся с задачей, мы успокаиваем себя,

говоря, что оплошности бывают у всех), нереалистичный оптимизм (который, хоть и является рычагом для развития самоэффективности, зачастую делает нас более уязвимыми; а ведь доказано, что для достижения успехов требуются оптимизм в количестве, достаточном для поддержания надежды, и пессимизм в количестве, достаточном, чтобы мотивировать беспокойство для принятия мер разумной предосторожности). Во многом от того, как мы воспринимаем и объясняем себя, зависит то, насколько компетентными и эффективными мы себя чувствуем.

В-третьих, *мотивационный и эмоциональный компоненты*: мотивация самоуважения, вера в свои силы и возможности, позитивное самоотношение. Люди с выраженным чувством собственного достоинства более счастливы, менее невротичны, меньше страдают соматическими расстройствами (язвы, бессонницы, головные боли), менее склонны к аддикциям (наркомании, игромании, алкоголизму). Люди с высокой самоэффективностью более настойчивы, менее тревожны, менее склонны к депрессиям, лучше учатся и успешнее в карьере.

В-четвертых, поведенческий компонент – *саморегуляция* в поведении и *приобретённая беспомощность*. Характерной чертой социально-когнитивной теории Бандуры является выдающаяся роль, которую она отводит уникальной способности человека к саморегуляции. Устраивая своё непосредственное окружение, обеспечивая когнитивную поддержку и сознавая последствия своих действий, люди способны оказывать некоторое влияние на своё поведение. Функции саморегуляции создаются и довольно часто поддерживаются влиянием окружения; таким образом, они имеют внешнее происхождение, но, однажды установившись, внутренние влияния частично регулируют то, какие действия выполняет человек. Бандура утверждает, что высшие интеллектуальные способности, например, способность оперировать символами, дают нам мощное средство воздействия на наше окружение. Посредством вербальных и образных репрезентаций мы производим и сохраняем опыт таким образом, что он служит ориентиром для будущего поведения. Наша способность формировать образы желаемых будущих результатов выливается в поведенческие стратегии, направленные на то, чтобы вести нас к отдалённым целям. Используя способность оперировать символами, мы можем решать проблемы, не обращаясь к действительному, открытому поведению проб и ошибок, можем, таким образом, предвидеть вероятные последствия различных действий и соответственно изменять наше поведение.

Приобретённая беспомощность – это беспомощность и покорность, приобретаемая в случае, если человек не чувствует возможности контроля над повторяющимися неприятными событиями. Когда животные или люди переживают неконтролируемые неблагоприятные события и ситуации, они характеризуются сознательным отсутствием контроля и, как следствие, обу-

чаются чувству покорности и беспомощности. Исследования показывают, что в клиниках и госпиталях пациенты с превалирующим чувством беспомощности, с осознанием уменьшения (или полного отсутствия) возможности выбора характеризовались усилением рецидивов хронических заболеваний, высокой тревожностью, большей потребностью в болеутоляющих и седативных средствах, быстрым истощением и даже смертью. Обитатели приютов для бездомных, которые не имеют возможности регулировать свой режим сна и питания, не могут оградить свою личную жизнь от нежелательных вторжений, будут пассивны и беспомощны в поисках жилья и работы. И, напротив, заключённые, у которых есть хотя бы минимальная возможность контролировать окружающее (передвигать стулья, включать\выключать свет и т.п.), испытывают меньший стресс, у них меньше проблем со здоровьем, они совершают не так много хулиганских поступков. Люди, которые самостоятельно простраивают свой режим и карьеру, которые свободно выбирают рабочие и досуговые возможности, живут дольше и субъективно более счастливы.

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ

А.Банду предположил, что приобретение самоэффективности может происходить любым из четырех путей (или любой их комбинации): способности выстроить поведение, косвенного опыта, вербального убеждения и состояния физического (эмоционального) возбуждения.

Способность выстроить поведение. Бандура утверждает, что наиболее важным источником эффективности является прошлый опыт успеха и неудач в попытке достичь желаемых результатов. Попросту говоря, успешный личный опыт порождает высокие ожидания, а предыдущие неудачи порождают низкие ожидания. Эстрадный артист, которого вдруг обуял страх перед выступлением, может сказать себе, что он уже выступал много раз без каких-либо происшествий и конечно сумеет сделать это опять. С другой стороны, люди, страдающие от неуверенности в своей способности выступать перед аудиторией из-за неудачи в прошлом, могут прийти к заключению, что им это просто не дано. Конечно, если человеку с низкой самоэффективностью дать какой-то стимул сделать то, чего он боится, самоэффективность будет усиливаться.

Косвенный опыт. Хотя и не столь действенный, как фактическое поведение, косвенный опыт также может быть источником высокой самоэффективности. То есть наблюдение за другими людьми, успешно выстраивающими поведение, может вселить в человека надежду на самоэффективность и уверенность, что с подобной деятельностью вполне можно справиться. Студенты, которые боятся задавать вопросы в большом классе, могут, например, изменить прогноз эффективности с «я не могу сделать это» на «возможно, я смогу», если они были свидетелями того, как их товарищи задавали вопросы

без катастрофических последствий для себя. В то же время, если человек наблюдает за тем, как другие столь же компетентные люди неоднократно терпят неудачу, несмотря на настойчивые попытки, это, по всей вероятности, ухудшит его прогноз собственной способности выполнить подобные действия.

Вербальное убеждение. Эффективность может также быть достигнута или изменена через убеждение человека в том, что он обладает способностями, необходимыми для достижения цели. Возьмем мать, которая уверяет дочь, что она может справиться с трудным предметом в школе. Вербальная поддержка не просто помогает дочери поверить, что ей по силам «сделать это», но и может способствовать развитию навыков учения и концентрации усилий, ведущих к конечному успеху. Конечно, такая уверенность может с легкостью исчезнуть, если фактические успехи в освоении трудного предмета не соответствуют ожидаемому результату. Более того, вербальное воздействие на ребенка, который пытается добиться какого-то результата, должно быть в рамках его реальных возможностей и способностей. Если не следовать этому правилу, то попытка помочь, возможно, напротив, подорвет веру в родителя и оставит ребенка с пониженным прогнозом эффективности. Бандура выдвигает гипотезу о том, что сила вербального убеждения ограничивается осознаваемым статусом и авторитетом убеждающего. Терапевт может убедить чересчур полного пациента поменьше есть и побольше заниматься физическими упражнениями; но тот же самый терапевт вряд ли сможет убедить клиента в том, что тот способен влезть на Эверест.

Эмоциональный подъем. И наконец, так как люди сверяют уровень эффективности с уровнем эмоционального напряжения перед лицом стрессовых или угрожающих ситуаций, любой способ, понижающий возбуждение, повысит прогноз эффективности. Человек, испытывающий неуверенность при общении с женщинами, может почувствовать, как его сердце начинает ускоренно биться и ладони становятся мокрыми, когда он звонит женщине, назначая ей свидание. Если он относит эти физиологические реакции к тревоге, он может решить, что слишком нервничает, чтобы вынести все это. Если, однако, он замечает, что вполне спокоен, набирая номер, то может решить, что он более эффективен, чем полагал. Как видно из данного примера, люди с большей вероятностью добиваются успеха, если они не напряжены и эмоционально спокойны.

Итак, самооэффективность влияет на несколько аспектов психосоциального функционирования. То, как человек оценивает собственную эффективность, определяет для него расширение или ограничение возможности выбора деятельности, усилия, которые ему придется приложить для преодоления препятствий и фрустраций, настойчивость, с которой он будет решать какую-

то задачу. Короче говоря, самооценка эффективности влияет на формы поведения, мотивацию, выстраивание поведения и возникновение эмоций.

Люди, осознающие свою самоэффективность, прилагают больше усилий для выполнения сложных дел, чем люди, испытывающие серьезные сомнения в своих возможностях. В свою очередь, высокая самоэффективность, связанная с ожиданиями успеха, обычно ведет к хорошему результату и таким образом способствует самоуважению. Напротив, низкая самоэффективность, связанная с ожиданием провала, обычно приводит к неудаче и таким образом снижает самоуважение. С этой точки зрения, люди, считающие себя неспособными справиться со сложными или опасными ситуациями, вероятно, будут уделять чрезмерное внимание своим личным недостаткам и постоянно изнурять себя самокритикой по поводу собственной некомпетентности. Бандура говорит, что те, кто считает себя «неспособными добиться успеха, более склонны к мысленному представлению неудачного сценария и сосредотачиваются на том, что все будет плохо. Уверенность в неспособности добиться успеха ослабляет мотивацию и мешает выстраивать поведение». Напротив, люди, верящие в свою способность решить проблему, вероятно, будут настойчивы в достижении своих целей, несмотря на препятствия, и не будут склонны предаваться самокритике. Как замечает Бандура, «те, кто обладает сознанием высокой самоэффективности, мысленно представляют себе удачный сценарий, обеспечивающий позитивные ориентиры для выстраивания поведения, и осознанно репетируют успешные решения потенциальных проблем» (Бандура, 1989).

3.13. Социальная активность личности

Социальная активность личности понимается как частный случай инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую среду. Социальная активность личности предполагает не только её участие в общественной жизни, но, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также к самой себе как субъекту социального бытия. Во многом социальная активность связана с теми условиями, которые заданы обществом, поэтому возможности в проявлении активности личности отражаются в системе ее социальных установок, ценностей, в целом, представлений, формирование которых обусловлено всей системой социализации. Из этого следует необходимость анализа тех личностных образований, которые выступают регуляторами социальной активности.

Анализ социальной активности личности в ракурсе социального бытия предполагает раскрытие качественных характеристик социально-бытийных пространств, специфику активности в них, ее формы и те свойства субъекта, которые обеспечивают связь человека с социальным миром. Основной функ-

цией активности выступает преобразование действительности посредством интеграции в нее и привнесения новых элементов. Однако социальная действительность представлена бытием других субъектов, что вынуждает рассматривать не просто бытие личности, окруженное чем-то, а *со-бытие* личности с другими. В обстоятельствах со-бытия с другими, считает З.И. Рябикина (Рябикина, 2009), человек селектирует возможные виды активности и пытается объективировать свой внутренний мир, претворив его в числе прочего и в социальной среде. Социальная активность личности выступает стимулом для активности других и в этом смысле она предполагает то, что благодаря ей личность субъекта становится агентом, проводником общественной информации, ее норм и установок. В этом смысле социальная активность личности всегда предполагает соотнесение своих ценностей, смыслов, представлений с характеристиками других субъектов. Кроме того, в зависимости от широты охвата, социальная активность личности может служить организующим началом активности других. Между тем, пренебрежение, сопряженное нарушением нормативно-ценностных границ других субъектов и общественных норм ведут к изоляции личности, сужению ее социального бытийного пространства, внутреннему опустошению. Это наделяет субъекта не только ответственностью как способности к внутреннему контролю, но и моральной ответственностью как способности отвечать за эту деятельность перед другими. В то же время, «невозможность личности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности «продлить» себя во внешний мир переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия» (Рябикина, 2009). Из сказанного следует необходимость рассматривать проблему социальной активности личности в ценностно-смысловом поле того сообщества (сообществ) в котором реализуется бытие личности (вернее, со-бытие). Речь не идет о полностью консонансных отношениях, но об интеграции с одновременным сохранением автономии в системе межличностных связей, где со-бытийность предполагает как единство ценностно-смысловых образований, так и их своеобразие.

Формы социальной активности могут быть весьма различны в зависимости от ряда обстоятельств, о которых речь пойдет ниже. Можно выделить различные ее уровни – личностный, межличностный, личностно-групповой, личностно-институциональный и т.д. Разнообразие уровней активности, очевидно, может быть основанием для социально-психологической дифференциации личности, создания типологий, позволяющих в некоторой степени формализовать и формы социального поведения личности. Как считает К.А. Абульханова-Славская, основными формами проявления активности, выступающими как социально-психологические характеристики личности, являются инициатива и ответственность (Абульханова-Славская, 1999). И то, и другое может быть выражено на различных уровнях – индивидуальном и

групповом, однако эффекты реализации отличны как с точки зрения субъективной оценки, так и общественной.

Одна из форм активности – социальная мобильность, изучаемая преимущественно социологами. Под ней понимают процессы перехода из одного социального слоя в другой и изучают наиболее общие закономерности и механизмы этих переходов, выделяя два основных уровня: горизонтальный и вертикальный, а также внутрипоколенный и межпоколенный и др. Для психологии важно изучить психологические механизмы социальной мобильности личности, ее психологические, социально-психологические предпосылки. Социальная мобильность является важной поведенческой характеристикой субъекта. По-сути, она есть реализация субъектной позиции в социуме.

В целом, социальная активность определяется как внешними (общая социальная ситуация, возможности реализации активности, плюрализм и толерантность к инакомыслию, межгрупповая толерантность, принятие «иных», терпимое отношение к социальным аутсайдерам и т.п.), так и внутренними (жизненная позиция, социальные представления личности, отношения, диспозиции, социальный интерес, свойства, феномены самоопределения и пр.) факторами.

В основе социальной активности личности и ее мобильности лежит система субъективных отношений. В отношениях проявляются многие характеристики отражения окружающего мира из которых складываются целостные представления. Причем особенностью этого отражения является пристрастность личности, ее способность к эмоциональной оценке, соотнесению с прежними впечатлениями, усвоенными нормами, установками и даже свойствами личности. Б.Ф. Ломов считал, что эти отношения отражают то, как личность относится к тем или иным событиям и явлениям мира, в котором она живет (они отражают ценностные ориентации, привязанности, симпатии, антипатии, интересы и др.). По мысли Б.Ф. Ломова, система этих отношений составляет сложнейшее, многоуровневое, динамическое образование, которое можно описать как многомерное *субъективное «пространство»*, каждое измерение которого соответствует определенному субъективно-личностному отношению (к труду, собственности, другим людям, политическим событиям и т.д.) (Ломов, 2003).

Мы полагаем, что отношения личности к объектам и окружающего мира, социальным объектам и субъектам является той основой, которая побуждает субъекта к реализации последовательного социального поведения. Причем оно может характеризоваться как активностью и мобильностью, так и отсутствием таковых по отношению к своей жизни и к социальным объектам. Довольно часто последнее проявляется избирательно: в одних сферах личность проявляет активность, в других – не проявляет, а порой игнорирует.

Иначе говоря, отношение становится катализатором направления активности, в том числе и в межличностном взаимодействии.

Основным условием социальной активности выступает направленность личности – интегральная характеристика, в которой соединяются те социально-психологические образования, которые в совокупности оказываются побудителями социально ориентированного действия, поскольку реализация направленности осуществляется мотивационной сферой.

Е.С. Соколова рассматривает социальную активность через образования, побуждающие ее. В частности, используется понятие «структура мотивов социальной активности», которая понимается как динамическая система мотивационных компонентов и факторов, формирующих различные мотивы, побуждающих человека к совершению определенных действий и поступков, определяющая степень его активности и направленность поведения для достижения конкретных социально-значимых целей (Соколова, 2008).

Важной характеристикой социальной активности выступает социальный интерес. Он может быть связан не только с прямыми контактами с другими людьми или группами, но и сферами культуры, социальными продуктами. Понимание социального интереса в психологии связано с именем А.Адлера, который считал, что человек обладает врожденным стремлением вступать во взаимные социальные отношения сотрудничества. Однако в его понимании это, прежде всего стремление к благополучию всех людей через подчинение своих личных потребностей делу социальной пользы. Между тем, социальный интерес личности не может быть ограничен такими рамками, поскольку это, скорее, уже результат проявления социального интереса, а не сам интерес. Личность, через способность обращать внимание на социальные объекты, через восприятие и усвоение их норм, закономерностей движения (изменения), введения их в систему собственных ценностей, осмысления окружающей действительности, может постичь эту ценность – ценность других, человечества в целом. С этим феноменом связаны и такие характеристики личности, как внимательность и терпимость. Другой выступает не только как объект внимания, но и субъект со-внимания, что выводит это состояние на уровень социальной активности личности. Внимание к личности Другого может быть связано с различными установками, но один из его важнейших уровней отражает важный компонент межличностных отношений – внимательность. В интерпретации И.В. Страхова (Страхов, 1966) внимательность в этическом смысле, «в ее моральном значении» проявляется как отзывчивость и заботливость в отношении к другому. Терпимость также может обладать сходной этической компонентой. В частности, А.А. Реан выделяет два его вида: сенсуальную (терпимость-глухота) и диспозиционную (терпимость-эмпатийность). В последней проявляется позитивный взгляд на мир. Однако и та, и другая характеристики – показатели личностной (социальной) зрелости

человека. Это говорит о том, что социальный интерес может по-разному проявляться в зависимости от уровня социального становления личности в процессе ее социализации. Между тем, социальный интерес является и эффектом социализации личности, свидетельствующим о ее глубине. Очевидно побуждение к активности в отношении социальных объектов и субъектов (которые могут быть объектами интереса), взаимодействию с ними может иметь различные основания, но, главным является отношение.

Особое значение в реализации социальной активности имеет ценностно-смысловая структура личности. Ценностное отношение к действительности сужает, либо расширяет сферы ее активности, служит направляющим ее вектором. Поскольку присвоение ценностей и внутреннее структурирование их в иерархию (матрицу) происходит на протяжении относительно длительного времени и практически не заканчивается на ранних этапах социализации, нельзя говорить об их жесткой стабильности. Между тем, в процессе первичной социализации личности происходят наиболее интенсивные и глубокие трансформации, приводящие к формированию этой системы, становящиеся в последствии базисом на основании которого строятся относительно новые подструктуры. По предположению Д.А. Леонтьева, усвоение ценностей больших социальных групп опосредовано ценностями референтных групп (Леонтьев, 2007). Это говорит о том, что первичные группы, включение в которые является потребностью индивида, в немалой степени определяют значимость ценностей. Однако их структурирование, выдвижение, либо вытеснение с высших позиций связано с формированием внутренних инстанций личности (потребностей, установок, свойств, а также когнитивных процессов): нельзя говорить о ценностных ориентациях как обособленном образовании. Эти многоуровневые связи придают определенный характер индивидуальной вариативности ценностным ориентациям. Поэтому наличие, казалось бы, одних и тех же ценностей у разных субъектов не становится условием одинаковых поведенческих выходов. Более того, ориентации выступают настоящими источниками мотивации субъекта, а не только отдельные ценности, хотя их доминанта и играет ведущую роль. Ценностно-смысловая структура личности неминуемо включает ряд характеристик, имеющих отношение к полю социальных действий. Однако их интенсивность, широта, «границы возможного» (равно как и нормативно определяемого) зафиксированы в ряде отдельных характеристик. Их формирование связано с объективной социальной ситуацией становления личности, а также той характеристикой ценностных ориентаций, которая выражена в субъектной позиции личности. При этом важную роль играет и социальная позиция, поскольку через нее «человек входит в систему общественных отношений и начинает свое движение в социальной конкретно-исторической действительности» (Асмолов, 1990). Соотношение субъектной позиции и социальной позиции человека на

разных этапах становления личности неодинаково. Практически однозначная социальная позиция ребенка впоследствии оказывается не задаваемой, а выбираемой, отстаиваемой благодаря субъектной позиции. Это и создает предпосылки для социальной мобильности личности.

Вместе с тем, критерии необходимости и достаточности социальной мобильности определяются смысловой структурой личности, равно как и уровня успешности в социально-психологической деятельности. Способность к достижению социального успеха определяется мерой социальной активности. Она репрезентируется личностью достаточно рано. В исследованиях А.Р. Тугушевой было показано, что представления юношества о социальной успешности включают характеристики деятельности, поведения, переживаний человека с позиций, учитывающих их общественную и личностную, субъективную оценку. Главными условиями выступают мобильность, желание преодолевать трудности, не сдаваться (Тугушева, 2007). Таким образом, социальная активность понимается как ключевая для достижения социального успеха. Между тем, в представлениях молодежи выделяются и характеристики личности, которые находятся в оппозиции к асоциальным формам поведения; выделены такие характеристики, как порядочность, терпимость, душевность, внимательность и др. В немалой степени эти характеристики соотносятся с эксплицитными концепциями лидерства, имеющими эмпирическую базу.

Согласно нашим исследованиям, наличие осмысленности жизнедеятельности, соответственно планов, реализация которых предполагает опору на смысловые единицы, и, в особенности, убежденность в том, что намечаемое непременно сбудется, является фактором благополучия. При этом не столь важно, насколько объективно возможна в складывающихся обстоятельствах их реализация. Кстати говоря, во многом успех, как показывают исследования, связан не столько с мотивацией достижения и уверенностью в достижении, сколько определенными сомнениями при наличии такой мотивации.

Объектом социальной активности может стать и сама личность как с точки зрения самопознания, так и с точки зрения самоосуществления. В этом отношении, социальная активность приобретает многомерный характер, когда соединяются воедино, казалось бы, разнонаправленные устремления. Однако они взаимодополняют друг друга, поскольку самоосуществление личности реализуется в социуме, и на него же тем самым воздействует. Поэтому самоопределение личности необходимо рассматривать в контексте её социальной активности. Вполне очевидно то, что чем более выражен социальный интерес, шире круг объектов этого интереса и соответствующей активности, направленной вовне, тем больше и возможностей для самореализации личности. Это столь же верно и с позиции обнаружения смыслов, значений, соб-

ственного предназначения в широком социальном контексте. Важным обстоятельством в указанном ракурсе выступает способность личности к обращению внимания, чувствительность к социальному контексту, способность ориентироваться в нем, а также открывать в нем основания для собственной интеграции и развития. Эти характеристики вплотную приближают к пониманию феномена социального мышления, которое лежит в основании качества социальной активности. Его составляющими выступают проблематизация, репрезентация и интерпретация. Субъектом социального мышления являются личности и социальные общности (по К.А. Абульхановой-Славской).

Социальное мышление ближе к житейскому мышлению, нежели академическому. Более того, именно социальное мышление ответственно за эффективные формы взаимодействия личности с социальными субъектами. Вместе с тем, оно и больше подвержено влиянию со стороны личностных характеристик индивида. Поэтому в ситуациях, когда необходимо принимать какие-либо решения относительно взаимодействия, личностная (особенно ее конфликтность) сфера может блокировать процесс социального мышления, в результате чего возможна неконгруэнтность поведения ситуации и социально-мыслительной способности личности. В культуре подобное задается определенными нормами, содержащимися в народном фольклоре (например, в виде поговорок типа «После драки кулаками не машут!»). Нечто подобное обнаруживается и в ситуации взаимодействия с манипулятором, который блокирует социальное мышление посредством задействования эмоциональной сферы личности объекта манипуляции. Поэтому весьма важное значение имеет так называемое критическое мышление, способное не только ставить барьер на пути внешнего воздействия, но и задействовать социальное мышление в полную силу, а также социальная компетентность. Это не значит перевод отношений в сугубо рассудочное русло, но возможность личности адекватно оценить ситуацию, соотносить ситуативные переменные с ее ценностно-смысловыми характеристиками, не превращаясь в объект действий другого.

Наконец, активная жизненная позиция (субъектная позиция) в отношениях с социальным миром как интегральная характеристика личности, включающая ряд свойств и способностей выступает главным звеном социальной активности. Она предполагает сознательные и целенаправленные действия, позволяющие личности не только добиваться успеха, но и создавать собственную стратегию жизни, отражающуюся в последовательном самоопределении. Становление субъектной позиции личности связано с эффектами социализации и усилением когнитивно-оценочной функции; когда автономный уровень самоуправления личности достигает определенного оптимума и позволяет ей реализовать свою активность не только в соотношении с внешними инстанциями (например, ожиданиями других), но и вопреки им, если это со-

относится с внутренними ценностно-смысловыми образованиями, убеждениями, т.е. конгруэнтно своей личности.

Таким образом, формы социальной активности личности могут быть весьма различны; активность в одной сфере совершенно необязательно предполагает ее в другой. Социальная активность, кроме того, может выражаться как в действии, так и в его сдерживании. Основные очертания регуляции социальной активности «задаются» всем процессом социализации и, следовательно, эта проблема относится не только к области социальной психологии личности, но и социальной психологии групп и массовых явлений. Это требует постановки эмпирических исследований относительно выяснения вопроса о мере проявления социальной активности в зависимости от ряда переменных, в числе прочего, охватывающих и сферу культуры.

Вопросы для самопроверки

1. В чем сходство и отличие подходов к пониманию личностной зрелости в отечественной и зарубежной психологии?
2. Каков компонентный состав личностной зрелости?
3. Можно ли управлять процессом становления личностной зрелости?
4. Что называют социальным интеллектом личности?
5. Какова структура и функции социально-психологической компетентности?
6. В чем состоит сущность личностного самоопределения? Каковы ее составляющие?
7. Какие типы самоопределения выделены в отечественной науке?
8. Почему обнаруживаются различия в личностном и профессиональном самоопределении у школьников в различных условиях обучения?
9. Каким образом ценностная иерархия личности связана с ее поведением?
10. Какие виды самопрезентации являются более эффективными?
11. Чем отличается коммуникативная креативность личности от социального интеллекта и социальной компетентности?
12. Можно ли говорить о коммуникативной креативности группы?
13. Определите основные условия и факторы развития творческого общения.

Список рекомендуемой литературы

- Боровикова С.А.* Профессиональное самоопределение // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб., 1991.
- Гинзбург М.Р.* Психологическое содержание жизненного поля личности старшего подростка // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 3. С. 24-34.
- Голованова А.А.* Креативное общение. Саратов, 2000.
- Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. СПб., 1999.
- Емельянов Ю.Н.* Активное социально-психологическое обучение. Л., 1985.
- Коржова Е.Ю.* Психологическое познание судьбы человека. СПб., 2002.
- Новиков В.В.* Социальная психология: феномен и наука. М., 2003.

Петровская Л.А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М., 1989.

Развитие творческих способностей через взаимодействие с семьей. / <http://nsportal.ru/detskii-sad/raznoe/razvitie-tvorcheskikh-sposobnostei-cherez-vzaimodeistvie-s-semei> [Электронный ресурс]

Ролло Мэй. Мужество творить. М., 2013.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ГЛАВА 4. ЛИЧНОСТЬ В ОБЩЕНИИ

4.1. Феноменология общения

ПОНЯТИЕ Определить общение представляется чрезвычайно трудной задачей. Вернее, не существует единой, общепринятой дефиниции этого психологического явления. В западной социальной психологии более употребим термин «коммуникация». Однако отечественная социально-психологическая наука решительно отказывается сводить общение к коммуникации, подчёркивая многозначность, сложность такого конструкта, как общение, и подразумевая под коммуникацией лишь частные проявления, одну из сторон общения. Сложности определения общения связаны и с методологическими расхождениями. Так, некоторые социальные психологи (Г.М. Андреева, А.А. Леонтьев и др.) принимают идею единства общения и деятельности; в таком случае можно говорить об общении как об одной из сторон социального бытия человека, его образа жизни (Ломов, 1976), понимать его как определённую сторону деятельности, поскольку общение необходимым элементом включается в любую человеческую деятельность, и сама деятельность является условием общения (Леонтьев, 1975), сводить общение к одному из видов деятельности – коммуникативная деятельность (Эльконин, 1991, Леонтьев, 1975). Другие исследователи (Б.Д. Парыгин и др.) акцентируют феноменологическое своеобразие общения, несводимость его к деятельности и даже некоторое противопоставление ей, поскольку любая деятельность описывается субъект-объектной системой отношений, а общение как раз реализует иную систему отношений: субъект-субъектных.

Как следствие такой многомерности, сложности явления общения в литературе встречаются самые различные определения.

Общение понимается как процесс обмена между людьми определёнными результатами их психической и духовной деятельности: усвоенной ин-

формацией, мыслями, суждениями, оценками, чувствами, переживаниями и установками (Крысько, 2001).

Общение есть реализация всей системы отношений человека как общественных, так и межличностных (Андреева, 2001).

Говоря об общении, имеют в виду процесс передачи и приёма сообщений с помощью вербальных и невербальных средств, включающий обратную связь, в результате чего осуществляются обмен информацией между участниками общения, её восприятие и познание ими, а также их влияние друг на друга и взаимодействие, нацеленное на достижение изменений в деятельности (Сухов, 2002).

Общение – это сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека (Батаршев, 1999).

Общение – осуществляемое знаковыми средствами взаимодействие субъектов, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнёра (Психологический словарь, 1990).

СТРУКТУРА

В попытке выделить структурные составляющие общения можно двигаться различными путями. Например, акцентируя процессуальный характер общения, возможно отыскать в нём элементы, свойственные деятельности вообще.

1. Мотивы, цели.
2. Содержание, предмет общения.
3. Участники общения.
4. Средства общения.
5. Действия, операции.
6. Результат.

Трактуя общение как коммуникацию, то есть процесс передачи и приёма информации, схематично его можно представить следующим образом (Сухов, 2002):

- 1) передатчик, отправитель;
- 2) получатель, приёмник, адресат;
- 3) канал связи;
- 4) шум, сигнал;
- 5) код, декодер.

В зарубежной психологии общения довольно известна модель коммуникативного процесса, предложенная Г. Лассуэллом. Она включает пять структурных единиц:

- 1) коммуникатор (кто передаёт сообщение),
- 2) содержание (текст) сообщения (что передаётся),
- 3) канал (как осуществляется передача),
- 4) реципиент, аудитория (кому направлено сообщение),
- 5) эффективность передачи информации (степень понимания человеком переданного сообщения, новизна и актуальность информации для реципиента, принятие или отвержение информации и т.п.).

В отечественной социальной психологии чаще всего авторами разделяется подход, предложенный Г.М. Андреевой. Для удобства научного анализа сложного феномена общения она предлагает выделять в его структуре три взаимосвязанные стороны: коммуникативную, интерактивную и перцептивную (рис. 2).

Рис. 2. Структура общения (по Г.М. Андреевой)

ФУНКЦИИ

По своему назначению общение полифункционально. Говорят о пяти основных функциях общения (Шевандрин, 1995).

1. *Прагматическая функция.* Всегда присутствует при взаимодействии людей в процессе совместной деятельности.

2. *Формирующая функция.* Проявляется в процессе формирования и изменения психического облика человека. В процессе онтогенеза внешние, опосредованные общением формы взаимодействия ребёнка и взрослого трансформируются во внутренние психические функции и процессы, а также в самостоятельную внешнюю активность ребёнка, то есть происходит интериоризация опыта взрослых людей. Общение ребёнка со взрослым представляет собой не просто механическое усвоение знаний, умений и навыков, но сложный процесс взаимных влияний, обогащений, изменений, в результате которого у ребёнка выстраивается непротиворечивая картина мира.

3. *Функция подтверждения.* В процессе общения человек получает возможность почувствовать самооценку, познать, утвердить, подтвердить себя, находя точку опоры в других людях. Повседневный опыт человеческого общения богат процедурами, организованными по принципу простейшей

«подтверждающей терапии»: ритуалы знакомства, приветствия, именованья, оказания различных знаков внимания. Всё это направлено на поддержание у человека «минимума подтверждённости».

4. *Функция организации и поддержания межличностных отношений.* Восприятие других людей, установление и поддержание с ними контактов различного уровня для любого человека связано с оценочными и эмоциональными отношениями – позитивными, негативными, нейтральными. Они окрашивают, пронизывают всю систему человеческих взаимоотношений, накладывая отпечаток и на межличностные, и на деловые, и на ролевые отношения.

5. *Внутриличностная функция.* Реализуется в общении человека с самим собой (через внутреннюю или внешнюю диалогическую форму речи) и может рассматриваться как универсальный способ мышления человека.

А.А. Брудный предлагает свою функциональную классификацию общения:

– *инструментальная функция* необходима для обмена информацией в процессе управления и совместной деятельности;

– *синдикативная функция* находит своё выражение в сплочении малых и больших социальных групп;

– *трансляционная функция* необходима для передачи знаний, способов деятельности, оценочных критериев, реализуется в обучении;

– *функция самовыражения* ориентирована на раскрытие себя, поиск и достижение взаимопонимания с другими людьми.

Б.Ф. Ломов в системе взаимосвязей человека с другими людьми выделяет три основные функции общения.

Информационно-коммуникативная функция. Это, по сути, передача и приём информации. Здесь проявляются два составных элемента: содержание сообщения и отношение к нему человека; различная выраженность и соотношение этих составляющих влияет на характер восприятия, степень понимания и принятия информации и как следствие отражается на процессе взаимодействия людей.

Регулятивно-коммуникативная функция. Направлена на организацию взаимодействия между людьми, на коррекцию человеком своей деятельности или состояния. Эта функция призвана соотносить мотивы, потребности, намерения, цели, предполагаемые способы деятельности участников взаимодействия. Общение здесь нацелено на достижение сработанности, единства действий людей, объединённых в малые контактные группы или в большие сообщества. Критерием реализации этой функции служит степень удовлетворённости, с одной стороны – совместной деятельностью и общением, с другой – их результатами.

Аффективно-коммуникативная функция. Процесс внесения изменений в состояние людей, проявляющийся в желании человека выговориться, излить душу. Изменение психофизического состояния возможно при целенаправленном или при произвольном воздействии. В ходе общения люди лучше узнают друг друга, начинают разбираться в себе, учатся понимать свои достоинства и недостатки; возможно усиление или снижение степени психологического напряжения, изменение общего настроения человека.

4.2. Типология общения

Общение характеризуется огромным разнообразием типов, видов, форм, уровней, стилей. Заметим, что множественность классификаций объясняется тем, что в основу может быть положена любая характеристика многогранного феномена общения. В качестве классификационных критериев можно закладывать структурные компоненты процесса общения, содержательные и динамические характеристики, стилевые особенности, отношенческие позиции участников общения, степень «вхождения в личность» партнёра и т.д. Приведём лишь некоторые из предлагаемых классификаций видов общения.

ЦЕЛЬ По целям всевозможные разновидности общения могут быть сгруппированы в четыре основные категории (Каган, 1988).

1. *Деловое общение.* Цель его – оптимизация совместной деятельности. В общении, предпринимаемом с этой целью, люди сами по себе мало интересны или совершенно неинтересны друг другу. Они рассматриваются как возможности более эффективно достичь желаемого делового результата, сэкономив при этом различные ресурсы. Общение в данном случае выступает лишь инструментом, средством оптимального делового взаимодействия людей.

2. *Общение ради общения.* Такое название отражает нацеленность общающихся не столько на результат, сколько на сам процесс общения; именно он является самоцелью. Особую важность приобретают эмоции, переживания своей причастности к кому-то, не столько то, *что* говорит партнёр, сколько то, *как* он об этом говорит или даже молчит. Фактически в этом виде общения реализуется присущая любому в норме развивающемуся индивиду потребность в общении.

3. *Общение, целью которого является приобщение себя к знаниям, ценностям, опыту других людей.* Это разнообразные повседневные формы общения, когда мы заинтересованы в получении какой-либо информации, просим совета, прислушиваемся к рекомендациям, осваиваем новые области

профессионального или общего знания. Это обучение в широком смысле этого слова, инициаторами которого мы являемся.

4. *Общение, цель которого – приобщение других людей к нашим собственным знаниям, ценностям и опыту.* Цель противоположна предыдущей. Местами меняются инициативная и ведомая стороны, в то время как сфера интересов остаётся прежней.

Л.А. Карпенко по критерию «цель общения» предлагает выделять восемь разновидностей:

1) *контактное общение* – целью которого является установление контакта как состояния обоюдной готовности к приёму и передаче сообщений и поддержания взаимосвязи в форме постоянной взаимоориентированности;

2) *информационное* – обмен сообщениями, мнениями, замыслами, решениями и т.п.;

3) *побудительное* – стимуляция активности партнёра по общению, направляющая его на выполнение тех или иных действий;

4) *координационное* – цель которого – согласование действий и ориентиров при организации совместной деятельности;

5) *понимание* – цель заключается не только в адекватном восприятии и понимании смысла сообщения, но и понимании партнёрами друг друга (намерений, установок, состояний...);

6) *эмотивное* – возбуждение в партнёре нужных эмоциональных переживаний, а также изменение с его помощью собственных переживаний и состояний;

7) *установление отношений* – целью является осознание и фиксирование своего места в системе ролевых, статусных, деловых, межличностных связей сообщества;

8) *оказание влияния* – нацелено на изменение состояния, поведения и личностно-смысловых образований партнёра.

Иногда с точки зрения целей различают *биологическое* и *социальное* общение. Первое необходимо для поддержания, сохранения и развития организма и связано с удовлетворением базовых, витальных потребностей индивида. Второе преследует цели расширения и укрепления межличностных контактов, установления и развития интерперсональных отношений, личностного роста человека.

СОДЕРЖАНИЕ

По содержанию общение бывает четырёх основных видов:

1) *материальное* – обмен предметами и продуктами деятельности, которые, в свою очередь, служат средством удовлетворения актуальных потребностей общающихся;

2) *когнитивное* – обмен знаниями, связано с различными разновидностями познавательной или учебной деятельности;

3) *кондиционное* – предполагает обмен психофизиологическими состояниями, влияние людей друг на друга, на их самочувствие и настроение;

4) *мотивационное* – обмен побуждениями, мотивами, интересами, целями, актуальными потребностями, установками, готовностью к действиям в определённом направлении.

УЧАСТНИКИ ОБЩЕНИЯ

Если мы соглашаемся широко трактовать понятие общения, то приходим к выводу, что в качестве партнёрской стороны по отношению к субъекту могут выступать не только иные реальные люди. В этой связи можно говорить о следующих видах и подвидах общения (Каган, 1988).

1. Общение с реальным партнёром:

а) *межличностное общение*. Решающее значение имеет не количество общающихся, а учёт индивидуально своеобразных черт партнёров. Межлично общаться могут и трое, и пятеро – главное, чтобы в этом общении они представляли друг для друга интерес как личности;

б) *представительское (ролевое) общение*. Люди рассматриваются не как носители индивидуальных особенностей, а как выразители интересов и намерений стоящих за ними общностей. Общение двух представителей фирм, начальника и подчинённого, учителя с учеником, бабушки и внука – режим такого общения предполагает взятие человеком на себя той или иной социальной роли;

в) *межгрупповое общение*. Единицами такого общения выступают не отдельные люди, а группы и коллективы. Примером такой разновидности общения может служить негласное соревнование двух или более параллельных классов в школе по степени сплочённости коллектива или уровню успеваемости класса в целом.

2. Общение с субъективированным объектом:

а) *животные*;

б) *явления природы*.

Это определённый панпсихизм, когда и первую и вторую категории мы иногда склонны наделять человеческими качествами, усматривать в них черты, схожие с нашими собственными.

3. Общение с воображаемым партнёром:

а) *своё второе Я* – внутриличностные формы общения;

б) *религиозные и мифические сущности, литературные персонажи*;

в) *образы людей*, которые реально в пространстве-времени общения отсутствуют (территориально отдалены, умерли или идеализированы).

СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

В классификации разновидностей общения по средствам традиционно принят дихотомический принцип.

1. *Прямое – косвенное общение.* Прямое общение предполагает личные контакты и непосредственное восприятие друг другом общающихся людей; например, личные беседы, телесные контакты – те случаи, когда они видят, слышат и непосредственно реагируют на действия друг друга. Косвенное общение осуществляется через посредников (например, переговоры между конфликтующими сторонами, режим заочного обучения и т.п.).

2. *Непосредственное – опосредствованное общение.* Непосредственным считается общение, осуществляемое с помощью естественных органов, данных живому существу природой: руки, туловище, голова, голосовой аппарат и т.д. Опосредствованное общение связано с использованием специальных средств и орудий для организации общения и обмена информацией. Это и природные предметы (палка, камень, след...), и культурные (знаковые системы, записи символов на различных носителях, технические приборы (телефон, интернет-общение...) и средства массовой информации.

3. *Вербальное – невербальное общение.* Вербальное присуще только человеку и в качестве обязательного условия предполагает усвоение языка. По своим коммуникативным возможностям чрезвычайно богато, хотя всегда, тем не менее, дополняется в реальном общении невербальными средствами. Невербальный канал коммуникации исключает использование речи и осуществляется через прямые сенсорные или телесные контакты – мимику, пантомимику, дистанцию, интонацию, жесты и др.

УРОВНИ ОБЩЕНИЯ

В качестве классификационных оснований могут выступать не только структурные компоненты общения. Например, исходя из определённого сочетания содержательных и динамических характеристик общения, актуализации того или иного уровня межличностных отношений людей, мы можем вывести следующую типологию.

1. *Интимно-экстраверсивный уровень общения.* На таком уровне общаются люди, которых связывают близкородственные, любовные или дружеские отношения. Это общение предполагает хорошее знание индивидуальных особенностей, точек зрения, ценностных ориентаций, привычек партнёра; хорошую, устойчивую обратную связь; высокую степень привязанности, открытости, доверительности, иногда даже жертвенности (ущемление собственных интересов ради интересов партнёра); глубокое «вхождение в личность» собеседника; систематичность контактов; интеллектуальную, эмоциональную и духовную вовлечённость и наполненность.

2. *Конгниальный уровень.* На этом уровне реализуются отношения товарищества: в первую очередь, это интеллектуальное и духовное единство, родство. Люди, общающиеся на данном уровне, как правило, имеют похожие взгляды на жизнь, интересы, цели и ценности; приблизительно равный интеллектуальный статус.

3. *Эмоциональный уровень.* Это отношения приятельства. Мы можем быть невысокого мнения о способностях, талантах, уровне развития интеллекта, некоторых чертах характера такого человека, не разделять его взглядов и оценок, отвергать его жизненный сценарий, но его фигура в целом нам симпатична, мы рады оказаться с ним в одной компании, и его образ по преимуществу вызывает в нас положительные эмоции. Контакты, как правило, ситуативны, стихийны и достаточно поверхностны.

4. *Вербальный уровень.* Отношения знакомства. Нас мало что связывает с такими людьми. Контакты малозначимы для нас, мы не стремимся к ним, и обычно они ограничиваются ритуальными формами общения: приветствием, прощанием, вежливыми фразами.

5. *Опознавательный уровень.* К этой категории относятся люди, с которыми мы поблизости живём или изредка сталкиваемся на работе, или ездим одними транспортными маршрутами в одно и то же время, или в силу обстоятельств сталкиваемся в общественных местах. Их количество ограничивается лишь резервами нашей памяти. Общение с ними сводится исключительно к визуальным контактам; это даже и не общение в полном смысле этого слова, а лишь перцептивные и мнемические реакции.

ПОЗИЦИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПАРТНЁРУ

В зависимости от того, какую позицию занимает один участник общения по отношению к другому и в какой форме строится их взаимодействие, в социальной психологии выделяют три типа межличностного общения.

- *Императивное общение.* Авторитарная, директивная форма взаимодействия с партнёром по общению с целью достижения контроля над его поведением, установками и мыслями, принуждения его к определённым действиям или решениям. Фактически реализуется «субъект-объектная» система отношений; партнёр рассматривается как объект воздействия, выступает пассивной, «страдательной» стороной, используется как средство достижения целей инициатора такого общения. Особенность императива состоит в том, что конечная цель такого общения – принуждение партнёра – не скрывается. Используются открыто приказы, требования, предписания. Традиционными в нашей культуре сферами приложения такого типа общения являются военные уставные отношения и часто отношения «начальник – подчинённый». Недо-

пустим (хотя иногда и имеет место) такой тип общения в сферах интимно-личностных, детско-родительских, педагогических отношений.

• *Манипулятивное общение.* Как и императив, манипуляция предполагает объективное восприятие партнёра по общению, стремление добиться контроля над поведением и мыслями другого человека. Но в отличие от императива это такая форма межличностного общения, при которой воздействие на партнёра с целью достижения своих намерений осуществляется скрытно, завуалировано. «Де юре» провозглашаются равноправные позиции субъект-субъектного взаимодействия, «де факто» – это система взаимоотношений «субъект-объект». При манипулятивном общении партнёр воспринимается не как целостная уникальная личность, а фрагментарно, как носитель определённых, «нужных» манипулятору свойств и качеств. Человек, рассматривающий другого как объект своего воздействия, по сути дела, общается сам с собой, игнорируя, не видя истинного собеседника. Традиционным полигоном для подобного типа общения является сфера бизнеса и деловых отношений в целом; непременно присутствует элемент манипуляции и в педагогических системах. Но выработанные навыки манипуляции очень часто переносятся и разрушают сферы семейных, дружеских отношений – отношений, построенных на любви, дружбе и взаимной привязанности.

• *Диалогическое общение.* Представляет собой равноправное субъект-субъектное взаимодействие, имеющее целью взаимное познание и самопознание партнёров по общению. Главной его особенностью является фактическое коммуникативное равенство сторон, участвующих в общении. Реализация этого типа общения возможна при соблюдении ряда правил взаимоотношений:

- наличие психологического настроя на актуальное состояние собеседника и собственное состояние (по принципу «здесь и теперь»);
- использование безоценочного восприятия личности партнёра, априорная установка на доверие к его намерениям;
- восприятие партнёра как равного, имеющего право на собственные мнения и решения;
- содержание общения должно включать проблемы и нерешённые вопросы;
- следует персонифицировать общение, то есть вести разговор от своего имени, не ссылаясь на авторитеты, представлять свои истинные чувства и желания.

Диалогическое общение применительно к педагогической деятельности предполагает бережное и уважительное отношение учителя не только к ответам, но и к вопросам и содержательным высказываниям учеников. В них отражаются интересы ребёнка, через которые можно привлечь его к сотрудничеству. Вопрос должен быть выслушан терпеливо и полностью, ответ не дол-

жен быть поспешным, должен содержать более широкое рассмотрение проблемы. Ведь вопрос ученика не всегда направлен на получение точного ответа, а является демонстрацией своих знаний и умения думать, что, безусловно, должно быть оценено учителем по достоинству.

Отмечается, что диалогическое общение вовсе не исключает конфликтных отношений, но несовпадение взглядов, интересов и намерений тем не менее базируется на уважении, признании свободы и ценности личности партнёра независимо от того, ребёнок он или взрослый, начальник или подчинённый, коллега или друг. Диалогическое (гуманистическое) общение позволяет достичь самораскрытия, глубинного взаимопонимания партнёров, создаёт условия для взаимного личностного роста.

А.Б. Добрович предлагал выделять следующие уровни общения, в каждой фазе которого находит отражение то, как один партнёр воспринимает и относится к другому: 1) *примитивный* уровень, 2) *манипулятивный*, 3) *стандартизированный*, 4) *конвенциональный*, 5) *игровой*, 6) *деловой*, 7) *духовный* уровень.

СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ

Под стилем общения обычно понимают индивидуальную стабильную форму коммуникативного поведения человека, проявляющуюся в любых условиях взаимодействия – в деловых и личных отношениях, в способах принятия и осуществления решений, в избираемых приёмах психологического влияния на людей, в методах разрешения межличностных и деловых конфликтов (Куницына В.Н. с соавт., 2001). Стилль общения имеет экспрессивные и интенсивные характеристики, своеобразную эмоционально-волевою окраску, определяется темпераментальными, психофизиологическими особенностями человека, арсеналом используемых им вербальных и невербальных средств, содержательными характеристиками, в которых находят отражение доминирующая мотивация личности, способности к социальной перцепции, сопереживанию, уровень собственного достоинства, направленность личности и избираемый характер воздействий на людей. Каждая из этих и других стилевых характеристик может лечь в основание той или иной типологии стилей общения. Приведём наиболее часто используемые.

Стилль общения как специфически организуемая сфера контактов может рассматриваться как составляющая часть общей стратегии управления процессом взаимодействия людей, объединённых в группы и коллективы. В этом случае говорят об авторитарном, демократическом, либеральном и, иногда, интегративном стилях. *Авторитарный* учитель, например, общается неприветливо, диктует, указывает, инструктирует, принуждение предпочитает убеждению, что выражается, как правило, в угрозах и критике; он не желает и не умеет хвалить учеников, он не считает нужным понимать их чувства, ин-

тересы, переживания. Он не уважает чужого мнения, навязывая учащимся свои собственные оценки, суждения и решения, не терпит инициативы, сознательно ограничивает неслужебное, непосредственное общение со школьниками, препятствует расширению контактов между членами группы, замыкая межличностные связи преимущественно на себе. *Либеральный* стиль педагогического общения характеризуется нерешительностью, неуверенностью в поведении и речи, принятием позиции невмешательства, стороннего наблюдателя. Такой учитель, как правило, безынициативен, ригиден, бесконфликтен, вежлив и предупредителен. Соглашательская политика в общении оборачивается реальной помощью и поддержкой только тогда, когда нет необходимости брать на себя и нести ответственность. Иногда авторитарный или либеральный стили избираются педагогами не столько осознанно, сколько вынужденно: большая дистанция в общении позволяет скрыть некомпетентность в каких-то вопросах, профессиональную или нравственную незрелость, отсутствие организаторских способностей. При *демократическом* стиле общения поощряются контакты, творческая активность, инициатива, учитываются пожелания и мнения, распределяются обязанности и ответственность. Учитель, исповедующий данный стиль общения, с интересом и уважением относится к личности, индивидуальным особенностям и способностям учеников; выдерживая определённую дистанцию и проявляя требовательность, тем не менее доброжелателен по отношению к людям, вежлив и тактичен в общении, придерживается коммуникативной культуры, проявляющейся прежде всего в умении слушать и слышать собеседника, не считая себя абсолютным авторитетом. Негативными «выходами» этого стиля могут стать конформизм, бесплодные споры и зависимость от мнения большинства даже в тех случаях, когда оно неразумно. *Интегративный* стиль педагогического общения проявляется в поведении учителя, адекватном обстоятельствам. Такой педагог коммуникативно открыт и доступен, учитывает интересы воспитанников, доброжелательно настроен по отношению к ним. Вместо распоряжений чаще всего использует предложения, советы, иногда – просьбы, не подчёркивает своего превосходства; не требует бездумного подчинения, прислушивается к советам других, привлекает учащихся к обсуждению общих вопросов и принятию коллегиальных решений; успешно формирует общественное мнение и опирается на него в своей работе. Он, как правило, высокопрофессионален, реально авторитетен, является не только официальным, но и неформальным руководителем коллектива.

По степени вмешательства в поведение и деятельность человека, характеру преследуемых в общении целей иногда выделяют альтруистический, манипуляторский, миссионерский стили. *Альтруистический* стиль реализует направленность на партнёра, его благо, его интересы и цели, предполагает всяческую помощь и поддержку, активность, гуманистическую установку,

воспитательную направленность, корректность используемых средств коммуникации и воздействия. *Манипуляторский* стиль нацелен на достижение собственных интересов при всестороннем использовании ресурсов партнёра. Это давление, приспособливание людей к своим нуждам, антидоверительность в общении; причём данная технология предполагает учёт индивидуальных особенностей партнёра, тактическую гибкость, дипломатичность, настойчивость в контактах. *Миссионерский* стиль предполагает значительную дистанцию между партнёрами, уважительное, осторожное влияние, ненавязчивые советы, воздействие личным примером.

Т.Е. Аргентова выделяет три стиля общения: *гибкий* – характеризующийся быстрой ориентацией в ситуации взаимодействия, пониманием подтекста общения, умением управлять своим эмоциональным состоянием и обстановкой общения; *ригидный* – отличающийся сниженной рефлексивной способностью, плохим самообладанием, трудностями в выборе адекватных ситуации коммуникативных средств; *переходный* (промежуточный).

В.В. Латынов выделил четыре стиля речевого поведения в ситуациях неформального межличностного общения:

1) *отчуждённый* (уступающий-недружелюбный) – дистантность, отгороженность, застенчивость, сниженный уровень активности и оптимизма, адекватная самооценка, страх отвержения в межличностном взаимодействии;

2) *послушный* (уступающий-дружелюбный) – скромность, предупредительность, поддержка, одобрение, признание коммуникативного равенства;

3) *сбалансированный* – активная доброжелательность, независимость, уверенность в себе, честолюбие, настойчивость, упорство;

4) *опекающий* (доминирующий-дружелюбный) – независимость, внимательность к окружающим, сенситивность, тревожность, эмпатийность, направленность на сотрудничество и личностный характер общения;

5) *властный* (доминирующий-недружелюбный) – самоуверенность, раздражительность, широта и поверхностность контактов, сниженный самоконтроль, нацеленность на доминирование и соперничество, снижение престижа собеседника.

Есть попытки определять стили общения, исходя из специфики невротических потребностей, разной потребности в общении и общей направленности личности (К. Хорни, 1945): *отрешённый*, *агрессивный*, *податливый*; учитывая этнические и культурно-исторические традиции (*прямой (открытый)* и *непрямой (сглаживающе-маскирующий)* стили); в зависимости от направленности на говорящего и цель коммуникации (*инструментальный* стиль), либо на слушающего и процесс взаимодействия (*аффективный* стиль); в связи с умением и желанием учитывать позиции и мнения партнёра (*партнёрский* и *непартнёрский* стили); при умении открыто выражать свои

чувства и переживания, отказе от искажения своей личности в глазах партнёра, способности быть самим собой и подпустить другого как можно ближе к себе говорят о *доверительном, открытом* (Петрушин, 2001) общении.

В стиле общения проявляются врождённые особенности человека (темперамент, нейродинамические особенности и др.), а также приобретаемые в опыте черты (под влиянием семейного воспитания, культурных и полоролевых стереотипов, выработанных личностью ценностей и социально-психологических позиций, профессиональной деятельности и т.п.). Исследования показывают, что стиль общения стабилен и специфичен для конкретного человека, но не является жёсткой системой, не поддающейся трансформациям; стиль может меняться – корректироваться и дополняться новыми деталями, допускает дальнейшее обучение коммуникативным умениям и навыкам, приспособление к той или иной ситуации общения.

4.3. Социальное восприятие и понимание

Процесс восприятия одного человека другим выступает как обязательная составляющая общения и называется обычно перцептивной стороной общения. Сам термин «социальная перцепция» впервые был введён Дж. Брунером в 1947 году в рамках так называемого «нового взгляда» (NewLook) на процесс восприятия в целом, и изначально под социальной перцепцией понималась социальная детерминация перцептивных процессов. Брунер обратил внимание на то, что, несмотря на все индивидуальные различия, существуют общие, вырабатываемые в совместной жизни и общении, социально-психологические механизмы восприятия. Его исследования показали, что восприятие как предметов, так и других людей зависит не только от индивидуально-личностных, но и от социокультурных факторов. Так, например, дети из бедных семей воспринимали размеры монеток больше их реальных размеров, а дети из обеспеченных семей – наоборот, меньше. Такой же деформации подвержены и образы людей; к примеру, в разных студенческих аудиториях, которым человека последовательно представляли как лаборанта, преподавателя, доцента, профессора, этот человек воспринимался тем более высокого роста, чем выше становился его социальный статус.

Позже социальной перцепцией стали называть (и именно в этом значении данный термин закрепился в социально-психологической литературе) процесс восприятия так называемых социальных объектов, то есть других людей и социальных групп. Многие исследователи предпочитают несколько иную терминологию: не столько «восприятие другого», сколько «познание другого», используя в данном случае возможность включить в процесс восприятия другого человека в более полном объёме другие познавательные процессы. Ведь восприятие другого человека обладает специфическими чер-

тами – это не только восприятие физических характеристик объекта, но и его поведенческих характеристик, формирование представления о его намерениях, мыслях, способностях, установках, эмоциях, о тех отношениях, которые связывают субъект и объект восприятия. А с точки зрения транзактной психологии, активное участие субъекта восприятия в общении предполагает учёт роли ожиданий, желаний, намерений, прошлого опыта субъекта и имеет особую важность, когда познание другого человека рассматривается как основание не только для понимания партнёра, но и для установления с ним согласованных действий и особого рода отношений.

ПОНЯТИЕ

Социальную перцепцию определяют как восприятие внешних признаков человека, соотнесение их с его личностными характеристиками, интерпретацию и прогнозирование на этой основе его поступков. В ней обязательно присутствует оценка другого и формирование отношения к нему в эмоциональном и поведенческом плане. На основе внешней стороны поведения мы как бы «читаем» внутренний мир человека, пытаемся понять его и выработать собственное эмоциональное отношение к воспринятому. В наблюдаемом нам доступны для восприятия лишь внешние признаки, среди которых наиболее информативными являются внешний облик (физические качества плюс оформление внешности) и поведение (совершаемые действия и экспрессивные реакции). Воспринимая эти качества, наблюдатель определённым образом оценивает их и делает некоторые заключения (часто бессознательно) о внутренних психологических свойствах партнёра по общению. Сумма свойств, приписанных наблюдаемому, в свою очередь, даёт человеку возможность сформировать определённое отношение к нему (это отношение чаще всего носит эмоциональный характер и располагается в пределах континуума «нравится – не нравится»). В целом, в ходе социальной перцепции осуществляется: эмоциональная оценка другого, попытка понять причины его поступков и прогнозировать его поведение, построение собственной стратегии поведения.

Выделяют четыре основные *функции социальной перцепции*:

- познание себя;
- познание партнёра по общению;
- организация совместной деятельности на основе взаимопонимания;
- установление эмоциональных отношений.

Результатом социального восприятия является целостный образ другого человека, формируемый на основе оценки его внешнего вида и поведения. Но перед человеком никогда не стоит задача просто «воспринять» другого. Формируемый образ имеет не только познавательную, информативную ценность, но и сознательно используется в качестве регулятора последующего поведения.

ния, взаимоотношений и взаимодействий; он необходим для того, чтобы в данной ситуации правильно и эффективно построить общение.

В изучении процесса межличностной перцепции выделяются два главных аспекта. Один связан с исследованием психологических и социальных особенностей субъекта и объекта восприятия, а другой — с анализом механизмов и эффектов межличностного отражения. Кроме того, исследования показали, что в основе восприятия незнакомых ранее людей и людей, с которыми уже имеется определённый опыт общения, лежат разные психологические механизмы. В первом случае срабатывает схема межгруппового восприятия, во втором — включаются механизмы межличностного восприятия. Эти различные ситуации требуют автономного рассмотрения.

МЕЖГРУППОВАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ

Объектами первичного восприятия становятся все наиболее чёткие составляющие внешнего облика и экспрессии человека, которые позволяют причислить его к той или иной социальной группе. В первую очередь, воспринимаются пол, возраст, этническая или национальная принадлежность (в диапазоне от далёкой до близкородственной национальности самого субъекта восприятия), иногда — профессиональная принадлежность и социальный статус человека, далее — физические характеристики внешности (рост, комплекция, лицо, цвет волос, глаз, форма носа, подбородка и т.п.), внешнее оформление человека (одежда, а также такие атрибуты, как знаки отличия, причёска, очки, награды, драгоценности, в определённых случаях — машина, оформление комнаты или кабинета и т.д.), наконец — манера поведения человека (куда и с каким выражением смотрит, как сидит, ходит, разговаривает и т.д.). Как правило, восприятие этих элементов осуществляется на бессознательном уровне, очень быстро, как бы автоматически. Для каждой категории партнёров применяется какая-то своя «стратегия» общения, выбор которой определяется характеристиками человека. Наиболее важные в данной ситуации характеристики — это те, которые позволяют отнести партнёра к какой-либо группе, и именно эти характеристики воспринимаются достаточно точно, а остальные черты и особенности достраиваются по определённым схемам.

К механизмам межгруппового восприятия относятся физиогномическая редукция, социальная категоризация, групповая идентификация, социальное сравнение, межгрупповая дискриминация, децентрация, стереотипизация (Станкин, 1996).

Физиогномическая редукция — общепринятый способ понять и оценить другого человека по внешнему виду. Во внимание берутся черты лица, телосложение, походка, одежда, манера поведения партнёра. Например, грубые мозолистые руки, очевидно, имеет представитель физического труда, а холё-

ные – человек, занимающийся умственным трудом, музыкант, актёр; а возможно, и тунеядец, бездельник. Опираясь на несколько признаков, можно с определённой долей вероятности сделать предположение о профессии, общественном положении, доходах человека. Физиогномическая редукция как грубый, приблизительный способ познания другого человека, если её не переоценивать, может быть использована в практике общения. Известным литературным примером прекрасного владения этим навыком социального восприятия является Шерлок Холмс.

Социальная категоризация – это классификация людей и событий окружающего мира по тем или иным основаниям. Достаточно грубым и потому легким является деление людей на мужчин и женщин, молодёжь, зрелых и стариков, на белых и чёрных, военных и гражданских. Тонкая классификация требует определённого опыта и интеллекта оценивающего; так, непросто разделить людей на интеллигентных и неинтеллигентных, на представителей различных типов темперамента и характера, представителей гуманитарных и технических профессий и т.д. Ещё сложнее распределить людей при необходимости по иерархическому принципу. Например, часто требуется выделить из группы людей лидера, изолированного, отверженного. Человек, не владеющий подобным навыком, часто испытывает трудности при вхождении в новый коллектив, в непривычную обстановку.

Групповая идентификация – не распределение окружающих по группам, а отнесение самого себя к одной из них. Легко отнести себя к россиянам, молодёжи, учащимся; гораздо сложнее решить, волевой ли ты человек, культурный ли, интересный, общительный. Каждая из этих категорий предусматривает определённое поведение, права, обязанности, которые не надо придумывать самому. Педагогу целесообразно регулярно оценивать учащихся в целях развития у них волевой регуляции, морали, потребности в самовоспитании, помогая им лучше узнать себя, идентифицировать себя с более авторитетной, референтной группой.

Социальное сравнение – сопоставление не отдельных людей, а целых групп. Став членом соответствующей группы, человек получает возможность изменить самооценку, так как на члена группы автоматически переносится её социальный статус. Социальное сравнение становится тонким инструментом общения, когда имеются попытки осуществлять дифференцированный подход. Например, столь популярное сейчас дифференцированное обучение. Ребёнок с физиологическими отклонениями (зрение, слух...) начинает воспринимать себя абсолютно бездарным и интеллектуально ущербным лишь на том основании, что он учится в классе коррекции, поскольку именно такое отношение в учебном заведении распространено к учащимся из этих классов.

Если же искажённое восприятие связано с переоценкой своей и недооценкой любой другой группы, имеет место *межгрупповая дискриминация*.

Децентрация рассматривается как противоположность эгоцентризму. Под эгоцентризмом имеют в виду поглощённость индивида своими собственными интересами, тенденцию в мыслях и делах всегда ставить себя в центр событий, неспособность воспринимать моральные основания поступков других людей, неспособность изменить позицию по отношению к другой личности, если она противоречит ранее полученной информации. Помимо особенностей личности и воспитания, эгоцентризм обусловлен и возрастным фактором. Педагогу нужно знать, что наиболее часто он встречается в дошкольном детстве и первых классах школы (и часто вновь появляется в старческом возрасте), а к подростковому возрасту снижается. Поэтому детей младшего школьного возраста важно учить децентрации.

Наиболее мощным и распространённым психологическим механизмом, срабатывающим в ситуации первичного восприятия, является механизм *стереотипизации* – приписывание определённым группам людей присущих именно им черт. С самого раннего детства мы усваиваем и используем в общении огромное количество стереотипов: гендерных (например, распространённое мнение о том, что женщины неспособны сделать научное открытие), профессиональных (все спортсмены – недалёкие люди, все чиновники – бюрократы и взяточники, настоящую учительницу можно узнать даже на улице по специфическому строгому, всегда и всех оценивающему взгляду), национальных (известные всем чопорность и консервативность англичан, ветренность французов, пунктуальность немцев, восточная хитрость, флегматичность, медлительность скандинавов, загадочность русской души и т.д.), касающихся физической внешности (к примеру, «хорошего человека должно быть много», люди с тонкими губами – непременно вредные, все невысокие мужчины страдают комплексом Наполеона, то есть чересчур активно, даже агрессивно пытаются компенсировать недостаток роста победами и достижениями в различных других сферах жизни: тугим кошельком, престижностью профессии, высоким социальным статусом, завоеваниями на любовном фронте, ролью «души компании» и «гения общения» и т.д.). Стереотипы очень часто провоцируют ошибку восприятия, являясь неоправданно широким обобщением, мешают построению корректного образа партнёра по общению, осложняют контакты между людьми. Однако с другой стороны, стереотипизация является оправданным, действенным механизмом познания другого человека, облегчая ориентацию в окружающем мире, позволяя экономить интеллектуальные, временные и другие ресурсы личности, создавать пусть грубый абрис, основанный на самых чётких, ярких, существенных чертах и характеристиках человека.

Немаловажную роль в процессе познания другого человека играют и социально-психологические характеристики самого субъекта восприятия. В социальной перцепции зафиксированы индивидуальные, половые, возраст-

ные, профессиональные и поло-ролевые различия; представление о другом человеке зависит и от уровня развития собственного самосознания, представления о собственном Я. Так, выявлено, что дети учатся сначала распознавать экспрессию по мимике, затем им становится доступным анализ выражения эмоций посредством жестов. Для детей младшего школьного возраста важнее оказываются одежда и общий внешний вид; характерной особенностью подросткового возраста является преимущественное выделение черт физического облика; для взрослого человека в ряде случаев более важным, чем анатомические черты и внешность, оказывается выразительное поведение другого. Было установлено, что учителя замечают и оценивают в своих учениках иные качества и черты, чем ученики и студенты у своих педагогов. Аналогичное несовпадение имеет место при восприятии и оценке руководителями подчиненных, и наоборот. Значительно влияет на процесс восприятия профессия наблюдателя. Так, педагоги при оценке людей в значительной степени ориентированы на речь воспринимаемых, а, например, хореографы, спортивные тренеры прежде всего замечают физическое сложение человека. Внутренние психологические и социальные установки субъекта восприятия как бы «запускают» определенную схему социальной перцепции.

Межгрупповые механизмы значительно стабильнее, консервативнее межличностных и дают человеку готовые, предписанные историей развития общества, права, обязанности, привилегии, освобождающие личность от необходимости думать и создавать новые правила поведения. Поэтому можно сказать, что первое впечатление почти всегда правильно. Ошибкой же является то, что стереотипизация вызывает определенную оценку и неизвестных пока ещё свойств и качеств конкретного человека, что может привести в дальнейшем к неадекватному общению. Если общение не прерывается, результаты первичного восприятия некоторое время продолжают действовать, не соответствуя реальному положению вещей. Так что с той же уверенностью можно говорить, что первое впечатление обманчиво. Однако постоянное и длительное общение не может удовлетвориться тем списком приписанных партнёру черт и свойств, которые сформировались при первом впечатлении.

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Когда опыт общения с партнёром уже имеется, включается иная перцептивная схема – схема межличностного восприятия. Объекты социальной перцепции смещаются с внешних и поведенческих признаков в поле стабильных личностных черт, интеллектуальных особенностей, способностей, оценок, привычек человека, элементов его внутреннего мира. Изучение перцепции показывает, что можно выделить ряд универсальных психологических механизмов, обеспечивающих сам процесс восприятия и оценки

другого человека и позволяющих осуществлять переход от внешне воспринимаемого к оценке, отношению и прогнозу.

К механизмам межличностной перцепции относят механизмы: 1) познания и понимания людьми друг друга (идентификация, эмпатия, аттракция), 2) прогнозирования поведения партнера по общению (каузальная атрибуция); 3) познания самого себя в процессе общения (социальная рефлексия) (Шевандрин, 1995).

Идентификация – это уподобление себя другому на рациональном уровне, способ познания другого человека, при котором предположение о его внутреннем состоянии строится на основе попытки поставить себя на место партнёра по общению. При идентификации с другим познаются его нормы, ценности, поведение, вкусы и привычки.

Эмпатия – это тоже уподобление себя другому, но осуществляемое на аффективном уровне, это эмоциональное вчувствование или сопереживание другому, настройка на его эмоциональную волну. Через эмоциональный отклик мы понимаем внутреннее состояние другого. Эмпатия основана на умении правильно представлять себе, что происходит внутри другого человека, что он переживает, как оценивает окружающий мир. Известно, что эмпатия тем выше, чем больше человек способен представить себе, как одно и то же событие будет воспринято разными людьми, и чем лучше он способен понять право на существование этих разных точек зрения. Для развития эмпатийности большое значение имеет психологический климат, царящий в семье и школе; без внимания, заботы, уважения друг к другу родителей в семье, учителей в школе невозможно развить эмпатию у детей.

Аттракция (дословно – привлечение) – представляет собой форму познания другого человека, основанную на формировании устойчивого позитивного чувства к нему. В данном случае понимание партнёра по общению возникает благодаря формированию привязанности к нему, дружеского или более глубокого интимно-личностного отношения.

Каузальная атрибуция – приписывание причин поведению субъекта, механизм интерпретации поступков и чувств другого человека. Исследования показывают, что у каждого человека есть свои «излюбленные» *схемы причинности*, т.е. привычные объяснения чужого поведения: 1) люди с *личностной* атрибуцией в любой ситуации склонны находить виновника случившегося, приписывать причину произошедшего конкретному человеку; 2) в случае пристрастия к *обстоятельственной* атрибуции люди склонны прежде всего винить обстоятельства, не утруждая себя поисками конкретного виновника; 3) при *стимульной* атрибуции человек видит причину случившегося в предмете, на который было направлено действие (ваза упала потому, что плохо стояла) или в самом пострадавшем (сам виноват, что попал под машину). При изучении процесса каузальной атрибуции выявлены

различные закономерности. Например, причину успеха люди чаще всего приписывают себе, а неудачу – обстоятельствам. Характер приписывания зависит также и от меры участия человека в обсуждаемом событии: оценка будет различна в случаях, если он был участником (соучастником) или наблюдателем. А также по мере роста значимости случившегося испытуемые склонны переходить от обстоятельственной и стимульной атрибуции к личностной (т.е. искать причину случившегося в осознанных действиях личности).

Социальная рефлексия – это механизм самопознания в процессе общения, в основе которого лежит способность человека представлять то, как он воспринимается партнёром по общению. Это уже не просто знание другого, но знание того, как партнёр понимает субъекта, то есть своеобразный удвоенный процесс зеркального отражения друг друга. В сферах деятельности, реализующих систему отношений «человек – человек», в том числе и в педагогической, способность к социальной рефлексии является профессионально требуемым качеством. Учитель, владеющий рефлексией, является наблюдателем и менеджером по отношению к самому себе, своим поступкам и мыслям и исследователем по отношению к школьникам, что позволяет найти правильный подход к каждому ученику.

ОШИБКИ ВОСПРИЯТИЯ

Социальное восприятие часто оказывается неточным, построенный образ партнёра по общению – некорректным. Наиболее ошибочным оказывается первое впечатление о человеке, но существует вероятность неточного отражения и понимания и довольно знакомого партнёра. Типичные ошибки социальной перцепции провоцируются следующими психологическими эффектами и факторами.

Эффект ореола («гало-эффект») – тенденция воспринимающего преувеличивать однородность личности партнёра: переносить благоприятное или негативное впечатление об одном качестве человека на всю его личность в целом. Так, человека начинают считать выдающимся после первой удачи или, наоборот, считать ущербным во всех отношениях после неудачи. Исследователи отмечают, что действует несколько типовых схем запуска эффекта ореола: срабатывают фактор превосходства, привлекательности и отношения к нам.

Фактор превосходства срабатывает не при всяком, а только при действительно важном, значимом для воспринимающего неравенстве. Человек, который превосходит наблюдателя по важному параметру (уму, росту, здоровью, материальному положению и др.), оценивается им гораздо выше и по остальным параметрам; иначе говоря, происходит его общая личностная переоценка. При этом чем неувереннее чувствует себя наблюда-

тель в данный момент, тем меньше нужно усилий для запуска этой схемы. Так, в экстремальной ситуации люди часто готовы доверять тем, кого не стали бы слушать в спокойной обстановке.

Фактор привлекательности обеспечивает реализацию схемы, связанной с восприятием партнера как чрезвычайно привлекательного внешне. Ошибка, допускаемая в этом случае, состоит в том, что внешне привлекательного человека люди также склонны переоценивать по другим важным для них психологическим и социальным параметрам (Панфёров, 1982).

Фактор отношения к наблюдателю регулирует включение схемы восприятия партнёра, в основе которой лежит характер отношения к наблюдателю. Ошибка восприятия в этом случае состоит в том, что людей, которые хорошо к нам относятся или разделяют какие-то важные для нас идеи, мы склонны позитивно оценивать и по другим показателям.

Эффект порядка (эффекты «первичности» и «новизны») касается значимости определённого порядка предъявления информации о человеке для составления представления о нём. После первой встречи с человеком больший вес придаётся данным, полученным вначале. Наоборот, в ситуациях восприятия знакомого человека действует «эффект новизны», заключающийся в том, что последняя, более новая информация оказывается наиболее значимой.

Эффект средней ошибки – тенденция смягчать оценки наиболее ярких особенностей другого в сторону среднего.

Эффект снисходительности (эффект Полианны) заключается в том, что все люди оцениваются положительно; субъект значительно чаще стремится использовать позитивные оценки, чем негативные (у женщин данное свойство более выражено) (Куницына В.Н. с соавт., 2001).

Эффект проекции – приписывание другим людям собственных качеств. Причём замечено, что приятному для нас собеседнику мы склонны приписывать собственные достоинства, а неприятному – свои же собственные недостатки. Это психологическое правило известно давно и используется в проективных тестах: «Что усиленно отрицаешь, тем непременно обладаешь сам».

Стереотипизация. Так, например, одним из результатов стереотипизации восприятия учителя является формирование в его сознании модели идеального ученика. Это такой ученик, который подтверждает собой успешную роль педагога, делая его работу приятной: готовый к сотрудничеству, стремящийся к знаниям, дисциплинированный. Существенно, что ожидания, формирующиеся у учителей по отношению к ребёнку, и в самом деле определяют его реальные достижения. Под влиянием таких ожиданий формируется самовосприятие ребенка. Например, в исследованиях было показано, что дети, носящие имена, которые нравятся учителю, обладают более позитивным внутренним отношением к себе по сравнению с детьми,

чьи имена не принимаются педагогом. Имя может влиять и на ожидания учителя, связанные с успехами в учёбе данного ребёнка. *Стереотип проявляется в отношении ответов учащихся.* Хороших учеников вызывают чаще и активнее поддерживают. «Плохому» ученику учитель своими жестами и фразами с самого начала даёт понять, что ничего хорошего он от него не ждёт. Возникает парадокс: объективно на опрос «плохих» учеников педагог затрачивает меньше времени, чем на опрос «хороших», однако в сознании учителя, подверженного «стереотипу ожидания», ситуация субъективно воспринимается как обратная, и он искренне считает, что тратит основную долю учебного времени на отстающих. *Стереотип сказывается и на характере помощи при ответах.* Незаметно для себя учитель подсказывает и помогает «хорошим», чтобы подтвердить свои ожидания. Однако он убеждён, что вытягивает именно плохого ученика. *Стереотип порождает характерные высказывания* в адрес успевающих и неуспевающих учащихся. Плохих критикует больше и резче с использованием обобщений: «Опять не выучил», «Как всегда ты...» и т.д. (Битянова, 1994).

Полностью избежать указанных ошибок вряд ли возможно, но имеет смысл разнообразить эталоны восприятия и, признавая за собой право на ошибку, учиться вовремя их корректировать. Н.И. Шевандрин предлагает следующие способы коррекции перцептивных ошибок с опорой на эталоны.

1. Больше внимания уделяйте невербальному поведению партнёра – мимике, позе, жестам, интонации, направлению взгляда, походке, осанке.

2. Обращайте внимание на ошибочные действия партнёра (оговорки, забывания, замалчивания, ошибки слуха и т.п.), за которыми могут скрываться подавленные или сдерживаемые чувства.

3. Отмечайте для себя, как у человека выражаются две основные социальные потребности – в эмоциональной поддержке и в признании. Это ключ к тому, как человек обращается с другими своими мотивами.

4. Следите, в какую сторону партнер отклоняется от темы вашего разговора. Отклонение от темы – признак скрытия чувств от собеседника.

4.4. Коммуникативная сторона общения

Под коммуникацией в узком смысле этого слова понимают обычно то, что в процессе общения и взаимодействия люди обмениваются друг с другом разного рода информацией (различными идеями, представлениями, интересами, чувствами, установками и т.д.)

Человеческая коммуникация обладает рядом специфических особенностей (Андреева, 1989).

1. Коммуникация не сводится только к процессу передачи информации и потому не может быть описана в терминах теории информационных систем;

информация не только передаётся, но и формируется, уточняется, развивается.

2. Общающиеся являются активными субъектами, поэтому взаимное информирование предполагает установление отношений и налаживание совместной деятельности. Специфика человеческого обмена информацией заключается в особой роли для каждого участника общения той или иной информации, её значимости. Такая значимость информации обусловлена тем, что люди не просто «обмениваются» значениями, а стремятся при этом выработать общий смысл (А.Н. Леонтьев). Это возможно лишь при условии, что информация не только принята, но и понята, осмыслена. По этой причине каждый коммуникативный процесс представляет собой единство деятельности, общения и познания.

3. Возможность взаимного влияния партнёров друг на друга посредством системы знаков. Другими словами, обмен информацией в этом случае предполагает воздействие на поведение партнёра и изменение состояний участников коммуникативного процесса.

4. Коммуникативное влияние возможно лишь при наличии единой или сходной системы кодификации и декодификации у коммуникатора (человека, направляющего информацию) и реципиента (человека, принимающего ее).

5. Возможность возникновения коммуникативных барьеров. В этом случае чётко выступает связь, существующая между общением и отношением.

При построении типологии коммуникативных процессов целесообразно использовать понятие «направленность сигналов». В теории коммуникации по характеру направленности выделяют: а) **аксиальный** коммуникативный процесс, когда сигналы направлены единичным приёмникам информации, то есть отдельным людям; б) **ретиальный** коммуникативный процесс, когда сигналы направлены множеству возможных адресатов (Брудный, 1977). В последнее время исследования ретиальной коммуникации приобретают особую важность в связи с интенсивным развитием средств массовой информации и их мощным воздействующим эффектом.

Сама по себе информация, исходящая от коммуникатора, может быть побудительной и констатирующей. **Побудительная** информация выражается в приказе, совете, просьбе, рекомендации. Она рассчитана на то, чтобы стимулировать какое-нибудь действие. Это может быть **активизация**, то есть побуждение к действию в заданном направлении. Это может быть **интердикция** – побуждение, наоборот, не допускающее определённых действий, запрет нежелательной активности. Наконец, это может быть **дестабилизация** – несогласование или нарушение некоторых автономных форм поведения или деятельности. **Констатирующая** информация выступает в форме сообщения;

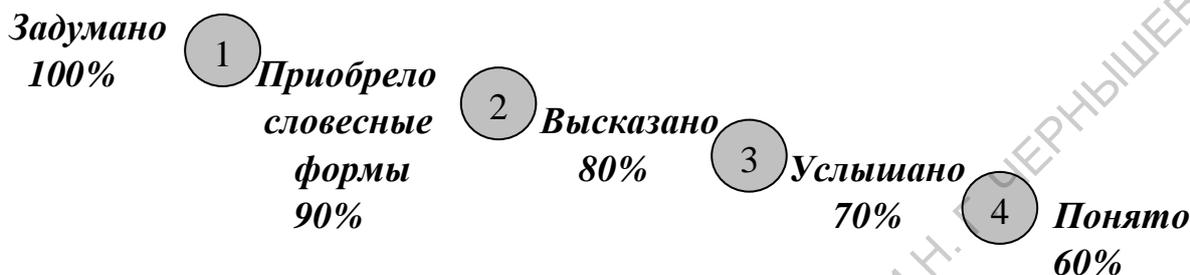
она не предполагает непосредственного изменения поведения, хотя косвенно может способствовать этому.

В процессе общения обмен информацией между его участниками осуществляется по двум каналам: **вербальному** и **невербальному** (неречевому). На основном, вербальном уровне в качестве средства передачи информации используется человеческая речь. Однако в общении, помимо этого универсального знакового средства, включены и другие знаковые системы, называемые, в целом, невербальной коммуникацией. На первый взгляд кажется, что человеческое общение представляет собой преимущественно вербальную коммуникацию, ведь речь – универсальное, наиболее богатое и выразительное средство информационного обмена. Однако многочисленные исследования приводят к выводу, что в реальном жизненном общении доля невербалики значительно больше. Так, по данным А. Мейерабиана, передача информации происходит за счёт вербальных средств (только слов) на 7%, звуковых средств (тон голоса, интонация и т.п.) – на 38%, а за счёт невербальных средств – на 55%. Профессор Бердвиссл установил, что словесное обращение в беседе занимает менее 35% информации, а более 65% передаётся с помощью невербальных средств (Лавриненко, 1995). На самом деле, речь и невербальная коммуникация неразрывно связаны, они дополняют друг друга, обогащая и гармонизируя общение людей. Невербальный канал – эволюционно более древний вид коммуникации, он используется для передачи информации с первых дней появления человека на свет, являясь врождённой способностью. Речью мы овладеваем постепенно: родной язык усваиваем в раннем детстве, достаточно легко и незаметно, а иностранным языкам учимся в довольно зрелом возрасте, и это требует приложения немалых усилий и воли. Кроме того, вербальный и невербальный каналы коммуникации имеют разные уровни психической регуляции: речь преимущественно осознанна, невербалика – наоборот, по большей части бессознательна. В течение жизни мы научаемся строить речевые высказывания весьма правдоподобно, желая на самом деле скрыть или намеренно исказить информацию; невербальным своим поведением управлять гораздо сложнее, оно часто выдаёт наши истинные чувства, отношения и намерения, приводя к рассогласованию речи и невербалики, что даёт специалистам основание формулировать принцип «Невербалика не лжёт». Наконец, вербальный и невербальный способы коммуникации несут разную функциональную нагрузку: если словесный канал отвечает за передачу сути, смысла информации, то невербальный – отношения к информации и партнёру по общению.

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

Вербальная коммуникация использует в качестве знаковой системы естественный звуковой язык, то есть систему фонетических знаков, организо-

ванную лексически и синтаксически. Речь является самым универсальным средством коммуникации, поскольку при таком способе передачи информации менее всего теряется смысл сообщения. Тем не менее, при всём своём богатстве речь всё же несовершенна и неизбежно порождает потери и деформацию смысла сообщения. Обусловлено это действием нескольких коммуникативных барьеров и фильтров. П. Мицич приводит схему информационных потерь, иллюстрирующую этот процесс.

Первый барьер Мицич назвал «*пределом воображения*», подразумевая, что человеческое мышление всё же более ёмко, нежели речь, а для передачи партнёру возникшую мысль, идею сначала требуется словесно оформить во внутренней речи; многим знакома жизненная ситуация, когда, скажем, испытываемое чувство столь сложно, многогранно и богато нюансами, что его трудно выразить через известные слова. *Второй барьер* – это активный языковой фильтр или «*барьер желания*»: даже сформулированное «про себя», мы не всегда находим возможным высказать вслух, вынуждены искать синонимы или перефразировать высказывание, подстраиваясь под конкретного собеседника или учитывая конкретную ситуацию общения. *Третий барьер* – *барьер понятийных аппаратов партнёров и «технических» несовершенств языка*. В силу различного уровня образованности, начитанности, культуры, принадлежности к разным возрастным, статусным, профессиональным и другим группам мы зачастую используем термины, смысл которых незнаком собеседнику, и потому некорректная их интерпретация часто приводит к непониманию. Ярким примером тому может служить использование специфической научной терминологии, профессионального жаргона, молодёжного слэнга в обыденном общении. Кроме того, наша речь зачастую грешит «техническими» несовершенствами: кто-то картавит, кто-то заикается, некоторые «проглатывают» окончания слов или предложений, некоторые говорят в неоправданно быстром темпе, речь многих засорена словами-«паразитами» и т.д. Всё это не столько мешает слушателю понять смысл сообщения, сколько отвлекает его внимание, переключает его с содержания на форму высказывания, часто вызывая недовольство и раздражение, что в итоге также способствует информационным потерям. Барьер фонетического непонимания порождает такой фактор, как невыразительная быстрая речь, речь-скороговорка и речь с боль-

шим количеством звуков-паразитов. Существуют также семантические барьеры непонимания, связанные, прежде всего, с различиями в системах значений (тезаурусах) участников общения. Не меньшую роль в разрушении нормальной межличностной коммуникации может сыграть стилистический барьер, возникающий при несоответствии стиля речи коммуникатора и ситуации общения или стиля речи и актуального психологического состояния реципиента и др. Наконец, можно говорить о существовании логического барьера непонимания. Он возникает в тех случаях, когда логика рассуждения, предлагаемая коммуникатором, либо слишком сложна для восприятия реципиента, либо кажется ему неверной, либо противоречит присущей манере доказательства. Можно говорить о существовании «женской» и «мужской» психологической логики, о детской «логике» и т.д. Как уже отмечалось выше, причиной психологического барьера могут служить социально-культурные различия между партнерами по общению. Это – социальные, политические, религиозные и профессиональные различия, которые приводят к разной интерпретации тех или иных понятий, употребляемых в процессе коммуникации. В качестве барьера может выступать и само восприятие партнёра по общению как лица определённой профессии, определённой национальности, пола и возраста. Например, большое значение для уменьшения барьера играет авторитетность коммуникатора в глазах реципиента; чем выше авторитет, тем меньше преград на пути усвоения предлагаемой информации. Наконец, *четвёртый барьер* – собственно психологический «барьер отношения», от которого во многом зависит принятие или непринятие получаемой информации или искажение её смысла. Речь идет о возникновении чувства неприязни, недоверия к своему коммуникатору, которое распространяется и на передаваемую им информацию. Например, одна из общающихся дам может проинтерпретировать похвалу в адрес своего внешнего вида из уст приятельницы «с точностью до наоборот», поскольку в их взаимоотношениях имеется соревновательный подтекст и некоторая зависть друг к другу. Кому-то из партнёров мы доверяем, а кому-то нет, иногда «не слышим» неприятной для нас информации, часто желаемое принимаем за действительное. Всё это подтверждает справедливость высказывания Ф. Тютчева: «Мысль изречённая есть ложь».

Эффективной коммуникация будет и тогда, когда получатель сообщения правильно расшифрует все его **четыре стороны**: 1) *существо дела*, 2) *самораскрытие*, 3) *отношение* и 4) *призыв*. Если реципиент не способен расшифровать все стороны сообщения или реагирует не на ту его сторону, то возникает непонимание.

В речевой коммуникации необходимо придерживаться определённых принципов и правил, грамотно выстраивать её стратегию и тактику (Куницына В.Н. с соавт., 2001). Под **стратегией речевого общения** понимают процесс построения коммуникации, направленный на достижение долговремен-

ных результатов. Стратегия включает в себя планирование речевого взаимодействия в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникаторов, а также реализацию этого плана, то есть линию беседы. Целью стратегии может являться завоевание авторитета, воздействие на мировоззрение, призыв к поступку, сотрудничеству или воздержанию от какого-либо действия. **Тактика речевого общения** понимается как совокупность приёмов ведения беседы и линии поведения на определённом этапе в рамках отдельного разговора. Она включает конкретные приёмы привлечения внимания, установления и поддержания контакта, воздействия на партнёра, приведение адресата в определённое эмоциональное состояние и т.д. В зависимости от условий общения, полученных сведений, эмоций тактика может меняться. Важное значение для регулирования социальных взаимодействий имеет **принцип вежливости**: тактичность, великодушие, скромность, благожелательность, одобрение. Не меньшую роль играет и **принцип кооперации** (Г.П. Грайс) – требование к собеседникам действовать таким образом, который соответствовал бы принятой цели и направлению разговора. Этим принципом обусловлены **основные правила речевой коммуникации**.

1. Высказывание должно содержать ровно столько информации, сколько требуется для выполнения текущих целей общения; излишняя информация иногда вводит в заблуждение, вызывая не относящиеся к делу вопросы и соображения, слушающий может быть сбит с толку из-за того, что предположил наличие какой-то особой цели, особого смысла в передаче этой лишней информации.

2. Высказывание должно по возможности быть правдивым: старайтесь не говорить того, что считаете ложным; того, для чего у вас нет достаточных оснований.

3. Высказывание должно быть релевантным, то есть соответствовать предмету разговора: старайтесь не отклоняться от темы.

4. Высказывание должно быть ясным: избегайте непонятных выражений, неоднозначности, ненужного многословия.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ

Невербальное поведение человека тесно связано с его психическими состояниями и служит средством их выражения. В процессе общения невербальное поведение выступает объектом истолкования не само по себе, а как показатель индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности. Невербальные средства коммуникации, используемые в человеческом общении, многообразны. Традиционно их объединяют в несколько групп: кинесические средства, просодические и экстралингвистические, такесические, проксемические и ольфакторные (рис. 3).

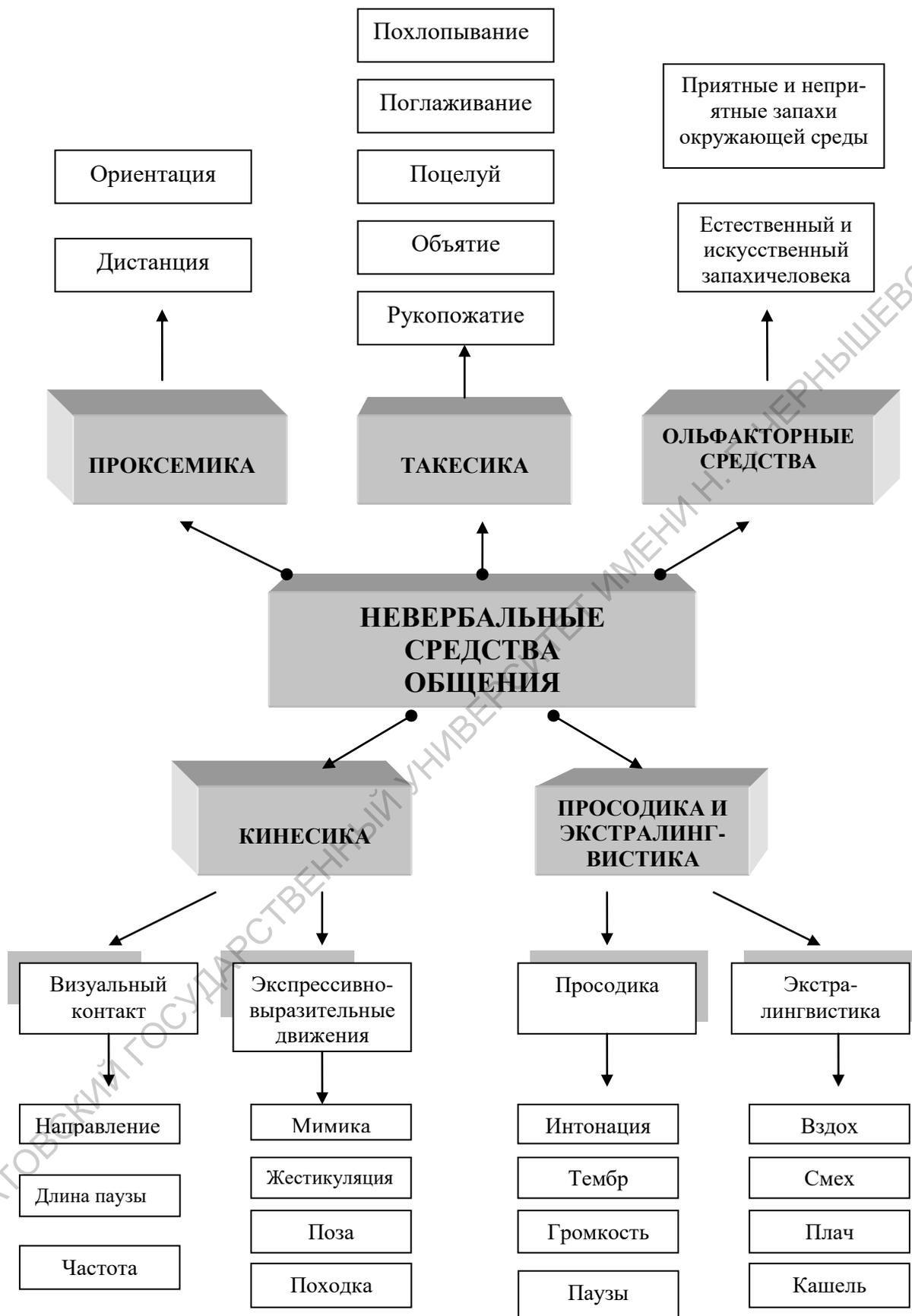

Рис. 3. Схема невербальных средств общения

Кинесика – зрительно воспринимаемые движения другого человека, выполняющие выразительно-регулятивную функцию в общении. К кинесике относятся визуальный контакт, а также экспрессивно-выразительные движения, проявляющиеся в мимике, жестах, позах, походке.

Визуальный контакт (взгляд) несёт много информации о человеке. Мы недаром говорим: «Глаза – зеркало души», подразумевая, что по взгляду достаточно точно можно определить состояние человека и его отношение к нам: добрый или враждебный, вызывающий, провоцирующий или спокойный, открытый, доброжелательный или напряжённый, отстранённый и т.п. Информативным показателем является и направление взгляда. Американскими психологами Р. Эксланом и Л. Винтерсом было показано, что взгляд связан с процессом формирования высказывания и трудностью этого процесса. Когда человек только формирует мысль, он чаще всего смотрит в сторону («в пространство»), когда мысль оформлена – на собеседника.

Если речь идёт о сложных вещах, на партнёра смотрят меньше, когда трудность преодолевается – больше. Вообще же тот, кто говорит в данный момент, меньше обращается взглядом к партнёру – только чтобы проверить его реакцию и заинтересованность. Слушающий же больше смотрит в сторону говорящего, посылая ему сигналы обратной связи. По своей специфике взгляд может быть: деловым, когда он фиксируется в районе лба собеседника, это предполагает создание серьёзной атмосферы делового партнёрства; светским – когда взгляд опускается ниже уровня глаз (до уровня губ) собеседника, это способствует созданию атмосферы светского непринуждённого общения; интимным – когда взгляд направлен не в глаза собеседника, а ниже лица, на другие части тела до уровня груди, такой взгляд говорит о большей заинтересованности друг другом в общении; взгляд искоса – свидетельство критического или подозрительного отношения к собеседнику.

Имеет значение и частота визуального контакта, что сигнализирует о расположенности к общению: периодически возвращающийся к нам взгляд говорит о том, что мы находимся в зоне внимания и интереса к нам другого человека; мимолётный взгляд свидетельствует о том, что человек ориентируется в социальной ситуации и не рассматривает нас в качестве потенциального партнёра по общению; пристальный неотрывный взгляд, как правило, вызывает психологический дискомфорт, порождает либо агрессивную ответную реакцию, либо усиливает неуверенность в собственном благополучии.

Мимике – движениям мышц лица – отводится особая роль в передаче информации, она лучше всего отражает внутреннее эмоциональное состояние человека. Исследования показывают, что при неподвижном или невидимом лице лектора аудитория теряет до 15% информации. Мимика целостна и динамична, все движения мышц лица скоординированы. Это отражено в схеме

мимических кодов эмоциональных состояний, разработанной В.А. Лабунской (табл. 1).

Известно, что основную нагрузку в ситуации распознавания истинных чувств человека по лицу несут брови и область рта. Исследования показывают, что легче распознаются положительные эмоции, а отрицательные – труднее. Замечено также, что левая сторона лица гораздо чаще выдаёт эмоции человека, что связано с функциональной асимметрией головного мозга человека: правое полушарие, контролирующее эмоциональную жизнь человека, ответственно за левую сторону лица; положительные эмоции отражаются более или менее равномерно на обеих половинах лица, а отрицательные – ярче выражены на левой.

Мимика, в отличие от жестов и поз, интернациональна: исследования показали, что все люди независимо от национальности и культуры, в которой они выросли, с достаточной точностью и согласованностью интерпретируют мимические конфигурации как выражение соответствующих эмоций. Но всё же во многих ситуациях лицо человека оказывается менее информативно, чем его тело. Связано это с тем, что мимические выражения сознательно контролируются во много раз лучше, чем движения тела.

Таблица 1

Мимические коды основных эмоциональных состояний

Части и элементы лица	Эмоциональные состояния					
	<i>Гнев</i>	<i>Презрение</i>	<i>Страдание</i>	<i>Страх</i>	<i>Удивление</i>	<i>Радость</i>
<i>Положение рта</i>	Рот открыт	Рот закрыт		Рот открыт		Рот обычно закрыт
<i>Губы</i>	Уголки губ опущены			Уголки губ приподняты		
<i>Форма глаз</i>	Глаза раскрыты или сужены	Глаза сужены		Глаза широко раскрыты		Глаза прищурены или раскрыты
<i>Яркость глаз</i>	Глаза блестят		Глаза тусклые	Блеск глаз не выражен		Глаза блестят
<i>Положение бровей</i>	Брови сдвинуты к переносице			Брови подняты вверх		
<i>Уголки бровей</i>	Внешние уголки бровей подняты вверх			Внутренние уголки бровей подняты вверх		
<i>Лоб</i>	Вертикальные складки на лбу и переносице			Горизонтальные складки на лбу		
<i>Подвижность лица</i>	Лицо динамичное		Лицо застывшее			Лицо динамичное

Жестикуляция – разнообразные экспрессивно-выразительные движения руками и головой. Имеет значение количественный показатель жестикуляции; как бы ни отличались разные культуры, везде вместе с возрастанием эмоциональной возбуждённости человека, как и при желании достичь более полного понимания между партнёрами, если оно почему-либо затруднено, растёт интенсивность жестикуляции. Что же касается содержания жестов, то, как правило, их группируют по тому или иному признаку.

Наиболее обобщённой классификацией является следующая, предполагающая деление жестов на:

- коммуникативные (жесты приветствия, прощания, привлечения внимания, запретные, утвердительные, отрицательные, вопросительные и т.д.);
- модальные, выражающие оценку и отношение (жесты одобрения, неудовлетворения, доверия и недоверия, растерянности и т.д.);
- описательные, имеющие смысл только в контексте речевого высказывания.

По другой классификации всё многообразие жестов разбивают на 5 групп:

– жесты-иллюстраторы (жесты сообщения: указатели, пиктографы, т.е. образные картины изображения, идеографы, т.е. своеобразные движения руками, соединяющие воображаемые предметы вместе, жесты-«отмашки», кинетографы – движения телом);

– жесты-регуляторы (кивки и целенаправленные движения руками, выражающие отношение говорящего к чему-либо);

– жесты-эмблемы (своеобразные заменители слов и фраз: например, сжатый кулак с выброшенным вверх большим пальцем – «всё отлично», сложенные на манер рукопожатия и поднятые над головой руки – «до свидания» и т.п.);

– жесты-адапторы (специфические привычки человека: почёсывания, подёргивания отдельных частей тела, поглаживание, перебирание отдельных предметов, находящихся под рукой и т.п.);

– жесты-аффекторы (жесты, выражающие через движения тела определённые эмоции).

В отношении жестикуляции необходимо помнить, что, в отличие от мимики, она культурно обусловлена, то есть существуют распространённые и непринятые, одобряемые и неодобряемые в том или ином социуме жесты. Кроме того, в процессе общения не нужно забывать о конгруэнтности, т.е. совпадении жестов и речевых высказываний.

Позы – относительно статичные положения человеческого тела, элементарные единицы пространственного поведения людей. В силу культурной традиции каждого народа некоторые позы запрещаются, а другие – закрепляются. Поза прежде всего наглядно показывает, как данный человек воспри-

нимает свой статус по отношению к статусу других лиц. Известно, что если человек желает заявить о себе, подчеркнуть свой статус, он будет стоять прямо, в напряжённом состоянии, с развёрнутыми плечами; человек, которому не нужно подчёркивать своё положение, будет спокоен, расслаблен, находиться в непринуждённой, свободной позе. Смысловое содержание позы состоит в размещении индивидом своего тела по отношению к собеседнику и свидетельствует либо о закрытости, либо о расположенности к общению. Если человек заинтересован в общении, он будет ориентироваться на собеседника и наклоняться в его сторону; если не заинтересован – наоборот, ориентироваться в сторону и откидываться назад. Наиболее общий подход – разделение поз на «закрытые» и «открытые». «Закрытые» позы (когда человек как-то пытается закрыть переднюю часть тела, скрещивает конечности, пытается занять как можно меньше места в пространстве) воспринимаются как позы недоверия, несогласия, противодействия, критики. «Открытые» позы (стоя: руки раскрыты ладонями вверх или раскинуты, сидя: руки раскинуты, ноги вытянуты) воспринимаются как позы доверия, согласия, доброжелательности, психологического комфорта, нацеленности на собеседника и общение.

Походка – стиль передвижения человека – также является способом распознать его эмоциональное состояние, хотя и наименее информативным из всех экспрессивно-выразительных движений. В исследованиях испытуемые с большой точностью узнавали по походке такие эмоции, как гнев, страдание, гордость, счастье. Оказалось, что самая «тяжёлая» походка при гневе, самая «лёгкая» – при радости, при гордости самая большая длина шага, при страдании походка вялая и угнетённая.

Просодика и экстралингвистика – это характеристики голоса и невербальное акустическое сопровождение речи человека. Просодика включает ритмико-интонационные стороны речи: высоту, интонацию, тембр, громкость голоса, силу удара, темп речи. Экстралингвистическая система – это паузация речи, а также включение в неё различного рода психофизиологических проявлений человека: плача, смеха, кашля, вздоха и т.д. Этим регулируется поток речи, экономятся языковые средства общения, они дополняют, замещают и предвосхищают речевые высказывания, выражают эмоциональные состояния.

Такесика – это различного рода прикосновения к телу партнёра по общению. Возможны в форме рукопожатий, поглаживаний, похлопываний, объятий, поцелуев. Такесика в большей мере, нежели другие невербальные средства, выполняет в общении функцию индикатора статусно-ролевых отношений, а также показывает степень близости общающихся. Разумеется, такесические средства применимы только в отношении близких нам или, как минимум, знакомых нам людей. Особую значимость они приобретают в тех ситуациях, когда иные формы контакта, особенно речевые, по каким-то при-

чинам затруднены или невозможны; например, трудно переоценить важность прикосновений матери к телу младенца, да и на других этапах детского возраста прикосновения родителей к малышу являются свидетельством любви, заботы и принятия. Нужно также помнить, что неадекватное использование человеком такесических средств может привести к конфликтам в общении. Например, вторжение в личное пространство чужака или неприятного человека неизменно вызывает большую напряжённость и психологический дискомфорт, от которых пытаются избавиться или защититься любимыми средствами.

Проксемика отвечает за пространственную организацию общения. К основным её компонентам относятся пространственная ориентация и угол общения, а также дистанция между партнёрами. На проксемические характеристики общения прямое влияние оказывают культурные, национальные, экономические факторы.

Считается, что ориентация, выражаемая в повороте тела и носка ноги в направлении партнёра или в сторону от него, сигнализирует о направлении мыслей. Определённую информацию о характере отношений между общающимися может донести и способ расположения за столом: при обычной дружеской или интимно-личностной беседе люди занимают угловую позицию с минимальной дистанцией и максимальной ориентированностью друг на друга; если общение носит сопернический или оборонительный характер, то сядутся напротив; при кооперативном поведении – занимают позицию делового взаимодействия «плечом к плечу» с одной стороны стола; независимая позиция или явное противостояние выражается в расположении по наибольшей диагонали.

Организуя общение с разными категориями людей, мы склонны придерживаться определённых расстояний. Э. Холл выделил и описал основные виды дистанций (числовые выражения характерны для североамериканской культуры):

- интимная дистанция – общение самых близких людей (0 см – 45 см);
- персональная (личная) дистанция – общение со знакомыми людьми (45 см – 120 см);
- социальное расстояние – при общении с малознакомыми и чужими людьми, при официальном общении (120 см – 400 см);
- публичная дистанция – при выступлении перед различными аудиториями (400 см – 750 см).

Следует иметь в виду, что представители некоторых национальностей (славянские, южно-европейские народы, латиноамериканцы и др.) склонны выдерживать меньшие расстояния при общении, в отличие от других (североамериканцев, англичан или, скажем, японцев). Кроме того, жители неболь-

ших населённых пунктов (сёл, деревень) тяготеют к более коротким дистанциям, нежели жители густонаселённых мегаполисов.

Ольфакторные невербальные средства представляют собой приятные и неприятные запахи окружающей среды, а также естественный и искусственный запахи человека. Их информативность для партнёров по общению не вызывает сомнений, но психологические механизмы подобной интерпретации ещё недостаточно изучены. В последнее время влияние феромонов, запахов ароматических веществ, в частности – масел, парфюмерных и кулинарных запахов на здоровье и психологические состояния человека представляют собой широкое поле активных научных изысканий.

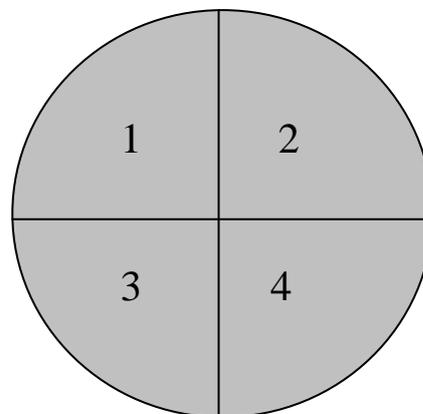
В целом, следует отметить, что невербальное поведение личности полифункционально, оно:

- создаёт образ партнёра по общению;
- выражает качество и изменение взаимоотношений партнёров, формирует эти отношения;
- является индикатором актуальных психических состояний личности;
- выступает в роли уточнения, изменения понимания вербального сообщения, усиливает эмоциональную насыщенность сказанного;
- поддерживает оптимальный уровень психологической близости между участниками общения;
- выступает в качестве показателя статусно-ролевых отношений.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В ОБЩЕНИИ

Необходимым условием эффективной коммуникации является качественная обратная связь. Именно она позволяет неоднократно дополнять и уточнять информацию, достигая подлинного взаимопонимания партнёров. Процесс выдачи и получения обратной связи можно проиллюстрировать с помощью своеобразной диаграммы (Аверченко, Антилогова, 1993).

Левая полусфера (секторы 1 и 3) представляет информацию, которую человек знает о себе. Правая (секторы 2 и 4) – информацию, которая ему о себе неизвестна. Верхняя полусфера (секторы 1 и 2) представляет информацию о человеке, которой располагают другие. Нижняя полусфера (секторы 3 и 4) – информация, которая не известна другим об этом человеке. Таким образом:

1 – Открытый сектор. Содержит те сведения о человеке, которые доступны ему самому и окружающим. Эти данные проявляются в ходе свобод-

ного и открытого обмена. Этот сектор увеличивается по мере укрепления доверия между людьми. **Большой открытый сектор** – это идеальная сфера общения, предполагающая открытое и прямое поведение личности. Чувства и мнения человека понятны окружающим, он вызывает больше доверия и меньше опасений в манипулировании и «закулисных играх». Естественно, подобное поведение требует ответной открытости собеседника.

2 – Слепой сектор. Содержит информацию о человеке, которая имеется у других людей, но неизвестна ему самому. Проявление внешней активности, на которую он не обращает внимания, его личные особенности, которые он не осознаёт, но которые фиксируются другими. **Большой слепой сектор** – человек даёт обратную связь, но информацию о себе не может или не хочет принимать. Такой часто критикует других, но по разным причинам он плохой слушатель, и подобное общение неэффективно.

3- Скрытый сектор. Представляет сведения человека о себе, которые ему известны, но которые по тем или иным причинам скрываются от окружающих (из-за боязни потерять уважение и др.). **Большой скрытый сектор** описывает «выпытывающую» личность – человека, который запрашивает информацию, но сам добровольно её не выдаёт. Такие люди часто вызывают у окружающих недоверие и раздражение.

4 – Неизвестный сектор. Включает все данные о человеке, которые ни ему самому, ни окружающим не известны. Это информация о тех личностных особенностях и возможностях человека, которые не проявляются в обычной обстановке и могут оставаться невыявленными на протяжении всей его жизни. **Большой неизвестный сектор** представляет человека, который по большому счёту загадка как для окружающих, так и для самого себя. В процессе полноценного общения есть вероятность открытия в себе нового, установления новых связей, лучшего самопознания.

Отсутствие обратной связи делает взаимодействие людей неуправляемым. Развитие умений выдавать обратную связь в правильной форме, формировать установку на восприимчивость информации о других и самораскрытие ведёт к большей открытости в отношениях, лучшему пониманию партнёров и, как следствие, повышает эффективность общения.

Оптимальная – диалогическая – коммуникация не предполагает простого молчаливого соприсутствия. Важно корректное слушание и умение задавать вопросы. Это специфические коммуникативные навыки, требующие определённых психологических энергозатрат. Устанавливать взаимоотношения помогают информационные (открытые), зеркальные и эстафетные вопросы (Емельянов, 1991). И конечно, успешность общения предопределяется умением слушать собеседника. Слушание тоже бывает разным. Некоторые социальные психологи говорят о рефлексивном и нерефлексивном слушании. Или же упоминают три основные разновидности:

активное, пассивное и эмпатическое слушание. **Активное слушание** – та разновидность, в которой на первый план выступает отражение информации; наибольшую ценность имеет в деловых переговорах и в конфликтных ситуациях, когда необходимо заявить и придерживаться позиции коммуникативного равенства. Активное слушание предполагает (Шевандрин, 1995): 1) правильную установку («В настоящий момент ты – самый важный собеседник для меня»); 2) правильное поведение: внутриличностное (выражающееся в полном внимании, отсутствии дополнения и осторожной интерпретации) и межличностное (использующее пересказ – повторение рационального содержания высказывания своими словами и вербализацию – повторение своими словами эмоционального содержания). **Пассивное слушание** оправдано в тех ситуациях, когда партнёр пребывает в состоянии аффекта, и важно дать ему понять, что он не один, что вы его понимаете, принимаете и готовы поддерживать. Лучшей технологией здесь оказывается так называемая «угу-реакция». **Эмпатическое слушание** позволяет отразить и пережить те же чувства, которые испытывает партнёр, понять его эмоциональное состояние, может быть – личностную проблему. Состояние эмпатического слушания – это состояние души без фильтров, наиболее естественное состояние человека с высокой самооценностью, когда он достигает резонанса с душой другого человека и одновременно продолжает оставаться самим собой (Столяренко, 1997).

Эффективные приёмы слушания (Лавриненко, 1995).

1. Не уходите от ответственности за общение. Помните, что в общении участвуют как минимум два человека, которые попеременно говорят и слушают. Если вам неясно, о чём говорит собеседник, дайте ему об этом знать: или уточняющими вопросами, или переформулировав сказанное с просьбой поправить вас. Ведь никто не узнает, что его не понимают, если ему не сказать об этом.

2. Будьте физически внимательны, то есть слушайте собеседника всем телом: повернитесь лицом к говорящему, поддерживайте с ним визуальный контакт, найдитесь на таком расстоянии от собеседника, которое удобно для обоих, убедитесь в том, что ваши поза и жесты свидетельствуют о том, что вы внимательно слушаете. Помните, что говорящий хочет общаться не с каменной стеной, а с мыслящим и чувствующим человеком.

3. Сосредоточьтесь на том, что говорит собеседник. Любой человек может удерживать сконцентрированное внимание в пределах только нескольких минут (об этом неплохо бы помнить и говорящему).

4. Старайтесь понять не только смысл слов, но и чувства собеседника: наблюдайте за невербаликой говорящего, проникайте в смысл его интонации, мимики, жестов, поз. Следите за тем, способствуют ли невербальные сигналы усилению речи говорящего или противоречат словесному содержанию.

5. Придерживайтесь одобрительной установки по отношению к собеседнику. Любая отрицательная установка со стороны слушателя вызывает у коммуникатора излишнюю напряжённость или, напротив, неуверенность и вялость. А почувствовав одобрение, он точнее выразит то, что хочет сказать.

6. Старайтесь не только понять, что переживает и что хочет сказать собеседник, но и выразить понимание. Эмоциональное одобрение говорящего помогает слушающему точнее понять сообщение.

7. Слушайте самого себя. Если вы озабочены или раздражены и ведёте внутренний диалог, вы не способны услышать, что говорят другие. Слушать себя особенно важно для обеспечения своей готовности слушать других.

Типичные ошибки слушания, которых следует избегать.

1. Не притворяйтесь слушающим; отсутствие интереса и скука неминуемо проявятся в мимике или жестах, и вас быстро разоблачат. А притворство в таких случаях рассматривается как оскорбление. Гораздо лучше откровенно признаться, что в данный момент вы не можете слушать, сославшись на действительные причины.

2. Не перебивайте без надобности. Большинство людей перебивают друг друга неосознанно. Если вы кого-то перебили, постарайтесь тут же восстановить ход мыслей собеседника.

3. Не делайте поспешных выводов. Появившаяся у вас субъективная оценка заставляет собеседника занять оборонительную позицию, что сразу же возводит преграду для конструктивного общения.

4. Не возражайте поспешно. Мысленно не соглашаясь с каким-то доводом, вы обычно тут же начинаете формулировать возражение, перестаёте слушать дальнейшее и ждёте очереди высказаться. Но не исключено, что вы повторите ход мыслей собеседника. Поэтому выслушивайте оппонента внимательно и до конца, а только затем излагайте возражения.

5. Не задавайте одновременно слишком много вопросов. Это подавляет собеседника, отнимает у него инициативу и целеустремлённость, вынуждает занять оборонительную позицию.

6. Не претендуйте на эмоциональную пронизательность («Я прекрасно понимаю ваши чувства!»). Это снижает доверие к вам. Лучшим свидетельством того, что вы внимательно слушаете, будут замечания-констатации: «Вы чем-то разочарованы», «Да, это очень обидно» и т.п.

7. Не давайте непрошенных советов. Обычно это замена реальной помощи. Прежде всего, необходимо установить, чего хочет собеседник: получить конкретную информацию или совместно поразмышлять.

4.5. Общение как интеракция

Вычленение «отдельного» взаимодействия из многопланового, целостного явления общения представляет значительные трудности. Пожалуй, главное содержание общения – это организация взаимодействия и воздействия на партнёра. Мы реагируем на действия другого человека и описываем общение часто именно в терминах действия. Нам, к примеру, может казаться, что партнёр нас к чему-то подталкивает, а мы сопротивляемся; или что наши действия «заодно»; или что другой человек затрагивает наши интересы, и мы их отстаиваем.

Существует несколько видов социальных мотивов, то есть мотивов, по которым человек вступает во взаимодействие с другими людьми:

- 1) максимизации общего выигрыша (*мотив кооперации*);
- 2) максимизации собственного выигрыша (*индивидуализм*);
- 3) максимизации относительного выигрыша (*конкуренция*);
- 4) максимизации выигрыша другого (*альтруизм*);
- 5) минимизации выигрыша другого (*агрессия*);
- 6) минимизации различий в выигрышах (*равенство*).

Соответственно перечисленным мотивам можно определить ведущие стратегии поведения во взаимодействии.

1. **Сотрудничество** направлено на полное удовлетворение участниками взаимодействия своих потребностей (реализуется либо мотив кооперации, либо конкуренция).

2. **Противодействие** предполагает ориентацию на свои цели без учёта целей партнёров по общению (индивидуализм).

3. **Компромисс** реализуется в частном достижении целей партнёров ради условного равенства.

4. **Уступчивость** предполагает жертву собственными целями для достижения целей партнёра (альтруизм).

5. **Избегание** представляет собой уход от контакта, потерю собственных целей для исключения выигрыша другого.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Существует несколько наиболее распространённых теорий, описывающих и объясняющих межличностное взаимодействие.

1. Согласно **теории обмена** Джорджа Хоманса, люди взаимодействуют друг с другом на основе своего опыта, взвешивая возможные вознаграждения и затраты. Согласно теории обмена, каждый из нас стремится уравновесить вознаграждение и затраты, чтобы сделать наше взаимодействие устойчивым и приятным; поведение человека в настоящий момент определяется

тем, вознаграждались ли и как именно вознаграждались его поступки в прошлом. Эта теория опирается на четыре принципа: 1) чем больше вознаграждается определённый тип поведения, тем чаще он будет повторяться; 2) если вознаграждение за определённый тип поведения зависит от каких-то условий, человек стремится воссоздать их; 3) если вознаграждение велико, человек готов затратить больше усилий ради его получения; 4) когда потребности человека близки к насыщению, он в меньшей степени готов прилагать усилия для их удовлетворения. Согласно Хомансу, с помощью его теории могут быть описаны сложные виды взаимодействий: отношение власти, переговорный процесс, лидерство и т.п. Такое взаимодействие в общем случае больше, чем простой обмен вознаграждениями, и реакция людей на вознаграждение не всегда определяется линейной связью типа: стимул – реакция. Высокие вознаграждения могут приводить к потере активности.

2. Наиболее подробно интерактивная сторона общения исследовалась в рамках *символического интеракционизма*. С позиции теории символического интеракционизма *Джорджа Мида и Герберта Блумера*, поведение людей по отношению друг к другу и предметам окружающего мира определяется тем значением, которое они им придают. Мид рассматривал поступки человека как социальное поведение, основанное на обмене информацией. Он считал, что люди реагируют не только на поступки других людей, но и на предшествующие им намерения. Мы «разгадываем» мысли других, анализируя их поступки и учитывая свой прошлый опыт в подобных ситуациях. Этот процесс сложен, но мы способны его осуществлять, потому что с детства нас учат придавать значение определённым предметам, действиям и событиям. Когда мы приписываем значение чему-то, оно становится *символом*, то есть понятием, действием или предметом, выражающим смысл другого понятия, действия или предмета. Сущность символического интеракционизма заключается в том, что взаимодействие между людьми рассматривается как непрерывный диалог, в процессе которого они наблюдают, осмысливают намерения друг друга и реагируют именно на них. Интерпретация стимула осуществляется в промежутке времени между воздействием стимула и нашей ответной реакцией. Тогда мы связываем стимул с символом, на основе которого определяется ответная реакция. В какой-то мере всё является символом, но слова – наиболее важные символы. Центральная идея интеракционистской концепции состоит в том, что личность формируется во взаимодействии с другими личностями. Механизмом этого формирования является установление контроля действий личности над теми представлениями о ней, которые складываются у окружающих. Эта концепция придаёт слишком большое значение символическим аспектам взаимодействий.

3. *Теория управления впечатлениями Эрвина Гофмана* утверждает, что ситуации социального взаимодействия напоминают драматические спектакли, в которых актёры стремятся создавать и поддерживать нужные впечатления. Э. Гофман разработал теорию управления впечатлениями в социальном взаимодействии. Согласно этой теории, люди сами создают ситуации, чтобы выразить символические значения, с помощью которых они производят хорошее впечатление на других. Эту концепцию принято называть социальной драматургией. По мнению Гофмана, социальные ситуации следует рассматривать как драматические спектакли в миниатюре: люди ведут себя подобно актёрам на сцене, используя «декорации» и «окружающую обстановку» для создания определенного впечатления о себе у других. «Человек действует так, чтобы производить на людей необходимое ему впечатление, под воздействием которого другие станут самостоятельно делать то, что соответствует его собственным замыслам».

4. В рамках *психоанализа Зигмунда Фрейда*, межличностное взаимодействие, в основном, определяется представлениями, усвоенными в раннем детстве, и конфликтами, пережитыми в этот период жизни. Согласно психоаналитической теории, процесс взаимодействия людей воспроизводит их детский опыт. З. Фрейд считал, что люди образуют социальные группы и остаются в них главным образом потому, что испытывают чувство преданности и покорности лидерам. Это объясняется, по мнению Фрейда, не столько качествами лидеров, сколько тем, что мы отождествляем их с могущественными личностями, которых в детстве олицетворяли наши родители. В подобных ситуациях мы регрессируем (возвращаемся) к более ранним стадиям развития. Такой регресс происходит в основном в ситуациях, когда взаимодействие является неформальным или неорганизованным. Исследования показывают, что отсутствие определенных ожиданий способствует укреплению власти лидеров групп.

5. Подход к анализу ситуации общения от позиций, занимаемых партнёрами, развивается в русле *транзакционного анализа Эрика Берна*. В широко известной схеме Берна основными понятиями являются состояния Я и транзакции, то есть единицы взаимодействия, зависящие от репертуара этих состояний. Состояния Я объединяются в следующие категории: 1) состояния Я, сходные с образами родителей; 2) состояния Я, направленные на объективную оценку реальности; 3) состояния Я, всё ещё действующие с момента их фиксации в раннем детстве и представляющие собой архаические пережитки. Неформально проявления этих состояний получили названия Родитель, Взрослый и Ребёнок. Состояния Я – это нормальные психологические феномены, каждый тип по-своему жизненно важен для человека. Ребёнок – это источник радости, интуиции, спонтанных побуждений, творчества. Благодаря Родителю многие наши реакции давно стали автоматическими, что помогает сберечь

массу времени и энергии. Взрослый контролирует действия Родителя и Ребёнка, является посредником между ними, он перерабатывает информацию и учитывает возможности эффективного взаимодействия с окружающим миром.

6. Американские психологи *Стейнберг* и *Миллер* анализируют взаимодействие с позиций **ориентации на контроль и ориентации на понимание**. Ориентация на контроль предполагает стремление контролировать, управлять ситуацией и поведением других, которые обычно сочетаются с желанием доминировать во взаимодействии. Стратегия «контролёра» – стремление заставить партнёра принять свой план взаимодействия, навязать своё понимание ситуации, и довольно часто они действительно достигают контроля над взаимодействием. Ориентация на понимание включает в себя стремление понять ситуацию и поведение других. Она связана с желанием лучше взаимодействовать и избегать конфликтов, с представлением о равенстве партнёров в общении и необходимости достижения взаимной удовлетворённости, а не односторонней. Стратегия «понимателя» - адаптация к партнёру и направленность на равные горизонтальные взаимодействия в отличие от доминирующих позиций «вертикального взаимодействия» «контролёров».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Любое воздействие имеет целью сформировать новые или изменить существующие установки, произвести сдвиг в системе ценностей реципиента: 1) ввести новую информацию в систему взглядов, установок человека; 2) изменить структурные отношения в системе установок, т.е. вводить такую информацию, которая вскрывает объективные связи между объектами, изменяет или устанавливает новые связи между установками, взглядами человека; 3) изменить отношение человека, т. е. произвести сдвиг мотивов. Эффект воздействия на человека зависит от того, какие механизмы воздействия использовались: убеждение, внушение или заражение.

Самый древний механизм воздействия – это **заражение**, он представляет собой передачу определённого эмоционально-психического настроя от одного человека к другому, основан на апелляции к эмоционально-бессознательной сфере человека (заражение паникой, раздражением, смехом и т.п.). Эффект зависит от степени интенсивности эмоционального состояния воздействующего человека и количества слушателей. Чем выше эмоциональный настрой оратора, тем сильнее эффект. Число людей должно быть достаточно большим, чтобы возникало чувство единства с толпой под влиянием эмоционального транса оратора.

Внушение также основано на апелляции к бессознательному, к эмоциям человека, но уже вербальными, словесными средствами, причём оратор не должен быть в эмоциональном трансе, а должен быть в рассудочном со-

стоянии, уверенный и авторитетный. Внушение основано главным образом на авторитетности источника информации, если внушающий не авторитетен, то внушение обречено на провал. Внушение носит вербальный характер, т.е. внушать можно только через слова, но это вербальное сообщение имеет сокращённый характер и усиленный экспрессивный момент. Очень велика здесь роль интонации голоса (90% эффективности зависит от интонации, которая выражает убедительность, авторитетность, значительность слов). Внушаемость – степень податливости внушению, способность к некритическому восприятию поступающей информации, различна у разных людей. Внушаемость выше у лиц со слабой нервной системой, а также у лиц с резкими колебаниями внимания; внушаемы дети, более внушаемы люди с преобладанием первой сигнальной системы. Выделяют три основные формы внушения: 1) гипнотическое внушение (в состоянии гипноза); 2) внушение в состоянии релаксации – мышечной и психической расслабленности; 3) внушение при активном состоянии бодрствования человека. Приёмы внушения направлены на снижение критичности человека при получении информации и использовании эмоционального переноса. Так, приём переноса предполагает, что при передаче сообщения новый факт связывают с хорошо знакомыми фактами, явлениями, людьми, к которым человек эмоционально положительно относится, для того чтобы произошёл перенос этого эмоционального состояния на новую информацию (возможен перенос и отрицательного отношения, в этом случае поступающая информация отторгается). Приёмы свидетельств (цитирование известного лица, ученого, мыслителя) и «апелляция ко всем» («большинство людей считает, что...») снижают критичность и повышают податливость человека получаемой информации.

Убеждение апеллирует к логике, разуму человека, предполагает достаточно высокий уровень развития логического мышления. На людей, которые малоразвиты, порой невозможно логически воздействовать. Содержание и форма убеждения должны соответствовать уровню развития личности, её мышления. Требования к источнику и содержанию убеждающего воздействия: 1) убеждающая речь должна строиться с учётом индивидуальных особенностей слушателей; 2) она должна быть последовательной, логичной, максимально доказательной, должна содержать как обобщающие положения, так и конкретные примеры; 3) необходимо анализировать факты, известные слушателям; 4) убеждающий и сам должен быть глубоко убежден в том, что доказывает. Малейшая неточность, логическое несоответствие могут резко снизить эффект убеждения. Процесс убеждения начинается с восприятия и оценки источника информации: 1) слушатель сравнивает получаемую информацию с имеющейся у него информацией и в результате создается представление о том, как оратор преподносит информацию, откуда он ее черпает, — если человеку кажется, что оратор не правдив, скрывает факты, допускает ошибки, то до-

верие к нему резко падает; 2) создаётся общее представление об авторитетности убеждающего, но, если оратор допускает логические ошибки, никакой официальный статус и авторитет ему не помогут; 3) сравниваются установки оратора и слушателя: если расстояние между ними очень велико, то убеждение может быть неэффективным. В этом случае наилучшей стратегией убеждения является: вначале убеждающий сообщает об элементах сходства со взглядами убеждаемых, в результате устанавливается лучшее понимание и создается предпосылка для убеждения. Может быть применена и другая стратегия, когда вначале сообщают о большом различии между установками, но тогда убеждающий должен уверенно и доказательно разгромить чуждые взгляды. Таким образом, убеждение – метод воздействия, основанный на логических приёмах, к которым примешиваются социально-психологические давления разного рода (влияние авторитетности источника информации, групповое влияние). Убеждение более эффективно, когда убеждается группа, а не индивид. Убеждение основано на логических приемах доказательств, с помощью которых истинность какой-либо мысли обосновывается через посредство других мыслей. Всякое доказательство состоит из трех частей: тезис, доводы и демонстрации. Повторяемость информации может вызывать кумулятивность – постепенное накапливание пропагандистского влияния при систематическом повторении информации в различных вариациях, но эти повторения не должны быть чрезмерными – иначе возникает информационное пресыщение, утомление и отторжение надоедливой информации.

Важным социально-психологическим феноменом является *подражание* – воспроизведение деятельности, поступков, качеств другого человека, на которого хочется походить. Условия подражания: 1) наличие положительного эмоционального отношения, восхищения или уважения к этому человеку – объекту подражания; 2) меньшая опытность человека по сравнению с объектом подражания в каком-то отношении; 3) ясность, выразительность, привлекательность образца; 4) доступность образца, хотя бы в некоторых качествах; 5) сознательная направленность желаний и воли человека на объект подражания (хочется быть таким же). Подражание – важнейший фактор в развитии личности ребенка, но присуще и взрослым в определенной степени. Молодёжь подражает прежде всего тому, что социально ново, и предпочтение часто отдаётся не только образцам социально значимым, но и образцам внешне динамичным, ярким (образцам кино, моды), хотя социально незначимым или даже социально негативным по своей сути (Столяренко, 1997).

МЕТОДЫ, СРЕДСТВА И ПРИЁМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Психологическое воздействие, которое оказывают люди друг на друга, предполагает, что происходит изменение механизмов регуляции поведения и дея-

тельности человека.

В качестве *средств воздействия* используются:

1) *вербальная информация*, слово, но следует учитывать, что значение и смысл слова могут быть разными для разных людей и оказывать разное воздействие (тут влияют уровень самооценки, широта опыта, интеллектуальные способности, особенности характера и типа личности);

2) *невербальная информация* (интонация речи, мимика, настроение, поведение, степень доверия собеседника);

3) *вовлечение человека в специально организованную деятельность*, ибо в рамках любой деятельности человек занимает определённый статус и тем самым закрепляет определённый тип поведения (так, изменение статуса во взаимодействии приводит к изменению поведения, а также реальные переживания, связанные с реализацией определённой деятельности могут изменить человека, его состояние и поведение);

4) *регуляция степени и уровня удовлетворения потребности* (если человек признаёт право за другим человеком или группой регулировать свой уровень удовлетворения своей потребности, тогда изменения могут происходить; если не признаёт, воздействия не будет как такового). Каждый тип воздействия (убеждение или внушение) имеет несколько разных средств воздействия; так, заражение = невербальное эмоциональное воздействие + частично вербальный компонент, а убеждение = вербальный + эмоциональный + вовлечённость в деятельность.

Приём воздействия – совокупность средств и алгоритм по их использованию. **Методы воздействия** – совокупность приёмов, реализующих воздействие на 1) потребности, интересы, склонности – т.е. источники мотивации активности, поведения человека; 2) на установки, групповые нормы, самооценки людей – т.е. на те факторы, которые регулируют активность; 3) на состояния, в которых человек находится (тревога, возбужденность или депрессивность ит.п.) и которые изменяют его поведение.

1) Методы воздействия на источники активности направлены на **формирование новых потребностей или изменение побудительной силы имеющихся мотивов** поведения. Чтобы сформировать новые потребности у человека, применяются следующие приёмы и средства: вовлекают его в новую деятельность, используя желание человека взаимодействовать с каким-то определённым лицом («Все равно куда, лишь бы с тобой быть»), либо вовлекая всю группу в эту новую деятельность и используя мотив следования дисциплинарным нормам («Я должен, как и все в группе, делать то-то»), либо используя желание ребёнка приобщиться к взрослой жизни или желание человека к повышению престижа. При этом, вовлекая человека вновь для него, пока ещё безразличную деятельность, полезно обеспечить минимизацию усилий человека по её выполнению – если же новая деятельность для человека слиш-

ком обременительна, то человек теряет желание и интерес к этой деятельности. Для того чтобы изменить поведение человека, нужно изменить его желания, мотивы (хочет уже того, чего раньше не хотел, либо перестал хотеть, стремиться к тому, что раньше привлекало), т.е. произвести изменения в системе иерархии мотивов. Один из приёмов, который позволяет это сделать, – **регрессия**, т.е. объединение мотивационной сферы, актуализация мотивов более низкой сферы (безопасность, выживание, пищевой мотив и пр.) осуществляется в случае неудовлетворения основных витальных потребностей человека (этот прием осуществляется и в политике, чтобы «сбить» активность многих слоёв общества, создав им достаточно трудные условия для пропитания и выживания).

2) Чтобы изменилось поведение человека, требуется **изменить его взгляды, мнения, установки**: создать новые установки, или изменить актуальность существующих установок, или их разрушить. Если установки разрушены, деятельность распадается. Условия, которые этому способствуют: фактор неопределённости – чем выше уровень субъективной неопределённости, тем выше тревожность, тогда пропадает целенаправленность деятельности. Неопределённость в оценке личных перспектив, в оценке своей роли и места в жизни, неопределённость значимости затраченных усилий в учёбе, в труде (если хотим обесмыслить деятельность, уменьшаем значимость усилий), неопределённость поступающей информации (её противоречивость, неясно, какой из них можно доверять), неопределённость моральных и социальных норм – всё это вызывает напряжённость человека, от которой он пробует защититься: 1) пытаясь переосмыслить ситуацию, 2) осуществляя поиск новых целей, либо 3) уходя в регрессивные формы реагирования (пьянство, безразличие, апатия, депрессия, агрессия и пр.) Франкл писал: «Самый тяжёлый вид неопределённости – неопределённость окончания неопределённости». **Метод создания неопределённых ситуаций** позволяет ввести человека в состояние «разрушенных установок», «потери себя», и если потом показать человеку путь выхода из этой неопределённости, он будет готов воспринять эту установку и реагировать требуемым образом, особенно если будут произведены внушающие манёвры: апелляция к мнению большинства, обнародование результатов общественного мнения в сочетании с вовлечением в организуемую деятельность. Таким образом, метод создания неопределённости позволяет произвести изменение целевых, смысловых установок и последующее коренное изменение его поведения и целей. **Метод ориентирующих ситуаций**, когда практически каждый человек какое-то время побывал в одной и той же роли, в одной и той же ситуации, испытал одинаковые требования к себе и к своей деятельности, как и все остальные люди из его окружения или группы, – это позволяет всем выработать одинаковое требуемое отношение к этой ситуации, изменить своё поведение в данной ситуации в требуемом направлении.

нии. **Требуемая социальная установка формируется** у человека: 1) если он периодически включается в соответствующую деятельность; 2) многократно получает соответствующую информацию; 3) если его включают в престижную, значимую для него группу, в которой эта позиция, эта установка поддерживается (например, лидеров рабочего движения включают в актив фирмы, на престижный пост, после чего они довольно быстро усваивают требуемые администрацией установки и позиции – этот приём известен с древности и назывался «**кооптация**»).

Для того чтобы сформировать установку на требуемое отношение или оценку того или иного события, используется метод **ассоциативного** или **эмоционального переноса**: включить этот объект в один контекст с тем, что уже имеет оценку, или вызвать моральную оценку, либо определённую эмоцию по поводу этого контекста (например, в западных мультиках опасные и плохие инопланетяне изображались с советской символикой, отсюда мог произойти перенос «Все советское – опасное, плохое»). Для того чтобы усилить, актуализировать требуемую установку, но способную вызвать эмоциональный или моральный протест человека, часто используется приём **«совмещения стереотипных фраз с тем, что хотят внедрить»**, поскольку стереотипные фразы снижают внимание, эмоциональное отношение человека на какой-то момент, достаточный для срабатывания требуемой установки (этот приём используется в военных инструкциях, где пишут: «Запустить ракету в объект Б» (а не в город Б), поскольку стереотипное слово «объект» снижает эмоциональное отношение человека и усиливает его готовность выполнить требуемый приказ, требуемую установку). Для изменения эмоционального отношения и состояния человека к текущим событиям эффективен приём **«воспоминания горького прошлого»** — если человек усиленно будет вспоминать прошлые неприятности, «как было плохо до того, как...», увидев прошлую жизнь в чёрном свете, происходит произвольное снижение дисгармоничности, снижение недовольства человека сегодняшним днем и создаются «розовые иллюзии» на будущее. В нашей стране этот приём применялся неоднократно. Для разрядки отрицательного эмоционального состояния людей в требуемом направлении и с требуемым эффектом с древности используется приём **«канализации настроения»**, когда на фоне повышенной тревожности и фрустрации потребностей людей, видя рост возмущения и недовольства людей действиями правителей, провоцируется излияние гнева толпы на людей, которые лишь косвенно или почти не причастны к возникновению трудностей, но выступали «козлами отпущения» или громоотводом, позволяющим отвести гнев толпы от правителей в нужное направление для самого правителя. Поисками «виноватых стрелочников» до сих пор решают аналогичные задачи воздействия на людей.

Если все три фактора (и **мотивация**, желания людей, и **установки**, мнения, и **эмоциональные состояния** людей) будут учтены, тогда воздействие будет наиболее действенным как на уровне отдельного человека, так и на уровне группы лиц. В каждой группе существуют свои групповые нормы, которые определяют, регулируют поведение членов группы и группы в целом. Чтобы изменить поведение группы, необходимо оказать воздействие и изменить ее групповые нормы. **Активное воздействие на групповые нормы может осуществить лидер**, либо этого можно достичь через **включение группы в иную деятельность**. От чего зависит сопротивление? Оно зависит: 1) от уровня групповой сплочённости; 2) от фиксирования на содержании прежних групповых норм и новых требований; 3) от степени расхождения групповых норм и содержания внедряемых установок и норм. Чем выше все эти факторы выражены, тем сильнее сопротивление. Включив группу в циклическую деятельность требуемого направления и характера, создаются объективные условия необходимости изменения групповых установок, норм, причём, когда всё внимание сконцентрировано на выполнении деятельности, «затушёвывается» факт выработки новых установок и норм, а если имеется «зашумление», то прежние установки не актуализируются, а постепенно стираются. Влиять на групповую сплочённость можно через: 1) осознание группой своей социальной роли или своего отличия от других групп; 2) использование групповых символов, знаков, девизов — поскольку факторы идентификации кого-то с категорией «свой» создают условия роста групповой сплочённости; 3) создание, формирование «мы-чувства», когда человек чувствует себя внутри группы, происходит идентификация себя с определенной группой, что делает человека особо чувствительным к воздействию. Этот эффект «мы-чувства» используют политики, играя в «простонародность», принимая манеры поведения в группе, характерные для нее: через слова, интонации, одежду, культурные нормы. Что определяет, вступят люди в контакт друг с другом или нет, продолжат его или прервут? С точки зрения бихевиористов, это зависит от подкрепления (положительного или отрицательного), которое они могут получить во время контакта. Когда поведение контакта реализуется, то предвосхищается ожидание положительного, позитивного, нужного для человека результата – подкрепления. Если собеседник может дать и даёт ожидаемое, контакт продолжается. Если человек понимает, что не получит ожидаемого, то контакт прекращается. Контакт – это благо, но сопровождается определенными издержками, – сколько сил надо потратить, какой урон можно понести. Отношения только тогда стабильны, если у человека есть уверенность, что объём положительного от контакта выше, чем те издержки, которые он может понести. То есть человек руководствуется «максимализацией выигрыша» (Тиббо, Кейли). Причём человеку желательно быть убеждённым, что другой человек из пользы, которую он приносит вам, не извлечёт выгоды больше, чем ваша» (М. Дойч).

4.6. Трудности и ограничения общения и способы их нейтрализации

При всей своей значимости, полезности и интересности человеческое общение часто связано с различными осложнениями, переживаниями неприятности самого процесса общения, недостижимости поставленных целей и как следствие – постоянными отрицательными эмоциями, боязнью новых контактов, неуверенностью и внутренней напряжённостью во многих ситуациях общения. Описывая поле проблем общения, чаще всего прибегают к понятиям нарушений, трудностей и барьеров общения (Куницына В.Н. с соавт., 2001). Все они возникают непреднамеренно и сопровождаются внутренней напряжённостью и неудовлетворённостью в общении.

Наиболее глубоко переживаемыми являются нарушения общения. **Нарушение межличностного общения** – это двустороннее осложнение общения и отношений, психологическая сторона которого обусловлена такими личностными свойствами общающихся, как эгоизм, подозрительность, авторитарность, неискренность и пр. Нарушения представляют собой наиболее тяжёлые по своим последствиям осложнения общения. Они, как правило, являются следствием разрушающихся отношений в конкретной паре и не распространяются на другие контакты, они трудно устранимы, требуют вмешательства специалиста, корректируются через осознание и изменение системы отношений.

Коммуникативным барьером считается абсолютное или относительное препятствие эффективному общению, субъективно переживаемое или реально присутствующее в ситуациях общения, причинами которого являются мотивационно-операциональные, индивидуально-психологические, социально-психологические особенности общающихся (Залюбовская, 1984). Б.Д. Парыгин предлагает различать два вида социально-психологических барьеров общения: 1) внутренние барьеры личности, связанные с такими образованиями, как нормы, установки, ценности, а также с такими личностными особенностями, как ригидность, конформность, слабоволие и т.д.; 2) барьеры, причина которых – вне личности: непонимание со стороны другого человека, дефицит информации и т.д. Можно говорить о собственно коммуникативных барьерах, препятствующих успешному общению (это прежде всего недостаточное владение социальными техниками ведения беседы, навыками и умениями), и о психологических барьерах, в первую очередь, препятствующих взаимопониманию (предубеждения, предрассудки, социальные стереотипы) и затем уже осложняющих взаимодействие. Коммуникативные барьеры появляются под влиянием внешних факторов со стороны объекта или ситуации взаимодействия. В общении может отражаться различие норм, идеалов, ценностей, правил общения представителей различных социальных общностей (культурных, национальных, профессиональных, возрастных и др.); могут

влиять и такие факторы как отсутствие или неадекватность обратной связи, ошибки в понимании смысла, непринятие во внимание подтекста и т.д.

Промежуточное положение по степени психологической сложности, нервно-психического напряжения субъекта общения занимают *трудности общения*.

В.Н. Куницына предлагает выделять две группы трудностей: 1) субъективно переживаемые, не всегда проявляющиеся в конкретном социальном взаимодействии и не очевидные для партнёра; 2) «объективные», т.е. обнаруживающие себя в условиях непосредственных контактов и снижающие успешность общения и удовлетворённость его протеканием. К субъективно переживаемым трудностям относятся социальная неуверенность, робость, застенчивость, неумение установить психологический контакт. Так называемые объективные трудности – это трудности коммуникативного характера (связанные с психофизиологическими особенностями личности, полнотой владения вербальными и невербальными средствами общения) и коммуникабельного характера (владение нормами, правилами, сформированность психологической культуры общения).

Благоприятность – неблагоприятность общения может быть интерпретирована для индивида в субъективном и объективном значениях. И.Э. Стрелкова предлагает в качестве объективного критерия рассматривать прежде всего содержательную характеристику общения, его влияние на духовное развитие человека, его нравственное совершенствование; в качестве субъективного – эмоциональное самочувствие человека, его субъективную оценку актов общения, удовлетворённость его потребностей в коммуникации. В зависимости от сочетаемости этих характеристик выделяются четыре позиции. Первая: при объективно благоприятных отношениях у индивида возникает субъективная неудовлетворённость ими. Вторая: при объективно неблагоприятных характеристиках общения, когда оно, будучи бессодержательным, антисоциально направленным, отрицательно сказывается на духовном развитии человека, у него отмечается субъективная удовлетворённость им, так как оно выступает для индивида источником положительного эмоционального насыщения, чувства защищённости, самоутверждения. Третья позиция характеризуется тем, что общение объективно и субъективно протекает благоприятно, способствуя духовному росту партнёров и принося им удовлетворённость. И, наконец, четвёртая позиция описывает ситуацию, когда и объективное содержание общения, и его субъективное восприятие складываются неблагоприятно. Психологически для человека затруднения в общении вызывают первая и последняя позиции, порождая субъективную неудовлетворённость (Стрелкова, 1990).

И.П. Шкуратова полагает, что трудности межличностного взаимодействия обуславливаются прежде всего мотивацией общения. Во-первых, ос-

новой характер трудностей определяет направленность мотивации общения. Всегда существует ведущий мотив, задающий тон взаимодействию партнёров, неудовлетворение которого будет создавать ощущение затруднения, даже если объективная цель общения будет достигнута. Второе направление влияния мотивации на трудности общения реализуется через нарушение какой-либо из функций общения (перцептивной, коммуникативной и т.п.). Общеизвестен факт сужения поля ориентации и рассогласования действий под воздействием сверхсильной мотивации. В-третьих, существует особый вид трудностей общения, который состоит в невозможности реализации значимых для личности мотивов с людьми из своего окружения. Это происходит потому, что достижение целей общения, в отличие от других видов деятельности, всегда требует поддержания этих целей со стороны партнёра и помощи в их приближении. Автор убеждена, что изменяя только внешнюю, операциональную сторону общения без раскрытия глубинных мотивационных причин затруднения и их устранения, невозможно гармонизировать человеческое общение (Шкуратова И.П., 1990).

В.А. Лабунская предлагает группировать трудности общения по пяти факторам: 1) экспрессивно-речевые характеристики, 2) социально-перцептивные явления, 3) виды отношений, 4) формы обращения, 5) условия общения. Причём оценки трудностей в общении предлагается прикладывать отдельно к перечню трудностей как характеристик партнёра общения и отдельно – к перечню трудностей как характеристик самого субъекта общения (Лабунская, 1990).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ

Н.И. Шевандрин для удобства выделяет следующие три основные группы проблем общения, обозначенные по аналогии с тремя уровнями установки, известными в социальной

психологии:

- представления, деструктивно влияющие на процесс общения;
- эмоциональные переживания, затрудняющие процесс общения;
- поведение, осложняющее процесс общения. Такое деление является весьма условным, потому что трудности, возникающие на одном из уровней, затрагивают и остальные.

Установки, затрудняющие процесс общения. Проблемы общения, вызванные неадекватными социальными установками, являются распространенными, но в то же время легко поддаются коррекции. Социальные установки, лежащие в основе трудностей общения, обычно содержат в себе неадекватные, идеализированные представления о межличностных отношениях в целом, и особенно с представителями противоположного пола. Среди упомянутых представлений можно выделить такие, как абсолютизированные идеи социаль-

ной справедливости, представления о собственном превосходстве, завышенные требования к окружающим и отсутствие критических требований к самому себе. Одним из наиболее успешных способов изменения неадекватных социальных установок является предложение клиенту задуматься о причинах поведения других людей. Можно предложить ему специально понаблюдать за теми из его окружения, кто особенно непонятен, неприятен или досаждают; предложить подумать, каковы причины тех или иных поступков, определить, какие «кошки скребут» у них на душе, чем вызвана молчаливость одного, вспыльчивость другого, подозрительность и грубость третьего. Часто бывают ситуации, при которых в основе трудностей общения лежат ригидные, стереотипные представления о лицах противоположного пола. Тогда люди приходят уже с уверенностью в том, что их обязательно постигнет неудача. Типичными вопросами для них являются следующие: ну как можно доверять мужчинам? О чем можно говорить с женщиной? Стереотипные суждения о мужественности и женственности мешают добиться взаимопонимания между партнёрами. Женский паттерн (представление окружающих о роли женщины во взаимоотношениях с мужчинами) – демонстрация холодности и неприступности в отношениях с мужчиной, стремление ничем не проявить свою заинтересованность в партнёре с тем, чтобы не уронить своего достоинства, своей «женской гордости», сочетающейся с жёсткими требованиями к мужчинам. По мнению таких женщин, их партнёр должен быть активным, иметь определенные профессиональные достижения и относиться к женщине, как рыцарь. Мужской вариант также примитивен, прямолинеен и ригиден: женщина должна быть красивой, нежной, отзывчивой, но одновременно независимой, нетребовательной, чтобы мужчина мог не уделять ей слишком много внимания, иметь возможность быть независимым и свободным от неё, уверенным в её любви, верности и привязанности. Для людей, которые придерживаются данных установок в отношениях с женщиной, важным условием являются признание женщиной превосходства мужчин и постоянная поддержка высокой оценки собственной мужественности. Описанные выше традиционные взгляды представляют собой важное препятствие для успешного общения с людьми противоположного пола. Задача консультанта – разрушить эти представления и помочь найти новые пути общения. Для этого можно посоветовать клиенту читать специальную литературу, обсуждать вместе обыденные факты, а также постоянно возвращаться к собственному опыту. Например, консультант может спросить женщину, утверждающую, что если она хоть чем-то покажет мужчине, ухаживающему за ней, что он ей нравится, то она унизит себя: «А как вы думаете, легко ухаживать за человеком, который никак не проявляет свою заинтересованность в вас?» или «Представьте себе, что чувствует ваш партнер, когда он сам просит вас, чтобы вы позвонили, а вы отказываетесь это сделать, не объясняя причин?». Отвечая

на подобные вопросы, клиенту поневоле приходится признать ограниченность и неконструктивность своей позиции. Бывает, что для человека особенности взаимоотношений и представления о нормах оказываются не так важны, как требования к тому, каким должен быть «мой» партнёр. Трудности общения могут быть связаны не только с завышенным уровнем притязаний, но с неумением прощать или не замечать досадные мелочи и огрехи, со склонностью воспринимать их как нечто серьезное, направленное лично против клиента. Для таких людей характерны суждения типа: «Какая же она женщина, если не умеет готовить» или «О чём с ним говорить, если он не читал...». Эти реплики, во-первых, исключают возможность дальнейшего совершенствования и улучшения другого; во-вторых, приравнивают какое-то одно ограниченное качество ко всему многообразию проявлений человеческой личности; в-третьих, произносятся с позиции превосходства по отношению к другому, причём отсутствуют сомнения по поводу таких оценочных суждений.

Эмоциональные переживания, осложняющие процесс общения. Являются более сложными для психологического анализа, чем анализ установок. Различные эмоциональные состояния, которые затрудняют общение, связаны с личностными особенностями. Переживания, возникающие у людей, весьма разнообразны. Среди них можно выделить следующие жалобы: «Я чувствую себя очень напряжённо», «Мне кажется, что я в компании лишний», «Я стесняюсь». Для анализа и уточнения этих переживаний опытный психолог задаёт ряд вопросов типа: «А почему вынапрягаетесь? Чего вы боитесь?», «Что именно вы чувствуете, когда окружающие обращают на вас внимание или начинают внимательно прислушиваться к вашему мнению?». Такие вопросы позволяют понять причины того или иного поведения. Область переживаний и чувств, испытываемых людьми при общении, велика, но обобщив возможные варианты, можно свести всё разнообразие к следующему набору: ощущение себя хуже других, переживание своей ущербности по сравнению с окружающими, страх оценки или неуспеха, чрезмерные требования клиента к себе и к окружающим, завышенный уровень притязаний и т.п. Приведём примеры упражнений, направленных на более глубокое понимание себя и способствующих, таким образом, изменению поведения. *Проигрывание роли.* Участвующему в терапии предлагается сыграть роль другого в процессе общения. При этом лучше всего играть роль того человека, который является образцом в общении, на кого клиент хотел бы быть похожим. Сыграть роль – это значит вести себя по возможности сходно, употреблять те же слова и выражения и т.д. Лучше всего, чтобы это происходило в группе, в которой отсутствует объект подражания; при этом перевоплощение может быть наиболее полным. Испытуемому предлагается рассказывать то, что обычно рассказывает о себе его модель от первого лица. Мотивировать, зачем

даётся такое задание, можно следующим образом: «У каждого человека в глубине души таятся актерские способности, и если уж вам самому не дано стать другим, попробуйте сыграть роль другого, пережить то, что испытывает он (она). Опыт, полученный таким образом, поможет вам понять самого себя, и к тому же вы сможете точно решить, стоит ли вам быть таким, как ваш идеал. Возможно, у вас есть какие-то способности, которые вам стоит попробовать использовать в процессе общения, а проигрывая роль другого, вы сможете с большей легкостью их в себе обнаружить». Эта техника направлена на расширение представления человека о себе и на дискредитацию возможностей и образа неадекватного идеала. Проигрывая роль другого, человек неожиданно для себя может обнаружить, насколько ценными для него являются собственные качества, проявляемые в общении. *Переориентация.* В этом упражнении не дается чёткого задания или инструкции, а делается попытка переориентировать человека на иное отношение к своим негативным переживаниям, на переосмысление их субъективного смысла. Одним из вариантов может быть беседа о том, что многие люди также испытывают различные трудности общения, а разобравшись в своих переживаниях, можно помочь не только себе, но и окружающим. Другим вариантом переориентации является разговор о ценности негативного опыта, о том, что, преодолев нечто негативное, человек развивается и постигает себя и окружающий мир. Эта техника помогает избежать фиксирования на негативных переживаниях.

Поведение, затрудняющее общение с другими людьми. Важным источником информации о поведении человека является оценка его другими, значимыми для него людьми, на мнение которых человек обычно ссылается сам. Также эту информацию можно получить в разговоре с конкретным человеком. Стараясь объяснить себе и психологу свое поведение в определенных ситуациях, он анализирует свои трудности в сфере общения. В каждом таком примере можно обнаружить ригидность, странность, противоречивость в поведении с другими людьми. Обобщив эти трудности, их можно представить на примерах схем межличностного конфликта, предложенных К. Хорни:

1) чрезмерная направленность на других – гиперактивность в приобретении контактов, что чаще всего воспринимается окружающими как нескромность или навязчивость, чрезмерная демонстративность (много суетится, говорит, звонит);

2) чрезмерная направленность против других – подозрительность, критичность, агрессивность, стремление обвинить, найти правду, навести порядок;

3) чрезмерная пассивность, часто приобретающая форму аутизации, когда человек боится сделать что-то, чтобы не быть осуждённым, посто-

янно анализирует себя и собственные поступки, не стремится устанавливать и поддерживать с другими людьми какие-либо контакты.

При анализе поступков необходимо помнить о том, что в их основе лежат конкретные взгляды, какие-то страхи и тревоги, а само поведение является вторичным. После анализа взглядов и переживаний можно задать следующие вопросы: «Как вы считаете, а как правильно, вести себя в тех ситуациях, которые мы с вами обсуждали?» или «Что вам теперь следует изменить в поведении?». В таких ситуациях психолог должен быть активен, по необходимости сам предлагать какие-то слова и выражения. В некоторых случаях можно разыграть с собеседником «сцену из жизни». Результат этого разговора – лишь ориентир, модель того, как следует вести себя в подобных ситуациях. Кроме индивидуальных бесед с людьми, также проводятся групповые занятия в форме тренинга сензитивности. Они имеют определённые преимущества: в группе человек может получить обратную связь от окружающих непосредственно, а не через те высказывания, которые он слышал о себе когда-то; в группе могут быть отработаны новые формы поведения (человек убеждается в том, что и у других существуют подобные проблемы в общении, а уже за счёт этого уровень тревоги и беспокойства снижается); групповые занятия помогают также найти друзей. Однако психолог должен учитывать, что существуют категории людей, для которых групповые занятия могут оказаться вредными и опасными (люди с физическими дефектами; с разного рода серьёзными личностными невротическими расстройствами, те, кто находится в ситуации тяжёлых, кризисных переживаний и т.д.). Для них необходимы занятия по специальной программе, причём вместе с людьми, находящимися в таком же состоянии. Особенно эффективным бывает сочетание индивидуальной беседы и групповой работы. Часто групповые занятия служат также хорошим стимулом, чтобы более серьёзно заняться своими проблемами и обратиться к психотерапевту (Шевандрин, 1995).

А.А. Бодалёв объединяет различные трудности общения в несколько групп. Первая – группа, в которой преобладает **социально-психологический фактор**. Трудности могут быть вызваны тем фактом, что в общении, как правило, участвует малая группа, члены которой по своим жизненным установкам, по положению, которое каждому из них хотелось бы занимать в группе, по пониманию роли партнёра в их совместном взаимодействии и по обращению с ним могут стоять на диаметрально противоположных позициях. К этой категории трудностей относятся те, которые связаны с процессом вхождения личности в группу (неприятие другого человека, отсутствие интереса к нему, замкнутость, внутренняя скованность, несдержанность). Те, которые связаны с развитием отношений, групповых процессов, с группообразованием, сохранением группового единства (негибкость ролевого поведения, неприятие по-

мощи со стороны партнёра, стремление помогать партнёру без «запроса» с его стороны, декларация псевдообщности и др.). Те, которые связаны с отсутствием, несформированностью средств групповой деятельности (неумение точно и ясно выразить свои мысли, трудности в аргументации, неумение вести дискуссию и т.д.). Те, которые связаны с отношениями, возникающими между формальным и неформальным лидерами группы, за которыми стоят не всегда осознаваемые чувства ревности и соперничества. Также к трудностям, имеющим социально-психологическое происхождение, относятся и возникающие между взаимодействующими людьми барьеры, связанные с различной социальной и этнической принадлежностью.

Вторая группа – та, в которой преобладает **фактор индивидуально-личностных различий**. Общение по-разному деформируется личностными особенностями его участников. К этим личностным особенностям могут быть отнесены: эгоцентризм, когнитивная сложность личности, чрезмерная чувствительность (комплекс лабильных, чувствительных, астеноневротических черт), ярко выраженная тревожность, застенчивость, отчуждённость, одиночество, истероидность, невротизация и др.

В отдельную группу А.А. Бодалёв относит **трудности педагогического общения**. Внутри неё выделяет три основные подгруппы: *информационные трудности* (проявляются в неумении сообщить что-либо, выразить своё мнение, уточнить, добавить, продолжить ответ, завершить мысль, помочь начать говорить, формулировать «узкие», требующие односложных, предсказуемых ответов вопросы и «широкие», проблемные творческие вопросы); *регуляционные трудности* (связанные с неумением стимулировать активность воспитанников); *трудности реализации аффективных функций* (проявляющиеся в неумении одобрять высказывания учащихся, соглашаться с ними, подчёркивать правильность языкового оформления, хвалить за хорошее поведение, активную работу, выразить несогласие с отдельным мнением, недовольство по поводу допущенной ошибки, отрицательно реагировать на нарушение дисциплины). Выявлена зависимость выраженности этих трудностей от степени сформированности у учителя склонности проецировать на воспитанников свои состояния и психические свойства. Если у педагога дефицит эмпатии, децентрации, идентификации, рефлексии, то общение с ним идёт в режиме формальных контактов, а у учащихся происходит деформация развития эмоциональной сферы (Бодалёв, 2001).

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ И ЛИЧНОСТЬ МАНИПУЛЯТОРА

Человеческое общение очень часто своей целью имеет психологическое воздействие и влияние на партнера, то есть осуществляются попытки изменения индивидуумом поведения другого человека, его установок, намерений,

представлений, оценок и т.п. в ходе взаимодействия с ним. Довольно часто в таких случаях используется *скрытое управление* – то есть такое управляющее воздействие инициатора, при котором цель воздействия скрывается от адресата, и тот принимает решение или выполняет действие, запланированное инициатором (Шейнов, 2009). Скрытое управление может производиться с различными целями и намерениями инициатора. Специалисты говорят о трех основных разновидностях скрытого управления: асертивным, альтруистическом и эгоистическом.

1) Ведёт к выигрышу как инициатора, так и адресата – *асертивное* скрытое управление. Асертивность (англ. assertiveness) – это способность человека уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не попирая при этом прав других; асертивным является такое поведение, которое не имеет целью причинение вреда людям.

2) *Альтруистическое* скрытое управление, при котором адресат воздействия оказывается в выигрыше, а инициатор – в проигрыше. Альтруизм (от лат. alter – другой) – правило нравственной деятельности, признающее обязанностью человека ставить интересы других людей выше личных интересов; установка, выражающаяся в готовности приносить жертвы в пользу ближних и общего блага. Также альтруизмом называют поведение человека или группы, основанное на указанном правиле; проявляется оно в добровольной помощи другому человеку, несмотря на риск или жертвы, с которыми эта помощь сопряжена.

3) Выигрыш инициатора при проигрыше адресата – *эгоистическое* скрытое управление, оно же – *манипуляция*. Эгоизм (от лат. ego – я) – это (в противоположность альтруизму) ценностная ориентация субъекта, при которой в его жизнедеятельности преобладают корыстные личные интересы и потребности безотносительно к интересам других людей или социальных групп. В общении и взаимоотношениях эгоизму присуще отношение субъекта к другому человеку как к объекту и средству достижения своих корыстных целей.

Часто скрытое управление преследует социально одобряемые цели. Это относится, в первую очередь, к психотерапевтической и психокоррекционной работе, а также к процессу воспитания. Например, родитель вместо приказов незаметно и безболезненно управляет ребёнком, ненавязчиво побуждая его к полезным для него действиям. Или отвлечение от дурной компании как пример ненасильственного препятствия негативному влиянию. В этих и подобных им случаях адресат воздействия сохраняет своё достоинство и сознание собственного выигрыша, так что такое скрытое управление можно считать созидательным: в выигрыше оказывается адресат или обе взаимодействующие стороны. Асертивное и альтруистическое скрытое управление можно считать созидательными в плане человеческих взаимоотношений; они являются социально одобряемыми. Иное дело – манипулятивное, эгоистическое скрытое управление.

Манипуляция – это скрытое управление в личных целях инициатора, противоречащее интересам адресата воздействия. В повседневных межличностных и массовых контактах манипуляции представлены достаточно широко. Распространенности манипулирования в обществе способствует несколько обстоятельств.

1. Манипуляция как технология скрытого управления даёт власть над людьми. А власть, как известно, сильнейший наркотик. От случая к случаю манипулятор будет наращивать свой опыт и искусность, поскольку каждая победа даёт ощущение власти над людьми и наслаждение этой властью.
2. Распространённости манипулирования способствует и готовый инструментарий – наличие высокой техники манипулирования, накопленной людьми, отлаженные механизмы управления человеком. Э.Фромм писал: «В кибернетическую эру личность все больше и больше подвержена манипуляции. Работа, потребление, досуг человека манипулируются с помощью рекламы и идеологий... Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе; становится полностью «отрегулированным» и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создаёт ему большие неудобства; фактически он уже есть тот, кем он должен быть» (Фромм, 1992).
3. Ещё одним институтом, способствующим манипулятивным тенденциям, являются рыночные отношения. В условиях рынка человек уже не столько человек, сколько потребитель. Рынок стремится обезличить людей, лишить их индивидуальности. Рыночные отношения приводят к формированию такой суммы знаний о человеке, которая необходима лишь для управления им и контролирования его поведения.
4. На манипулятивность оказывают влияние и общекультурные ценностные установки. Они во многом связаны с национальными, социокультурными нормами, с ментальностью. Так, российский исследователь Л.И. Рюмшина считает, что прагматичные и монологичные, так называемые Я-независимые, культуры создают почву для манипуляций. Первые – за счет ориентации на стремление к получению материальной выгоды, монологичные – за счет стремления к контролю над другими и отстранённости от них при сосредоточении на собственном Я. Я-независимые культуры более ориентированы на успех, власть; в этом стремлении они чаще подвергаются риску, неопределённости; поэтому гораздо выше вероятность систематического использования людьми манипуляций при снисходительном отношении к ним всего социума. Я-зависимые культуры ориентируются на установление эмоциональных контактов с окружающими. К этому типу исследователь причисляет и русских. «Слитность Я с другими при выраженности жертвенности и жалости будет препятствовать этому, точно так же, как и преобладание эмоционального над рациональным, значимость любви, стра-

даний и лишений. Исходя из особенностей русского этноса, можно говорить, что предпосылки для использования других в собственных целях отсутствуют в нашей ментальности» (Рюмшина, 2004).

Э.Шостром убежден, что любой человек располагает полным набором манипулятивных техник самозащиты, которые нередко используются и для нападения, то есть «в любом из нас сидит манипулятор» (Шостром, 2002). Среди всего многообразия манипуляторов автор выделяет несколько основных типов.

1. *Диктатор*. Демонстрирует свою силу, доминирует, управляет, отдаёт распоряжения, ссылается на авторитеты, делает всё для того, чтобы руководить своей жертвой. В качестве разновидностей Диктатора могут выступать Мать-настоятельница, Деспот, Босс, Младшие Боги.

2. *Слюнтяй*. Обычно выступает в роли жертвы Диктатора и представляет собой его полярность. Слюнтяй выработал и развил в себе блестящий навык справляться с Диктатором. Он показывает всем свою чувствительность, он забывает, не слышит, он пассивен и молчалив. В качестве его разновидностей могут выступать Мнительный, Непроходимый тупица, Застенчивый, Себе-на-уме.

3. *Калькулятор*. Стремится во что бы то ни стало контролировать и управлять всем и вся. Он вводит в заблуждение, обманывает, пытается перехитрить, провести и надуть, запудрить людям мозги. Таким образом он осуществляет над ними контроль. Разновидности: Настойчивый продавец, Соблазнитель, Покерный игрок, Мошенник, Шантажист, Резонёр.

4. *Прилипала*. Являет собой противоположность Калькулятору. Он подчёркивает собственную зависимость, желает быть ведомым, ищет заботы и готов быть одураченным. Он позволяет другим делать за него его работу. Прилипала проявляет себя в роли Паразита, Нытика, Вечного ребёнка, Ипохондрика, Требующего внимания, Беспомощного.

5. *Задира*. Демонстрирует агрессию, жестокость и недоброжелательность. Он контролирует окружающих при помощи разного рода угроз. Его ипостаси: Унижающий, Ненавидящий, Головорез, Угрожающий. Из женских образов: Стерва, Сварливая баба.

6. *Славный парень*. Демонстрирует окружающим свою заботу, любовь и сердечность. Он просто убивает своей добротой; в каком-то смысле с ним гораздо сложнее справиться, чем с Задирой, ведь вы же не можете нападать на Славного парня! Любопытно, что в любом столкновении или конфликте с Задирой Славный парень почти всегда выигрывает. Предстает в образах: Угодника, Противника насилия, Паиньки, Невмешивающегося, Добродетельного, Человека-Организатора, Того-кто-никогда-не-спросит-что-ты-хочешь.

7. *Судья*. Всё время подчёркивает свою критичность, которая нередко перерастает в скептицизм или критиканство. Он никому не доверяет; он склонен осуждать других, обидчив и злопамятен. Разновидности: Всезнайка, Порица-

тель, Знаток, Коллекционер обид, Обязывающий, Устыдитель, Сравнивающий, Взыскатель, Осуждающий.

8. *Защитник*. Противоположность Судье. Он выражает поддержку и не придирается к недостаткам. Он портит окружающих своим чрезмерным сочувствием и своим нежеланием дать им возможность самостоятельно постоять за себя и самостоятельно себя защитить. Вместо заботы о собственных нуждах он с головой погружается в нужды окружающих, над которыми устанавливает пожизненную опеку. Защитник-сирых-и-убогих, Опекун, Робин Гуд.

Отношения манипулятора с окружающими его людьми складываются на основании вполне определённых закономерностей. Манипулятивные роли комплиментарны. Так, если человек строго придерживается одного из манипулятивных типов, то неизбежно проецирует на окружающих людей его полярность, превращая их тем самым в свои мишени. По мнению Э.Шострома, как ни парадоксально, каждому из нас присущ манипулятивный потенциал.

Но парадокс ещё и в том, что манипулятор сам рано или поздно превращается в манипулируемого, поскольку всегда велика вероятность того, что рядом окажется кто-то умнее, хитрее, беспринципнее тебя, кто захочет «возвыситься» и реализоваться за твой счёт.

Итак, манипуляция – социально неодобряемое действие. Кроме того, она несёт в себе деструктивный потенциал: страдает сам процесс общения, разрушаются межличностные человеческие отношения, негативным трансформациям подвергаются личности людей, причём как адресата, так и самого манипулятора.

ЗАКОНЫ И ПРИЁМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Если нарушения и трудности общения диктуются, как правило, серьёзными психологическими проблемами личности, то многие барьеры в общении возможно преодолеть, используя грамотную коммуникативную технологию; знание и применение на практике конкретных методических приёмов, психологических законов и эффектов помогает выстраивать общение как цепную реакцию взаимных добрых намерений, улыбок, искренней заинтересованности и расположения (Аверченко, Антилогова, 1993). Напомним некоторые из них.

Эффект первой фразы. Его смысл состоит в том, чтобы специально подготовиться, с каких слов начать разговор. Это может быть интересный план вступления или оригинальный факт, вызывающий интерес в данной аудитории. Необходимо проявлять творческий подход к началу выступления, чтобы держать слушателей в эмоциональном и интеллектуальном напряжении.

Секрет Сократа (основан на том, чтобы получить в ответ «да»). Сократ задавал вопросы, с которыми его оппонент был вынужден соглашаться, и до тех пор, пока партнёр, сам того не сознавая, не приходил к выводу, который он так рьяно отрицал. Вынуждайте человека говорить «да» в начале разговора и не давайте ему, если возможно, говорить «нет». Чем больше ответов «да» вы можете получить вначале, тем скорее добьётесь одобрения. Помните: вопросы ставят не только для того, чтобы на них отвечали; аргументируйте вопросами, а не утверждениями; и если вы оппонируете, то только с согласных фраз, используя приём «да – но».

Эффект обвинения. Высказывать нужно только одно обвинение, а не накапливать их, чтобы однажды обрушить все сразу. Критиковать необходимо то, что человек в состоянии изменить. Критике должны подвергаться прежде всего ошибки в работе, а не личные качества оппонента. Причём полезна обратная связь «по горячему следу»; отсроченная межличностная информация по поводу чего-то, происходившего раньше, искажается фактором времени. Свои ошибки, неверный шаг признавайте быстро и решительно, опережая возможную критику.

Способ бумеранга. Состоит в том, что аргумент или тезис оппонента используется против него.

Правило Цицерона. В ходе обсуждения категорически запрещается напоминать оппоненту слова и мысли, которые он высказывал, а затем их опровергать.

Эффект контраста. Не пытайтесь перекричать других при контакте с группой. Полезен будет эффект контраста – чем тише вы будете вести себя по сравнению с группой, тем больше шансов заполучить её внимание.

Эффект отклика или взаимности. Начинайте с темы или вопросов, мнения по которым совпадают и могут вызвать утвердительный ответ.

Секрет Вольтера. В своё время Вольтер справедливо заметил, что секрет быть скучным состоит в стремлении рассказать всё. Отсюда правило: чем короче говоришь, тем больше скажешь. В общении, особенно деловом, всё хорошо в меру – и серьёзность, и ирония, и горячность, и юмор. Кроме того, вас будут слушать только в том случае, если вы умеете слушать.

Метод вигильности (зоркости, бдительности). Когда оппонент ожесточается и отталкивает вас, то лучше уклониться от дискуссии с ним. Вместо спора – уход от словесного поединка, но не упуская того момента, когда произойдёт соударение взглядов противника с реальностью, о которую он набьёт себе шишки.

Фактическое общение. Приём незаметного вхождения в контакт. Начинается разговор с сообщения факта, не имеющего особого значения, но свидетельствующего о воспитанности говорящего, уважении им традиций, обычаев, форм поведения, принятых в данной аудитории. В Англии, напри-

мер, такой темой является «погода», а во Франции говорить о погоде – значит признать свою неспособность говорить о чём-то другом.

Диалог независимых. Каждый говорит на своём «языке», но хорошо понимает «язык» партнёра. Это возможная стратегия взаимопонимания, когда различия между людьми обогащают, а не обкрадывают.

Рост, расцвет и увядание. А. Моруа писал: «Человек устаёт от всего и даже и от любви». Отношения движутся по кругу, проходя закономерные стадии: рост, расцвет, увядание. В общении люди часто испытывают потребность вносить в привычные отношения что-то новое, пусть даже не самое приятное, лишь бы избавиться от однообразия, сбросить груз усталости. Необходимо учитывать и преодолевать трудности взаимоотношений и не видеть в них повода для разлада общения.

Эффект неоднозначности информации. Человеку свойственно избегать информацию, которая вносит диссонанс в систему его стереотипов и установок. В то же время он ищет информацию, которая подтверждает его взгляды, а неоднозначность её истолковывает в свою пользу.

Эффект заключительного слова. Придержитесь к концу спора эффективные или важные сведения. С этой целью лучше заручиться правом на заключительное слово: тот, кто выступает в конце дискуссии, знает все аргументы противника и лишает его возможности ответить.

Эффект зрелищ. Для того, чтобы вас понимали и слушали с постоянным вниманием, одних слов недостаточно. Необходимо какое-либо впечатляющее дополнение. Не менее значимы в общении и иллюстрации: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Поэтому делайте свои идеи зримыми.

4.7. Конфликтная личность и личность в конфликтном общении

Достаточно часто общение людей выявляет разнонаправленность их взглядов, целей, интересов и становится ареной их столкновений. Вызвать конфликт могут не только объективные элементы ситуации, но и некоторые особенности личности участвующих во взаимодействии сторон. В психологии говорят о конфликтных личностях и их типах, хотя классификационные основания предлагаются различные.

КОНФЛИКТНАЯ ЛИЧНОСТЬ

По одной из наиболее распространённых классификаций различают ригидный, демонстративный, сверточный, неуправляемый типы конфликтной личности.

Демонстративный тип. Такой человек характеризуется стремлением быть всегда в центре внимания, пользоваться успехом, хорошо выглядеть в

глазах других, имеет завышенную самооценку. Хорошо приспосабливается к различным ситуациям. Его отношение к людям определяется тем, как они к нему относятся. Ему присуща бурная деятельность в самых разнообразных направлениях, но планирование деятельности осуществляется ситуативно и слабо воплощается в жизнь. Часто он оказывается источником конфликта, но не считает себя таковым; для него конфликт, как для рыбы вода, это – жизнь, среда существования. Ему легко даются поверхностные конфликты, когда есть возможность полюбоваться своими страданиями и стойкостью. Даже при отсутствии каких-либо оснований может пойти на конфликт, чтобы хоть таким способом быть на виду.

Ригидный тип. Слово «ригидный» означает негибкий, непластичный. Люди, принадлежащие к этому типу, отличаются честолюбием, завышенной самооценкой, болезненной обидчивостью, подозрительностью, прямолинейностью, низкой критичностью по отношению к своим поступкам, нежеланием и неумением считаться с мнением окружающих. Они постоянно требуют подтверждения собственной значимости, повышено чувствительны по отношению к мнимым или действительным несправедливостям. Люди этого типа не умеют перестраиваться, то есть учитывать в своем поведении изменение ситуации и обстоятельств. Раз и навсегда сложившееся мнение ригидной личности неминуемо приходит в противоречие с изменяющимися условиями и вызывает конфликт с окружающими. Это те люди, для которых «если факты нас не устраивают – тем хуже для фактов». Поведение их отличается бесцеремонностью, переходящей в грубость.

Сверхточный тип. Это добросовестные работники, особо скрупулёзные, подходящие ко всем (начиная с себя) с позиций завышенных требований. Всякого, кто не удовлетворяет этим требованиям (а таких большинство), подвергают резкой критике. Характеризуются повышенной тревожностью, проявляющейся, в частности, в подозрительности. Отличаются обидчивостью, повышенной чувствительностью к оценкам со стороны окружающих, особенно руководителей. Сдержаны во внешних, особенно эмоциональных, проявлениях. Все эти особенности нередко приводят к неустроенности личной жизни. Такой человек страдает от себя сам, переживает свои просчёты, неудачи, подчас расплывается за них даже болезнями (бессонницей, головными болями и т.п.). Не очень хорошо чувствует реальные взаимоотношения в группе. Личность «сверхточного» типа, которая всегда пунктуальна, придирчива, занудна, хоть и исполнительна, отталкивает людей от себя.

Неуправляемый тип. Люди, относящиеся к этой категории, отличаются импульсивностью, непродуманностью, непредсказуемостью поведения, отсутствием самоконтроля, высоким уровнем притязаний, отсутствием самокритичности, поэтому во многих неудачах, неприятностях склонны обвинять других. Поведение – агрессивное, вызывающее; часто в запале не обращают

внимания на общепринятые нормы. Не могут грамотно спланировать свою деятельность или последовательно претворить планы в жизнь, не умеют соотносить свои поступки с целями и обстоятельствами, а из прошлого, даже горького опыта извлекают мало пользы на будущее.

Иногда эту классификацию дополняют следующими типами.

Бесконфликтный тип. Неустойчив в оценках и мнениях, обладает лёгкой внушаемостью, внутренне противоречив. Для него характерна некоторая непоследовательность поведения. Ориентируется на сиюминутный успех в ситуациях, недостаточно хорошо видит перспективу, зависит от мнения окружающих, особенно лидеров, излишне стремится к компромиссу, не обладает достаточной силой воли. Не задумывается глубоко над последствиями своих поступков и причинами поступков окружающих.

«Рационалист». Расчётливые люди, готовые к конфликту в любой момент, когда есть реальная возможность достичь через конфликт личных (карьеристских или меркантильных) целей. Долгое время могут исполнять роль беспрекословного подчинённого, например, до тех пор, пока не «закачается кресло» под начальником; тут-то рационалист и проявит себя, первым предав руководителя.

«Танк». Это грубый, бесцеремонный человек, идущий напролом, презирающий тонкости взаимоотношений и чужие чувства. Он эгоистичен и уверен в своей правоте, считает, что окружающие должны уступать ему дорогу; не любит, когда кто-то ставит под сомнение его правоту, озабочен своим авторитетом, болезненно самолюбив, настороженно относится к шуткам, которые по содержанию перекликаются с текущей ситуацией, в каждой шутке он усматривает скрытую атаку на его личность и достоинство. Попытки обсудить с ним его отношение к людям (с надеждой что-то исправить) будут тщетны. Все без исключения ваши претензии будут приписаны вашему дурному характеру – ведь многие, с кем он общается, с ним согласны. Такой человек нацелен на дело, люди для него – инструмент. Противостоять таким людям особенно трудно там, где силен дух тоталитаризма, где давление в межличностных отношениях широко распространено. Защититься от «танка» непросто, защитить других тоже очень сложно: богатство аргументации и ораторское искусство не имеют никакого значения и не дадут никакого эффекта; можно сделать некоторые уступки, но в главном нужно стоять на своём, без упреков, обвинений, спокойно держаться своей точки зрения.

«Вата» (безвольный тип). Такой человек производит впечатление приятного и покладистого, он уступчив и стоворчив. Это нравится в начале взаимодействия с ним, но потом часто возникают проблемы: «вата» не выполняет обещанного, соглашается сделать какую-либо работу и не делает ее, у такого типа постоянно возникают непредвиденные обстоятельства, которые мешают выполнению обещанного, кроме того, он не считает нужным вовремя сказать

о таких обстоятельствах. Прояснить с ним отношения основательно довольно трудно, потому что он во всём соглашается. При таком разговоре можно почувствовать себя неуютно, когда приходится упрекать вроде бы доброжелательного и сговорчивого человека. Тем не менее, надо вспомнить несколько его поступков и показать ему, что слова слишком далеки от дел. Этот тип (как и бесконфликтный) является «ситуативным», то есть проявляется только при создании определенной ситуации, в данном случае – это наличие отрицательного влияния на безвольного человека; представители всех остальных типов идут на конфликт сами. Отсутствие собственных убеждений и принципов может сделать безвольного человека орудием в руках лица, под влиянием которого тот оказался. Опасность этого типа происходит из того, что чаще всего безвольные имеют репутацию добрых людей, от них не ждут никакого подвоха, поэтому выступление такого человека в качестве инициатора конфликта воспринимается коллективом так, что его «устаами глаголет истина».

«Обвинитель». Для него весь мир полон дураков, подлецов и бездельников. Но критикует он не устройство мира, а вполне конкретных людей: соседей, водителей автобусов, продавцов, врачей, сослуживцев, начальников, чиновников правительства... Критикует увлечённо, с жаром, со знанием дела, с фактами, выводами и заключениями. Имеет свои чёткие суждения о том, кто как должен жить и работать. Если вы попытаетесь прервать бесконечную обвинительную речь, скорее всего, агрессии не будет, будет лёгкое раздражение: либо вызванное вашей, конечно же, неумелой попыткой обвинять лучше, чем он, либо «вашей близорукостью» и тщетной попыткой оправдать кого-либо. «Обвинителем» движет страстное желание выговориться и быть услышанным. Пытаться сбить его бесполезно, слов своей песни он не забывает. Обычно после одного – двух часов неутомимого раскрытия истины «обвинителю» становится легче, и тогда его можно перебивать, переводить разговор в другое русло. Только не вздумайте хоть малым намеком дать понять, что он в чем-то не прав, или вам показалось, что он высказал не все доводы, он повторит ещё два или три раза, тогда следующей передышки в речи вы будете ждать не менее трёх часов.

«Пиявка». Такой не говорит гадостей, не ругает и не оскорбляет, ни в чём прямо не обвиняет, но после общения с ним ухудшается самочувствие, снижается настроение или появляется чувство усталости, труднее направить мысли в нужное русло. «Пиявка» не считает, что доставляет какие-то неприятности собеседнику, он дарит свое общество и благодарен себе за то, что проявляет инициативу в общении. Умеет подключать собеседника к своим проблемам и заставляет переживать отрицательные эмоции. Если он вял и молчалив, то всё равно доволен собой, и все должны ценить, что он многое прощает. В конце разговора нужно сказать «пиявке» о своих ощущениях, со-

стоянии, о том, как оно менялось по ходу общения. Без оценок и упреков опишите ему, что с вами происходит, как вы себя чувствуете.

Роберт Брэмсон выделяет следующие типы трудных людей, с которыми приходится сталкиваться в деловом общении и взаимодействии:

– **агрессист** – говорящий грубые и бесцеремонные, задирающие других колкости и раздражающийся, если его не слушают; как правило, за его агрессивностью скрывается боязнь раскрытия его некомпетентности;

– **жалобщик** – человек, охваченный какой-то идеей и обвиняющий других (кого-то конкретно или весь мир в целом) во всех грехах, но сам ничего не делающий для решения проблемы;

– **«разгневанный ребёнок»** – человек, относящийся к этому типу, по своей природе не зол, а взрыв эмоций отражает его желание взять ситуацию под свой контроль; например, начальник может вспылить, чувствуя, что его подчинённый потерял к нему уважение;

– **максималист** – человек, желающий чего-то без промедления, даже если в этом нет необходимости;

– **молчун** – держит всё в себе, не говорит о своих обидах, а потом внезапно срывает зло на ком-то;

– **«тайный мститель»** – человек, причиняющий неприятности с помощью каких-то махинаций, считая, что кто-то поступил неправильно, а он восстанавливает справедливость;

– **«ложный альтруист»** – якобы делающий вам добро, но в глубине души сожалеющий об этом, что может проявиться в виде саботажа, требования компенсации и т.п.;

– **«хронический обвинитель»** – всегда выискивающий ошибки других, считая, что он всегда прав, и обвиняя, можно решить проблему.

Поскольку другой человек не в силах изменить ни систему его взглядов и ценностей, ни психологические особенности его нервной системы, то общаясь с таким человеком, необходимо подобрать к нему «ключ», исходя из жизненного опыта и желания не усложнять ситуацию и не доводить человека до стресса. Если же «подобрать ключ» не удаётся, то всегда можно перевести такого человека в разряд стихийного бедствия. Общаясь с такими людьми, необходимо иметь в виду, что у них есть некоторые скрытые нужды, которые, как правило, связаны с прошлыми потерями и разочарованиями, и они удовлетворяют их таким образом. Например, сверхагрессивный человек своей агрессивностью пытается подавить малодушие и пугливость. Следует взять под контроль свои эмоции и дать выход эмоциям этого человека, если есть намерение продолжать с ним общаться. И не принимать на свой счёт слова и поведение данного человека, зная, что для удовлетворения своих интересов трудный человек так ведёт себя со всеми.

КОНФЛИКТНОЕ ОБЩЕНИЕ

Социальная психология и конфликтология, в частности, разрабатывают и рекомендуют множество технологических подходов и приёмов для разрешения конфликтов между отдельными людьми и социальными группами. Предлагается тщательно и безэмоционально оценивать истинные причины, трансформировать условия протекания конфликта, прогнозировать и корректировать возможные действия, стратегии поведения конфликтующих сторон, видоизменять в требуемом направлении образы конфликтной ситуации, имеющиеся у участников противостояния и т.п. Кроме того, достаточно эффективно попытаться избегать типичных ошибок взаимодействия, неизбежно приводящих к конфликту. Так, например, имеют место следующие ошибки учителя, приводящие к педагогическому конфликту (Станкин, 1996).

1. Неумение правильно поставить и сформулировать цель управления.
2. Неумение учитывать в работе с детьми их индивидуальные и возрастные особенности.
3. Недостаточный общий кругозор.
4. Бестактность, а иногда грубость со стороны педагога.
5. Неправильное стимулирование учащихся поощрением и наказанием.
6. Неспособность опираться в работе на неформальные объединения учащихся.
7. Неверное отношение учителя к критике.
8. Искажение восприятия конфликтной ситуации (Мелибруда, 1986) – иллюзия собственного благородства, «поиск соломинки в глазу» другого, использование двойной этики, неоправданное упрощение ситуации («всё ясно!»).

Кроме того, в конфликтном общении можно усмотреть творческий потенциал. Отношение к конфликту в обществе традиционно однозначное – это неприятная, напряжённая ситуация, возмущающая эмоциональный покой человека, грозящая возможными деструктивными последствиями (стресс или иные негативные эмоциональные состояния, потери, насилие и т.д.), чреватая ухудшением или полным разрывом взаимоотношений с окружающими, которыми часто оказываются близкие, значимые для нас люди. Такое отношение к конфликтам оправдано, но является односторонним, узким, стереотипным, а потому не должно быть единственно возможным. Гораздо реже, но всё же иногда нам удается ассоциировать конфликт с успехом победителя, радостью решения проблемы, удовлетворенной успокоенностью и расслаблением, переменами к лучшему, расширением и обновлением взаимоотношений, повышением энергии и общего жизненного тонуса. Специалисты-конфликтологи убеждены, что в силах самих людей обратить негативную ситуацию в позитив, из разрушительной трансформировать в конструктивную, и что подоб-

ные последствия конфликта могут стать привычными, если мы научимся грамотно его разрешать.

Кроме того, не подвергая сомнению важность овладения техникой предупреждения и эффективного разрешения конфликта, заметим, что конфликтная ситуация заключает в себе обширные творческие возможности. Достаточно только изменить наше восприятие конфликта, рассматривать его как требующую разрешения проблемную ситуацию, как нераскрытую возможность – и конфликт становится обширным полем реализации творческих потенций его участников. Творчество может проявляться как в отношении к конфликту в целом, так и на отдельных его этапах: выявления причин, выбора стратегии разрешения и стиля поведения в конфликте, отбора конкретных методов и средств.

Отказ от традиционного, стереотипного отношения к конфликту может привести, например, к осознанию его полезности по многим пунктам. Так, не вызывает сомнений, что выигрыш в противоборстве повышает нашу самооценку, утверждает во мнении о собственных недюжинных способностях, и в первую очередь – интеллектуальных, способствует росту чувства собственного достоинства и уровня притязаний и тем самым провоцирует дальнейшую активность. В этой связи некоторые люди инициируют конфликтные ситуации и используют их для доказательства собственного превосходства – те, кого мы относим обычно к категории «конфликтёров», или подростки, которые отстаивают свою взрослость в бесконечных конфликтах с родителями и педагогами. Другая творческая возможность заключается в том, что конфликт для нормального человека – ситуация нестандартная, необыденная; эмоциональная вовлеченность часто снимает многие барьеры контроля над собой; поэтому человек в конфликте предстает с новой, незнакомой стороны. Следовательно, в подобных случаях предоставляются возможности более глубокого познания себя самого и своего партнёра в процессе конфликта. Ещё одно соображение полезности связано с тем, что конфликт может считаться каналом эмоциональной разрядки, выплеска «складируемых» внутри себя негативных чувств, накопившегося раздражения. Конечно, когда внутренний конфликт выливается во внешний, разговоры о его полезности сомнительны. Но с определённой точки зрения, такая трансформация оправдана: психологически внутренний конфликт переживается намного тяжелее и некоторые последствия его для человеческой психики гораздо опаснее. То есть привычную мысль о том, что стресс – это результат, последствие конфликта, переворачиваем с точностью «до наоборот»: конфликт – это возможность избавиться от стресса; и в таком случае констатируем его полезность. Наконец, конфликтная ситуация не только возмущает наше эмоциональное спокойствие, но и заставляет работать мозг. Даже если человек не ставит перед собой развивающих задач выяснения причин разногласий и более полного познания партнё-

ра, то во всяком случае он старается найти лучший вариант решения проблемы и выхода из неприятной ситуации. Это означает, что конфликт активно стимулирует мыслительную деятельность, развивает интеллект; бесспорно, в этом большая польза.

Широкие возможности для творчества заключает в себе процесс поиска причин разногласий. Этот процесс должен стать первым этапом управления конфликтом. Конфликт может явиться результатом несовпадения желаний, интересов, разноплановости установок и оценок, различий во мнениях и ценностных ориентациях, недостаточного общения и непонимания, участия в межгрупповых конфликтах, неверной интерпретации чьих-либо действий и поведения; причина может быть и внутреннего характера: она может заключаться в собственных страхах и нерешительности человека. Здесь стоит заметить, что есть моменты, ограничивающие творчество. В выявлении причины мы далеко не всегда объективны. Во-первых, в соответствии с довольно хорошо изученным в социальной психологии механизмом каузальной атрибуции наши объяснения поступков, суждений, чувств другого субъекта подвержены стереотипизации: трактовка будет зависеть от того, какой из схем причинности отдаёт неосознанное предпочтение сам человек. Во-вторых, наша интерпретация поведения противной стороны может быть ошибочной, субъективной, поскольку в ситуации конфликта практически невозможно избавиться от эмоциональной вовлечённости, собственной аффективности, поэтому трудно отстраниться и трезво оценить ситуацию. В-третьих, и о своих личных причинах включённости в конфликтную ситуацию мы не всегда способны судить непредвзято, так как многие «неблаговидные» желания и стремления наше сознание вытесняет в рамках защитных механизмов. Предлагаемый многими специалистами как наиболее оправданный, оптимальный, эффективный в разрешении конфликтов рационально-интуитивный метод может использоваться уже на начальном этапе – в процессе поиска причины. При этом интенсивно задействуются интеллектуальные ресурсы, тренируется логика, процесс обогащается за счет творческих способностей и привлечения интуиции. Разумеется, иметь представление о наиболее общих причинах конфликтов полезно, но выявление конкретной причины, тем более обнаружение причин скрытых являет собой творческий поиск.

Итак, если мы рассматриваем конфликт как задачу, требующую решения, то пытаемся определить причину конфликта и включаемся в следующий этап – выбора и применения соответствующих методов и техник решения проблемы. Этот этап тоже может иметь творческий характер. Так, для анализа причин рекомендуют метод творческой визуализации, для выработки необходимой внутренней мотивации и усиления контроля предлагают использовать техники преодоления отрицательных эмоций и волевого мышления, для определения ведущих нужд и интересов, а также выяснения позиций ча-

сто применяют взаимное обсуждение, при поиске альтернатив эффективен метод мозгового штурма, для повышения объективности и беспристрастного оценивания желательнее прибегнуть к помощи посредника или консультанта. Творческий потенциал несёт в себе и выбор определенной поведенческой стратегии, или стиля поведения в конфликте. Основных *стратегий* выделяют пять: *уход, подавление, приспособление, компромисс и сотрудничество*, или как иначе называют эту стратегию – подход «выиграть/выиграть». Это общепринятая классификация стилей разрешения конфликта, базирующаяся на методе Томаса-Килменна, 1972.

Каждый человек в силу специфических индивидуальных особенностей, как правило, имеет склонность к тому или иному типу реакций на конфликт. Некоторые исследователи считают, что такое предпочтение объясняется личным опытом и воспитанием человека, и то, что мы воспринимаем естественной цепью реакций на любой конфликт, на деле является «конфликтной привычкой», полученной в детстве. Творческий подход предполагает разрушение подобных стереотипов. Для принятия решения об использовании той или иной стратегии необходимо всесторонне оценить ситуацию и сознательно выбрать наиболее подходящий вариант. Ведь сталкиваясь с конкретным конфликтом, мы обычно определяем для себя соотношение той меры, в которой стараемся удовлетворить собственные интересы, и меры, в которой готовы удовлетворять интересы другой стороны. Кроме того, мы полагаем, что креативность субъекта в выборе того или иного стиля конфликтного поведения выступает в качестве сферы приложения и одной из сторон интегральной личностной креативности. Такой показатель креативного мышления и общения, как широта, проявится в таком случае в одинаково успешном владении всеми возможными стилями. Гибкость отразится на своевременном и эффективном переходе от одного типа реакции к другому. Оригинальность можно оценить по нестандартности, нешаблонности в реализации приёмов и техник.

Одним из благоприятных для приложения творческих возможностей методов является подход «выиграть/выиграть» (Корнелиус, Фэйр, 1992). Несмотря на кажущуюся идеалистичность, труднодостижимость такого подхода, многие западные организации-посредники в делах разрешения конфликтов и улаживания споров достигли больших успехов. Данный подход делает из оппонентов партнёров, означает поиск путей для вовлечения всех участников в процесс разрешения конфликта и стремление к удовлетворению нужд всех, ведёт к успеху в делах и личной жизни. Основные задачи при реализации подхода «выиграть/выиграть».

- Определить потребности всех участников.
- Постараться их удовлетворить.
- Признавать ценности других, равно как и собственные.
- Стремиться к объективности, отделяя проблему от личностей.

- Искать творческие и неординарные решения.
- Не щадить проблему, щадить людей.

Взгляд на конфликт как на проблему, которая может быть обращена в некоторые возможности, позволяет увидеть пути личностного, межличностного, организационного роста и совершенствования, наиболее полно реализовать творческий потенциал личности.

Вопросы для самопроверки

1. Какова роль общения в жизни человека?
2. Перечислите известные вам разновидности общения?
3. Каковы основные механизмы социального познания?
4. Какие особенности присущи педагогической социальной перцепции?
5. Что отличает и объединяет вербальный и невербальный языки общения?
6. Что такое обратная связь в коммуникации и какой она бывает?
7. Какие правила эффективного слушания вы знаете?
8. Каковы основные методы, средства и механизмы психологического воздействия?
9. Что представляют собой трудности общения и как преодолевать коммуникативные барьеры?
10. Какие типы конфликтной личности вы знаете?
11. Какими ограничениями и возможностями обладает конфликтное общение?

Список рекомендуемой литературы

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1998.
- Добрович А.* Общение: наука и искусство. М., 1996.
- Каган М.С.* Мир общения. М., 1988.
- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М.* Межличностное общение: Учебник для вузов. СПб., 2001.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. М., 1997.
- Социальная психология и этика делового общения / Под общ. ред. В.Н. Лавриненко. М., 1995.
- Станкин М.И.* Если мы хотим сотрудничать. М., 1996.
- Шейнов В.П.* Психология манипулирования. Минск, 2009.

ГЛАВА 5. ЛИЧНОСТЬ И ГРУППА

5.1. Личность в структуре внутригрупповых отношений

Субъекты, входящие в состав той или иной малой группы, в различных характерных для неё системах отношений обычно занимают неодинаковое положение. Для более точной характеристики места каждого человека в структуре групповых отношений используют понятия позиции, статуса, внутренней установки и роли (Немов, 1995).

Позиция – это официальное положение субъекта в той или иной системе отношений. Она определяется связями данного человека с остальными членами группы. От позиции, занимаемой человеком в группе, зависит степень его потенциального влияния на поступки других членов группы.

Статус – это реальная (в отличие от позиции) социально-психологическая характеристика его положения в системе внутригрупповых отношений, степень действительной авторитетности для остальных участников. Статус определяет права, обязанности и привилегии члена группы. Человек может иметь ряд статусов, один из которых может являться для него главным. Некоторые статусы даны от рождения; они называются приписанными. Например, статусы, обусловленные расой, полом, этническим происхождением, местом рождения, фамилией семьи. Наоборот, достигнутый статус определяется тем, что человек осуществил в своей жизни. Например, статус писателя человек приобретает после опубликования книги, статус супруга – после вступления в брак.

Внутренняя установка человека в системе внутригрупповых отношений – это личное, субъективное восприятие им своего собственного статуса, то, как он оценивает своё реальное положение, свой авторитет и степень влияния. Действительный статус и его восприятие человеком могут совпадать или расходиться.

Роль – нормативно заданный и коллективно одобряемый образец поведения, ожидаемого от человека, занимающего в группе определённую пози-

цию. Роль может определяться официальной должностью, может избираться самим членом группы. Принятая на себя роль во многом определяет восприятие и оценку человека в системе внутригрупповых отношений. Каждый статус обычно включает ряд ролей. Совокупность ролей, соответствующих данному статусу, называется ролевым набором или ролевым репертуаром. Парсонс полагал, что любая роль может быть описана с помощью пяти основных характеристик: 1) эмоциональности, 2) способа получения, 3) масштаба, 4) формализации и 5) мотивации.

В многообразии личностных ситуаций (в семье, на работе, в кругу друзей, с малознакомыми людьми и т.п.) каждый человек исполняет одновременно несколько различных ролей. Ситуация, связанная с необходимостью одновременно удовлетворять противоречащим требованиям двух или более ролей, называется *ролевым конфликтом*. Иногда возникает конфликт между различными аспектами одной и той же роли. Р. Мертон считает, что имеются несколько способов ослабления ролевого конфликта, а именно: 1) некоторые роли признаются более важными, чем другие; 2) роли, связанные с работой и домом, отделяются друг от друга; 3) используются шутки.

Если между людьми устанавливаются устойчивые взаимоотношения, происходит становление ролей или совокупность ожиданий, определяющих поведение личности. Можно выделить *формальные* роли, которые служат для формирования различных институтов и более крупных социальных структур. Но, кроме этих ролей, в процессе социального взаимодействия возникают также *неформальные* роли. Появление неформальной роли предполагает длительные взаимосвязи, на основе которых формируются более или менее устойчивые образцы взаимодействия. Примерами таких ролей являются роли типа: «душа общества», «семейный клоун», «козел отпущения» и т.п. В некоторых случаях людям приписывают определенные роли в зависимости от их взаимодействия с другими людьми. «Хороший» человек или «неприятный» человек, скорее, представляют собой типы личности, но в то же время это могут быть роли, возникающие в процессе взаимодействия с людьми и вследствие оценки окружающими их поведения. При длительных взаимодействиях роли обычно становятся устойчивыми. Лица, которым приписывают определённые роли, становятся носителями определённых ожиданий. Если, например, мы считаем кого-то «прекрасным» человеком, то мы склонны не замечать его плохие поступки, считая их «исключениями» или объясняя «стечением обстоятельств».

Положение личности в системе групповых отношений можно описать, анализируя различные измерения, уровни групповой структуры.

Формально-статусное измерение. Оно даёт представление о соподчинённости позиций индивидов в системе официальных отношений малой

группы и фактически полностью зафиксировано в штатном расписании организации.

Социометрическое измерение. Характеризует субординацию позиций индивидов в системе внутригрупповых межличностных предпочтений и представляется как в классическом варианте социометрической структуры группы, так и в аутосоциометрической её модификации. По сути, социометрическое измерение в значительной степени является проекцией неформальной структуры группы. Внимание ряда исследователей привлекло соотношение между величиной статуса индивида и степенью соответствия его поведения нормам группы, т.е. конформность. В настоящее время можно говорить лишь о многозначной трактовке данного соотношения, проявляющегося в том, что: 1) высокостатусный участник группы более конформен, чем низкостатусный, 2) высокий статус в группе обеспечивается полным согласием с групповыми нормами, 3) в отдельных ситуациях наибольшую приверженность групповым нормам демонстрирует субъект, занимающий вторую по степени престижности позицию в группе, 4) высокостатусному субъекту может быть позволено отклонение от групповых норм в попытке способствовать достижению групповой цели (феномен «идиосинкразического кредита»).

Коммуникативное измерение. Реализуется в коммуникативных сетях, фиксирующих соподчинённость позиций индивидов в зависимости от расположения последних в системах информационных потоков и концентрации у них той или иной информации, касающейся группы. Известно, что обладание информацией положительно связано с величиной официального статуса индивида в группе. Высокостатусным членам группы адресуют больше сообщений, и эти сообщения носят более дружеский характер, чем те, которые посылаются низкостатусным субъектам. Модели коммуникативных сетей в определённой мере детерминируют групповую эффективность. Это возникает вследствие наличия некоторых факторов. К числу таких факторов можно отнести: а) способность членов группы к развитию организационной структуры, б) степень свободы, с которой личность может функционировать в группе, имея в виду, что независимость действий члена группы обусловлена не только доступностью получаемой информации, но также и всевозможными ситуативными моментами, действиями других членов группы и оценкой воспринимаемой субъектом информации, в) насыщение или информационную перегрузку, испытываемую членами группы в позициях коммуникативной сети, г) уровень развития группы, способный в ряде случаев существенным образом влиять на взаимосвязь рассматриваемых переменных.

ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ

Позиции социальной власти отражают субординацию вертикальных расположений индивидов в зависимости от способности оказывать влияние в группе.

Существует несколько типов социальной власти (Шевандрин, 1995):

- а) вознаграждающая (способствует вознаграждению другого лица),
- б) принуждающая (реализуется через принуждение, наказание другого лица),
- в) легитимная (основывается на допущении того, что один субъект имеет узаконенное право предписывать поведение другого субъекта),
- г) референтная (в её основе лежат отношения симпатии, эмоционального предпочтения),
- д) экспертная (базируется на превосходстве другого лица в специальных знаниях, компетентности в определённой деятельности).

Согласно материалам эмпирических исследований, наиболее влиятельный по тому или иному параметру социальной власти субъект часто воспринимается другими участниками группы в качестве своеобразного центра её коммуникации.

Стремление к власти может проявляться в доминантном поведении. У людей важное значение для демонстрации стремления к доминантности имеет взгляд: спокойный взгляд говорит о самообладании; упорный взгляд означает решительность; взгляд пронизывающий и остановившийся на человеке, пытающемся выделиться, может означать оценку или предупреждение о том, что лучше оставаться на своем месте. Прямая посадка слегка откинутой назад головы, поднятый подбородок и опущенные уголки губ, выражающие презрение или погруженность в свои мысли, обыкновенно воспринимаются как притязание на доминирование. К признакам доминантного поведения личности относят:

- инициативность в ситуациях межличностного взаимодействия;
 - приспособляемость к общему ситуационному настроению;
 - любовь к импровизации;
 - внимание к слабым;
 - вкус и склонность к власти;
 - обращение за помощью к обстоятельствам, т.е. умение использовать для своих целей возникающие в процессе взаимодействия ситуативные моменты.
- Человеку, стремящемуся к власти, нередко присущи такие качества как равнодушие в межличностных отношениях и большое удовлетворение от возможности манипулировать другими людьми. Претендующий на управление другими людьми умеет сопротивляться социальному давлению; проявляет известную смелость и оригинальность в решении проблем, а также рвение и настойчивость в преследовании целей. Группа ждёт от своего вожака, что он сумеет скоординировать ее активность, обеспечит безопасность ее членов и даст им веру в будущее. К числу разновидностей социальной власти относятся феномены руководства и лидерства, выступающие как проявления процесса влияния, в одном случае (руководство) институционально зафик-

сированного (социального), а в другом (лидерство) – возникающего спонтанно (психологического).

ЛИДЕРСТВО И РУКОВОДСТВО

Лидерство определяется иерархией позиций индивидов в зависимости от их ценностных потенциалов и вкладов в жизнедеятельность группы. Наиболее рельефно это измерение проявляется в инструментальном и эмоциональном лидерстве. Различают два основных *типа лидеров*. Первый – это функциональный (инструментальный), компетентный лидер, сосредоточенный на поставленной задаче; именно такой лидер неустанно борется за достижение поставленных группой целей. Второй тип – это аффективный, всеми любимый лидер, сконцентрированный на взаимоотношениях между участниками группы. Исследования показывают, что функциональный лидер легче добивается лидирующего положения в очень благоприятных или очень неблагоприятных ситуациях, в то время как аффективный лидер легче достигает этого в промежуточных случаях. Кроме того, установлено, что, если в группе примерно равное соотношение участников по полу, функциональным лидером чаще становится мужчина, а аффективным – женщина.

В исследованиях Б.Д. Парыгина выделены типы лидеров в зависимости от характера деятельности (универсальный лидер, ситуативный лидер), её содержания (лидер-вдохновитель, лидер-исполнитель, деловой лидер, эмоциональный лидер) и стиля руководства (авторитарный лидер, демократический лидер). Таким образом, лидером группы может стать только тот человек, кто способен привести группу к разрешению тех или иных групповых ситуаций, проблем, задач, кто несёт в себе наиболее важные для этой группы личностные черты, кто несёт в себе и разделяет те ценности, которые присущи группе. Лидер – это как бы зеркало группы, лидер появляется в данной конкретной группе, какова группа – таков и лидер. Человек, который является лидером в одной группе, совсем не обязательно станет вновь лидером в другой группе (группа другая, другие ценности, другие ожидания и требования к лидеру).

С точки зрения масштабности решаемых задач выделяют:

- 1) бытовой тип лидерства (в школьных, студенческих группах, досуговых объединениях, в семье);
- 2) социальный тип лидерства (на производстве, в профсоюзном движении, в различных обществах: спортивных, творческих и т.д.);
- 3) политический тип лидерства (государственные, общественные деятели).

Существует несомненная связь между судьбой лидера бытового, лидера социального и лидера политического. Первый всегда имеет возможность выдвинуться в лидеры другого типа. Лидер с организаторскими способностями в

состоянии быстро и правильно оценивать ситуацию, выделять задачи, нуждающиеся в первоочередной реализации, отличать осуществимое от бесплодного прожектерства, достаточно точно рассчитать сроки решения задач.

Талант руководства людьми основывается на целом комплексе социально-психологических качеств и свойств. Большую роль играет доверие и любовь масс к своему лидеру. Доверие к лидеру – это признание его высоких достоинств, заслуг и полномочий, признание необходимости, правильности и результативности его действий. Это внутреннее согласие с носителем авторитета, готовность действовать в соответствии с его установками. Ведь заставить идти за собой при отсутствии средств принуждения можно лишь на основе доверия. И доверие это означает, что люди находятся во внутреннем согласии и единении с лидером.

Структура механизмов воздействия лидеров на массу зависит от свойств последователей. Лидер находится в сильнейшей зависимости от коллектива. Группа, имея образ лидера – модель, требует от реального лидера, с одной стороны, соответствия ей, а с другой – от лидера требуется способность выражать интересы группы. Только при соблюдении этого условия последователи не просто идут за своим лидером, но и желают идти за ним. В соответствии со свойствами последователей лидером выстраиваются структуры воздействия на них. Эти структуры призваны обеспечить, во-первых, инициирование активности, координацию действий группы, ее внешние связи и престиж. Во-вторых, для этого надо отрегулировать межличностные отношения в группе, обеспечить личностную поддержку членам группы. Решение названных задач осуществляется посредством следующих функций: а) информационно-аналитической; б) выработки программ; в) принятия решения; г) организации исполнения решений. От лидера зависит умелый анализ реальной действительности. На основе выводов, полученных в результате проведенного анализа, формируется линия поведения – программа действий – и принимаются решения. После этого начинается мобилизация сил и средств. Лидер добивается поддержки всей группы или ее подавляющей части для организации исполнения принятых решений, что предусматривает:

- 1) подбор и расстановку исполнителей;
- 2) доведение до них решений;
- 3) уточнение и адаптацию решений применительно к месту исполнения;
- 4) создание внешних и внутренних условий исполнения;
- 5) координацию деятельности исполнителей;
- 6) подведение итогов и анализ результатов.

Активное **воздействие на групповые нормы может осуществить лидер**, либо этого можно достичь через **включение группы в иную деятельность**. От чего зависит сопротивление? Оно зависит: 1) от уровня групповой

сплочённости; 2) от фиксирования на содержании прежних групповых норм и новых требований; 3) от степени расхождения групповых норм от содержания внедряемых установок и норм. Чем выше все эти факторы выражены, тем сильнее сопротивление. Включив группу в циклическую деятельность требуемого направления и характера, создаются объективные условия необходимости изменения групповых установок, норм, причём, когда всё внимание сконцентрировано на выполнении деятельности, «затушёвывается», «зашумляется» факт выработки новых установок и норм, а если имеется «зашумление», то прежние установки не актуализируются, а постепенно стираются. Влиять на групповую сплочённость можно через: 1) осознание группой своей социальной роли или своего отличия от других групп; 2) использование групповых символов, знаков, девизов – поскольку факторы идентификации кого-то с категорией «свой» создают условия роста групповой сплочённости; 3) создание, формирование «мы-чувства», когда человек чувствует себя внутри группы, происходит идентификация себя с определённой группой, что делает человека особо чувствительным к воздействию. Этот эффект «мы-чувства» используют политики, играя в «простонародность», принимая манеры поведения в группе, характерные для неё: через слова, интонации, одежду, культурные нормы. Что определяет, вступят люди в контакт друг с другом или нет, продолжат его или прервут? С точки зрения бихевиористов, это зависит от подкрепления (положительного или отрицательного), которое они могут получить во время контакта. Когда поведение контакта реализуется, то предвосхищается ожидание положительного, позитивного, нужного для человека результата – подкрепления. Если собеседник может дать и даёт ожидаемое, контакт продолжается. Если человек понимает, что не получит ожидаемого, то контакт прекращается. Контакт – это благо, но сопровождается определенными издержками, – сколько сил надо потратить, какой урон можно понести. Отношения только тогда стабильны, если у человека есть уверенность, что объём положительного от контакта выше, чем те издержки, которые он может понести. То есть человек руководствуется «максимализацией выигрыша».

Мобилизация начинается с формирования команды лидера. Опытный руководитель, трезво смотрящий на вещи, понимает, что как бы ни был высок уровень его подготовки и опыт, он не может полагаться лишь на себя и привлекает к управленческой деятельности добросовестных и инициативных работников. Степень эффективности лидера, особенности взаимоотношений подчинённых с руководителем, психологический климат, результаты работы группы во многом зависят и от стиля управления, избираемого лидером или руководителем. В социальной психологии выделяют несколько стилей руководства:

- авторитарный (директивный);
- либерально-анархический (попустительский);

- демократический (коллегиальный);
- непоследовательный (алогичный);
- ситуативный;
- партисипативный (соучаствующий).

Критерием эффективности руководства является степень авторитета руководителя. Выделяют три формы авторитета руководителя (Столяренко, 1997):

- 1) формальный авторитет – обусловлен тем набором властных полномочий, прав, которые даёт руководителю занимаемый им пост;
- 2) моральный авторитет – зависит от нравственных качеств руководителя;
- 3) функциональный авторитет – определяется компетентностью руководителя, его деловыми качествами, его отношением к своей профессиональной деятельности.

Для эффективного руководства личность руководителя в отношении необходимых качеств и черт должна отвечать следующим требованиям.

- ✓ Доминантность – умение влиять на подчинённых.
- ✓ Уверенность в себе.
- ✓ Эмоциональная уравновешенность и стрессоустойчивость (умение человека контролировать свои эмоциональные проявления, саморегулировать эмоциональные состояния, самоуправление).
- ✓ Креативность, способность к творческому решению задач, высокий практический интеллект.
- ✓ Стремление к достижению и предприимчивость, способность идти на разумный риск, брать на себя ответственность в решении проблем.
- ✓ Ответственность и надёжность в выполнении заданий, честность, верность данному обещанию и гарантиям.
- ✓ Независимость, самостоятельность в принятии решений.
- ✓ Гибкость поведения в изменяющихся ситуациях.
- ✓ Общительность, умение взаимодействовать с людьми.

Кроме того, для эффективного руководства важно грамотно осуществлять основные управленческие функции: планирование, организацию управления, делегирование полномочий, принятие управленческих решений, контроль, мотивацию и регулирование взаимодействия с людьми.

Наконец, помимо экономических критериев эффективности руководства (качество и количество продукции, её экономичность, новшество, «прибыль» предприятия и т.д.), деятельность руководителя оценивается через психологические критерии: 1) удовлетворённость членов коллектива различными аспектами членства в нём (условиями труда, заработной платой, отношениями с коллегами и т.п.), что проявляется в благоприятном, либо неблагоприятном психологическом климате коллектива, в степени стабильности

кадров; 2) мотивацию членов коллектива (желание людей трудиться и сохранять членство в данной группе); 3) авторитет руководителя в коллективе; 4) самооценку коллективом своей сплочённости, успешности функционирования.

5.2. Влияние группы на личность

Безусловно, группа оказывает существенное влияние на психологию и поведение индивида. Ведь очень многое в человеке и его поведении складывается и закрепляется под влиянием включённости в различные большие и малые социальные группы. Каждая из значимых социальных групп вносит свой вклад, и он отнюдь не является однозначно положительным или отрицательным, он различен. Свидетельство тому – наличие у людей множества достоинств и недостатков, большую часть которых они приобрели, находясь в группах. Часть изменений, порождаемых психологическим влиянием группы, исчезает, как только человек выходит из сферы воздействия группы; другие продолжают существовать, оставляя заметный след и при определённых условиях превращаясь в личностные черты (Немов, 1995).

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ГРУППЫ

В качестве наиболее явного феномена, отражающего отрицательное воздействие группы на личность, выступает явление обезличивания или деиндивидуализации. Когда человек испытывает на себе влияние некоторой достаточно большой социальной общности, внутренне не организованной, в его психологии и поведении в большей степени проявляется то общее, что свойственно данной группе, и в гораздо меньшей степени то, что составляет его собственную индивидуальность – человек в толпе нередко перестаёт быть личностью. Г. Лебон утверждал, что средний человек в массе людей, в толпе обнаруживает более низкий уровень интеллекта, чем вне её. В толпе он более доверчив, агрессивен, ожесточён, нетерпелив, аморален и даже способен вести себя на уровне животного.

Рассмотрим возможные причины и следствия деиндивидуализации человека (Немов, 1995). Причинами обезличивания человека являются, скорее всего, высокий уровень эмоциональной возбуждённости, анонимность, сосредоточенность внимания человека не на собственном поведении, а на том, что происходит вокруг. Социально-психологические состояния, ведущие к усилению деиндивидуализации, – это высокая сплочённость, единство группы, в которой оказался индивид, и сниженный уровень самосознания и самоконтроля индивида. Следствиями деиндивидуализации будут: проявление импульсивного поведения, возросшая чувствительность к внешним воздействиям, повышенная реактивность, неспособность управлять собственным

поведением, пониженный интерес к оценкам окружающих людей, неспособность взвешенно оценивать и разумно планировать поведение.

В социальной психологии известны следующие феномены влияния группы на личность.

Социальная ингибция – подавление энергетического тонуса, активности, работоспособности человека в присутствии других людей.

Конформность. Это подверженность групповому давлению и изменение своего поведения под влиянием других лиц, группы. В зависимости от реакции на групповое давление людей принято делить на конформистов, неконформистов и коллективистов (тенденция к самоопределению). *Конформисты* изменяют своё поведение в направлении группового давления, т.е. соглашаются с требованиями группы. Такое давление оказывается для них особенно ощутимым, так как они нуждаются в одобрении и поддержке или испытывают тревогу и недостаточно верят в себя. *Неконформисты*, наоборот, способны успешно сопротивляться давлению группы, противостоять ему, действовать по-своему. Для таких людей характерны интеллектуальность, творческие способности; они проявляют терпимость и чувство долга, верят в себя и устойчивы к стрессам (Годфруа, 1992). *Коллективисты* избирательно реагируют на воздействие группы, соглашаясь с групповым мнением, если оно соответствует истинному положению дел, и отвергают это мнение, если оно не соответствует общечеловеческим ценностям. Именно благодаря таким людям чаще всего реализуются прогрессивные нововведения и действуют силы общественных преобразований.

В лабораторном эксперименте были выявлены индивидуально-личностные, групповые и деятельностные *факторы конформного поведения*, т.е. соответствующего групповым нормам и мнениям.

1. Индивидуальные и личностные характеристики участников группы. Эмпирические исследования выделяют отрицательную зависимость между склонностью членов группы к конформному поведению и такими их личностными чертами, как интеллект, способность к лидерству, толерантность к стрессу, социальная активность и ответственность. Между возрастом и конформностью имеет место криволинейная зависимость, причём своего максимума конформность достигает к 12-13 годам, затем постепенно снижается.

2. Групповые факторы. К числу этих факторов относят величину группы, структуру коммуникативных сетей, степень групповой сплочённости, особенности композиции группы.

3. Особенности деятельности испытуемых. Предпринимаются попытки более глубокого анализа конформного поведения, сосредоточивающегося на процессах соответствия внешнего согласия индивидуума с групповыми нормами (публичная конформность) их внутреннему (личному) одобрению, т.е. фактически на поиске разновидностей конформного поведения.

Еще в начале 50-х годов Л. Фестингер предположил, что публичная конформность будет сопровождаться личным одобрением норм только в том случае, если субъект хочет остаться в группе.

Выделяют два типа конформного поведения: внешнее и внутреннее подчинение индивида группе. *Внешнее подчинение* проявляется в двух формах: 1) сознательном приспособлении к мнению группы, сопровождающемся острым внутренним конфликтом и 2) сознательном приспособлении к мнению группы без ярко выраженного внутреннего конфликта. *Внутреннее подчинение* состоит в том, что индивид воспринимает мнение группы как своё собственное и придерживается его не только в данной ситуации, но и за её пределами. Возможно как 1) бездумное принятие неверного мнения группы на том основании, что «большинство всегда право» и 2) принятие мнения группы посредством выработки собственной логики объяснения сделанного выбора.

Выделяют также и уровни конформного поведения: *подчинение* (влияние других людей носит внешний характер), *идентификацию* (личность стремится уподобиться агенту влияния или оправдать ожидания партнёра) и *интернализацию* (совпадение внешних мнений с ценностными ориентациями личности).

С. Московичи приводил шесть фундаментальных положений, описывающих нормативное и конформное поведение.

1. Влияние в группе распределяется неравномерно и осуществляется односторонне.

2. Функция социального влияния состоит в том, чтобы сохранять и укреплять социальный контроль.

3. Отношения зависимости обуславливают направление и величину социального влияния, осуществляемого в группе.

4. Формы, в которых выступает процесс влияния, зависят от состояния неопределённости, испытываемого субъектом, и его потребности уменьшать эту неопределённость.

5. Согласие, достигаемое благодаря взаимному обмену влиянием, основывается на объективной норме.

6. Все процессы влияния должны быть поняты как проявления конформности.

Групповая нормализация – формирование усреднённого группового стандарта-нормы. Иначе называется огрупплением мышления (Майерс, 2000).

Экстремизация – не выработка средней нормы, а приближение общегруппового мнения к одному из полюсов континуума всех групповых мнений. Групповая поляризация – вызванное влиянием группы усиление ранее существующих тенденций членов группы; смещение средней тенденции к своему полюсу вместо раскола мнений внутри группы (Майерс, 2000). Этот

феномен иначе называется «сдвигом к риску», то есть решение, принимаемое группой, более рискованное, чем решение, принимаемое индивидуально. Если после групповой дискуссии человек возвращается к той же проблеме, он склонен принимать более рискованные решения, чем до группового обсуждения.

Проблема подчинения авторитету – подверженность человека влиянию лица с более высоким социальным статусом.

Влияние меньшинства. При определённых условиях влияние меньшинства может быть значительно ощутимым. В исследованиях С. Московичи было показано, что влияние меньшинства наиболее заметно, если оно: 1) категорично заявит о принятом решении; 2) продемонстрирует отказ изменить свою точку зрения; 3) проявит волю к действию, но так, чтобы его поведение не могло быть истолковано как проявление упрямства и негибкости. Таким образом, ещё в большей степени, нежели компетенция меньшинства, точку зрения большинства способен изменить стиль поведения меньшинства, в особенности, чем самобытнее будет меньшинство и чем активнее оно будет стараться любой ценой избежать раскола своего единства.

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ГРУППЫ

Для развития индивида как личности группа представляется незаменимой. Только через прямое общение и личные контакты в группах люди передают друг другу свой жизненный опыт. Положительное влияние группы на формирование и развитие личности, прежде всего, заключается в следующем.

1. В группе индивид встречается с людьми, которые являются для него основным источником духовной культуры.

2. Отношения между людьми, складывающиеся в группах, несут в себе позитивные социальные нормы и ценностные ориентации, которые усваиваются личностью, включённой в систему групповых взаимоотношений.

3. Группа является тем местом, где индивид отработывает свои коммуникативные умения и навыки.

4. От участников группы индивид получает информацию, позволяющую ему правильно воспринимать и оценивать себя, сохранять и укреплять всё положительное в своей личности, избавляться от отрицательного и недостатков.

5. Группа снабжает индивида системой положительных эмоциональных подкреплений, необходимых для его развития.

Следует отметить, что для обеспечения преимущественно положительного влияния группы на личность важно добиться того, чтобы межличностные отношения и общий психологический климат в ней были благоприятными.

В условиях изменчивой и неоднозначной социальной действительности стабилизирующую и ориентирующую роль играют групповые нормы. Придерживаясь их и осуществляя нормативное поведение, человеку проще понять тот мир, в котором он живёт. Групповая (социальная) норма – это некое правило, стандарт поведения в малой группе, регулятор реализуемых в ней отношений. Можно дать общую характеристику функционирования норм в малой группе (Шевандрин, 1995):

1) нормы есть продукты социального взаимодействия, возникающие в процессе жизнедеятельности группы, а также вводимые в неё более крупной социальной общностью;

2) группа не устанавливает нормы для каждой возможной ситуации, нормы формируются лишь относительно действий и ситуаций, имеющих некоторую значимость для группы;

3) нормы не могут прилагаться к ситуациям в целом, безотносительно к отдельным участвующим в ней членам группы и реализуемым ими ролям, а могут регламентировать реализацию той или иной роли в разных ситуациях, т.е. выступать как сугубо ролевые стандарты поведения;

4) нормы различаются по степени принятия их группой: некоторые нормы одобряются почти всеми её участниками, тогда как другие находят поддержку лишь у незначительного меньшинства, а часть не одобряет вовсе;

5) нормы различаются по степени и широте допускаемой ими девиантности (отклонения) и соответствующему ей диапазону применяемых санкций.

Власть удерживать легче, если группа оказывает на своих членов постоянное давление, направленное на то, чтобы их действия, мысли и ценности совпадали с поступками, мыслями и ценностями других, то есть соответствовали групповым нормам.

Ещё один аспект проблемы касается того, что в силу жизненной потребности или необходимости люди часто, организуя совместную деятельность, прибегают к групповым формам её организации. Учебные, производственные, тренинговые, игровые и др. группы, принимая совместные решения, зачастую оказываются достаточно эффективными по сравнению с индивидуальной работой. Феномен креативного, то есть творческого общения стал объектом повышенного внимания и изучения в социальной психологии сравнительно недавно. Наиболее распространен взгляд на креативность общения как на способность человека эффективно решать коммуникативные задачи, находя новые, нестандартные способы и формы общения и поведения. В данном случае межличностное взаимодействие, контакты с другими людьми рассматриваются как среда, необходимое условие для проявления данной способности индивида. Причем особенности конкретной среды не должны иметь особого значения: обладающий этой способностью человек может творчески общаться и с огромной аудиторией (например, при публичном вы-

ступлении), и с одним единственным, случайным партнером. Напомним, что «творческая» общения – это одна из граней общей креативности личности (созвучно народной мудрости: «талантливый человек талантлив во всем»). Так, проводимые исследования (Стрелкова, Голованова, 1995) подтвердили наличие значимой корреляции между креативностью мышления и творческим общением. Логично предположить, что наделенный этой способностью педагог в своей работе будет гораздо успешнее коллег при прочих равных условиях. Но, не умаляя значения и ценности диагностики и развития персональной креативности, заметим: из наличия творческой способности педагога не следует однозначно, что руководимая им учебная группа будет эффективна в деятельности. То есть продуктивность группы, включенной в совместную деятельность, зависит не только от количества составляющих ее (группу) креативов, но и от особенностей среды, в которой люди работают, от влияния этой среды на возможности оптимального использования людьми их творческих способностей. Здесь уместна более широкая трактовка понятия креативности – не только как способности, но и как характеристики продукции человека, его работы как деятельности, приводящей к одновременно оригинальным и полезным результатам. Причем часто в работе учебных, производственных, научных коллективов не так уж важно, какой именно из путей – интеллектуальный или коммуникативный – использовался для достижения желаемого результата с большей интенсивностью.

Изучение особенностей внутригруппового общения представляет интерес не только для академической науки, но и для практики. Руководители организаций, менеджеры, педагоги нередко сталкиваются с необходимостью применения коллективных форм работы, когда общий результат зависит от оптимального взаимодействия и усилий всех участников группы (семинары, дискуссии, брэйнсторминг и др.). Предполагается, что прежде всего человеку должна прийти в голову какая-нибудь полезная и, желательно, оригинальная идея. Но этого недостаточно, необходимо еще захотеть и суметь ознакомить с ней других членов группы, разрабатывающей одну научную тему или объединенной общей проблемной ситуацией. По различным причинам человек может не иметь такого желания (например, есть риск противоречия новой идеи общепринятым представлениям или вероятность критики самой идеи или ее автора), либо не способен сообщить ее другим (например, не обладает достаточным статусом в группе). Таким образом, деятельность может осложняться коммуникационными аспектами ситуации. Тем не менее, необходимость в коллективном творчестве есть. Американские исследователи Д. Пельц и Ф. Эндрюс, изучавшие деятельность ученых в организациях, пришли к выводам, что ученые, которые встречаются со своими коллегами чаще (несколько раз в неделю или ежедневно), имеют тенденцию работать более продуктивно. И наоборот, те ученые, которые обмениваются информацией с не-

большим числом людей и редко, имеют более низкую продуктивность. Общение с коллегами способствовало повышению продуктивности даже таких ученых, которые работали в автономных научных учреждениях, ученых с высокой внутренней мотивацией и тех, кто не стремится к сотрудничеству с другими (Пельц, Эндрюс, 1973).

Полезность общения с партнерами по группе очевидна:

- партнер может высказывать новые идеи, столкнуть человека с его привычного образа мыслей, то есть сам партнер и его мыслительный продукт могут служить для другого интеллектуальным стимулом;
- партнер может обнаружить твою ошибку;
- твой участок деятельности будет скоординирован с работой других;
- контакты различными способами могут поддерживать деятельностное настроение;
- общение может дать в нужный момент необходимую разрядку;
- достаточно высокий уровень развития межличностных отношений группы, благоприятный психологический климат, например, ситуации совместных переживаний, когда участники группы вместе радуются общим успехам и огорчаются по поводу общих неудач, служит эмоциональным стимулом деятельности каждого участника.

Можно ли говорить о явлении креативности группового общения? И если да, то когда группа может считаться коммуникативно креативной? Креативность общения в масштабах одной личности (аналогично мыслительной креативности) определялась по трем критериям: широте, гибкости, оригинальности. Если человек не получает высоких показателей по какому-либо одному из этих критериев, он не может в полной мере считаться креативным. Но если рассматривать это явление в масштабах группы, то наблюдается иная картина. Допустим, у одного члена группы высокий показатель широты: он способен генерировать большое количество разнообразных идей, форм общения, поведенческих реакций, хотя все они в одном ключе. Но второй участник группы, обладающий выраженной гибкостью общения или мышления, используя идеи партнера, находит им новые сферы приложения, пробует на них другие тактики. Наконец, третий партнер, характеризующийся высокой сензитивностью к неординарному, уникальному, улавливает оригинальные идеи или сам продуцирует таковые, отталкиваясь от уже существующих. Информация может циркулировать, неоднократно корректируясь и обогащаясь новыми деталями. То есть в условиях групповой работы над проблемной ситуацией в отношении коммуникативной креативности имеет место хорошо известный в социальной психологии *сверхаддитивный эффект*, когда группа как целое дает каждому ее члену больше, нежели простая сумма ее участников, работающих изолированно. Исследователи отмечают, что контакты особенно полезны в тех случаях, когда инициаторами их являются непосредственно

заинтересованные в этом люди (сами учащиеся, например), но даже общение, организованное по инициативе организации, менеджера, преподавателя, тоже оказывается нужным и полезным.

5.3 Малая группа как проводник социальных норм

Проблема малой группы как института социализации личности изучается на протяжении ряда десятилетий с разной степенью успешности и интенсивности. С момента «открытия» малой группы как социально-психологического явления проведены многочисленные исследования, и получены обширные результаты, составляющие сегодня достаточно большой массив данных, определяемых целой областью – социальной психологии малой группы. Тем не менее, не смотря на столь сильный интерес психологов к этой проблематике, сегодня остро встают вопросы, касающиеся психологии групп, группового поведения и влияния группы на индивида.

Проблема включения (включенности) личности в групповые отношения особенно обострилась в последние десятилетия. С одной стороны, казалось бы возможностей общения, установления отношений в современных условиях стало значительно больше (кстати, в том числе и в виртуальном пространстве), с другой, - происходит размывание границ между различными сообществами, усиление поверхностности отношений, замеченное, в частности, в исследованиях социальных психологов по времени поддержания отношений. В виду включения в многочисленные групповые образования возникает сложность в выстраивании социальной (и персональной) идентичности личности. Маргинализация современного человека становится важнейшим фактором как субъективного благополучия (неблагополучия) личности, так и фактором социальных отношений, вплоть до подрывающих их устои. Поэтому исследования, направленные на изучение ее причин и возможностей саморегуляции личности, избирательного отношения к внешним условиям бытия, в целом формирования субъектной позиции являются весьма актуальными сегодня.

Исследования, проведенные на протяжении десятилетий курскими психологами, убеждают в том, что изучение малой группы может и должно выходить за пределы статистики и статистики. В частности, речь идет о многолетнем эксперименте, проводимом курскими психологами по социализации личности в условиях «развивающей социальной среды». При этом особое внимание обращалось на характеристики развития группы, ее восхождение к социальной зрелости и способности становиться таким институтом, который не только воспроизводит общественные нормы, но и производит собственные, общественно приемлемые и развивающие потенциал включенной в нее личности.

Иначе говоря, совершенно не достаточно описать картину психологии малой группы; необходимы исследования, позволяющие раскрыть картину группового поведения на основе многомерности ее переменных – начиная с переменной создания (стихийного формирования) группы и завершая переменной личности, на которую группа оказывает свое влияние и, напротив, которая оказывает влияние на группу. Необходимо также отметить и то, что малая группа может становиться институтом ресоциализации, где происходит усвоение новых норм и ценностей взамен ранее приобретенным.

Малая группа, будучи социальным субъектом, включена в структуру общества и выступает проводником социальных норм. С одной стороны, часть транслируемых ею норм обладает универсальностью, с другой, - в каждой группе вырабатываются свои негласные нормы для всех ее членов, которые могут согласовываться с первыми, противоречить им, либо содержать нечто уникальное. В известной работе А.С.Чернышева, Ю.А.Лулева, Ю.Л.Лобкова и С.В.Сарычева отмечается, что группа, достигшая социальной зрелости, способна оказывать ценностно-нормативное влияние не только на своих членов, но и на другие группы. Здесь необходимо отметить и то, что усвоение норм группы во многом зависит от степени идентификации личности с этой группой (или ее лидером).

Если рассматривать малую группу сквозь призму ее развития, можно обнаружить постепенное изменение (видоизменение) ее нормативно-критериальных образований, благодаря чему происходит и изменение отношения личности к разного рода событиям. Одной из наиболее важных в данном аспекте выступает совместная деятельность. Разные уровни взаимодействия в группе формируют различные отношения как к предмету деятельности, так и ее соучастникам, и, наконец, к более широким областям жизни, что в немалой степени приводит к изменению в ценностно-смысловой системе и группы, и включенной в нее личности. Было бы совершенно опрометчиво понимать малую группу как общность лиц, совершающих совместную деятельность без какого-либо предшествующего опыта – личностей, начинающих взаимодействия с чистого листа. Кроме участия в конкретно-групповой жизнедеятельности каждый член группы обладает определенными социальными характеристиками, отражающимися во взаимодействии и отражаемыми другими участниками совместной деятельности. Порой эти характеристики носят не только специфичный характер, но и в немалой степени влияют на групповые процессы.

Одним из значимых эффектов социализации личности является обретение идентичности. Сформированная идентичность выполняет защитную функцию в отношении социализации, закрепляя ценности, нормы, представления и т.п. соответствующего института или агента. Тем самым от ее характеристик во многом зависит и устойчивость приобретенных норм и иных ха-

рактических внутренних инстанций личности. Вместе с тем, это не значит наличия взаимно однозначной связи между ними; они весьма сложны и структурированы. Например, наличие негативной идентичности не значит обязательного неприятия ценностей соответствующих групп (как, например, показано в исследованиях И.М. Юсупова). Тем не менее, изменения, происходящие в жизни субъекта, включение в новые общности и идентификация с различными группами запускают процесс социализации, и неминуемо отражаются на внутренних инстанциях личности. В этом отношении изменениям, на наш взгляд, подвержена в большей степени социальная идентичность и соответствующие ей инстанции, в отличие, например, от личностной идентичности. Однако это возможно лишь в том случае, если группа, в деятельность которой включается субъект, становится референтной. В противном случае, ее нормы могут служить лишь для временной адаптации и оставаться ситуативными (в том виде, в котором описывал социализацию взрослых О.Г. Брим). Таким образом, в результате включения в сообщества (группы) социализация личности может обретать тотальный, либо избирательный характер и в зависимости от чего изменения могут происходить на глубинном или поверхностном уровне внутренних инстанций. Отсюда следует необходимость изучения идентичности личности с позиции ее функции для процесса и эффектов социализации и ее субъективного благополучия. В этом отношении представляется важным не только определение типа или уровня идентификации личности, но и соответствия внешних инстанций (групповых, например) и внутренних. Особенно это становится важно с точки зрения эффективности в различных видах деятельности и успешности личности в соответствующих им ситуациях межличностного взаимодействия в группе.

Необходимо также отметить и то, что малая группа может как способствовать субъективному благополучию личности (как группа поддержки, например), так и не способствовать, когда она не выполняет своих функций с точки зрения психологического комфорта ее членов. В ряде исследований отмечается, что удовлетворенность личности выступает основным критерием социально-психологического климата группы, что вовсе не бесспорно, но то, что это один из важных его показателей не вызывает сомнений. При этом важными аспектами являются не только отношенческие, но и деятельностные и даже ценностно-смысловые характеристики группы. В наших исследованиях было выяснено, что различные характеристики группы могут по-разному влиять на систему переживаний индивида; одни из них могут быть менее значимы с точки зрения испытываемого субъективного благополучия личности, другие – более значимы, вплоть до возникновения стремления разорвать всякие отношения, и в зависимости от того, в какой степени связь с малой группой является жесткой (в некоторых случаях участие в ней воспринимается личностью неизбежной), состояние неудовлетворенности может в значитель-

ной степени влиять на формирование субъективного неблагополучия. Наиболее мощным аспектом группы выступает ценностно-смысловой, который часто оказывается доминирующим и влияет на другие. Вместе с тем, малая группа, выступая в качестве важной инстанции удовлетворения социальных потребностей личности, способствует ее интеграции и благополучию, поскольку весь процесс социализации экстраполирует соответствующие нормы. Отметим и тот факт, что немалое значение здесь имеет, так называемый, культурный контекст: «коллективистская» культура, которую в большей степени можно отнести нашему обществу закладывает норму группирования и взаимной поддержки.

Вопросы для самопроверки

1. Какими понятиями описывается положение человека в системе внутригрупповых отношений?
2. Какие виды социальной власти вы знаете?
3. Перечислите основные признаки доминантного поведения личности?
4. Чем лидер отличается от руководителя?
5. Каковы основные критерии эффективного руководства?
6. В каких социально-психологических феноменах проявляется негативное влияние группы на личность?
7. Что такое конформное поведение?
8. Что положительного может дать личности группа?
9. Какими возможностями обладает творческий подход к совместной деятельности?

Список рекомендуемой литературы

Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. М., 1992.

Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2000.

Немов Р.С. Психология: В 3 т. М., 1995. Т.1.

Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов н/Д., 1997.

ГЛАВА 6. СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ

6.1. Понятие и структура субъективного благополучия

ПОНЯТИЕ Счастье, благополучие, удовлетворение, комфорт – понятия, относящиеся к субъективному переживанию человеком процессов, происходящих в его жизни. Эти явления характеризуют его социально-психологически. В них кроется вся общественная история человека – человека, который обрел свою личность, который обладает способностью творить свою жизнь, создавать историю своей жизни, свою судьбу и соотноситься с историей жизни других людей – конкретных или обобщенных личностей. Если это ему удастся, возникают позитивные эмоции, сознание и переживание благополучия. Не следует полагать, что субъективное благополучие – явление отдаленного будущего или определенного возрастного периода. В той или иной степени и в том или ином аспекте оно может быть представлено на всех этапах жизненного пути и связано с любой деятельностью.

Субъективное благополучие является тем психологическим феноменом, который олицетворяет естественное стремление человека к внутреннему равновесию, комфорту, ощущению счастья. Естественные изменения жизни, вызванные общественным прогрессом, развитием экономики, политическими изменениями накладывают существенный отпечаток на субъективную оценку личной жизни, характеризующую степень включенности в общественные процессы. Поэтому качество жизни предполагает, прежде всего, субъективную оценку уровня своего благополучия в духовном, социальном, психологическом, физическом (медицинском), материальном и иных планах.

Исследователи разных областей знания на протяжении длительного времени изучали этот феномен и пытались решить названную проблему с точки зрения предметного содержания соответствующей науки. Социология – с точки зрения на индивидуальных, внешних по отношению к субъекту факторов; философия – наиболее общих позиций духовности и морального сознания;

наконец, социальная психология – социально-детерминированной личности, раскрытия сложных отношений структуры внешних и внутренних инстанций личности.

Сегодня исследователей интересует вопрос о том, из чего складывается ощущение благополучия, что детерминирует его, и как оно влияет на жизнь и деятельность субъекта. С одной стороны, казалось бы, субъективное благополучие – феномен, целиком относящийся к внутренней системе личности, внутренним критериям адаптированности в социуме, однако, с другой – оно существенным образом основано на объективных социальных установках, влияет на внешнее поведение индивида и, очевидно, является объективным критерием качества самой жизни и позитивности интегральной детерминации личности.

Итак, *субъективное благополучие – понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим большое для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде, и характеризующееся переживанием удовлетворенности.*

СТРУКТУРА Структура субъективного благополучия, включающая различные характеристики субъективных переживаний, весьма интегрирована. Все составляющие благополучия тесно взаимосвязаны, поскольку имеются связи такого рода, что некоторые аспекты разных видов удовлетворенности могут совпадать или хотя бы частично перекрываться, а также взаимовлияют друг на друга. Например, в удовлетворенности трудом содержится удовлетворенность отношениями и т.д. Более того, механизмы психологической защиты постоянно действуют таким образом, что неудовлетворенность одной сферой жизнедеятельности может привести не только к изменению своего отношения к ней или усилению активности, но и к пересмотру приоритетов и направлению активности в другие сферы социальной жизни и тем самым «перекрывать» неудовлетворенность одного рода удовлетворенностью другого рода. Этим система личности «сопротивляется» разрушающим её целостность процессам, в противном случае (или в силу невозможности преодоления или нахождения альтернативы) не исключаются психосоматические и психологические расстройства.

Механизм возникновения удовлетворенности и возможного воздействия, вследствие определенных условий, на сферы, от которых зависит изменение качеств объектов удовлетворенности, можно представить в виде цепочки-иерархии различных психологических и социально-психологических составляющих. Они логично связаны друг с другом и лишь во взаимосвязи и взаимодействии могут создавать условия для возникновения субъектив-

ного благополучия и соответствующего его влияния на личные и личностные приоритеты субъекта, активизируя его.

Удовлетворенность (или неудовлетворенность) может привести к разрешению ситуации (ситуаций), вызвавшей ее, различными способами, в основе которых лежат поведенческие эффекты социализации личности, определенные стратегии. При этом немалую роль играет ее способность к самоконтролю и уровень личностной зрелости.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование удовлетворенности подростков в связи с индивидуальными и личностными характеристиками, предпринятое Т.В. Прохоренко, показало, что роль этих характеристик в становлении удовлетворенности различна в разные периоды подросткового возраста. В младшей подростковой группе наибольшее влияние на все виды удовлетворенности оказывают индивидуальные образования. К концу подросткового периода наблюдается снижение роли индивидуальных свойств и возрастание значения личностных свойств в становлении разных видов удовлетворенности. Касаясь становления видов удовлетворенности, отмечается неодинаковая выраженность удовлетворенности отношениями с одноклассниками в разных группах школьников. Удовлетворенность отношениями с учителями имеет тенденцию к снижению с возрастом; то же самое относится и к сфере школьных мероприятий. Удовлетворенность процессом познания в группе младших подростков находится в зоне высокого уровня, а в группе 15-16-летних школьников – в пределах средних значений. Иначе говоря, с возрастом у школьников происходит снижение оценок почти по всем видам удовлетворенности. Это говорит о том, что удовлетворенность все теснее связывается с личностной сферой и возможностью её самокоррекции. Кроме того, из исследований Т.В. Прохоренко следует, что в процессе социализации удовлетворенность также «социализируется»: расширяется система отношений, ее критерии усложняются (Прохоренко, 1995).

В контексте родительского стиля и речевого поведения с детьми П.К. Керигом изучалась удовлетворенность супружеством. Были выявлены особенности отношений родителей к детям в зависимости от удовлетворенности/неудовлетворенности супружеством с учетом гендерных аспектов.

Удовлетворенность жизнью представляется во многих исследованиях как основной (и чуть ли не единственный) компонент субъективного благополучия. Конечно, если понимать жизнь как то, что есть «все» – во всей полноте переживаний и отношений личности, включая самоотношение, социальные отношения, трудовые и метаотношения, так оно и есть, но в этом случае понятие «удовлетворенность» совпадает (или отождествляется) с понятием «субъективное благополучие», что, на наш взгляд, ведет к неправильному его

пониманию. Все же различные виды удовлетворенности дифференцируются по многим основаниям, они не рядоположны. Не включаясь в споры с этим мнением, выразим бесспорное, на наш взгляд, заключение о высокой значимости удовлетворенности жизнью для субъективного благополучия.

О.С. Копиной с сотрудниками было показано, что удовлетворенность жизнью связана с самооценкой здоровья, образованием, полом, социальным статусом. Различные виды удовлетворенности ими изучались в связи с оценкой уровня психоэмоционального напряжения населения. Удовлетворенность понимается как наличие в сознании личностного смысла происходящих в жизни человека событий (Копина, 1995).

Оценка удовлетворенности жизнью зависит «от того, что именно человек принимает в расчет: внешние обстоятельства жизни (лишь в некоторой степени изменяемые его усилиями) или оценивает свои решения, действия и поступки, собственную успешность» (Куликов, 2000). Удовлетворенность жизнью в исследованиях Л.В. Куликова соотносилась с удовлетворением потребностей, их остротой и значимостью.

Удовлетворенность жизнью используется и для наиболее общей оценки комфортности и ее связей с объективными показателями профессиональной успешности. В частности, в исследованиях Л.М. Митиной и Е.С. Асмаковец устанавливается связь индекса жизненной удовлетворенности учителей с показателями эмоциональной положительности преподаваемого предмета с точки зрения учеников (Митина, 2001). Ими показано, что учащиеся на уроках, преподаваемых учителями с низким индексом удовлетворенности, чаще испытывают отрицательные эмоции.

Наконец, удовлетворенность собой – феномен, изучающийся преимущественно в аспекте самоотношения и потому специально мало рассматривавшийся в науке. Любое событие, явление в жизни человека так или иначе обращает его к самому себе. В отличие от других видов удовлетворенности, объектом здесь являются не внешние обстоятельства или их содержание и не органические потребности человека, а собственно сама личность.

Удовлетворенность собой является социально-психологическим образованием, и среди всех видов удовлетворенности наиболее сложным. Поскольку в случае удовлетворенности (неудовлетворенности) собой (своим внутренним «Я») объектом которой выступает сама личность, отношения между инстанциями еще более усложняются, поскольку они являются рядоположными. Оно не тождественно Я-концепции и её элементам, но характеризуется эмоционально-оценочным отношением к себе как субъекту и носителю «Я», субъекту социальных отношений. Удовлетворенность собой зависит от социальных факторов существования и различных отношений (успешность социализации и самой личности в общении, взаимоотношениях в рамках референтных групп и т.п.). В этом смысле данный вид удовлетворенности

представляет собой относительно позднее образование (о нем можно говорить лишь с определенного момента развития личности), так как должны быть созданы когнитивные и личностные предпосылки для возможности субъективно-адекватного самовосприятия и активизации самонаправленного внимания личности.

В отличие от других видов удовлетворенности, удовлетворенность собой не получила целостного определения и изучения. Исследователи выделяют лишь некоторые факторы этого явления. Так, на основе обобщений различных исследований М. Аргайл констатирует связь удовлетворенности собой со способностью планировать, выстраивать свою жизнь, ставить цели и добиваться их реализации, экстраверсией и некоторыми другими свойствами (Аргайл, 1990).

Наиболее важным фактором удовлетворенности собой в студенческой выборке, как показали исследования М. Аргайла, является «опыт приятных взаимоотношений». Однако то, что относится к данной выборке, не обязательно является закономерностью при рассмотрении других групп. Система взаимоотношений может служить детерминирующим фактором субъективного благополучия применительно к значимым видам и сферам общения, которые меняются в зависимости от многих обстоятельств (уровня социальной зрелости, психофизиологических особенностей, образования, возраста, пола и пр.).

Однако это не означает, что лишь состояние удовлетворенности может быть благоприятствующим личности, напротив, неудовлетворенность является двигателем активности человека, в том числе среди прочего и в отношении своей личности. Говоря словами В. Франкла, определенная «доза» напряжения (вызванная неудовлетворенностью) является необходимой для душевного благополучия. Между тем удовлетворенность является и побудительным механизмом деятельности человека, поскольку она выражает сложное взаимодействие внутренних (физиологических, психологических) и внешних (природных, социальных) факторов, причем, очевидно, не всякий раз активность направляется именно на ту сферу, которая оказалась фактором неудовлетворенности или удовлетворенности. По мнению Б.Д. Парыгина, неудовлетворенность оказывается источником динамики, изменений и обновлений стабильной программы деятельности. Она выражает проявление потребностей личности и, таким образом, содержит внутреннее побудительное начало. В нашем случае достижения личностного развития становятся возможными через стремление изменить положение вещей в социально-желательном направлении, редуцируя дискретные проявления неудовлетворенности. И не случайно, как отмечает Г.Г. Дилигенский, в основе социальных потребностей – «неудовлетворенность человека собой и своей деятельностью, своим положением в системе социальных связей и отношений» (Дилигенский, 1996. С.106).

В периоды юности и взрослости именно это явление может способствовать личностному росту, самоактуализации, причем, разные виды удовлетворенности в этих процессах определенным образом могут взаимодействовать, интегрируясь в едином направлении.

СЧАСТЬЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

В ряде исследований, преимущественно философского плана, оценка человеком своей жизни и эмоциональное отношение к ней определяется термином «счастье». Однако нельзя полагать, что одну и ту же психологическую реальность исследователи разных областей изучают, используя разные понятия («счастье» – философы, «субъективное благополучие» – психологи и социологи). Проблема счастья обсуждалась широко многими поколениями философов, демонстрировавших свое, порой очень оригинальное, понимание этого и контрастирующих ему феноменов, а также предпринявших попытку объяснения возможности достижения того состояния, которое можно было бы именовать счастьем.

В истории философского понимания счастья, как отмечает И.А. Джидарьян, оно определяется как «наивысшее благо» (Аристотель), «то единственное, о чем следует заботиться» (Вольтер), «высшая степень морали, критерий ценности для всего остального» (Л. Фейербах), «сама добродетель» (Спиноза) и др.

Согласно современному философскому представлению, счастье – «понятие морального сознания, обозначающее такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению человеческого назначения» (Философский ..., 1983).

Как этическая категория счастье «обозначает особое психологическое состояние, сложный комплекс переживаний человека, связанный с положительной оценкой им своей жизни в целом» (Зеленкова, 1998. С.321).

Исходя из приведенных определений счастья, можно вывести одну особенность – ее завуалированную неактуальность времени жизни, характеризующую «настоящее»; напротив, существует мнение о том, что счастье – это «не мимолетное удовлетворение ...», «охватывает жизнь в целом – как жизненный путь ...» (Гусейнов, 1998. С.302-303) и т.д., указывающее на то, что оно обращено большей частью к будущему, обозначающему ориентиры того, к чему можно стремиться, и оценкой прошлого – достижений, полноты бытия и пр. Последнее, однако, также не вполне ясно, поскольку, одни считают, что стремление к счастью – это естественное желание человека, другие, – что «чем меньше мы гонимся за счастьем .., тем больше счастья мы находим». Развитие данной постановки вопроса мы представим позднее.

Наконец, в словаре В. Даля представлено исключительно лаконичное определение: «Желанная насущная жизнь» (Даль, 1982).

Таким образом, счастье – это понятие, психологическая картина которого не вполне ясна, оно сложно поддается операционализации, его философские описания разноречивы в отношении морально-нравственных императивов, эмоциональных состояний (от радости и блаженства до апатии), стремлений-желаний и «важнейших добродетелей», наконец, темпоральности. Это вызвано тем, что рассуждения философов предполагают поиск, своего рода, идеала наилучшего состояния человека.

Достаточно психологично понимание счастья Альбертом Сент-Дьердьи, слова которого привел Г. Селье: «Счастье – это в значительной мере реализация самого себя, то есть удовлетворение всех духовных и материальных запросов. ... Способность создает потребность использовать эту способность» (Селье, 1979). В этом определении заложена фундаментальная идея о развитии (саморазвитии) личности для достижения счастья, поскольку «не может быть большого наслаждения без большой (высокой, - Р.Ш.) потребности».

Психологическое определение счастья дано М. Аргайлом, в понимании которого, это: а) переживание удовлетворенности жизнью в целом, общая рефлексивная оценка человеком своего прошлого и настоящего; б) частота и интенсивность положительных эмоций. Такая «квалификация» счастья более всего близка к понятию субъективного благополучия (в оригинале - subjective well-being - SWB), в котором счастье понимается как положительное эмоциональное переживание, аффективный компонент благополучия.

Изучение любого явления предполагает поиск не только близких по значению или квалификации феноменов, но и их противоположностей, «альтернатив», с которыми они вступают в противоречия или с которыми постоянно соотносятся, сравниваются.

Однако, как только мы переходим в рассуждениях на плоскость понятия «счастье», так сразу же сталкиваемся с существенными проблемами в определении ее противоположности. Так, для Питирима Сорокина и некоторых других социологов и философов противоположностью счастью является страдание. Однако в рассуждениях П. Сорокина относительно динамики общества и счастья обнаруживается сохраняющееся противоречие, поскольку противоположности в данном случае образуют линейную связь, относительно «снижающегося уровня счастья» и не усиливающегося при этом страдания.

В исследовании И.А. Джидарьян в экспериментальных целях проведено полярное «разведение» – «счастье-несчастье», однако в результате сопоставительного анализа ею получены не столько различия черт, лежащих в их основе (оптимизм, целеустремленность, уверенность в себе – у «счастливых»), сколько сходство. Показано, что счастливые и несчастливые люди *не являются полярными типами* по большинству характеристик, и практически не от-

личаются по своим основным социально-этическим качествам (Джидарьян, 2000). Стало быть, в качестве альтернативы не может быть представлено несчастье. Эрик Фромм решил эту проблему посредством удаления дихотомии: поскольку уберечься от горя можно только ценой полной отчужденности от социального, *противоположностью счастья является не горе и страдание, а подавленность, возникающая в результате внутренней бесплодности и неплодотворности.* На наш взгляд, «несчастье» нужно понимать именно как отсутствие счастья, субъективного благополучия, но не наличие страдания, хотя, известно, что отсутствие благополучия может усиливать негативные переживания и наоборот.

Противоположностью счастью является неудовлетворенность, которая, однако, не сродни отсутствию удовольствий. Удовлетворенность выступает, как мы показывали ранее, не только субъективным переживанием, но отношением, связанным с объективной реальностью, с объективными ценностями и установками социума. Удовольствия же – субъективные ощущения. Вместе с тем нельзя, да и невозможно поместить удовлетворенность и неудовлетворенность на один единственный континуум как противоположности одного явления, скорее, они образуют сложные переплетения и порой содержательно связаны. Эта содержательная связь выражается как раз в том, что в недрах удовлетворенности и назревает и актуализируется неудовлетворенность, так что некоторое время эти состояния могут сосуществовать в одной плоскости, создавая амбивалентность переживания.

Противоположностью субъективного благополучия, казалось бы, является неблагополучие, связанное с недостаточностью ценностно-мотивационного и эмоционально-оценочного отношения к своей жизнедеятельности, что и создает внутреннее напряжение. Однако некоторое внутреннее напряжение является непременным условием равновесия, устойчивости настроения (Куликов, 1997). Поэтому необходимо понимать под неблагополучием то состояние, которое связано с острой или хронической неудовлетворенностью и в силу этого значительным превышением напряжения. Субъективное неблагополучие является отражением общего беспокойства, соответствующего обострению неопредмеченной потребности, поскольку чаще интегрирует неудовлетворенность по ряду показателей, среди которых субъективно невозможно выделить иерархию («все важно»). Поэтому часто это состояние квалифицируется субъектом глобально - как ощущение потери или отсутствия счастья, смысла, неудовлетворенность многими аспектами существования и пр.

Своего рода средняя зона между благополучием и неблагополучием, когда нет ни удовлетворенности, ни опредмеченного страдания, характеризуя относительное «равновесие» сил внешних и внутренних инстанций, оказывается ни сколь не более предпочтительным, поскольку оно сродни с тем ваку-

умом, который требует своего заполнения. Поэтому это состояние ближе к дискомфорту, усиление которого обычно становится причиной обращения к психологу и именуется глобальной неудовлетворенностью. Часто именно в этом состоянии актуализируется и проблема смысла жизни. Пока человек страдает, он обладает стремлением избежать страдания, грезит комфортом, но, достигнув состояния *не*страдания, оказывается в состоянии неудовлетворенности и, возможно, неопредмеченного страдания. Так, например, анализируя ряд работ, А. Видро приходит к выводу о том, что субъективное благополучие возможно *в условиях объективных трудностей или в присутствии других социодемографических и внешних факторов риска*. В прошествии времени возникает понимание того, что именно тогда, когда было опредмеченное страдание, счастье, и то и другое порой вместе, были смысл, значение, полнота жизни, которые еще больше усиливаются самоатрибуцией, создавая тем самым «положительное поле» для глобального утверждения собственного благополучия.

Внутренняя сущность субъективного благополучия предполагает необходимость социального сравнения. Вопрос о «равновесии весов», на разных чашах которых находятся счастье и несчастье, в общественном масштабе связан с нравственными императивами. Отсюда и идея о самоограничении, смирении для достижения «полноты счастья», определяемая в философии как «парадокс счастья» (Гусейнов, 1998). Преодоление такого диссонанса предполагает, с точки зрения философов, обращение к счастью других.

При всей привлекательности субъективного благополучия нельзя не сказать и о такой его стороне, как общественно важное его содержание. Речь идет о благополучии, понимаемом по-разному в зависимости от общественно или индивидуально, просоциально или антисоциально ориентированной личности, в зависимости от эгоистической или альтруистической направленности. Можно быть «благополучным», удовлетворяя лишь свои собственные амбиции, реализуя притязания и не соотнося ни своих желаний, ни последствий их реализации с микро- и макросоциумом. Следствие этого – внутренняя пустота и социальная изоляция, что приводит к невозможности самореализации и соответственно неминуемое снижение индекса субъективного благополучия в будущем. Вероятно, ущербна и противоположная личностная позиция – альтруистическая.

Итак, понятия «субъективное благополучие» и «счастье» не являются тождественными. Философские и психологические представления о счастье не могут полностью удовлетворить исследователей, интересующихся проблемой поиска «наилучшего состояния человека на данный момент времени». Поэтому психологи и социологи обратились к понятию, которое не вступает в конфликт с философской категорией счастья и в то же время соотносится с ней. В результате научной разработки эти понятия различаются, исходя из

предметной области наук. Хотя, на первый взгляд, различия не столь очевидны. В одних определениях понятие «счастье», будучи более широким и объемным, порой перекрывает понятие благополучия, в других – оно понимается как компонент благополучия, в третьих - совпадает. Учитывая широкий «разброс» компонентов в логике и семантике определения счастья, понятие субъективного благополучия является более адекватным состоянию человека, характеризующего его настоящее, а также лучше поддается операционализации.

6.2. Удовлетворение потребностей и субъективное благополучие

Следуя нашему пониманию феномена субъективного благополучия, необходимо отметить, что система отношений личности, являясь целостной формой синтеза психических образований личности, включает и потребности. Как отмечают В.Н. Куницына и В.Н. Панферов, в концепции отношений В.Н. Мясищева потребностям отводится роль «основного отношения». «Конституирующими компонентами» потребностей являются субъект, испытывающий потребности, объект потребности и своеобразная связь между субъектом и объектом, имеющая определенную функциональную нейродинамическую структуру, проявляющуюся в переживании тяготения к объекту и в активной устремленности к овладению им» (Панферов, Куницына, 1992. С.142). Иначе говоря, потребности включены в систему внутренних отношений и, стало быть, определяются и определяют эти отношения, а следовательно, и субъективное благополучие.

Однако относительно связи субъективного благополучия с удовлетворением потребностей имеется и противоположное мнение. Так, Э. Фромм полагает, что ощущение благополучия и счастье не связаны с удовлетворением потребностей. Мы полагаем, что это не так, поскольку в потребности человека заложена социальная (объективная) его сущность; сама потребность счастья уже есть показатель связи и определенного отношения между этими явлениями. Неверно было бы полагать, что человеком не движет стремление к благополучию. Оно одновременно является и целью, и «побочным» результатом жизнедеятельности. Введение категории субъективного благополучия снимает это противоречие, поскольку оно интегрирует множество человеческих (личностных) выявлений, включая удовлетворенность, основанную на системе отношений личности связанных с реализацией потребностей. Их связь выражается, прежде всего, в том, что удовлетворенность или неудовлетворенность определяют актуализацию потребности через систему отношений, а удовлетворение потребности может служить фактором удовлетворенности и, возможно, обобщенного субъективного благополучия.

В исследованиях субъективного благополучия личности уделяется большое внимание соответствию актуальных (актуализируемых) потребно-

стей субъективным возможностям человека по их удовлетворению. Иначе говоря, сфера потребности получает теснейшую связь со сферой самосознания. Можно предположить, что при высоких потребностях, но низком уровне оцениваемой самостоятельно возможности их удовлетворения наступает субъективное неблагополучие, обратное соотношение, вероятно, ведет к благополучию. Таким образом, устанавливается связь между актуализацией потребностей и осознанием их реализации.

Кроме сказанного, необходимо подчеркнуть, что ценность, личностная значимость той или иной потребности или группы потребностей определяют возможные контексты субъективного благополучия. Именно поэтому во многих эмпирических исследованиях получаются столь противоречивые результаты относительно факторов благополучия в различных странах, где имеются совершенно разные условия удовлетворения потребностей. Так, например, зависимость благополучия от материального достатка увязывается лишь до определенной его величины, вполне эмпирически определенной! Как только значимость его начинает снижаться, высвобождается другая потребность, создающая определенное напряжение или временный вакуум, возникает зона неблагополучия, относящаяся уже не к материальному достатку, а другим сферам неудовлетворенных потребностей.

Наконец, полнота удовлетворения потребностей лишь опосредованно влияет на удовлетворенность жизнью (Л.В. Куликов). Следовательно, не сама потребность и ее удовлетворение определяет субъективное благополучие, но *отношение* личности к потребностям, их значимость, значимость результата удовлетворения, открывающиеся возможности и пр.

Поскольку в этой связке первичной выступает потребность, и от ее актуализации зависит сила мотивации, необходимо определить, каким образом происходит сдвиг от потребности и ее удовлетворения к удовлетворенности. Отечественный ученый, нейрофизиолог П.В. Симонов, создал триадную структуру основных потребностей человека, представляющих порядок его актуального бытия: 1) витальные (биологические) потребности; 2) социальные потребности в узком и собственном смысле слова (поскольку социально опосредованы все побуждения человека) включают стремление принадлежать к социальной группе (общности) и занимать в этой группе определенное место, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви; 3) идеальные потребности познания окружающего мира и своего места в нем, познания смысла и назначения своего существования на земле как путем присвоения уже имеющихся культурных ценностей, так и путем открытия совершенно нового, неизвестного предшествующим поколениям. Удовлетворение потребностей соответствующего уровня посредством отношения к полноте, содержанию потребности и содержательной стороне

удовлетворения определяет соответствующий локус на шкале удовлетворенности.

Такое построение согласуется и с концепцией А. Маслоу, в которой предлагается также иерархическое строение потребностной сферы. В ее основании стоят биогенные потребности, затем психофизиологические, социальные, высшие, и наивысшую позицию в ней занимают так называемые «метапотребности». Существенно для понимания субъективного благополучия то, что в теории А. Маслоу подчеркивается «переходность» от одной потребности к другой как результат удовлетворения первой: «... основным последствием удовлетворения всякой потребности нужно считать исчезновение этой потребности и замещение ее другой, более высокой потребностью» (Маслоу, 1999. С. 110). Говорит ли это о том, что субъективного благополучия в принципе быть не может? Отнюдь. Поскольку оно в большей степени относится не к частному поведенческому акту, но к обобщенной оценке «жизни вообще», к удовлетворению тех потребностей, которым придается особый смысл в связи с теми же ценностями и установками. Если понимать субъективное благополучие в узком смысле как удовлетворенность субъективно-важных сфер деятельности и поведения, потребностей, то, видимо, нужно понимать, что высшей ее формой является самоактуализация. По мнению А. Маслоу, даже максимальное удовлетворение низших потребностей не может служить источником истинного удовлетворения. Их удовлетворение лишь предотвращает различные соматические и психические заболевания. Предпосылками «истинного удовлетворения» являются творчество и самоактуализация. Стоит упомянуть, что в определенном смысле эти потребности «никогда не удовлетворяются полностью, так как рост продолжается все время». Поскольку самоактуализация является «сборной» группой метапотребностей, очевидно, удовлетворенность здесь достигается за счет общего стремления и удовлетворения определенных составляющих этой группы.

Еще одна точка зрения принадлежит С.Л. Рубинштейну, согласно которой, направленная на удовлетворение потребностей деятельность, производя новые предметы для их удовлетворения, порождает и новые потребности. Из этого следует, что удовлетворение потребности одного класса неминуемо создает условия для возникновения и усложнения (как в историческом масштабе, так и в отношении индивидуальной жизни конкретного человека) других потребностей этого же класса. В целом, одно не исключает другого: развитие и усложнение одних потребностей и высвобождение в результате удовлетворения других является существенной социально-психологической характеристикой потребностной сферы человека.

В рассмотрении связи субъективного благополучия и удовлетворения потребностей мы не различали потребности по критерию снятия напряжения и роста. Это вопрос о расчленении потребностей на «потребности нужды» и

«потребности роста». Потребности нужды «подчинены принципу редукции напряжения, стремлению к достижению равновесия» (Асмолов, 1990. С.206). Потребности роста выражают тенденцию развития вида на уровне отдельного индивида в контексте социального образа жизни. Однако определенной «специфики», например, органических или социальных потребностей по этому критерию не обнаруживается, поскольку так или иначе все потребности человека социализируются² и тем самым могут создавать условия для гомеостаза и гетеростаза. Это «... зависит от того, какое место занимают побуждения как в структуре отдельной деятельности личности, так и в иерархии мотивов личности в целом» (Асмолов, 1999. С. 211).

Резюмируя сказанное, неудовлетворенность потребности не означает автоматического снижения индекса субъективного благополучия. Подобная ситуация в ряде случаев создает предпосылку для усиления активности личности, направленной необязательно на удовлетворение этой потребности и даже «обходного» пути, через удовлетворение потребности иного рода. Рефлексия ситуации и собственных возможностей (и притязаний), а также задействование механизмов самоотношения, самосознания и приводят к изменению индекса субъективного благополучия.

Таким образом, можно вывести три основных варианта соотношения субъективного благополучия и удовлетворения потребностей. Эти уровни составляют иерархию и могут быть представлены в динамике: 1) Удовлетворенность, достигаемая в результате удовлетворения дефицитарных потребностей – есть его первичная форма, которая вследствие прогресса в развитии должна трансформироваться в 2) удовлетворенность от соотносительности внешних и внутренних инстанций, главенствующее место в которой занимают высшие диспозиции, и, наконец, 3) удовлетворенность от соотносительности внутренних инстанций, достигаемая в результате самодетерминации личности и актуализации потребностей развития. Во всех случаях удовлетворенность выступает побудительным механизмом личности. Для интеграции различных видов удовлетворенности в целостную структуру субъективного благополучия на разных уровнях необходимы в содержательном отношении синтез как самой наличной потребности, ее удовлетворения, осознание ценности результата удовлетворения и целостное отношение к степени значимости всех этих компонентов для личности.

² В данном случае понятие «социализация» используется нами в общепсихологическом смысле как «гоминизация», очеловечивание.

6.3. Субъективное благополучие и здоровье

Субъективное благополучие практически является отражением психологического здоровья личности, но никак не сводится к нему. Иначе говоря, оно есть «нормальное» или оптимальное состояние «чистоты» внутренней среды, относительного комфорта, находясь в котором индивид способен реализовывать себя, свои цели и решать повседневные задачи. Этому способствуют сформированные социально-психологические образования в виде ценностей, убеждений, позитивных установок, нормативных способов поведения. Поскольку все эти образования так или иначе сформировались под влиянием социальных институтов, в них «закладывается» понятие «социальной нормы», регулирующее отношение личности к своим действиям и поступкам. Соответственно на основе социального познания и сравнения все, что воспринимается как определенным образом отличное от усвоенных норм в своем поведении, может быть фактором снижения индекса благополучия.

В последнее время внимание исследователей обращается на то, что субъективное благополучие обеспечивается не только внутренним физическим и психическим благополучием, но и состоянием духовно-нравственного здоровья социальной среды. По мнению Б.А. Класова, социально-психологическое субъективное благополучие личности зависит от уровня усвоенной социальной культуры, а также от состояния индивидуального и общественного физического, психического, интеллектуального и духовно-нравственного здоровья. Такое понимание также имеет свои основания в классической психологии, в частности, в работах психологов-гуманистов (А. Маслоу, К. Роджерс и др.), утверждающих интегральное строение психологического здоровья человека, включающего оптимальное сочетание выше-названных его показателей.

В частности, в работах А. Маслоу в связи с рассматриваемой проблемой принципиальное значение имеют следующие положения, подчеркнутые К.С. Хруцким: 1) общая болезнь личности предстает как форма недоразвитости, неспособность к самоактуализации или неспособность стать полноценным человеком; что означает: благополучие и здоровье личности представляет собой непрерывный процесс восхождения и осуществления личностной самоактуализации; 2) человеку постоянно нужны как ценности *развития*, так и *регрессивные* ценности: эти два набора ценностей всегда диалектически связаны друг с другом, создавая *динамическое равновесие*, которое определяет открытое поведение. Вместе с тем в психологии это не единственный взгляд на соотношение противоположных ценностей. К.Г. Юнг в работе «Архетип и символ» заметил, что единственная истина – во взаимосвязи и взаимозависимости противоположностей.

А.В. Воронина предлагает рассматривать психологическое благополучие с точки зрения той или иной формы здоровья. Так, по ее мнению, оно складывается из психосоматического здоровья, социальной адаптированности, психического здоровья и психологического здоровья, становление которых связано с онтогенетическим развитием индивида. Однако такой подход основан на попытке описания благополучия с точки зрения широко понимаемого здоровья, качественные характеристики которого, скорее, образуют «экологичность» жизни, деятельности и самосознания, поэтому лишь отчасти его можно квалифицировать как психологический. По мнению экспертов ВОЗ, благополучие в большей степени обусловлено самооценкой и чувством социальной принадлежности, чем биологическими функциями организма (Куликов, 2000).

Кроме того, существует и методологическая проблема, заключающаяся в том, что часто не удается определить отношения между причиной и следствием. Так, в работе А.А. Кирпиченко установлено общее снижение качества жизни у испытуемых женщин-алкоголиков до 56,84% по интегральному показателю по сравнению с контрольной группой. Им показано, что снижение качества жизни особенно выражено со стороны экономического положения, затем эмоционального состояния, физической мобильности и социальных функций; эти закономерности сохраняются и при определении качества жизни в зависимости от возраста, образования и семейного положения (Кирпиченко, 2003). Однако снижение качества жизни (субъективного благополучия, в данном исследовании), возможно, оказалось следствием алкоголизации, или, наоборот, общее снижение качества жизни привело к алкоголизации. Этот вопрос остается во многом открытым. Можно лишь предполагать, что низкие показатели субъективного благополучия являются фактором алкоголизации, однако общее снижение его индекса может быть вторичным действием алкоголизации.

Субъективное благополучие тесно связано и с соматическим здоровьем, на что особенно акцентируют внимание исследователи пограничных областей научного знания. Оно выводится из вполне объективного посыла о тесной связи психических состояний и соматической среды. Предполагается наличие психологических оснований всех или почти всех заболеваний.

В связи с этим вполне оправдано определение «психологического воздействия» на организм. Опуская всевозможные примеры, коснемся, в частности, исследования Т.Н. Овчинниковой, которой было выявлено, что возможно непосредственное и целенаправленное воздействие эмоционального настроения на организм человека, на его здоровье: сознательное включение «механизма самоактуализации» (активное и увлеченно-радостное выполнение любимого занятия) способствует выздоровлению.

Однако существует и обратная связь – влияние состояния соматического здоровья на степень субъективного благополучия (здоровье как фактор благополучия). Интенсивность этого влияния может значительно расходиться в зависимости от многих объективных и субъективных обстоятельств. К примеру, насыщенность жизни значимыми событиями, социальными связями порой значительно снижает интенсивность обращения к своему здоровью. Соответственно, снижения индекса благополучия под влиянием этого фактора не происходит (компенсация). Но может быть и обратное – акцентирование внимания на проблеме собственного здоровья даже тогда, когда серьезного повода для этого нет, к примеру, в связи с функциональными расстройствами нервной системы. Это связано с тем, что суждение об удовлетворенности основано на когнитивной карте мира личности, в которой могут быть более широко представлены, с одной стороны, ранние установки в отношении своего здоровья, акцентирующие на нем внимание, и информация о симптоматике, распространенности и вероятности заболевания в связи с, например, экологическим фоном, широко сообщаемая в СМИ, для «соединения» которых имеются основания в виде эгоориентированности субъекта. Одной из существенных причин субъективного неблагополучия, связанного с состоянием здоровья, является определенная стратегия социального поведения, вызванная получением определенного позитивного для личности внешнего отношения к ней, связанного с фиксацией, часто на более ранних этапах социализации, установки. В основе такого положения лежит неспецифическое удовлетворение потребностей – смена их «объектов»: удовлетворение значимых социальных потребностей, например, в принятии, любви (например, «жалует – значит, любит») посредством акцентирования нездоровья или какого-либо беспокойства. О характерологических эффектах подобного поведения не раз подчеркивали патопсихологи, имея в виду, в частности, истерическую акцентуацию.

Вместе с тем субъективное суждение о здоровье (и, как мы уже говорили, благополучии) не может являться его объективным критерием, но связанный с ним оптимизм может оказаться позитивным фактором объективного состояния здоровья. Однако полагаем, суждение о нездоровье может являться определенным индикатором неблагоприятных изменений внутренней среды организма.

Не менее важное значение отводится влиянию социально-психологических факторов на здоровье и его репрезентацию. Как отмечает Д.М. Сапонько, культура детерминирует субъективное восприятие состояния своего здоровья; исследуя репрезентации симптомов у ирландцев и итальянцев, Й.К. Золя выявил склонность первых к скудности жалоб и преимущественному отнесению их к глазам, ушам и горлу и склонность вторых к повышенному количеству жалоб и отнесению их к телу. Это объясняется тем,

что экспрессивность итальянцев является психологической защитой, драматизацией, помогающей им преодолевать ежедневные жизненные трудности, а культуре ирландцев свойственно игнорировать негативные события, и подобная форма отрицания приводит к скудности симптомов и жалоб.

И. Гурвич утверждает мнение о зависимости здоровья от возраста в связи с традиционным занятием высоких статусных ролей лицами более старшего возраста, субъективного восприятия социально-экономического статуса, также связанного с факторами социальной перцепции («через процесс социального сравнения»), культуры, социальных изменений, - всего того, что связано с качественным изменением внутренних и внешних инстанций личности и соответствующими глубинными их отношениями под влиянием либо внешней среды, либо меняющимся отношением к ней. Наконец, из данных, приведенных М. Аргайлом, следует наличие связи продолжительности жизни (рабочих) с удовлетворенностью работой; также показано, что неинтересная работа отрицательно влияет на психическое здоровье.

Вместе с тем не должно складываться представление о том, что субъективное благополучие означает неизменный комфорт и ощущение счастья. Каждый человек имеет способность огорчаться, тревожиться, переживать горе, неудачу и т.п., но при этом он способен также и на оценку своих предшествующих переживаний, сравнение их со своими или чужими, т.е. сохранять определенный оптимизм, чувство целостного благополучия. В структуре целостного это может быть представлено как элемент, соответствующий определенной норме благополучия, «ответственной» за «динамическое равновесие». Однако при усилении значения неудовлетворенности и «заражения» других значений образуется «засорение» зоны благополучия (условное благополучие), которое способно оказывать негативное действие на здоровье и создавать зоны функциональных нарушений. В исследовании Н.Д. Заваловой и В.А. Пономаренко показано, что психическое состояние при определенных условиях *лишает психические процессы, формирующие целостное отражение, их системных качеств.* Это и означает, что «засорение» может блокировать некоторые процессы и тем самым фиксировать сознание либо на неопределенном объекте, либо на состоянии.

Несомненно, субъективное благополучие связано с психологическим и социальным здоровьем человека, его верой, надеждой, оптимизмом и, конечно, уверенностью в завтрашнем дне. Оно является той питательной средой, которая обеспечивает все необходимое для полноценного существования личности, ее внутренней силы и оптимистичного настроения.

В последнем и кроется одна из основных функций субъективного благополучия – создание динамического равновесия между личностью и ... личностью, личностью и окружающим ее миром, позволяющее высвободить потребности более высокого порядка, - общественные по своей природе.

6.4. Социальные представления как основание субъективного благополучия

Поскольку переживание субъективного благополучия связано с определенного рода социальными схемами (категориями), которые активно отражаются личностью, целесообразно рассмотреть вопрос о социальных представлениях и механизме их присвоения и использования в качестве критерия в процессе соотнесения «внешнего» и «внутреннего» (знаний, установок и т.п.) относительно их возможной «симметрии».

Сами по себе социальные представления, конечно, не являются ни критериями, ни факторами субъективного благополучия. Они приобретают эти качества в результате присвоения и последующего сравнения, соотнесения с ними качественных показателей своей жизнедеятельности и других людей, актуализации тех потребностей, которые, будучи подверженными социальной же регуляции, могут быть связаны с определенными индивидуальными представлениями, в результате чего появляется «связь» - отношение к социальной информации. Очевидно, положительная оценка социальных представлений и является основанием для включения их в совокупность внешних инстанций личности и усиления их значимости.

Социальные представления определяются как специфическая форма познания социальной действительности. В работах С. Московичи они представляются как «тип социальной реальности», сквозь призму которой человек воспринимает окружающий мир. К социальным представлениям относят идеологические и религиозные воззрения, социальные мнения, мифы, системы убеждений; это особая форма коллективного знания, усваиваемая отдельным индивидом.

Однако социальные представления – есть ни что иное, как то, что находится в постоянном движении, хотя и призвано упрочивать психологическую стабильность социального субъекта. Было бы неверно полагать, что социальные представления находятся вне личности, и она вынуждена принимать их такими, какие они есть. Люди и группы конструируют стабильный и предсказуемый мир из набора различных феноменов, что предполагает, применительно к нашему вопросу обсуждения, наличие различий (и, порой, существенных) в содержании социальных представлений различных групп. В той или иной степени все, что входит в поле социальной перцепции конкретного человека не только селектируется и категоризируется, но и атрибутируется, налагается определенными ценностями и, очевидно, значениями. В этом смысле, модели комфорта, благополучия становятся значимыми и реально действующими лишь в рамках тех референтных групп, которые эти модели принимают и активно используют. Из этого следует, что смена референтной по какому-либо показателю группы неизбежно приводит и к определенного

рода изменениям в субъективных представлениях относительно благополучия. Общественные отношения, представленные в сознании человека, подвергаются постоянной субъективной модификации в зависимости от общей их структуры, уровня развития, эмоционального отражения и пр. Поэтому нельзя полагать, что это есть статическое и вместе с тем всеобъемлющее, отражаемое сходным образом у разных людей образование. Естественно, оно имеет определенную инвариантную структуру, но с очевидностью можно констатировать и наличие индивидуальных вариаций относительно различных аспектов представления. Иначе говоря, социальные представления об одном и том же объекте могут значительно расходиться у разных групп.

Л. Барсалу обнаружил изменчивость субъективной интерпретации событий одним и тем же человеком и существование изменчивости значений, вкладываемых разными людьми в одни и те же понятия. Так, например, понимание счастливой, комфортной жизни, среды может быть по-разному представлено у разных индивидов, равно как и факторов этих конструктов. Это может быть связано с состоянием среды и включенностью человека в различные группы, а также когнитивной сложностью, социальным опытом, состоянием самого человека в различные моменты жизни.

Два аспекта процесса субъективной интерпретации, как считают исследователи, привлекают наибольшее внимание: формирование категорий и разрешение двусмысленности (заполнение информационных пробелов и реинтерпретация информации, не согласующейся с категорией отнесения). Как известно, прибегнув к категоризации, субъект значительно упрощает процессы соотнесения внешнего и внутреннего, поскольку процесс понимания и ценностного отношения к миру во многом определяется теми категориальными структурами, сквозь призму которых человек воспринимает этот мир.

Если учесть тот факт, что люди используют готовые схемы и знания, позволяющие формировать умозаключения и суждения с большей легкостью и субъективной уверенностью, а также в типичных ситуациях вести себя подобно выработанной роли, можно предположить стойкость в определении оснований для субъективных отношений, а следовательно, и для переживания благополучия.

Относительно механизма формирования социального представления в науке имеются различные мнения. В русле когнитивизма, например, исследователи склонны полагать, что субъективное представление о мире, включающее социальные представления, формируется на основе освоения предметной и социальной среды, на основе усвоения различных императивов. В русле конструктивизма речь идет о построении этой модели с учетом своего личного опыта.

В любом случае, понятно, что социальное представление индивида (субъективное социальное представление) во многом связано с его социаль-

ным опытом и, очевидно, социальным интеллектом. Чем более разнообразен этот опыт, тем более учитываются различные аспекты выстраиваемого образа. Столь же определенно можно сказать и об аффективной стороне: положительно окрашенные события в жизни человека несут в себе более позитивный взгляд на мир и больший оптимизм относительно межчеловеческих отношений и в целом отношения к миру. Но парадокс состоит в том, что не всегда отрицательно окрашенные события определяют общий пессимизм; скепсис не означает пессимизм, он лишь определяет почву для анализа и конструктивного подхода к вновь происходящим событиям³. Если ситуация воспринимается субъектом как та, которая его чему-нибудь научит, обогатит его личный опыт, можно говорить о позитивном взгляде на мир. Здесь опять же можно усмотреть связь с консерватизмом в апеллировании к тем категориям, которые представляют эту информацию. Это своего рода ошибка в интерпретации и суждении, которая чаще недоступна для сиюминутного осознания, но содержит конструктивный способ отношения к жизни. К сожалению, чаще случается обратное: ошибка в интерпретации не позволяет вовремя понять неверность исходных представлений. Конструирование реальности личностью под имеющиеся субъективные же представления содержит в себе угрозу благополучию, поскольку выступает временным защитным средством, реализация поведения в соответствии с которым или последующее осознание которого неминуемо приведут к острой неудовлетворенности и переживанию неблагополучия. Конструктивизм в отношении субъективного благополучия будет рассмотрен нами далее.

В заключении данного параграфа отметим существенную необходимость в изучении групповой системы представлений относительно благополучия как основания для вынесения суждения о собственном благополучии-неблагополучии, поскольку социальные представления служат весомым фактором когнитивной составляющей благополучия для оценки качества того или иного значимого содержания в жизнедеятельности человека. С ними сравниваются результаты собственной деятельности, поведения, успешности личности.

6.5. Самосознание и субъективное благополучие

В понятии «Я» заложена общественная сущность человека, характеристики его отношений с внешним миром, отношения к нему самому. Внешние отношения определяются местом, которое занимает индивид в системе отно-

³ Это подтверждают и исследования, описанные Клаусом Фидлером, согласно которым в отношении негативного настроения, опыта обычно бывает более слабый эффект конгруэнтности, чем для позитивного (Фидлер, 2001).

шений, начиная уже с самых первых минут жизни, когда он большей частью испытывает на себе установки и ожидания родителей и родственников, к полу, конституции и пр., и затем, – все более на основе психологического облика, включающего в ряды прочего и индивидуально-типологические особенности, и самоотношение, и представление о своем месте в системе тех же межличностных отношений.

Субъективное благополучие тесно смыкается с самосознанием, оно и включено в него. Кроме того, сознание благополучности своего бытия неминуемо включает и оценку своего «Я». Это связано с тем, что так называемая «самость» строится, по крайней мере, на четырех основаниях – усвоения оценок других (интериоризация), социального сравнения, самоатрибуции и смысловой интеграции жизненных переживаний, которые тем не менее не только связаны, но интегрированы и порой выступают взаимодополняя друг друга в процессе становления личности и ее самоотношения.

Субъективная оценка своей жизнедеятельности, своей успешности в ней значительным образом определяет качественные характеристики самоустановок и отношения к себе. С одной стороны, критерии оценки достижений могут меняться самой личностью «подтягивая» их под социальные нормы, с другой стороны, иллюзорный мир оценок, выстраиваемый в результате, например, срабатывания психологической защиты, не может претендовать на долговременность, поскольку имеется необходимость соответствия общепринятым стандартам.

Самосознание ни в коей мере не является статичным образованием. Ее процессуальность связана с объективными изменениями в системе отношений личности, в системе ее деятельности и, конечно же, самой себя. И тем более оно не ограничивается лишь субъективным миром личности. Ее эмоционально-оценочная составляющая – самооценка связана с процессом самореализации. Их взаимовлияния связаны с удовлетворенностью личности, – считает Л.В. Куликов: «...неудовлетворенность самореализацией снижает самооценку, а заниженная самооценка препятствует полноценной самореализации» (Куликов, 1997).

Согласно известной формуле У. Джеймса, самооценка прямо пропорциональна успеху и обратно – притязаниям, следовательно, снижение уровня притязаний (и их значимости) способно улучшить самоотношение. Однако это снижение не может иметь глобальный характер лишь постольку, поскольку человек, «вынужденный» социализироваться, среди своих внутренних инстанций обнаруживает достаточно те, которые «выдвигают» высокие ориентиры. К примеру, российскими психологами показано, что противоречие между стимулирующей потребностей, притязаний и препятствиями в их удовлетворении создает особенную остроту неудовлетворенности и снижение субъективного благополучия личности. Не лучше обстоит дело и с теми лицами,

которые, затрачивая усилия для присвоения атрибутов «счастливой жизни», «обнаруживают, что самого счастья достичь при этом не удастся» (Братченко, Клюева, 2002).

Несомненно, субъективное благополучие значительно расходится у лиц с разными притязаниями и самооценкой, а также их соотношением. Очевидно, чем выше уровень притязаний и меньше возможностей их реализации, тем ниже индекс субъективного благополучия, и напротив, чем больше возможностей их реализации, тем выше благополучие. Однако, согласно данным Л.В. Бороздиной и Е.А. Залученовой, достаточный эмоциональный комфорт могут иметь люди «с адекватными самооценкой и уровнем притязаний и люди с грубо неадекватными названными конструктами», последние, как показывают исследователи, должны прийти к конфликту с окружением. В любом случае длительное рассогласование между самооценкой и уровнем притязаний – ситуация пролонгированного внутриличностного конфликта, хронического эмоционального дискомфорта.

Ситуацию с притязаниями проиллюстрируем на конкретном примере. При усилении возможностей реализации притязаний усиливается и индекс благополучия. Для человека оказывается значительно более важным не реальное достижение, а сама возможность этого достижения; возможность, закрепленная либо законодательно, либо ее рефлексия, знание, сформированное в процессе социального развития⁴.

БЛАГОПОЛУЧИЕ И УСПЕШНОСТЬ

Успех и успешность в социально-психологической деятельности становятся значимыми в результате всевозрастающей значимости социальных отношений субъекта. «Люди обычно удовлетворены собой, если испытывают гордость от своих успехов, но недовольны собой, когда что-то осуждают в себе», – пишет А. Бандура (Bandura, 1977). Осуждение себя (или какого-либо аспекта в себе) связано с несоответствием усвоенных нормативов и результатов поведения и деятельности в сообществе. Чем выше в иерархии находится актуальная потребность, тем более зависима мотивация деятельности от успешности ее реализации, если таковой нет, мотивация снижается, и локус субъективного благополучия смещается на другие уровни. Механизм смещения локусов благополучия заключается в редукции когнитивного дис-

⁴ Херцбергом было показано, что наиболее часто называемым источником удовлетворенности работой, в частности, является признание и продвижение по службе, *хотя не все стремятся к продвижению* по службе. Группой исследователей под руководством А.П. Краковского было показано, в частности, что для подростков более значимы равные возможности, а не столько реальное их воплощение. Исследователями в области политической психологии также доказывается важность самой возможности участия в процессах управления и самоуправления как детерминанты «политической» удовлетворенности.

сонанса – диссонанса тех знаний, которые представляются личности как несовместимые при условии их равнозначности.

Неуспех, сопровождаемый ребенка на уровне его дошкольного или школьного детства, по-видимому, создает предпосылки для неуспеха в последующей жизни. Осознание своей социальной успешности является одним из «определителей» субъективного благополучия, равно как верно и обратное: человек, являющийся благополучным в самовосприятии, обнаруживает в своем поведении гораздо больше «успешных» ситуаций, нежели чем неблагополучный (кстати, вся система психотерапии нацелена на субъективизацию личности и усиление ее «благополучности»).

Вместе с тем, как подчеркивает У. Глассер, независимо от прошлых неудач и иных факторов (этнос, материальное благосостояние, культура и пр.), первого по-настоящему реального успеха достаточно, чтобы все ранее неблагоприятные факторы могли быть нейтрализованы. Это значит, что достижение успеха и, следовательно, как производное от этого – усиление субъективного благополучия возможно на любом уровне жизненного пути. Это вполне оптимистичная точка зрения и, как мы полагаем, единственно необходимая для практики психологической помощи населению. Однако мы понимаем, насколько важно испытать «серию удач» как можно раньше. Именно школа способна (изменив свою «педагогическую философию») помочь ребенку обрести зрелость, уважение и любовь окружающих, осознать себя полноценной личностью и достичь благополучия.

Наличие ранних «успешных» ситуаций ведет к тому, что поэтапное снижение притязаний в результате меняющихся условий жизни и включения в соответствующие группы может способствовать сохранению положительного самоотношения и связанного с ним субъективного благополучия. Иначе говоря, соотношение притязаний и успешности является необходимым, но вовсе не достаточным условием субъективного благополучия личности. Однако в реальной ситуации в отношении конкретной личности эта схема не всегда срабатывает. Так, в исследованиях Р. Моултона показано, что испытуемые иногда демонстрируют противоположное поведение: «повышают уровень притязаний после неудачи и снижают его после неожиданного успеха» (Москвичев, 1975. С.89). Комплекс переживаний и реальных действий, соответствующих обозначенному явлению, получил в психологии название «аффект неадекватности», основными показателями которого явились нежелание снижать уровень притязаний, несмотря на неудачи, полное отрицание мысли о том, что причины неуспеха могут крыться в самом человеке, стремление обвинить в своих неудачах кого угодно, чувство обиды и уверенности в несправедливости. Объяснение этому явлению сводится к тому, что иногда общие (или в какой-то области) притязания личности превышают ее реальные возможности; невозможность «добиться успеха и поднять свои достижения

до уровня притязаний вызывает внутренний конфликт, который сопровождается чувством эмоционального неблагополучия» и постоянной неудовлетворенности. Возможно противоречие и между суждением об удовлетворенности и эмоциональным неблагополучием. Таким образом, аффект неадекватности является неосознаваемой защитной реакцией, способствующей сохранению определенного субъективного благополучия, детерминированного направленностью на самоутверждение.

САМООТНОШЕНИЕ И БЛАГОПОЛУЧИЕ

Причиной снижения индекса субъективного благополучия могут стать «излишне строгие нормы самооценки», приводящие к самообвинению, самоуничтожению или, пользуясь терминологией А. Бандуры, самонаказанию. Основная причина такого положения скрывается в социальной виктимизации – в том, что социализация порой дает такой эффект, который настолько усиливает социальный контроль внутри личности, что она не всегда может справиться с ее действием (соответствовать нормам, причем, часто противоречивым). Воспринимаемое «Я» оказывается слишком далеким от идеального (или даже «дóлжного») «Я».

На основании исследований В.Л. Келла, в которых показано, что поведение лучше предсказывается степенью самопонимания, дававшей с последующим поведением высокую корреляцию (0,84) (Франкл, 1990), можно заключить, что от адекватности субъективного переживания самого себя, своей психологической «картины» и, значит, самоотражения зависит внутренняя социальная регуляция поведения.

Как нельзя лучше выразила эту мысль Г.Л. Исурина: «... оптимальное соотношение, баланс когнитивного и эмоционального компонентов отношения к себе, основанный на эмоциональном принятии себя и адекватном знании себя, приводит к тому, что отношение выполняет не только самозащитную функцию, но и функцию саморегуляции, она начинает выступать в качестве эффективного регулятора поведения, где он руководствуется своими истинными потребностями, реалистично оцененными возможностями, интересами и особенностями окружающих, конкретными условиями той или иной ситуации» (Исурина, 1990. С.120).

Самоанализ может стать тем основанием, который будет служить определению возможных и необходимых изменений в поведении и деятельности для достижения субъективного благополучия, на фоне которого были бы возможны новые достижения в сферах «Я» и «Я и другие». Вместе с тем недостаточность в анализе своего «Я», защитный тип реагирования на необходимые изменения в себе, своей жизни, поведении в различных ситуациях способны усиливать «гедонистические переживания», проявляющиеся в игнорировании или отказе от осознания проблемы. В этом случае субъект поддер-

живает некую иллюзию благополучия, которая рано или поздно (в норме) войдет в диссонансные отношения с изменяющимися эффектами социального восприятия (вторичное действие) и создаст «критический уровень» конфликта, следствием чего может стать временное или длительное функциональное нарушение.

Согласно положению В.В. Столина, «Я-образ» и самоотношение различны. В первом содержатся знания и представления о себе, во втором – переживание, относительно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и «Я-образ».

В концепции В.В. Столина выделяется несколько уровней самосознания, которые тесно связаны с определенными основаниями самоотношения. Так, на уровне биологического индивида «Я-образ» организма отражает схему тела и связан с самочувствием («биологическим аналогом самоотношения»). На уровне социального индивида «Я-образ» выступает вторичным по отношению к системе социальных самоидентичностей, а самоотношение выступает образованием, возникшим на основе интериоризации отношения других (принятие или отвержение). Наконец, на уровне личности в «Я-образе» ведущее место начинает занимать дифференцирующая образующая «Я-концепции», обеспечивающая самоопределение личности, а основой самоотношения становится самоактуализация. На этом уровне, как отмечает И.И. Чеснокова, соотнесение знаний о себе происходит в процессе автокоммуникации (в рамках «Я»-«Я»). Иначе говоря, соотнесение происходит в пространстве внутренних инстанций личности и это, очевидно, накладывает определенный отпечаток на всю систему отношения к себе, а также и на отношения к миру и своей жизнедеятельности.

Как известно, самоотношение активно защищается личностью. Это относится как к положительному (симпатия, самоуважение), так и негативному (низкое самоуважение) его видам. Однако, как показывают исследования (Бодалев, Столин, 2002), субъект склонен к компенсации тех аспектов себя или самой самооценочной деятельности, которые так или иначе подрывают самоуважение и могут привести к нарастанию антипатии.

Чувственной стороной самоотношения часто называют любовь к себе. Однако в философии и, в ряде случаев, в психологической публицистике здесь усматривают противоречие, связанное с «альтернативой» этому чувству – любовью к другим. По мнению Э. Фромма, любовь к другим и любовь к себе не альтернативны; в способности любить как базовой основано счастье. Анализируя работы Канта, Кельвина и Лютера, он приходит к выводу, что установка на любовь к себе обнаруживается у всех, кто способен любить других. Осторожный вывод о необходимости принятия себя и любви к себе для возможности «любви к ближнему» стал в последнее время особенно часто эксплуатироваться в психологических кругах. Однако не будем забывать,

что любовь – амбивалентное чувство, которое часто может провоцировать и ощущение неблагополучия, основанное на диссонансных отношениях когний, в том числе об амбивалентных чувствах.

Отсюда важным становится понимание того, что феномен субъективного благополучия в первую очередь связан не столько с потребностями и их реализацией, сколько с субъективным отношением личности к возможности их удовлетворения, событиям жизни и самому себе, его стремлениями⁵, представленными в самосознании. В связи с этим, пользуясь терминологией А. Бандуры, необходимо определить систему, которая ответственна за «дискомфорт» (а вслед за ним и пути коррекции этой системы).

В разработке проблемы самосознания исследователи обращают внимание на информационное обеспечение благополучия. Так, И.С. Кон подчеркивает, что в рефлексивном «Я» наиболее тщательно регистрируются те мнения о себе, которые способствуют поддержанию устойчивости образа «Я».

Вполне понятно, что в реальной жизни человека информация о себе интегрируется, а ее «иерархическая организация позволяет человеку варьировать свое поведение» (Кон, 1984). Поскольку физическое, психологическое и социальное в субъективном восприятии интегрируются и образуют целое, целесообразно ввести понятие социально-психологического субъективного благополучия личности. Ее структура будет обладать иерархическим строением, но вместе с тем с развитием личности – и большей обобщенностью.

Естественно, здесь необходимо оговориться и о разных стратегиях субъективного контроля, теснейшим образом связанного с «Я»-образом. Исходя из концепции Д. Роттера, локус (место) контроля, представляет собой личностную переменную, связанную с «ожиданием того, в какой степени она контролирует подкрепления в своей жизни» (Хьел, Зиглер, 1999. С.419). Одни люди склонны приписывать ответственность за успехи и неудачи себе, другие – внешним факторам и, следовательно, по-разному представляют себе свое благополучие. Между тем и те и другие стремятся к устойчивости в области самовосприятия и его оценочному выражению, но делают это по-разному. Исследования К. Муздыбаева позволили ему сделать вывод о том, что ответственность – это качество, характеризующее социальную типичность личности, что существует связь между социальной ответственностью личности и ее реальным поведением. К. Муздыбаев подчеркивает, что ответственность связана с субъектом, который несет ответственность, объектом – того, за что

⁵ Здесь наше положение несколько созвучно с концепцией А. Маслоу, в которой он утверждал, что сами «вещи» не удовлетворяют потребности, заключающиеся не только в удовлетворении запросов тела, но и в стремлении 1) к безопасности, надежности, защите, 2) к сопричастности, то есть принадлежности к семье, общине, клану, банде, кругу друзей, любимых, 3) к уважению, одобрению, достоинству, самоуважению и 4) к свободе, необходимой для полнейшего развития своих способностей и талантов, для реализации своей самости.

несет данный субъект ответственность и другим объектом – перед кем несет человек ответственность. Речь практически идет о различных инстанциях личности. Можно предположить, что соотнесенность «требований» инстанций определяет принятие ответственности, и в результате возникает удовлетворенность. В процессе социализации моральные и нравственные нормы усваиваются индивидом и становятся его внутренним законом, но процесс адекватного осознания личностью своей ответственности определяется многими факторами, вследствие чего, как показывает К. Муздыбаев, субъективная ответственность иногда расходится с объективной. Следовательно, вполне возможны варианты удовлетворенности, связанные с субъективной ответственностью, не согласованной или даже противоречащей объективной, поскольку все объективное отражается личностью субъективно и так или иначе соотносится с внутренними инстанциями. Таким образом, вопрос о связи субъективного благополучия с ответственностью переходит на плоскость субъективного контроля, осознания ответственности.

6.6. Факторы и критерии субъективного благополучия

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Поскольку субъективное благополучие основано на системе отношений личности, его детерминанты исходят из детерминантного комплекса психологических и социально-психологических отношений. И.С. Клецина на основе анализа сущностных характеристик отношений для каждого уровня отношений выделяет соответствующие специфичные социально-психологические детерминанты. Так, для макроуровня (отношения типа «личность-общество» (культура) таковыми являются социальные представления; мезоуровень («группа-группа») детерминируется социальными стереотипами, микроуровень («личность-личность») – социальными установками, интраиндивидный уровень – социальной идентичностью. Несмотря на небезупречность предложенной модели, она представляется нам весьма конструктивной, поскольку включает не только разноуровневые отношения, но и разноуровневые детерминанты, которые могут иметь как внутренние связи, так и взаимопереходы, если рассматривать их развертывание на уровне субъекта, на уровне субъективного отражения объективных условий.

В реальных условиях на систему субъективных отношений оказывает влияние множество детерминант разного рода, значения и содержания. Однако схема, предложенная И.С. Клециной, позволяет, в частности, рассматривать детерминанты разного рода применительно к объектам субъективного благополучия, поскольку все выделенные уровни посредством отражения преломляются в личности.

Западные исследователи в большей степени усматривают связь субъективного благополучия с экономическими обстоятельствами жизни. Однако полученные Р. Инглхарт данные свидетельствуют в пользу неоднозначности этой связи. Так, Р. Инглхарт показал, что с переходом от общества скудости к обществу (экзистенциальной) безопасности резко повышается субъективное благополучие, но такая зависимость не является линейной и по достижении определенного порога, экономический рост больше уже не увеличивает в существенной мере его индекса. Объяснение этим данным представляется вполне убедительными: «... Это может быть связано с тем, что при указанном уровне голод уже не составляет реальной проблемы для большинства людей. Выживание начинает приниматься как должное. Начинают появляться, в значительном числе, постматериалисты, а им дальнейшие экономические достижения не добавляют благополучия» (Р. Инглхарт, 2002). Более того, если дальнейший экономический рост принесет с собой ухудшение нематериального качества жизни, это фактически может привести к снижению уровней субъективного благополучия.

Отечественный психолог К. Муздыбаев на примере изучения субъективного чувства бедности устанавливает и обратную связь: «субъективное чувство бедности способствует формированию специфической самоконцепции личности (восприятия себя, своего социального статуса и т. п.), особых социальных ожиданий и установок людей» (Муздыбаев, 2002). Здесь кроется очень важная во всех отношениях идея, согласно которой, в частности, «субъективная» бедность основана не только в ее объективной оценке как таковой, но субъективно требуется от общества.

Иначе говоря, возвращаясь к нашей проблеме, не только субъективное благополучие связано с экономическим положением субъекта, но и экономическое положение связано с субъективным благополучием.

Исследование, выполненное Е.А. Углановой на основе данных опроса RLMS⁶, показало, что подобные тенденции уже имеются и в России. Так, автор заключает, что отношение россиян к деньгам становится более спокойным. Сильнее оказывают влияние на индекс субъективного благополучия мысли о будущем, беспокойство о нем. Хотя, естественно, в России как в государстве с низкими доходами большинства населения деньги являются гораздо более важной жизненной сферой. Например, согласно последним исследованиям Суптеля А.В. и Ериной С.И., молодежь склонна давать более высокую оценку материальным ценностям, а категория «честность» практически потеряла свою значимость в молодежной среде и ставится ниже ценности «денег». Тем не менее, «стандарты» влияния денежного фактора на субъективное благополучие не могут быть автоматически перенесены на российскую модель

⁶RLMS – RussianLifeMonitoringSurvey (опрос, осуществляемый Институтом Социологии РАН; последний – в 1999 г.).

хотя бы потому, что имеются различия в самих критериях, соотношении «бедных и богатых», а также ценностных ориентациях (менталитете россиян).

Вместе с тем, хоть и не удалось исследователям выявить однозначные экономические детерминанты субъективного благополучия, необходимо понимать, что в той или иной мере они определяют возможность относительно «заполнения» физического Я (по У. Джеймсу). Это дает возможность построить своего рода базис для социальной и духовной надстройки, которые преимущественно и определяют наиболее важные сферы для благополучия. Поиск соотношений компонентов субъективного благополучия с личностными переменными необходим уже постольку, поскольку за «простыми» связями могут скрываться причинно-следственные отношения.

Исследование, предпринятое А. Видро, позволило ей сделать вывод о том, что индивидуальные различия субъективного благополучия личности не могут быть описаны с опорой на какой-либо отдельно взятый фактор – личностный, социодемографический или контекстуальный; вместе с тем возможно различное влияние этих факторов на отдельные группы людей, выделенные по полу, семейному положению, экстравертности.

Исследования западных социологов и психологов показывают значимость имеющихся связей субъективного благополучия с другими психологическими образованиями как в половозрастном аспекте, так и в этническом и статусном. Хотя в целом, из последнего исследования видно, что объяснения индивидуальных различий в субъективном восприятии своего благополучия ни социодемографическими, ни возрастными, ни личностными факторами не определяют его однозначно. Вместе с тем поиск единственной детерминанты субъективного благополучия является методологически неверным. Любое системное образование психики предполагает множественность и «разновесность» детерминант. Следовательно, необходимы комплексные теоретические и эмпирические исследования, которые позволили бы более точно определить детерминантный комплекс изучаемого явления и отношения между этими детерминантами.

Кроме того, совершенно недостаточным является опора лишь на эмоциональный компонент благополучия в определении и изучении его детерминант и их отношений. Необходимо изучение всей структуры составляющих ее видовых характеристик удовлетворенности.

Детерминантами субъективного благополучия выступают своеобразно (порой, противоречиво) связанные инстанции личности – как внешние, так и внутренние. Поэтому смысложизненные ориентации, представления о себе в связи с объективными показателями жизнедеятельности и социального познания и составляют детерминантный комплекс субъективного благополучия.

На основании теоретических разработок проблемы субъективного благополучия можно выделить несколько комплексов, составляющих конструк-

ты в результате взаимодействия инстанций и являющихся наиболее важными с точки зрения качества жизни и его субъективной оценки:

- 1) комплекс отношений с малым социумом (семья, родственники, друзья, знакомые и т.д.);
- 2) комплекс отношений с большим социумом (стабильность в стране: экономическая, политическая, социальная);
- 3) комплекс трудовых процессов (профессия, профессиональная группа, профессиональный интерес, профессиональное общение, доход);
- 4) комплекс жизненных процессов (потребности, безопасность, здоровье, экология);
- 5) комплекс интересов (коммуникативные, познавательные, материальные и др.);
- б) комплекс внутриличностных процессов (система ценностных ориентаций, соотношение между внутренними и социальными ценностными ориентациями, самоотношение, самооценка, баланс между притязаниями и самооценкой);
- 7) комплекс состояний и свойств (темперамент, свойства личности, эмоциональные состояния);
- 8) комплекс социального опыта (способы преодоления фрустрации, комплекс паттернов поведения, социальная ориентация).

В той или иной степени субъективное восприятие этих инстанций и отношение, формирующееся к различным сторонам жизни, кладет целостное представление о своем собственном благополучии (комфорт).

Обобщение характеристик выделенных комплексов позволяет определить основные структурообразующие факторы, относящиеся к любому комплексу: мотивационные, содержательные, гигиенические, когнитивные и эмоциональные (рис. 4).

Факторы удовлетворенности

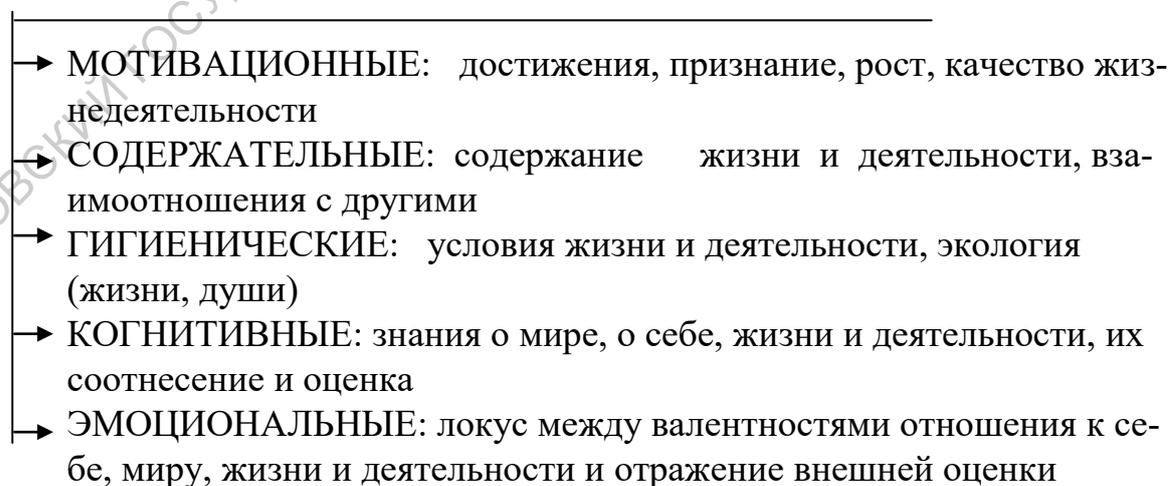

Рис. 4. Структура факторов удовлетворенности

Практически все выделенные факторы так или иначе определяют степень удовлетворенности личности и ее субъективное благополучие. В свою очередь, удовлетворенность выступает внутренним фактором личности, определяющим и познавательную активность, и взаимоотношения с субъектами различных видов деятельности, и отношение к самому себе как субъекту и личности. Она индицирует качество жизнедеятельности человека и является тем необходимым компонентом (регулятором), без которого невозможно полноценное существование субъекта и эффективность его социальных взаимоотношений. Отсюда вполне закономерно выделение таких её видов, как удовлетворенность трудом, жизнью, общением, собой (и своими социальными контактами).

С другой стороны, очевидно влияние субъективного благополучия на те или иные сферы личности. К примеру, высокий и низкий уровни удовлетворенности могут быть основанием и для личностного роста, и благоприятствующего поведения (деятельности), и для различного рода издержек. Правда, чаще речь идет в этом случае о неудовлетворенности как причине расстройств. Вместе с тем, исследование зависимостей между различными переменными, как, например, стиль и стратегии поведения, взаимоотношений, устойчивость к фрустраторам и пр. и уровни удовлетворенности различными видами деятельности или событиями может помочь и пониманию отношений, поведения, и определению возможных средств для их гармонизации, а, следовательно, и психологического здоровья человека.

КРИТЕРИИ

Критерии благополучия, как не раз отмечалось выше, предопределены всей историей существования человека. Поэтому уже в процессе преимущественно ранней социализации личность усваивает их в той степени и в той качественной глубине, на которые она способна усваивать социальную информацию вообще. Между тем эти критерии корректируются затем в течение всей жизни, составляя своего рода инстанции личности, с которыми она постоянно «сверяется». Представления о собственном благополучии, благополучии других людей, оценка благополучия, как отмечает Л.В. Куликов, опираются на объективные критерии благополучия. Однако критерии – объективные и субъективные различаются, поскольку в последних отражается *отношение* личности к себе, миру, жизни.

Согласно гипотезам Инглхарт, существуют два наиболее важных основания для формирования критериев субъективного благополучия. Это: 1) гипотеза ценностной значимости недостающего (A Scarcity Hypothesis). Приоритеты индивида отражают состояние социально-экономической среды: наибольшая субъективная ценность придается тому, чего относительно недо-

стает; 2) гипотеза социализационного лага (A Socialization Hypothesis). Состояние социально-экономической среды и ценностные приоритеты не соотносятся между собой непосредственно: между ними вклинивается существенный временной лаг, ибо базовые ценности индивида в значительной степени отражают условия тех лет, которые предшествовали совершеннолетию.

Однако становление личности – процесс непрерывный и поэтому необходимо принять за аксиому тезис о его перманентной гибкости и сензитивности к изменениям и исторической «накопляемости» и усложнении критериев благополучия.

Критерии субъективного благополучия также изменяются в зависимости (и сообразно) от эффектов социализации. На ранних ее этапах критерии определяются внешними инстанциями, которые задают их в «чистом» виде (посредством социальных требований, моды, рекламы и пр.), затем все больше – внутренними инстанциями, где основным критерием становится самореализация личности. В случае определения субъективного благополучия названными элементами «внешней идеологии» можно констатировать факт социальной незрелости. В ряде случаев это приводит к личностному кризису, поскольку «постоянная оглядка», ориентация на внешние критерии «правильной жизни» (а часто, «красивой») не способствует удовлетворению высших потребностей. Общественные конструкты (часто «собираательные» образы) успешной личности практически не реконструируемы в рамках частной жизни отдельного индивида. В этом смысле некоторые институты социализации поистине определяют «сказочные» критерии, которые, однако, не всеми объективно понимаются. Отсюда следует усложнение содержательных компонентов благополучия, их структурообразования и отношений, поскольку высокие критерии относительно тех или иных видов благополучия («все сразу») «задают» их конфликтные отношения, что реализуется на уровне конкретной личности, хотя бы в виде внутреннего конфликта.

Слабые эффекты социализации, при которых субъект пользуется ограниченной социальной информацией, вероятно, порождают и большую удовлетворенность и большую неудовлетворенность в отношении *небольшого* круга объектов жизни. Более сильные эффекты социализации представляют большее количество объектов, которыми можно быть удовлетворенным, и следовательно, имеется возможность замены одних другими, также значимыми и предпочтительными. Не происходит в этом случае фиксации неудовлетворенности, которая становится движущей силой личности, активизатором для достижений, в том числе и личностного роста.

Основным качественным критерием благополучия во взрослости становится самореализация – профессиональная, личностная, социальная и пр. Здесь инстанции личности как бы приобретают паритетность в отношениях, и личность ориентируется на постижение смысла, осуществлению человеческо-

го назначения в том понимании его, которое складывается на основе реализации познавательных способностей личности, формирования когнитивной карты в течение всей жизни.

Как отмечал Т. Шибутани, то, как человек рассматривает самого себя, должно быть отражением того, что, по его мнению, думают о нем другие. Перефразируя эту мысль и разворачивая ее к исследуемому феномену, можно сказать, что субъективное благополучие личности основано на тех критериях благополучия, которые отражены личностью, как поняты ею, хотя объективно не обязательно являются таковыми. Смысл тех или иных показателей благополучия приобретает для конкретной личности постольку, поскольку ей они представляются таковыми. Параметры «благополучности» в разных социальных институтах представлены по-разному как в степени обобщенности, так и в качественном своем содержании. Уровень взаимосвязи между этими параметрами различен. Критерии благополучности опредмечиваются, приобретают все более реальные контуры при достижении обобщенных общественных критериев уровня референтных для личности групп.

Отсюда следует, по крайней мере, три позиции. Отношение к благополучию социальное, объективное, всеобщее, как, например, благополучие народа; группы с ее критериями; и лично понимаемое благополучие. Связь благополучия личности и общества условна, хотя благополучие общества, определенно, влияет на благополучие личности, по крайней мере, по некоторым ее параметрам. Однако имеется и другое мнение, согласно которому «никакое сверхблагополучное общество не может просто фактом своего существования приносить счастье своим гражданам» (Басовец, 2000). Да, счастье как целостное и неделимое чувство, пожалуй – нет, но для сознания благополучия, «благополучное» общество, очевидно, способно больше создавать условий, поскольку «благополучие» общества определяется не только и не столько экономическими критериями, но идеологическими, политическими и, конечно же, культурными. Также очевидно и то, что от сознания собственной благополучности граждан во многом зависит и благополучности общества в целом. Между тем когниции, на основе которых строятся субъективные и порой объективные критерии благополучия, могут значительно расходиться в разных культурах в зависимости от исторических корней, религиозных эталонов и пр.

Еще один вопрос: насколько или как связано субъективное благополучие с благополучием других? В философии, к слову, этот вопрос формулируется глобально: можно ли быть счастливым, когда несчастны другие? К примеру, Кант говорил, что индивидуальное счастье возможно лишь во всеобщем. По нашему мнению, это проблема социального благополучия. Определенно, и в неблагополучном обществе люди испытывают субъективное благополучие, поскольку оно подразумевает акты собственного поведения, дис-

позиций, реализации мотивов и пр. Полагаем, что и счастье также возможно, хотя бы, например, за счет альтруизма, оказания бескорыстной помощи другим или вложений в развитие других и общества.

Было бы наивно полагать, что с развитием общества субъективно благополучных людей станет больше или меньше. Благополучие и *неблагополучие*, счастье и *несчастье* всегда синтетичны и находятся в неких паритетных отношениях. Прогресс общества, как доказывает один из крупнейших социологов XX столетия Питирим Сорокин, не связан ни с счастьем, ни с страданием, хотя «исключить принцип счастья из формулы прогресса» ни в коем случае нельзя (Сорокин, 1992). По нашему предположению, с прогрессом общества происходит «распад» на более мелкие элементы того, что можно назвать счастьем, страданием или благополучием: структуры и того, и другого оказываются все более сложными. Из этого можно сделать вывод о том, что с развитием человечества усиливаются, с одной стороны, дифференциация в критериях благополучия, а с другой, - различия в его достижении в зависимости от владения культурой обществ. Усиливается их палитра и, видимо, размывается грань между этими понятиями. В любом случае, между субъективным благополучием и неблагополучием не может быть антагонистических отношений; они взаимопроникаемы и обнаруживают необходимость друг в друге.

Группа, хоть и является «проводником» общественных установок, обладает своими собственными качествами и критериями благополучия. То есть, между обществом и группой не устанавливается однозначная связь. Она опосредована сложными переплетениями многообразных институциональных отношений. Многообразие групп, тем не менее, не определяет многообразия критериев благополучия общества, отличающегося большей консервативностью в целом, и благополучия личности.

Связь благополучия группы и личности более очевидна, поскольку имеется изначально тесная связь между личностью и малой группой, включая само становление личности в группе. В любом из рассматриваемых случаев связи устанавливаются в зависимости от того, насколько субъекты отношений готовы к принятию других субъектов, насколько они «ощущают» перманентную включенность в более обобщенные системы и наоборот (личность как часть группы, группа как элемент сообщества и т.д.). Каждый индивид по-своему отражает действительность, но то же самое можно и сказать о группе: каждая группа «вольна» по-своему отражать происходящее в обществе или в ней самой.

Коль речь идет о критериях благополучия, нельзя не затронуть вопрос и об их соответствии общечеловеческим ценностям, нормам, правилам. Общественная безопасность требует соотнесенности внутренних критериев внешним; в конечном итоге, глобальным мерилom человеческой жизни остаются общечеловеческие ценности, поскольку любым достижениям, в основе кото-

рых лежат антисоциальные ценности, всегда будут выступать альтернативой просоциальным, которые несут в себе то, что является общественным смыслом. Даже соответствие нормативам микросоциума, коль оно не соотносится с общечеловеческими ценностями, приводит порой к непредсказуемым последствиям в поведении и эмоционально-оценочных отношениях. Вспомним тюремный эксперимент Зимбардо. Роль ли, ситуация, или подчинение большинству, или все вместе взятое стали причинами антисоциального поведения его участников. Последующая их саморефлексия стала причиной острого субъективного неблагополучия. Однако и сегодня вопрос о стойкости ценностных образований личности в нетипичных для нее ситуациях остается столь же острым и открытым. Очевидно, в так называемых «закрытых» системах проблема адаптации остро затрагивает эффекты социализации, несоответствие которых нормам, принятым в этих системах, является причиной острого неблагополучия личности.

Ценности и нормы групп, с которыми *идентифицируется* субъект, оказываются определяющими в его поведении и отношениях. Здесь встает очень важная проблема – проблема социализации, предполагающая соответствие культурно-историческому филогенетическому строю этапов социализации, где первоначальная задача социализации – в обеспечении геокультурного поля, включающего «вполне определенные *традиционные для региона рождения и проживания* (курсив мой, – Р.Ш.) ребенка ценности, нормы, социально ожидаемые в данной культуре стереотипы поведения» (Сухарев, 2003).

Субъективное благополучие – динамичное образование, но вместе с тем оно предполагает, прежде всего, и динамику жизни в разных ее аспектах (включая темпо-ритмические отношения и качественные перестройки систем «личность», «жизнедеятельность» и пр.). Не случайно, субъективное благополучие возникает в те моменты, когда субъект в силу разных обстоятельств (вынужденно или закономерно) оказывается в «ситуации статики», когда либо цели исчерпаны, либо переживание «наступившего благополучия» само является целью, и любые возможные изменения ситуации могут восприниматься как угрожающие этому переживанию. Иллюзия того, что неизменность (константность) ситуации может сохранить благополучие, является основой пассивного (защитного) отношения к благополучию.

Иначе говоря, способность контролировать свою жизнь и убежденность в этом оказывается весомым фактором преодоления трудностей и формирования субъективного благополучия. Не случайно в архетипических представлениях личности посредством фольклора (сказки, ритуалы и пр.) «закладывается» огромный опыт переживаний многих поколений, выстрадавших свое субъективное благополучие. Мистический настрой, как это не покажется парадоксальным, часто является одним из условий субъективного благополучия. Во многих религиозных верованиях провозглашается фатальность су-

ществования, но в то же время и свобода выбора веры или неверия, а «смирение» – категория, относящаяся к прошлому, к тому, что действительно невозможно изменить, и надежде на «милость Бога», которая содержит элемент успокоения, связанный с вытекающей из него «возможностью» даже через страдания достижения «блага». По данным исследователей, религия выступает фактором субъективного благополучия по двум основаниям: 1) дает возможность ощутить значение и цель жизни, ее целостность; 2) является одним из источников социальной поддержки (Аргайл, 1990).

Субъективное благополучие может поддерживаться за счет ориентации на любой временной промежуток жизни. Так, в ряде случаев оно связано с переживанием прошлых успехов, в ряде – будущих (возможных), но наиболее адекватным вариантом, очевидно, является объединение всех временных промежутков, поскольку именно такое объединение свидетельствует о социальной (личностной) зрелости субъекта и, стало быть, о социально-зрелом субъективном благополучии. Оно может представлять для личности отдаленную цель, стремление к которой обладает побудительной силой (цель-мотив), и кратковременную, относительно ситуаций, а также следствие реализации иных целей.

Между тем действительно имеются различия в критериях субъективного благополучия, вызванные культурными различиями. В частности, Л. Резниченко приводит данные социологических исследований, из которых следует, что понимание счастья (как «аффективный компонент субъективного ощущения благополучия») зависит от того места, которое занимает то или иное сообщество на континууме «индивидуализм-коллективизм». Имеются и различия, обусловленные географическими, этническими, политическими, возрастными и другими факторами, описанными нами ранее. Это обусловлено, с одной стороны, субкультурными особенностями, и с другой – различиями в критериях социализации.

Вопросы для самопроверки

1. Что понимается под «субъективным благополучием» личности?
2. Какова структура субъективного благополучия?
3. Как соотносятся понятия «благополучие» и «счастье»?
4. Можно ли сказать, из чего строится субъективное благополучие?
5. Каковы факторы субъективного благополучия? От чего оно зависит?
6. Есть ли какие-нибудь критерии для оценки благополучия?

Список рекомендуемой литературы

Аргайл М. Психология счастья. М., 1990.

Джидарьян И.А., Антонова Е.В. Проблема общей удовлетворенности жизнью: теоретическое и эмпирическое исследование // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 76-94.

Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб., 2002.

Куликов Л.В. Психология настроения. СПб., 1997.

Мясищев В.Н. Психология отношений. М., 1995.

Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб., 2002.

Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.

Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). Избр. психол. труды. М.-Воронеж, 1999.

Аверченко Л.К., Антилогова Л.Н. Психолого-этические уроки для менеджера. Омск, 1993.

Алексеева Л.Ф. Теоретический анализ ведущих концепций учения об активности личности в психологии: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 1996. 40 с.

Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания М., 1977.

Ананьев Б.Г. О психологических эффектах социализации // Человек и общество. Л., 1971. Вып. 9. С. 144-150.

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2001.

Андреева Г.М. Социальное познание. М., 2001.

Анцыферова Л.И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 5. С. 12-25.

Анцыферова Л.И. Психология личности как открытой системы // Вопросы психологии. 1970. № 5. С. 168-170.

Аргайл М. Психология счастья. М., 1990.

Аргентова Т.Е. Стиль общения как фактор эффективности совместной деятельности // Психол. журн. 1984. Т. 5, № 6. С.130-133.

Аронсон Э. Общественное животное: введение в социальную психологию. М., 1998.

Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.

Ахмеров Р.А. Жизненные программы личности // Наука и практика. Диалоги нового века: Материалы международной научно-практической конференции. Часть 1. Набе-режные Челны, 2003. С.3-4.

Басовец С.К. Художественное введение в биопсихологию. Ярославль, 2000.

Батаршев А.В. Психодиагностика способности к общению, или как определить организаторские и коммуникативные качества личности. М., 1999.

Белинская Е. П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Изд-во: Аспект Пресс, 2001.

Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.

Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.

Битянова М.Р. Социальная психология. М., 1994.

- Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
- Бодалев А.А.* О личности по названию и о личности по сути // Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях. СПб., 1999. С.6-7.
- Бодалев А.А.* Психология общения. М. ; Воронеж, 2002.
- Бодалев А.А., Столин В.В.* Общая психодиагностика. СПб., 2002.
- Божович Л.И.* Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. № 4. 1978. С. 23-35.
- Братченко С.Л., Клюева Н.В.* Экзистенциальный ресурс современного российского бизнеса // Ярослав. Психол. вестн. М.; Ярославль, 2002. Вып. 8. С. 28-34.
- Бронфенбреннер У.* Два мира детства: Дети в США и СССР. М., 1976.
- Брунер Дж.* Психология восприятия. М., 1977.
- Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журн. 1993. Т. 14, № 6. С. 3-15.
- Бубнова С.С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психол. журн. Т. 20, № 5. 1999, С. 38-44.
- Видро А.* Влияние возраста на отношение к жизни // www.Vedro.htm
- Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
- Воронина А.В.* Оценка психологического благополучия школьников // Ежегодник российского психологического общества. СПб., 2003. Т.2. С. 198-203.
- Выготский Л.С.* Проблемы развития психики // Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т.3.
- Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л., 1984.
- Гарбузов В.И.* Нервные дети. Л., 1990.
- Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
- Гилфорд Дж.* Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965. С.433-456.
- Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. М., 1996.
- Глассер У.* Школы без неудачников. М., 1991.
- Годфруа Ж.* Что такое психология: В 2 т. М., 1992.
- Голованова А.А.* Креативное общение. Саратов, 2000.
- Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.
- Головей Л.А.* Психология становления субъекта деятельности в периоды юности и взрослости: Автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. СПб., 1996. 48 с.
- Григорьева М.В.* Личностное самоопределение молодежи как внутренний фактор школьной адаптации // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России. Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. С.128–131.

Гурвич И. Социально-психологические факторы здоровья // <http://www.lek.ru/~narcom/ideas/socio>

Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М., 1998.

Давыдов В.В. Генезис развития личности в детском возрасте // Вопросы психологии. 1992. № 1-2. С. 22-33.

Даль В. Толковый словарь. СПб.; М., 1882. Т.4.

Дерманова И.Б. Парадигма субъекта: структурно-функциональный подход // Личность и бытие: субъектный подход. М., 2008.

Джеймс У. Психология. М., 1991.

Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психол. журн. 2000. Т. 21, №2. С. 40-48.

Дикая Л.Г. Принцип полисистемности: реализация в исследованиях психической саморегуляции в триаде «деятельность – личность – состояние» // www.auditorium.ru

Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.

Добрович А. Общение: наука и искусство. М., 1996.

Додонов Б.И. О системе «личность» // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 36-45.

Донцов А.И. О ценностных факторах формирования личности // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательный процесс. М., 1975. С. 130-140.

Дубровина И.В. Психологическая готовность к личностному самоопределению – основное новообразование ранней юности // Формирование личности старшеклассника. М., 1989. С. 9-12.

Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л., 1985.

Емельянов Ю.Н. Обучение паритетному диалогу. Л., 1991.

Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психол. журн. 2001. Т. 22, № 6. С. 39-47.

Ерина С.И. Ролевой конфликт и его диагностика в деятельности руководителя. – Ярославль, 2000.

Ерина С.И., Семенова И.В. Социально-политические ориентации современной молодежи // Социальная психологи: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Ярославль, 2000. С. 234-237.

Жуков Ю.М. Эффективность делового общения. М., 1988.

Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растяжников П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении. М., 1990.

Журавлев А.Л. Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования // Психол. журн.. 1993. Т. 14, № 4. С. 4-15.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Процессуальный анализ самоопределения субъекта: постановка проблемы // Психология образования: подготовка кадров и психологическое просвещение. М.: ФПОР, 2007а. С.182–183.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство: актуальность и перспективы исследований // Социальный мир человека. Ижевск: ERGO, 2008. Вып. 2. С. 11–12.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Забродин Ю.М. Проблема разработки практической психологии // Психол. журн. 1980. Т. 1, № 2. С. 3-20.

Залюбовская Е.В. Преодоление коммуникативных барьеров в условиях совместной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.

Захаров В.П. Удовлетворенность трудом // Личность и деятельность. Л., 1982. Вып. 11.

Зимбардо Ф. Застенчивость. М., 1991.

Знаков В.В. Психология субъекта А.В. Брушлинского в феноменологическом поле идентичности // Личность и бытие: субъектный подход. М., 2008.

Зотова О.И., Бобнева М.И. Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 241-254.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // www.politstudies.ru/fulltext/1997/4/2.htm

Исурина Г.Л. Механизмы психологической коррекции личности в процессе групповой психотерапии в свете концепции отношений // Групповая психотерапия. М., 1990. С. 89-120.

Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.

Калюжный А.А. Социально-психологические аспекты педагогической имиджелогии // Вопросы социальной психологии личности. Саратов, 2002. С. 82-105.

Карпов А.В. Методологические основы психологии принятия решений. Ярославль, 1999.

Кериг П.К. Семейный контекст: удовлетворенность супружеством, родительский стиль и речевое поведение с детьми // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 158-164.

Киртиченко А.А. Концепция качества жизни и ее особенности у женщин с алкогольной зависимостью // www.msmi.minsk.by/bmm/01.2003/

Классов Б. А. Социальное здоровье населения как фактор устойчивого развития общества // www.websib.ru/-nipkpro/izdaniya/simpozium/k...

Клецина И.С. Отношения как многоуровневый конструкт: социально-психологический анализ //Интегративный подход в психологии. СПб., 2003. С. 48-70.

Кодатенко О.М. Педагогическая поддержка социализации личности подростка: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 1998. 20 с.

Козлов В.В. Теоретические и экспериментальные основы интенсивных интегративных психотехнологий в социальной психологии: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 1999. 52 с.

Коломинский Я.Л. Социально-психологические проблемы взаимоотношений в малых группах и коллективах // Вопросы психологии. 1971. № 6. С. 103.

Кон И.С. В поисках себя. М., 1984.

Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб., 2002.

Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый. М., 1992.

Коссов Б.Б. Личность: актуальные проблемы системного подхода // Вопросы психологии. 1997. № 6. С. 58-68.

Костюк Г.С. Принцип развития в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.

Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000.

Крупнов А.И. Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии. 1984. № 3.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Крысько В.Г. Социальная психология: словарь-справочник. Минск, 2001.

Кудрявцева Н.А. Единство интеллекта. Научный отчет (Грант РФФИ 1993-1994). СПб., 1995.

Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986.

Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. Л., 1967.

Куликов Л.В. Психология настроения. СПб., 1997.

Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика. СПб., 2000, С. 476-510.

Куницына В.Н. Социальные стереотипы – условия и продукт социализации // Человек и общество. Л., 1971. Вып. 9. С. 184-193.

Куницына В.Н. Человек в мире информации // Социальная психология личности. Л., 1974. С. 150-163.

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М. Межличностное общение. СПб., 2003.

Лабунская В.А. Типы структур психологических трудностей общения // Психологические трудности общения: Диагностика и коррекция. Ростов н/Д, 1990. С.10-15.

Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. СПб., 2001.

Латынов В.В. Стили речевого коммуникативного поведения: структура и детерминанты // Психол. журн. 1995. № 6. С.90-100.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1. С.15-25.

Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 2007. С.230.

Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 1. С. 3-13.

Ломов Б.Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

Ломов Б.Ф. Системность в психологии: Избр. психол.тр. М.; Воронеж, 2003.

Лузаков А.А. Проблемы изучения категорий субъективного опыта : психосемантический подход // Личность и бытие: субъектный подход. М., 2008.. С.205.

Мазилев В.А. Необходимость разработки коммуникативной методологии // Социальный психолог. 2001. № 1. С. 6-13.

Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2000.

Мак-Дауголл У. Основные проблемы социальной психологии / Пер. с англ. М., 1916.

Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб., 1999.

Мелибруда Е.Я. Я – Ты – Мы. М., 1986.

Менегетти А. Психология жизни. СПб., 1992.

Мид М. Культура и мир детства. М., 1980.

Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000.

Минигалиева М.Р. Одаренность и стратегии самопрезентации // cognitiv.chat.ru/tezis3konf/Minigalieva.htm

Митина Л.М., Асмаковец Е.С. Эмоциональная гибкость учителя: психологическое содержание, диагностика, коррекция. М., 2001.

Милич П. Как проводить деловые беседы. М., 1987.

Молодиченко Т.А. Самоактуализация личности в педагогической деятельности. Саратов, 2000.

Москвичев С.Г. Проблемы мотивации в психологических исследованиях. Киев, 1975.

Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.

Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 1. С. 3-18.

Мудрик А.В. Социальная педагогика. М., 1999. 184 с.

Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983.

Мухина В.С. Возрастная психология. М., 1997.

Мясищев В.Н. Психология отношений. М. ; Воронеж, 2003.

Мясищев В.Н. Психология отношений. М., 1995.

Немов Р.С. Психология: В 3 т. М., 1995. Т.1.

Никитенко П.Д. Представления о мире и самоактуализация личности в процессе профессиональной социализации курсантов: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 : защищена : 09.10.2008 / Никитенко Павел Дмитриевич ; Саратовский военный институт внутренних войск МВД России ; Научный руководитель Р.М. Шамионов. Саратов, 2008. 23 с.

Никитенко П.Д., Шамионов Р.М. Самоактуализация, интернальность и жизненное самоопределение курсантов военного вуза // Вопросы общей и социальной психологии. Саратов: ИЦ «Наука», 2008. С. 37-43.

Новиков В.В. О совершенствовании психолого-педагогической подготовки студентов на основе психологических законов А.А. Ухтомского // Проблемы эффективности высшего технического образования. Рыбинск, 1997. С. 51-52.

Новиков В.В. Психологические механизмы влияния социокультурной среды на формирование личности // Человек в современной социокультурной ситуации. СПб, 1994. С. 69-71.

Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука. М., 1998.

Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. Киев, 1990.

Образ России: культурно-исторические и социально-политические представления молодежи / Под ред. Р.М. Шамионова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.

Палей И.М., Магун В.С. Психологические характеристики личности и предпосылки ее социальных потенциалов // Социальная психология. Л., 1979. С. 90-106.

Панфёров В.Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопонимания людей // Вопросы психологии. 1982. №5. С. 75-82.

Панфёров В.Н. Основания интегративных моделей психической организации человека // Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях. СПб., 1999. С. 3-6.

Панфёров В.Н., Куницына В.Н. Проблема отношений личности в трудах В.Н. Мясищева // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 3. С. 140-148.

Парыгин Б.Д. Анатомия общения. СПб., 1999.

Парыгин Б.Д. Социальная психология. СПб., 2003.

- Пельц Д., Эндриус Ф.* Ученые в организациях. М., 1973.
- Первин Л., Джон О.* Психология личности. М., 2000.
- Петровская Л.А.* Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М., 1989.
- Петровский А.В.* Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 57-66.
- Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
- Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996.
- Петрушин С.В.* Секреты открытого общения. Казань, 2001.
- Пиняева С.Е., Андреев Н.В.* Личностное развитие в период зрелости // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 3-10.
- Питирим Сорокин* Социологический прогресс и принцип счастья // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 507-513.
- Платонов К.К.* О системе психологии. М., 1972.
- Понукалин А.А.* Норма психического развития // Акмеология: В 2 ч. Саратов, 2003. Ч.1. С. 213-221.
- Попов Л.М.* Психология самодеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1992. 48 с.
- Попов Л.М., Кашин А.П., Старшинова Т.А.* Добро и зло в психологии человека. Казань, 2000.
- Прихожан А.М.* Притязания и зрелости личности // Формирование личности старшеклассника / Под ред. И.В. Дубровиной. М., 1989. С. 67-90.
- Проблемы социализации индивида: Уч. зап. ЛГУ. Л., 1971. Вып. 6.*
- Прохоренко Т.В.* Удовлетворенность подростков в связи с их индивидуальными и личностными характеристиками // Проблема индивидуальности в онтопсихологии. СПб., 1995.
- Прохоров А.О.* Психические состояния и их свойства. Казань, 1994.
- Прыгин Г.С.* Критерий эффективности саморегуляции как основа для построения регуляторной теории личности // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Ярославль, 2000. Т. 3. С. 64-66.
- Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.*
- Реан А.А.* Личностная зрелость и социальная практика // Теоретические и прикладные вопросы психологии. СПб., 1995. С. 34-39.
- Реан А.А., Коломинский Я.Л.* Социальная педагогическая психология. СПб., 2000.
- Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А.* Психология адаптации личности. СПб., 2002. С.157.
- Реан А.А.* Психологический анализ проблемы удовлетворенности избранной профессией // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 83-88.

Резниченко Л. Опыт сравнительного счастьяведения // www.russ.ru/ist_sovr/200/0219_rezz-pr.ttm

Рогов М.Г. Ценности и мотивы личности в системе непрерывного профессионального образования: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 1999. 40 с.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. М., 2000.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т.2.

Рыбалко Е.Ф. Становление личности // Социальная психология личности. Л., 1974. С. 20-31.

Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М., 2005.

Рябикина З.И. Теоретико-эмпирическая интерпретация личности с позиций психологии субъекта А.В. Брушлинского // Субъектный подход в психологии. М., 2009. С. 525-539.

Рягузова Е.В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я-Другой». Саратов: Изд-во Научная книга, 2011.

Садальская Е.В., Абдраязкова А.М., Ениколопов С.Н. Личностные факторы в оценке качества жизни и психологического благополучия // Ежегодник российского психологического общества. 2003. Т.7. С. 15-19.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979.

Сапонько Д.М. Культура и здоровье // www.psychology.spb.ru/articles/tez/2000/d18.htm

Свенцицкий А.Л. Социальная психология. М., 2003.

Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979.

Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. Вып. 4. № 27. С. 59-67.

Семенова Т.В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук, 2007. 40 с.

Сергиенко Е.А. Развитие идей психологии субъекта А.В. Брушлинского : системно-субъектный подход // Личность и бытие : субъектный подход. М., 2008. С.57.

Сержантов В.Ф. Человек, его природа и смысл бытия. Л., 1990.

Сизых Р.Л. Ценностные ориентации молодежи // Молодежь в условиях социально-экономических реформ. СПб., 1995. С. 138-139.

Симонов П. В. Созидающий мозг: Нейробиологические основы творчества. М., 1993.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 3-17.

Соколова Е.С. Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2008. №2. [Эл.] <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/>

Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. А.Л. Свенцицкий. СПб., 2000.

Социальная психология и этика делового общения / Под общ. ред. В.Н. Лавриненко. М., 1995.

Социальная психология личности / Под ред. В.А. Лабунской. М., 1999.

Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. М., 2002.

Социологический энциклопедический словарь (на рус., англ., нем., франц. и чешск. языках) / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

Станкин М.И. Если мы хотим сотрудничать. М., 1996.

Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.

Столин В.В. Семья как объект психодиагностики // Семья и формирование личности. М., 1981. С. 27-38.

Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов н/д, 1997.

Страхов В.И. Внимание в его социальной обусловленности // Вопросы психологии внимания. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 42-53.

Страхов В.И. К проблеме самонаправленного внимания. Саратов, 1992.

Страхов И.В. Психология педагогического такта. Саратов, 1970.

Страхов И.В. Психология характера. Саратов, 1970.

Стрелкова И.Э. К проблеме психодиагностики и психокоррекции трудностей межличностного общения студентов // Психологические трудности общения: Диагностика и коррекция. Ростов н/Д, 1990. С.3-7.

Стрелкова И.Э., Голованова А.А. О соотношении креативности мышления и творческого общения // Психология общения. Вопросы социальной психологии. Саратов, 1997. С.36-37.

Суптеля А.В., Ерина С.И. Исследование нормативно-ценностных ориентаций россиян и их отношения к деньгам в период формирования российского общества // Социальная психология XXI столетия. Ярославль, 2002. Т. 3.С. 178-180.

Сухарев А.В. Основы психологического этнофункционального подхода к психическому развитию, воспитанию и психопрофилактике // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. Балашов, 2003.

Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. М., 1999. С.150-159.

Тугушева А.Р. Представления о социальной успешности и личностное самоопределение юношества: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Самара, 2007. 24 с.

Угланова Е.А. Восприятие собственного дохода как фактор субъективного благополучия в современной России // Социальная психология XXI века. Ярославль, 2002. Т. 3. С.204-207.

Урбан К.К. Поощрение и поддержка креативности в школе // Иностранная психология. 1999. № 11. С. 24-30.

Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. М., 1989.

Фидлер К. Переработка социальной информации для суждений и решений // Перспективы социальной психологии. М., 2001. С.156-188.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // «Я» и «Оно»: В 2 кн. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 71-138.

Харламенкова Н.Е. Парадоксы развития субъекта // Личность и бытие : субъектный подход. М., 2008.

Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1999.

Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация / Под ред. В.В. Воглайда и др. Тарту, 1968.

Чернова Э.Г. Ценностные ориентации современной учащейся молодежи малых городов центральноевропейского региона России: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2003. 20 с.

Чудновский В.Э. К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психол. журн. 1993. Т. 14, № 5. С. 3-12.

Чудновский В.Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 2. С. 15-26.

Шамионов Р.М. Личность и ее становление в процессе социализации. Саратов, 2000.

Шамионов Р.М. Личность субъекта учебной и педагогической деятельности. Саратов, 1999.

Шамионов Р.М. О некоторых культурно-исторических представлениях студентов столичных и провинциальных вузов // Актуальные проблемы социально-психологической адаптации мигрантов в современном мире. Пенза, 2008. С.277–280.

Шамионов Р.М. О некоторых личностных факторах самоопределения // Проблемы социальной психологии личности: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. С. 36-43.

Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004.

Шамионов Р.М. Социализация личности: к парадигме многоуровневой детерминации // Проблемы социальной психологии XXI столетия. Ярославль, 2001. Т. 3. С. 255-258.

Шамионов Р.М. Социализация личности: системно-диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.12.2017).

Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.

Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании: Учеб. пособие: В 2 ч. М., 1995. Ч. 1.

Шевченко И.С. Вариативность самопрезентации личности в интернет-общении: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2002. 18 с.

Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 1998.

Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999.

Шкуратова И.П. Мотивационная основа трудностей общения // Психологические трудности общения: Диагностика и коррекция. Ростов н/Д, 1990. С.7-10.

Шорохова Е.В. Основные итоги социально-психологических исследований в институте психологии АН СССР // Психол. журн. 1982. Т. 3, № 2. С. 34-54.

Шорохова Е.В. Социально-психологическое понимание личности. М., 1975.

Шостром Э. Антикларнеги или человек-манипулятор. М.; Минск, 1991.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

Ядов В.А. Личность как предмет изучения // Социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979. С. 75-80.

Ярошевский М.Г., Анцыферова Л.И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.

Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

Allport G.W. Pattern and growth in personality. N.Y., 1961. P. 200-310.

Ashton T.D., Knapp L. Relationship of children's career aspirations to parent's occupations // J. Genet. Psychol. 1992. № 3. P. 355-357.

Bandura A. Social-learning theory. Engelwood Cliffs // Prentice-Hall. 1977. P. 133.

Fromm Erich. Man For Himself. An inquiry into the psychology of ethics. Holt, Rinehart and Winston. New York, 1964.

Goldberg L. The development of markers for the Big-Five factor structure / Psychological Assessment. Vol. 4. P. 26-42.

Hunt S., Hilton C. Individual Development and Social Experience. London, 1986.

Koestner R., Bernieri F., Luckerman M. Trait-specific versus person-specific moderators of cross-situational consistency // J. Pers. 1989. Vol. 57, № 1. P. 1-16.

Lamiell J.T. The Psychology of Personality: An Epistemological Inquiry. N.Y., 1987.

Orpen Ch., Bonnici J. The causes and consequences of pay satisfaction: A test of Lawler's model // Psychology. 1990. № 1. P. 27-29.

Ostroff C., Kozlowski S. Organizational socialization as a learning process: The role of information acquisition // Pers. Psychol. 1992. № 4. P. 849-874.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Методология социальной психологии личности	6
1.1. Проблема личности в социальной психологии	7
1.2. Личность и ее детерминанты.....	15
1.3. Структура личности	21
1.4 Личность как субъект отношений.....	27
Глава 2. Социализация личности.....	35
2.1. Понятие, содержание и факторы социализации.....	35
2.2. Соотношение понятий социализации, воспитания, развития, становления, ресоциализации.....	47
2.3. Институты социализации.....	50
2.4. Становление личности и механизмы и стадии социализации	55
2.5. Критерии и эффекты социализации.....	63
2.6. Нормативность и издержки социализации	69
2.7 Системный анализ и диахронический подход к социализации личности ..	73
Глава 3. Социально-психологические феномены личности.....	79
3.1. Социальная (личностная) зрелость	79
3.2. Социальный интеллект	85
3.3. Социальная компетентность.....	88
3.4. Личностное самоопределение	93
3.5. Саморазвитие личности	102
3.6. Ценностные ориентации и установки личности.....	105
3.7. Ролевая структура личности.....	114
3.8. Я-концепция	120
3.9. Самопрезентация личности	125
3.10 Самоопределение личности в процессе взаимодействия со средой.....	128
3.11 Коммуникативная креативность	137
3.12. Самоэффективность личности	144
3.13. Социальная активность личности	149
Глава 4. Личность в общении	158
4.1. Феноменология общения	158

4.2. Типология общения	162
4.3. Социальное восприятие и понимание	171
4.4. Коммуникативная сторона общения	180
4.5. Общение как интеракция	196
4.6. Трудности и ограничения общения и способы их нейтрализации	206
4.7. Конфликтная личность и личность в конфликтном общении	219
Глава 5. Личность и группа.....	229
5.1. Личность в структуре внутригрупповых отношений	229
5.2. Влияние группы на личность	237
5.3. Малая группа как проводник социальных норм	244
Глава 6. Субъективное благополучие личности	248
6.1. Понятие и структура субъективного благополучия.....	248
6.2. Удовлетворение потребностей и субъективное благополучие	257
6.3. Субъективное благополучие и здоровье	261
6.4. Социальные представления как основание субъективного благополучия.....	265
6.5. Самосознание и субъективное благополучие	267
6.6. Факторы и критерии субъективного благополучия	274
Библиографический список	285

Учебное издание

**Шамионов Раиль Мунирович,
Голованова Анна Анатольевна**

**СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
ЛИЧНОСТИ**

*Учебное пособие
для студентов высших учебных заведений
Издание 2-е, дополненное и переработанное*

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано к использованию 13.12.2017.

Усл.печ.л. 18,75. Заказ 858.